

ISSN 2587-6953

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEOPHILOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2020

ТОМ 6

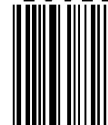
№ 22

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

20022 >

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор
д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор
д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:
д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Федеративная Республика Германия)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Республика Беларусь)
д. филол. н., проф. С.В. Кезина
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. О.Ю. Осьмухина
(г. Саранск, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. И.М. Попова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацбургская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
к. филол. н. Цзявень Сунь
(г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Республика Казахстан)
д. филол. н., доц. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Л.Е. Хворова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор). Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953

© ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина», 2020
© Журнал «Неофилология», 2020

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

НЕОФИЛОЛОГИЯ

**2020
Т. 6, № 22**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**ИЗДАЁТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД**

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (распоряжение Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р), по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

3

РУССКИЙ ЯЗЫК

- Шаховский В.И.** Экология языка и человека в меняющемся социуме 217
- Валиулина С.В.** Оказионализмы А.С. Пушкина в словообразовательном аспекте 226
- Шарандин А.Л., Ли Исинь.** Народные и авторские сказки в аспекте языкового сознания 235
- Кузнецова Е.В.** Семантическое варьирование в словообразовательном гнезде: лингвогеографический аспект 250
- Дубровина С.Ю.** Активность словопроизводства и особенности структуры лексических единиц народного православия 262

ОНОМАСТИКА

- Королёва И.А.** К юбилею А.Т. Твардовского: ономастика ранней поэмы «Вступление» («Путь Василия Петрова») 271
- Родина Н.А.** Урбанонимы-перифразы г. Смоленска в семантическом поле «война» 280
- Горлова Т.В.** К истории урбанонимии провинциального города: названия варнишных мест старинной Нерехты 287

Подписной индекс 80303 в каталоге
«Газеты. Журналы» АОА «Роспечать»

Территория распространения: Российская
Федерация, зарубежные страны

Адрес редакции:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440
Эл. почта: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html> (на русском языке); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (на английском языке)

Ответственный секретарь

И. В. Ильина

Редакторы:

М. А. Сенина, М. И. Филатова

Редактор английских текстов

В. В. Клочихин

Компьютерное макетирование

Т. Ю. Молчановой

Дизайн обложки

Т. О. Прокофьевой

Администратор сайта М. И. Филатова

Подписано в печать 25.05.2020

Выход в свет 16.07.2020

Формат А4 (60×84 1/8)

Гарнитура «Times New Roman»

Печать на ризографе

Печ. л. 26,5

Усл. печ. л. 25,7

Тираж 1000 экз.

Заказ № 20071

Цена свободная

Адрес издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Оригинал-макет подготовлен

в объединённой редакции

научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета

в отделе оперативной печати

Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина».

392008, Тамбовская обл.,

г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Мнение редакции может не совпадать
с точкой зрения авторов публикаций

Для цитирования:

Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. 212 с.

ISSN 2587-6953

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22

Воронова Т.А. Полное и уменьшительное имя героини в
прозе А.С. Пушкина 294

Абишева К.М., Сейдахметова Р.Г., Исакова Ж.М. Абай
как прецедентный оним и проблема его лингвокогнитивной,
культурно-прагматической сущности 302

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Долгова Е.В. Фразеологизмы английского языка как средство
репрезентации знаний о физических характеристиках человека 308

Ткаченко А.В. Форматирование знаний об английских атри-
бутивных словосочетаниях (на примере построения когнитив-
ной матрицы HAIR BEAUTY) 318

Каримходжаев Н.Ш. Русские заимствования в каракалпак-
ском языке 328

Плотницкий Ю.Е. Структурно-семантические характери-
стики музыкальных видео, содержащих хореографический ком-
понент 336

ТЕКСТОЛОГИЯ

Джусупов М. Лингво-поэтико-историко-философская высота
высокой личности и многогранность таланта 346

Сиссе Кумба. Репрезентация культурного образа «семья»
персонажами русских сказок (на материале образов волка,
лисы и зайца) 362

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Салханова Ж.Х., Утебекова А.С. Дневник как литературный
жанр 368

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хворова Л.Е., Цзинь Лили. Вокруг «мистерии вечной гибели
и вечного спасения»: Нравственно-философская «спираль»
Ю.В. Бондарева 377

Гуань Юеэ. Полифоническая соборность точек зрения в «по-
этике композиции» Б.А. Успенского 385

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Михина А.Э. Английский язык и тренды англоязычных стран
в глобальных процессах межкультурного и межкузыкового
взаимодействия в России 393

Сарсенов М.А., Туманова А.Б. К вопросу о деловом дискур-
се в полиязычном пространстве Казахстана 404

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Н.И. ГАЙНУЛЛИНОЙ

Когай Э.Р. Литературный язык Петровской эпохи в научных
трудах профессора Н.И. Гайнуллиной 417

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Derzhavin Tambov State
University" (33 Internatsionalnaya St., Tambov
392000, Tambov Region, Russian Federation)

Editor-in-Chief

Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak
(Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Editorial Board:

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva
(Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor R. Goldt
(Mainz, Federal Republic of Germany)
Doctor of Philology, Professor
M.V. Gorbanevskiy
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya
(Minsk, Republic of Belarus)
Doctor of Philology, Professor S.V. Kezina
(Penza, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Associate Professor
J. Curtis (Oxford, Great Britain)
Doctor of Philology, Associate Professor
O.N. Novikova (Ufa, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor O.Y. Osmukhina
(Saransk, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor I.M. Popova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg
(Penza, Russian Federation)
Candidate of Philology Jiawen Sun
(Tianjin, People's Republic of China)
Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun
(Volgograd, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina
(Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Associate Professor
A.B. Tumanova (Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor L.E. Khvorova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin
(Tambov, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Media (Roskomnadzor).
The mass media registration certificate
ПИИ no. ФС 77-70137 of June 16, 2017

ISSN 2587-6953

© FSBEI of HE "Derzhavin Tambov
State University", 2020
© The journal "Neophilology", 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

NEOPHILOLOGY

2020

Vol. 6, No. 22

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
ISSUED 4 TIMES A YEAR

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science (the decree of Ministry of Science and Higher Education of Russia of February 12, 2019, no. 21-p), on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (cultural studies)

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

- Shakhovskiy V.I.** Language and human ecology in the changing society 217
Valiulina S.V. Pushkin's nonce words in the word-formation aspect 226
Sharandin A.L., Li Yixin. Folk and author's fairy tales in the aspect of linguistic consciousness 235
Kuznetsova E.V. Semantic variation in the word-building nest: linguo-geographical aspect 250
Dubrovina S.Y. Word-formation and peculiarities of the structure of lexical units of Folk Orthodoxy 262

ONOMASTICS

- Koroleva I.A.** To the anniversary of A.T. Tvardovsky: onomastics of the early poem "Exordium" ("The Journey of Vasily Petrov") 271
Rodina N.A. Urbanonyms-periphrases of the city of Smolensk in the semantic field "war" 280
Gorlova T.V. On history of a provincial town's urbanonymy: names of saltworks of old-time Nerekhta 287
Voronova T.A. Full and diminutive name of the heroine in A.S. Pushkin's prose 294

Subscription index in the catalogue
“Newspapers. Journals” of the Stock company
Agency “Rospechat” is 80303

Distribution territory: Russian Federation,
foreign countries

Editors address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: (4752)-72-34-34 add 0440
E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html> (In Russian); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (In English)

Executive Editor

I.V. Ilyina

Editors:

M.A. Senina, M.I. Filatova

English texts editor

V.V. Klochikhin

Computer layout

T.Y. Molchanova

Cover design

T.O. Prokofeva

Web-site administrator M.I. Filatova

Podpisano v pechat' 25.05.2020

Vykhod v svet 16.07.2020

Format A4 (60×84 1/8)

Garnitura «Times New Roman»

Pechat' na rizografe

Pech. l. 26,5

Usl. pech. l. 25,7

Tirazh 1000 ekz.

Zakaz № 20071

Tsena svobodnaya

Publisher's address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation, FSBEI
of HE “Derzhavin Tambov State University”

The original layout is prepared
in the Incorporate Editorial
of Scientific Journals.

Published basing on ready-to-print file
in Instant Print Department of Publishing House
“Derzhavinskiy” of FSBEI of HE
“Derzhavin Tambov State University”.
190g Sovetskaya St., Tambov 392008,
Tambov Region, Russian Federation
E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

The opinions expressed by the publications
authors may not coincide with those of the
editorial

For citation:

Neophilology. 2020. Vol. 6, no. 22. 212 p.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22

Abisheva K.M., Seidahmetova R.G., Iskakova Zh.M. Abai as a
precedent onym and the problem of his linguocognitive, cultural and
pragmatic essence 302

LANGUAGE STUDIES

Dolgova E.V. English phraseological units as a mean of
representing knowledge of a person's physical characteristics 308

Tkachenko A.V. Formatting knowledge about the English attribu-
tive collocations (on the example of cognitive matrix HAIR
BEAUTY construction) 318

Karimkhodjayev N.S. Russian borrowings in the Karakalpak lan-
guage 328

Plotnitskiy Y.E. Structural and semantic characteristics of music
videos, containing a choreographic component 336

TEXTOLGY

Dzhusupov M. Linguistic, poetic, historical and philosophical
eminence of an outstanding personality and manysidedness of a
talent 346

Cisse Coumba. Representation of the “family” cultural image by
characters in Russian tales (based on images of a wolf, fox and hare) 362

LITERATURE STUDIES

Salkhanova Z.K., Utebekova A.S. Diary as a literary genre 368

RUSSIAN LITERATURE

Khvorova L.E., Jin Lili. Around the “mystery of eternal destruc-
tion and eternal salvation”: The moral and philosophical “spiral” by
Y.V. Bondarev 377

Guan Yuee. Polyphonic collegiality of points of view in the “poetic
composition” by B.A. Uspenskiy 385

CULTUROLOGY

Mikhina A.E. The English language and trends of English-speaking
countries in the global processes of crosscultural and interlinguistic
interaction in Russia 393

Sarsenov M.A., Tumanova A.B. On the issue of business discourse
in the multilingual space of Kazakhstan 404

IN MEMORY OF PROFESSOR N.I. GAINULLINA

Kogay E.R. Literary language of the Peter the Great's era in scien-
tific works of professor N.I. Gainullina 417

Экология языка и человека в меняющемся социуме

Виктор Иванович ШАХОВСКИЙ

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

400066, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т им. В.И. Ленина, 27

E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Language and human ecology in the changing society

Victor I. SHAKHOVSKIY

Volgograd State Socio-Pedagogical University

27 V.I. Lenin Ave., Volgograd 400066, Russian Federation

E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы приметы изменённого мира, в котором *живёт* современный меняющийся человек. Перечислены некоторые наиболее значимые виды изменений, связанных с научно-техническим прогрессом и его влиянием на жизнедеятельность человека и функционирование его языка. Уделено особое внимание новой информационной среде, в которую погружен человек говорящий, и её влияние на самого человека и его язык, на изменённые коммуникативные стили. Подробно описаны все виды и формы изменённой коммуникации человека под влиянием изменённой в динамике коммуникативной среды: ускоренность общения, клиповость сознания, экспрессивность, эмоциональность, девербализация, переход на общение смыслами, трансформация и деформация человека, как *homo sapiens*. Главным выводом является деэкологизация как меняющегося мира, так и коммуникантов в нём, равно как и их языка. Выявлены основные характеристики изменённой коммуникации, в которой отразились многие аспекты языка: интонация, орфоэпия, акцентология, орфография, пунктуация, лексика, синтаксис. Подчёркнуты доминирование негативных эмоций во всех видах и типах общения и позитивность изменяемой эпохи, где огромное место занимает цифровой мир: цифровые трансформации, цифровая экономика, цифровое телевидение, искусственный интеллект, кибернетика, роботология.

Ключевые слова: экспрессивизация/эмоционализация; девербализация; ускоренность коммуникации; формирование нового типа коммуниканта; новый тип общения – общение смыслами; токсичность человека

Для цитирования: Шаховский В.И. Экология языка и человека в меняющемся социуме // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 217-225. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-217-225

Abstract. We analyze the signs of the changed world in which a modern, changing human lives. We list some of the most significant types of changes associated with scientific and technological progress and its impact on human life and the functioning of his language. Particular attention is paid to the new information environment in which speaking human is immersed, and its impact on the human himself and his language, on altered communication styles. All types and forms of altered human communication are described in detail under the influence of a communicative environment altered in dynamics: accelerated communication, clip-like consciousness, expressiveness, emotionality, deverbalization, transition to communication with meanings, transformation and deformation of human, as *homo sapiens*. The main conclusion is the deecologization of both the changing world and the communicants in it, as well as their language. We reveal the main characteristics of the altered communication, in which many aspects of the language are reflected: intonation, orthoepy, accentology, spelling, punctuation, vocabulary, syntax. We emphasize the dominance of negative emotions in all sorts and types of communication and the positivity of a changing era, where the digital world holds a huge place: digital transformations, digital economy, digital television, artificial intelligence, cybernetics, robotology.

Keywords: expressivization/emotionalization; deverbalization; accelerated communication; formation of a new type of communicant; new type of communication – communication with meanings; human toxicity

For citation: Shakhovskiy V.I. *Ekologiya yazyka i cheloveka v menyayushchemsya sotsiume* [Language and human ecology in the changing society]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 217-225. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-217-225 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Падение человека влечёт за собой падение языка. А падение языка ведёт к падению человека.

Р. Эмерсон

Язык народа – его дух, а дух народа – его язык.

В. фон Гумбольдт

Язык – это город, на построение которого каждый живший на Земле человек принёс свой камень.

Р. Эмерсон

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, назначение эпиграфа – высветить, эксплицировать основную мысль/смысл следующего за ним нарратива. Я привёл несколько эпиграфов, суммативный смысл которых заключается во взаимосвязи языка и человека, языка и народа, языка и менталитета народа, как мыслительной деятельности человека, языка и коммуникативной среды/социума, в изменчивости коммуникативной личности и духа народа через его язык.

Все эти мудрые мысли выдающихся мировых личностей были высказаны в разное время, по разным поводам, но они продолжают оставаться современными в силу того, что ещё древние говорили: «Всё движется и всё изменяется». В настоящее время мы являемся свидетелями того, что мир не только сдвинулся с места, и очень заметно, но и всё сильнее убыстряется это изменение [1; 2].

В десятилетиями писавшемся романе Стивена Кинга «Тёмная башня» бесчисленное количество раз звучит рефреном фраза «Мир сдвинулся с места». А это значит, что в меняющемся мире не может не меняться и сама коммуникация, и сам коммуникант.

Также к этому изменению добавляются изменения в природных сезонах – они смещаются, смещаются астрологические признаки, и, например, Козерог уже находится где-то то ли в зоне Стрельца, то ли в зоне Водолея. Наука утверждает, что звёздная

карта тоже переместилась в космическом пространстве, и что позиция Стрельца, Козерога и Водолея сдвинулись со своих фиксированных позиций. Аналогичное явление наблюдается и с другими знаками зодиака. Сдвинулись и климатические пояса, и, наконец, временные.

Если же вернуться в сферу лингвистической коммуникатологии, то первое, на что надо обратить внимание, что все виды и типы человеческого общения, равно как и их новые формы и форматы всё более разобщают людей и, увы, не только между разновозрастными поколениями, но и внутри одного. Это объясняется обостренной индивидуальной идентификацией говорящих, их нежеланием идти навстречу друг другу, настойчивостью в самопродвижении/самоутверждении, уходом от Вавилона, от коллективной идентификации.

В свою очередь такая коммуникативная ситуация создаёт повышенный доминирующий информационный фон, и прежде всего эмоциональный: агрессия, ненависть, враждебность. Нежелание идти на уступки друг другу, нетолерантность, в том числе и эмоциональная, многоликость коммуникативных сред в разнообразии новой реальности «опрокидывают» все максимы Дж. Лича и Г. Грайса, риторические правила Н.И. Формановской, прагматические установки, золотое и платиновое правила межличностной коммуникации [3]. Прагматика утверждает, что речевые партнеры должны завершить своё общение повышением собственной самооценки, то есть бесконфликтностью для будущего общения. Здесь можно вспомнить и рекомендации Д. Карнеги (1936), которые тоже уже более не являются руководствами для современных коммуникантов [4]. Это объясняется тем, что современный социум переполнен информационным шумом, в том числе и фейковым, как изобретённым, так и искажающим истинные события и факты. Доминирующим является, к сожалению, информационный фон негативной эмоциональ-

ности, провоцирующий негативные ожидания. Медиалогия насчитывает в российской коммуникативной сфере около 30 тыс. СМИ и около 200 тыс. ежедневных новостных событий, в том числе намеренно/ненамеренно фейковых. Особенно обострилась негативная тональность в Интернете, который теперь тоже причислен к СМИ [5].

Поскольку человека с детства не учат правилам речевой коммуникации в различных речевых жанрах, в том числе и эмотивных, не закладывают в языковую компетенцию составляющие эмоционального интеллекта, как существенные добавки к IQ [6], то и получается, что говорить об успешности общения часто не приходится. Коммуникологи давно уже предлагают обучать человека принципам рационализации эмоций и превращению аффектов в организованные эмоции [7; 8].

Таким образом, за счёт того, что мир давно уже сдвинулся с места и продолжает двигаться в ускоренном темпе, а также за счёт пересечения миров (в XXI веке эти изменения наиболее ощутимы: освоение космоса всё более совершенными космическими аппаратами, космические вооружённые силы, осуществление всё новых и новых космических полётов на дальние планеты, значительное увеличение новых средств СМИ, в том числе и непечатных, в первую очередь через Интернет, десятки соцсетей и мессенджеров) возникла новая коммуникативная среда – информационная, интернет-среда, спутниковое, кабельное, цифровое ТВ – от малогабаритных чёрно-белых ламповых телевизоров к плазменным цифровым, глобальная компьютеризация, сканирование, ксерокопирование, веб-общение.

Бесчисленные инфоповоды получают ещё более бесчисленные интерпретации, реинтерпретации (комментирования), в том числе через фейковые источники. Причиной некоторых из них являются когнитивные искажения у журналистов за счёт их предвзятостей и пристрастий. По данным «СКАН» «Медиаскоп» процентное отношение негативной и позитивной информации 17:1, отсюда и доминирующий негативный фон, и негативные ожидания, и эффект негативности: у членов социума больше интереса к негативной информации. Именно это объясняет давно установленная лингвистами и психо-

логами асимметрия оценочной лексики, зафиксированная в словарях: языковых знаков с отрицательной семантикой значительно больше, чем с положительной.

В позитивности изменяемой эпохи огромное место занимает цифровой мир: цифровые трансформации, цифровая экономика, цифровое телевидение, искусственный интеллект, кибернетика, роботология (киберы: Алиса, Андрей, Siri и др.) и отражение/изображение роботов в искусстве, литературе, кино, театре, живописи.

К негативным изменениям прежде всего относятся всё более серьёзные осложнения международных отношений, региональные войны, ухудшение экологии за счёт вредности некоторых достижений научно-технического прогресса (взрывы атомных электростанций и атомного оружия), климатические изменения: потепление, активизация движения «зелёные». Отсюда – большое количество креатива в коммуникативной среде (*климатгейт*, *климатохунвейбинг*, *климатологи* (см. также примеры в [9])). Сюда же относится учащение техногенных и природных катаклизмов (без их детализации), теракты, протестные движения (*жёлтые жилеты*, *майдан*, *московское дело*, *конвейерное правосудие* и др.). В интернет-среде получило широкое распространение *хакерство*, *спам*, *троллинг*, *баны*, *боты*, *буллинг* и др. Как видим, язык немедленно фиксирует и транслирует новые номинации, которые входят в активное виртуальное и реальное общение: появился новый феномен, и язык тут же его опредметил, ословил: *хайп*, *кайф*, *жест*, *версус-батлы* и пр.

Если продолжить перечисление негативных изменений, то нельзя не назвать домашнее насилие, спортивный допинг (*допингер*, *допинг-офицер*, *доппингейт*, *мельдоний* и др.), межэтнические проблемы, брекзит, (анти)санкции, этнические и конфессиональные конфликты, распространение и активизацию ЛГБТ (дифференциация гендерной идентификации), глубинную коррупцию и мн. др. Все они, несомненно, указывают на быстро меняющуюся коммуникативную среду в этом быстро меняющемся мире. Как неоднократно замечает С. Кинг в «Тёмной башне»: «Мир катится в пропасть и к несправедливости» [10].

Итак, появление какого-либо события составляет инфоповод для СМИ. Инфоповод номинируется и комментируется, в процессе чего журналистами изобретаются креатемы, которые фактически являются мыльными камнями истории (то есть определённого временного континуума). Отсюда и исключительная роль языка в картировании, опредмечивании инфоповодов через отражающую, номинирующую, изображающую, сигнификативную функции языка, которые можно объединить единым термином «информативная функция языка» [11]. Благодаря данной функции и рождаются «языковые чудеса» типа *отельеры*, *выселяторы*, *решалы*, *обьюзер*, *оптимизация*, *следак*, *крейсер* «Кузя», *токсичная коммуникативная среда* и мн. др. (см.: [12]). Каждая из этих креатем, как и все остальные, приведённые выше и ниже в данной статье, напрямую соотносятся с определённым ивентом, фактом, датой и возбуждают в памяти коммуникантов определённые ассоциации, которые вызывают соответствующие гештальты.

В непропорциональном соотношении позитивных и негативных изменений в мире проявляется диалектика позитивного и негативного, рационального и эмоционального. И главное, язык не может не фиксировать всю эту диалектику, а лингвисты не могут не замечать этой фиксации и экологические проблемы современной коммуникации. В этом видится справедливость утверждения В. фон Гумбольдта о единстве языка, народа и духа и не менее справедливое утверждение Р. Эмерсона о прямой зависимости между падением человека и падением языка. Кроме этого, меняющийся мир не может не оказывать влияния на коммуникативную личность, на процессы коммуникации и на лексический состав языка: язык номинирует всё происходящее в меняющемся мире. Журналисты раньше всех, играя с языком, изобретают креатемы, которые не могут не быть эмоционально-оценочными, что и будет показано ниже.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Все мы являемся свидетелями и современниками уже изменившейся коммуникации в постоянно меняющемся мире. Основ-

ные характеристики этой изменённой коммуникации следующие.

1. Её ускоренность, которая заключается в изменении темпа речи, в интонации, фонетике, орфографии, орфоэпии, пунктуации, лексике, синтаксисе. Исследователями отмечается доминирование у современной молодёжи клипового сознания, нежелание читать печатные тексты, особенно классическую художественную литературу, тяга к адаптированным текстам, дайджестам, трейлерам. Широкое распространение получили смски, смайлики, эмодзи, стикеры, мемы, комиксы и т. п. Кстати, такая ускоренность коммуникации (разговоры на лету) объясняется ускоренностью жизни, нам некогда остановиться, оглянуться, тщательно обдумать, мы не можем замедлить темп нашей жизни и работы, и поэтому ярко высветился лингвистический закон об экономии языка, и, соответственно, об экономии речевых усилий. Отсюда и перечисленные выше скорости общения (см. подробнее: [1]).

2. Полагаю, что формальным признаком меняющейся коммуникации в меняющемся мире является её интенсивная **экспрессивизация и эмоционализация**. Доказательством этого утверждения является доминирование негативных эмоций во всех видах и типах общения: раздражительность, гневливость, эмоциональная нетолерантность, обидчивость, и как результат – подача в суды многочисленных исков о защите чести и достоинства, повышенная обострённая этническая и конфессиональная чувственность. Такая изменённость в общении является основанием для появления ряда новых наук, смежных с лингвистикой: лингвистика эмоций (эмотиология), эмотивная лингвоэкология, психолингвистика, этнопсихолингвистика. В конце XX столетия психолог В.П. Зинченко утверждал, что XXI век будет веком психологии. И, мне кажется, что его предсказания сбываются.

И ещё одним доказательством названного изменения являются появившиеся в СМИ креатемы: *атмосфера/минутка/возгонка/наука ненависти*; *тремор страха/протеста* (смешанные эмоции страх + протест), *обьюзер*, *решалы*, *выселятор*, *регуляторная гильотина* и др. Результатом экспрессивизации и эмоционализации жизни и коммуникативного

поведения являются многочисленные бракоразводные процессы, семейное насилие, убийства, в том числе и серийные, появление и распространение публичной поножовщины, расстрелы, коммерческие разборки, как вербальные, так и невербальные. Особое место в СМИ заняли политические ток-шоу, скандальные и не всегда неэкологичные.

Ещё одним доказательством является эмоционализация и экспрессивизация Интернета, и особенно межличностное общение в соцсетях, включая обценную речь и оскорбления. Существуют даже исследования на тему оскорблений [13]. Многочисленные случаи и публичного мата в речи крупных чиновников, публичных и медийных личностей, в кино, театральных постановках, песенном и юмористических жанрах (Камеди клуб/вумен, Стендап, пародии и т. п.). Издано несколько словарей русского мата ([14] и др.).

3. Ещё одной приметой, характеристикой меняющихся форм человеческой коммуникации в меняющемся/измененном мире является **девербализация**: замена слов языком тела и акциональными изобретениями. Ярким примером последнего являются общеизвестные инообразы акциониста П. Павленского. Пределами медийной девербализации, заменяющей избыточную вербализацию ток-шоу, является выталкивание, избивание, бросание предметов (бутылок с водой) в друг друга, перерыв на длительное время, общение коммуникантов друг с другом, как демонстрация обиды, недружественности и нетерпимости. Достаточно свежим примером девербализации общения являются «подвиги» профессора О. Соколова (расчленение своей аспирантки и др.).

Противоположным примером девербализации является «Птичий гвалт/базар» – одновременное говорение, перебивы (как очень сильные эмотивы), скандальность ТВ-ток-шоу, когда никто не слышит друг друга и не хочет слышать. Это – тоже новая примета меняющейся коммуникации в меняющемся мире, особенно в публичной групповой и институциональной. Все это указывает на меняющуюся натуру человека, как деформирующую коммуникативную личность.

4. Явной приметой меняющейся коммуникации является и изменение форм общения речевых партнеров, в том числе и в

интернет-коммуникации. Эти изменения заключаются в том, что они фиксируются в начале в коммуникативной практике, а потом и в теоретических изысках: лингвисты-историки утверждали, что в далекой древности люди вначале изъяснялись звуками. Потом учёные поняли, что люди изъясняются слогами, затем, что словами. Когда появилась текстология, она стала утверждать, что люди общаются фразами, предложениями, текстами. В конце XX века они стали утверждать, что мы общаемся, обмениваясь образами и через инообразы. Профессор Т. Черниговская недавно провозгласила своё мнение о том, что люди в общении обмениваются мыслями¹. По мнению Т. Черниговской, человек общается мыслями, но ведь мысли прикреплены к конкретному говорящему, конкретной ситуации общения, к её условиям. И вся эта ситуация погружена в социально-психологический культурный контекст.

От контекста зависит смысловой набор каждой мысли, то есть набор конкретизаторов. Именно поэтому мысли у коммуникантов могут совпадать, а смыслы – нет. И можно предположить, что люди общаются, видимо, смыслами, что является серьёзным препятствием для их взаимопонимания: «Что ты имеешь в виду?», «В каком смысле?», «Что ты хотел сказать?», «Что это значит?» и т. п. Такие вопросы возникают, потому что смысловые пазлы у коммуникантов могут не совпадать как за счёт гендерных, возрастных, так и культурных, конфессиональных и многих других причин. В устной коммуникации непонятность можно уточнить, переспросить, поэтому в ней меньше смысловых рисков по сравнению с письменной, которая иногда делает реакцию на реплику отложенной, отсроченной, отодвинутой во времени, и потому иногда неэффективной. Например, в электронной или, скорее, традиционной почте.

Мысли материальны, поскольку они опредмечиваются в делах, поступках, словах, которые билатеральны (а мысли монологичны). Например, эвристические мысли могут опредмечиваться в журналистских и писательских креативах. Их родоначальни-

¹ Вторая встреча с Т. Черниговской // Первый канал. URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-tatyana-chernigovskaya-pozner-vypusk-ot-25042016> (дата обращения: 25.10.2019).

ком можно считать Л. Кэрролла («Алиса в стране чудес»). Некоторые креатемы приводятся выше и ниже в данном исследовании.

В Японии давно уже обратили внимание на необходимость экологизации всех видов общения, и начата она с экологизации мышлеобразования/мыслеорождения. Государственной политикой в процессе обучения детей правильно общаться сделана установка на то, что мысли человека являются семенами будущей судьбы человека: из них могут вырасти как сорняки, так и полезные позитивные составляющие судьбы. Поэтому с младенчества японцев учат мыслить экологично и позитивно (подробнее см.: [1]).

Многочисленные исследования современной коммуникации в СМИ демонстрируют огромное изменение и в стилистике, и в этике, и в форме, и в содержании всех видов и типов человеческого общения². Уже зафиксирована полная размытость границ между всеми функциональными стилями. Неэкологичное, вплоть до вульгарного общение охватывает все гендерные, возрастные, конфессиональные, межкультурные ограничения. Широкое распространение получил буллинг как в естественной, так и в кибер-коммуникации [9; 15], что является еще одной приметой вульгаризации общения за пределами политеза. А по-другому – за гранью нервного срыва.

Конечно же, можно найти ещё много и других примет меняющейся коммуникации, но главное – теоретический вывод отслеживания этого процесса лингвистами является ярким доказательством того, что проблема «Язык и общество», которая была поднята еще в XVII–XVIII веках, является непреходящей, то есть вечной. Язык и социум тесно взаимосвязаны, социум задаёт язык, социум формирует язык, но и язык не пассивен, он тоже, с одной стороны, отражает социум, а с другой – формирует общество и общественное/коллективное сознание, коллективную и индивидуальную идентификации.

² Гасан Гусейнов: «Мы не ощущаем русский язык своим» // <http://www.psychologies.ru/>. URL: <http://www.psychologies.ru/standpoint/gasan-guseynov-myi-ne-oschuchаем-russkiy-yazyk-svoim/>; Гость Ноам Хомский. Познер. Выпуск от 13.05.2019 // Первый канал. URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-noam-homskiy-pozner-vypusk-ot-13-05-2019> (дата обращения: 25.10.2019).

В связи с вышеизложенным, а также в связи с многочисленными публикациями о коммуникативной личности можно заметить, что через определённые промежуточные звенья, под влиянием постоянно меняющегося мира разные типы коммуникантов в теоретической литературе получают следующие номинации: homo sapiens, homo sentiens, homo vulgaris, homo obscenus, homo furans, homo mentiens, homo confusus. Последний термин обозначает человека дезориентированного, сконфуженного, растерянного, потерянного в море противоречивой и, зачастую, лживой информации. Противоречивая информационная среда провоцирует когнитивные искажения у адресата из-за сбитого фокуса восприятия окружающего мира, приводящего к предубеждениям, пристрастиям и, зачастую, к непониманиям, прежде всего в эмоциональной сфере: от непонимания эмоционального к эмоциональному непониманию всего происходящего. Отсюда и новые креатемы – *бессовестная совесть, разновидности новой реальности* (у отправителей и у получателей информации несовпадающие реальности, пересечение миров по С. Кингу). Все изложенное свидетельствует о дезэкологизации как и самого меняющегося мира, его информационной среды, его многообразных коммуникативных сред, детализирующихся и индивидуализирующихся, так и меняющейся в нём коммуникации (примером того является руководство «Искусство оскорблять» [8]). Многочисленные процессы дезэкологизации общения не могут не вызывать тревогу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое выше исследование соотношения меняющегося мира с меняющейся коммуникацией, то есть с языковой рефлексией всех изменений, позволяет утверждать следующее.

1. Язык, который отражает меняющийся мир, не может не фиксировать в своих новых номинациях (креатемах, зачастую в неологизмах и окказионализмах, в том числе и в концептуальных) эти изменения.
2. В меняющемся мире меняется социально-психологический климат коммуникативной среды и возникающих всё новых и новых коммуникативных сред. Меняются

лексические, грамматические, фонетические (интонационные, фонационные), орфографические, пунктуационные характеристики. Соответственно, меняются стилистика, этика, риторика всех видов общения.

3. В меняющемся мире меняются и взаимоотношения между людьми. Они осложняются и становятся более негативными, недружественными, неприязненными, враждебными, нетолерантными, недобродетельными, необязательными, безответственными и т. п.

4. В условиях продолжающегося изменения мира меняется и сам человек, и его язык: можно уже говорить не только о трансформации, но даже и о деформации коммуникативной личности и её языка.

5. Соответственно, представляется обоснованным тезис о дезэкологизации не только самого мира, как окружающей человека природы и социальной среды, но и о дезэкологизации

зависимости токсичности человека, его языка, речи, искусства.

6. В измененном современном мире, который меняется постоянно, коммуниканты часто не понимают происходящее в мире, получают не всегда достоверную информацию, им никто ничего не разъясняет или разъясняет субъективно, пристрастно, а потому и всё увеличивающееся число новых типов говорящего человека.

7. Все вышеизложенное доказывает тесное взаимодействие меняющегося объективного мира, всех разновидностей новой реальности с меняющимся человеком, духом народа и соответствующими языковыми трансформациями с их экологией и с интеллектом человека. Проведённый анализ показывает, что ментальность человека меняется не быстрее, чем его язык, а на них обоих влияет меняющийся мир.

Список литературы

1. Шаховский В.И. Ускоренная коммуникация как потребность современного социума // Языковое бытие человека и этноса: материалы 15 Березинских чтений / под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой, Н.Н. Германовой. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. Т. 20. С. 128-293.
2. Шаховский В.И. Экологическая многоликость коммуникативных сред человека // Этнопсихоллингвистика. 2019. № 2. С. 92-119.
3. Матвеев О.И., Погосов В.М., Казаринова Н.В., Биби С.А., Зарицкая Ж.В. Межличностная коммуникация: теория и жизнь. СПб.: Речь, 2011.
4. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. N. Y.: Simon & Schuster, 1936.
5. Шаховский В.И. Современные СМИ: ответственность журналиста // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 1. С. 1-12.
6. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ? N. Y.: Bantam Books, 1995.
7. Кибрик А.А., Фёдорова О.В. О структуре мультимедийного дискурса // Образы языка и зигзаги дискурса: сб. науч. ст. к 70-летию В.З. Демьянкова. М., 2018. С. 174-180.
8. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ, 2017.
9. Lörcher H. "Gutmenschen" und "Nazis" Bemerkungen zu einem politisch Kontroversen Thema // Вербальный буллинг в соцсетях и иноязычном медиадискурсе: материалы Междунар. заоч. науч. конф. / отв. ред. О.В. Кравец. Ростов н/Д.: Изд.-полиграф. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2018. С. 46-52.
10. Кинг С. Темная башня. М.: АСТ, 2004.
11. Золян С.Т. О языке в политической функции // Образы языка и зигзаги дискурса: сб. науч. ст. к 70-летию В.З. Демьянкова. М., 2018. С. 156-174.
12. Ионова С.В. Токсичный руководитель: лингвоэкология речевого поведения // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4 (15). С. 1-12.
13. Невзоров А.Г. Искусство оскорблять. М.: АСТ, 2016.
14. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани: матизмы, обцензизмы, эвфемизмы. СПб.: «Норинт», 2003.
15. Вербальный буллинг в соцсетях и иноязычном медиадискурсе: материалы Междунар. заоч. науч. конф. / отв. ред. О.В. Кравец. Ростов н/Д.: Изд.-полиграф. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2018.

References

1. Shakhovskiy V.I. Uskorennaya kommunikatsiya kak potrebnost' sovremennogo sotsiuma [Accelerated communication as the need of modern society]. *Materialy 15 Berezinskikh chteniy «Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa»* [Proceedings of the 15th Berezinsky Readings "The Linguistic Being of Human and Ethnos"]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, vol. 20, pp. 128-293. (In Russian).
2. Shakhovskiy V.I. Ekologicheskaya mnogolikost' kommunikativnykh sred cheloveka [The ecological diversity of human communicative environments]. *Etnopsikholingvistika – Ethnopsycholinguistics*, 2019, no. 2, pp. 92-119. (In Russian).
3. Matyash O.I., Pogolsha V.M., Kazarinova N.V., Bibi S.A., Zaritskaya Z.V. *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn'* [Interpersonal Communication: Theory and Life]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2011. (In Russian).
4. Carnegie D. *Kak zavoyevyvat' druzey i okazyvat' vliyaniye na lyudey* [How to Win Friends and Influence People]. New York, Simon and Schuster Publ., 1936. (In Russian).
5. Shakhovskiy V.I. Sovremennyye SMI: otvetstvennost' zhurnalista [Contemporary mass media: a journalist's responsibility]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*, 2019, no. 1, pp. 1-12. (In Russian).
6. Goleman D. *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ?* New York, Bantam Books Publ., 1995.
7. Kibrik A.A., Fedorova O.V. O strukture mul'tikatikanal'nogo diskursa [On the structure of multi-channel discourse]. *Obrazy yazyka i zigzagi diskursa* [Images of Language and Zigzags of Discourse]. Moscow, 2018, pp. 174-180. (In Russian).
8. Krongauz M.A. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown]. Moscow, AST Publ., 2017. (In Russian).
9. Lörcher H. "Gutmenschen" und "Nazis" Bemerkungen zu einem politisch Kontroversen Thema. *Materialy Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchnoy konferentsii «Verbal'nyy bullying v sotssetyakh i inoyazychnom mediadiskurse»* [Proceedings of the International Distant Scientific Conference "Verbal Bullying in Social Networks and a Foreign Language Media Discourse"]. Rostov-on-Don, Rostov State University of Economics Publ., 2018, pp. 46-52. (In German).
10. King S. *Temnaya bashnya* [The Dark Tower]. Moscow, AST Publ., 2004. (In Russian).
11. Zolyan S.T. O yazyke v politicheskoy funktsii [On language in a political function]. *Obrazy yazyka i zigzagi diskursa* [Images of Language and Zigzags of Discourse]. Moscow, 2018, pp. 156-174. (In Russian).
12. Ionova S.V. Toksichnyy rukovoditel': lingvoekologiya rechevogo povedeniya [Toxic head: linguoecology of verbal behavior]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*, 2018, no. 4 (15), pp. 1-12. (In Russian).
13. Nevzorov A.G. *Iskusstvo oskorblyat'* [The Art of Insulting]. Moscow, AST Publ., 2016. (In Russian).
14. Mokiyeenko V.M., Nikitina T.G. *Slovar' russkoy brani: matizmy, obstsenizmy, evfemizmy* [Dictionary of Russian Swearing: Swearisms, Obscenisms, Euphemisms]. St. Petersburg, "Norint" Publ., 2003. (In Russian).
15. Kravets O.V. (executive ed). *Materialy Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchnoy konferentsii «Verbal'nyy bullying v sotssetyakh i inoyazychnom mediadiskurse»* [Proceedings of the International Distant Scientific Conference "Verbal Bullying in Social Networks and a Foreign Language Media Discourse"]. Rostov-on-Don, Rostov State University of Economics Publ., 2018. (In Russian).

Информация об авторе

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник кафедры языкознания. Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация. E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Вклад в статью: концепция статьи, обзор литературы, написание текста статьи, редактирование материала.

Поступила в редакцию 01.02.2020 г.

Поступила после рецензирования 26.02.2020 г.

Принята к публикации 03.03.2020 г.

Information about the author

Victor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Honoured Science Worker of Russian Federation, Chief Research Worker of Language Studies Department. Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation. E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Contribution: study conception, literature review, manuscript text drafting, material editing.

Received 1 February 2020

Reviewed 26 February 2020

Accepted for press 3 March 2020

Окказионализмы А.С. Пушкина в словообразовательном аспекте

Светлана Владимировна ВАЛИУЛИНА

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6557-2988>, e-mail: svetlana-valiuli@mail.ru

Pushkin's nonce words in the word-formation aspect

Svetlana V. VALIULINA

Irkutsk State University

1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6557-2988>, e-mail: svetlana-valiuli@mail.ru

Аннотация. Посвящено проблеме образования окказиональных слов в языке Александра Сергеевича Пушкина. Новизна исследования обусловлена выбранным аспектом анализа языкового материала. Несмотря на то, что уже существуют работы, в которых описаны окказиональные слова А.С. Пушкина с точки зрения словообразования, нами сделана попытка углубить и расширить существующие данные. Цель работы – выявить способы появления и образования окказионализмов в языке А.С. Пушкина. Методом сплошной выборки были выделены окказиональные слова. Статус окказиональных они получили в результате сравнения их с единицами «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля. В процессе исследования языкового материала было выделено 247 окказиональных единиц, определены способы их образования, проведена классификация по способу образования окказионализмов, сделан статистический анализ. Большая часть окказионализмов А.С. Пушкина образована по существующим в русском языке словообразовательным моделям. В работе выделены наиболее продуктивные способы образования окказионализмов в языке А.С. Пушкина. В результате проведённого исследования объяснено появление окказиональных слов в творчестве писателя с лингвистической точки зрения.

Ключевые слова: окказионализм; язык А.С. Пушкина; способ образования окказиональных слов; словообразовательная модель

Для цитирования: Валиулина С.В. Окказионализмы А.С. Пушкина в словообразовательном аспекте // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 226-234. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-226-234

Abstract. The study deals with the phenomenon of nonce words formation in the language of Alexander Sergeyevich Pushkin. The research novelty is due to language material analysis aspect that was chosen by the author. In spite of such a great number of research works describing Pushkin's nonce words from the word-formation standpoint we make an attempt to deepen and develop the existing data. The goal of the study is to reveal specific features of nonce formation in the language of A.S. Pushkin. Nonce words are selected using the method of continuous sampling. These words receive the “nonce words” status as a result of their comparison with the units of the “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” by V.I. Dal. As a result of the analysis of the language material 247 nonce units are singled out, modes of their formation are defined. Thereafter, the nonce words are categorised into groups according to the mode of their formation. A statistical analysis of the material is also made. The most productive way of nonce formation is defined. The larger part of Pushkin's nonce words is derived according to existing in the Russian language word-building patterns. The most productive ways of nonce words formation are defined in the actual work. The research helps to explain the use of nonce words in the writer's works from the linguistic standpoint.

Keywords: nonce word/occasionalism; the language of A.S. Pushkin; nonce words formation mode; word-formation pattern

For citation: Valiulina S.V. Okkazionalizmy A.S. Pushkina v slovoobrazovatel'nom aspekte [Pushkin's nonce words in the word-formation aspect]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 226-234. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-226-234 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Проблема поэтического новаторства, окказионального словотворчества в литературе привлекает внимание лингвистов достаточно давно, она является частью общей проблемы анализа поэтического языка как функциональной подсистемы. Представленная работа посвящена рассмотрению окказиональных слов в творчестве Александра Сергеевича Пушкина с точки зрения их образования и появления. Материалом для исследования послужили данные «Словаря языка Пушкина» [1]. Методом сплошной выборки были выделены окказиональные слова. Следующим этапом работы было сопоставление выделенных окказиональных единиц с данными «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [2]. Несмотря на то, что, по словам Т.И. Вендиной, в данный словарь включено «чуть ли не 12–14 тыс. слов, не подкрепленных другими лексикографическими источниками» [3, с. 17], толковый словарь, по своему определению, «призван отражать сугубо коллективное, узуальное словоупотребление и, наоборот, отвергать индивидуально-авторское начало» [4, с. 297]. В результате проведенного сопоставления было выявлено и описано 247 окказиональных единиц.

Любые перемены в общественной жизни людей неизбежно влекут за собой изменения в языке. Яркое свидетельство изменения и обновления языка – это процесс возникновения новых слов. Новые слова появляются непрерывно и обогащают лексическую систему языка. По справедливому замечанию В.В. Виноградова, «причины появления новых слов и новых значений старых слов по большей части заключаются в изменениях общественной жизни, в развитии производства и других областей человеческой деятельности, а также в развитии мышления» [5, с. 202]. Обогащение лексической системы языка происходит как посредством количественного накопления новых слов и выражений, так и путём развития новых значений слова. Основной путь пополнения словарно-

го состава – это образование новых слов с использованием существующих способов словообразования. Обновление и пополнение лексики языка происходит также путём заимствования иноязычных слов. Таким образом, новые слова, в данном случае окказионализмы, выступают как неотъемлемая, объективная составляющая жизни и развития любого языка.

Важно подчеркнуть, что в современном языкознании не существует единства мнений относительно лингвистического статуса неологизмов и окказионализмов. Если окказионализмы появляются в речи говорящего или пишущего в данной речевой ситуации, создаются художником слова в данном тексте и не рассчитаны на широкое распространение и закрепление в узусе, то неологизмы создаются для наименования нового предмета или явления внеязыковой действительности и рассчитаны на последующее закрепление в лексической системе языка. Характеризуя функциональные различия окказионализмов и неологизмов, О.И. Александрова определяет неологизмы как «новые слова, возникающие и формирующиеся как номинативные (идентифицирующие) лексические единицы, предназначенные для выполнения интеллектуально-коммуникативной функции». Тогда как окказионализмы – это «новые слова, возникающие и формирующиеся как характеризующие (предикатные) единицы» [6, с. 193]. Окказиональное (слово, значение, словосочетание, звуко сочетание, синтаксическое образование) – «не узуальное, не соответствующее общепринятому употреблению, характеризующееся индивидуальным вкусом, обусловленное специфическим контекстом употребления» [6, с. 224].

Окказионализмы могут быть созданы «по нормативным словообразовательным моделям (так называемые потенциальные слова) и с нарушением в той или иной степени деривационной нормы (собственно окказионализмы). Всякое слово (языка или речи) реализует своё значение в контексте, но узу-

альные (канонические) слова требуют так называемого воспроизводящего контекста, а окказиональные – формирующего, создающего» [7, с. 3].

Чтобы разграничить окказионализмы художественно-литературные и чисто бытовые, не являющиеся фактом художественной речи, первые называют индивидуально-стилистическими. Если бытовые окказионализмы возникают обычно в устной речи, непроизвольно, нигде не фиксируясь, то индивидуально-стилистические являются результатом сознательного творческого процесса, они запечатлены на страницах литературных произведений и выполняют в них определённую стилистическую функцию. По своей художественной значимости индивидуально-стилистические окказионализмы сходны с метафорами: в основе их создания лежит то же стремление открыть в слове новые смысловые грани, экономными речевыми средствами создать выразительный образ. Как и самые яркие, свежие метафоры, индивидуально-стилистические окказионализмы своеобразны и неповторимы. При этом писатель не всегда ставит перед собой задачу ввести в употребление изобретённые им слова. Назначение этих слов иное – служить выразительным средством в контексте одного, конкретного произведения [8, с. 14].

Т.И. Вендина описывает окказионализмы фонетические, лексические, грамматические и семантические. Лексические (словообразовательные) окказионализмы создаются в большинстве случаев комбинацией различных узусных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой или в некотором противоречии с ней. Менее часто образование лексических окказионализмов лексико-синтаксическим и морфолого-синтаксическим способами. При образовании лексических окказионализмов действует исторически сложившийся механизм словопроизводства. Новообразование komponуется из морфем, уже существующих в языке, при этом «...истинно новым... в слове, которое только что создалось, является скрещение координат, а не координаты как таковые» [9, с. 54]. В нашей работе мы будем говорить о лексических окказионализмах, образованных по законам русского языка.

Появление новообразований в речи поэтов и писателей обусловлено чаще стремлением найти слово, наиболее полно выражающее сложный образ, возникающий в творчестве писателя. Как считает отечественный лингвист М.А. Бакина, «основной причиной обращения поэтов к словотворчеству является, по-видимому, стремление к максимальному использованию выразительных возможностей слова, стремление к новизне выражения, к свежему непривычному, неожиданному словесному образу» [10, с. 80].

По мнению Л.И. Плотниковой, язык – это «способ выражения творческой индивидуальности поэта и его художественного метода. Новое слово побуждает авторов искать необычной формы выражения. Особенность отбора лексических средств создаёт особую картину мира поэта» [11, с. 177]. Кроме того, создание поэтических новообразований – один из эффективных способов выражения авторской оценки в художественной речи. Так, Б.М. Гаспаров отмечает, что «...наша языковая деятельность – то, как мы взаимодействуем через язык со своими собственными мыслями и мыслями других людей, – всегда индивидуальна, всегда пропитана неповторимыми чертами характера, памяти, воззрений, интеллектуальных и эмоциональных состояний каждого говорящего как личности» [12, с. 45]. С данным утверждением нельзя не согласиться. Новые слова, появившиеся в результате реализации креативных возможностей языка и являющиеся материализацией индивидуального внутреннего образа, не могут быть свободны от субъективных наслоений, связанных с особенностями художественного видения мира автора.

Язык А.С. Пушкина отличается образностью, поэтичностью и новаторством. Поэт активно использует в своих произведениях окказионализмы, наверное, поэтому новаторство в языке писателя привлекает многих исследователей. Например, М.С. Максименко описывает образование фамилий-окказионализмов в эпиграммах А.С. Пушкина [13]. Н.Л. Васильев и Д.Н. Жаткин занимаются лексикографией окказиональных единиц писателя [14; 15]. В данной работе рассматриваются окказионализмы А.С. Пушкина с точки зрения словообразования и появления в языке автора.

В процессе словотворчества А.С. Пушкин использует морфологические способы образования, лексико-синтаксические способы, лексико-семантический способ. Кроме этого, окказиональные единицы в языке писателя появляются в результате переразложения и заимствования слов. Статистический анализ показал продуктивность морфологического способа в языке А.С. Пушкина. Представим полученные данные в виде диаграммы (рис. 1).

Рассмотрим подробнее данные диаграммы. Морфологические способы, используемые А.С. Пушкиным при образовании окказионализмов, представлены суффиксальным, префиксальным, префиксально-суффиксальным, префиксально-постфиксальным, сложносуффиксальным сложением. Суффиксальный способ образования окказионализмов наиболее частотный у писателя (39,6 %). С помощью этого способа он образует окказионализмы-существительные (11,7 %): *альманашиник, армасец, арзамаска, билетец, безглазольник, болтанье, библеизм, ветрильце, вралиха, вицекапцлерша, горюхенец, другиня, емка, журнальщик, идеологизм, казначеиха, камергерство, коцебятинна, кузинка, мигушка, модинка, охотинка, пен-тефрейха, подогревец, подруша* (в данном случае, кроме суффиксации, можно предположить и замену звука «г» на «ш», фонетическую игру), *рифмичесество, страмец, трибунство, уверчивость*. Например, *мигушка* – «тот, кто подмигивает кому-нибудь, перемигивается с кем-нибудь. О кокетке» [1]. Данный окказионализм образован от глагола *мигать* с помощью суффикса -ушк-.

Автор активно использует суффиксальный способ образования окказионализмов-прилагательных. Процентное соотношение таких примеров составило 21,9 %: *альманашный, англизированный, арзамасский, балдов, бонопартов, буалов, вейдов, визгов, виландов, вильсонов, вольтеров, гресснеровский, глинкин, гнедичев, гомеров, горчаковский, грессетов, державинский, дерптский, дидлотов, зандов, ибрагимов, инзовский, кирхеров, кюхельбекерской, кудлашкин, логиновский, мазепин, маротический, месмеров, мильтонов, назонов, нибуров, подкупательный* (двойная суффиксация), *расинов, ричардсонов, россетинский, скрибов, смотрителей, стишистый, теннеров, тиков, тичианов, фальконетов, феокрытов, шлюхина, энгельгартов, эпикуров*. Например, *Балдов* – прил. к Балда. «Испугался бесёнок да к деду, Рассказывать про Балдову победу». Данный окказионализм образован от имени героя Балда с помощью суффикса -ов. Подобных окказиональных прилагательных, образованных от имён и фамилий, достаточно много: *бонопартов* (прил. к Бонапарт), *буалов* (прил. к Буало), *вейдов* (прил. к Вейд, генерал, служивший в русских войсках при Петре I) и др. По данной модели (основа субстантива + суффикс -ин-) А.С. Пушкин образует и новые фамилии-каламбуры: *Вертопрахин, Невеждин, Фиглярин, Флюгарин*. М.С. Максименко указывает, что фамилии Фиглярин и Флюгарин образованы с помощью мены словообразовательного элемента (к фамилии Булгарин) [13, с. 56-57]. Однако по формальному признаку данные единицы можно отнести к суффиксальному способу словообразования.

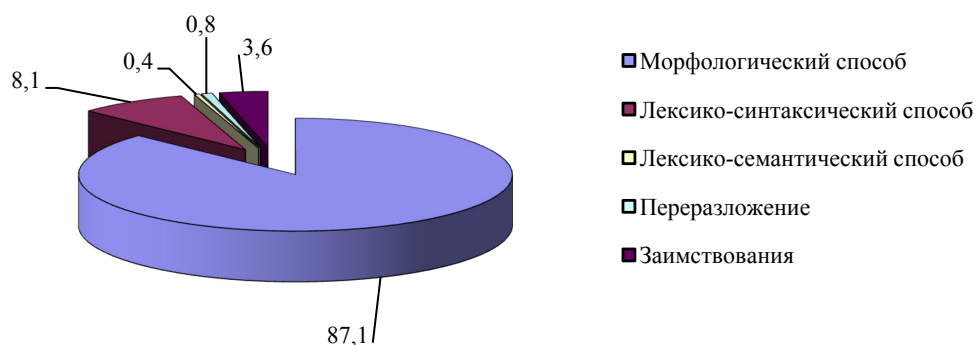

Рис. 1. Способы образования и появления окказионализмов в языке А.С. Пушкина

В процессе образования окказиональных наречий А.С. Пушкин использует суффиксы -о, -но (*блудно, близёнько, кюхельбекерно, молдованно, феодально*). Таких окказионализмов не много – 2 %. Окказионализм *молдаванно* образован от географического названия Молдавия (Молдова) при помощи суффикса -но. Понять и объяснить его значение во многом помогает экстралингвистический материал. Известно, что часть своей южной ссылки Пушкин отбывал в Молдавии. Живя в Кишинёве, он сильно тосковал по Петербургу. Об этом свидетельствуют следующие строки из его писем: «Теперь я один в пустой для меня Молдавии» (А.С. Пушкину от 24 сентября 1820 г.) [1]. Окказионализм *молдаванно* по значению также тождественен качественному наречию и означает «одиноко, тоскливо, скучно». Подобным способом образован окказионализм *кюхельбекерно* (от фамилии Кюхельбекер). М.С. Максименко отмечает, что А.С. Пушкин использует в данном случае «обратное словообразовательное направление не метаморфозу, а – «ословление» фамилии, т. е. превращение фамилии в слово» [13, с. 58]. Интересно, что Пушкин берёт за основу модель образования наречия от прилагательного, однако прилагательных *молдаванный, Кюхельбекерный* в его языке нет.

С помощью суффиксов писатель образует окказиональные глаголы (4 %): *аристократичесествовать, байроничать, боксовать, демонствовать, войековствовать, мертильничать, оделькопничать, паясить, прюдничать, цензоровать*. В данных окказиональных единицах использована двойная суффиксация, например, *прюдничать* образовано от французского слова *prude* (недотрога) с помощью суффиксов -нич-а-. Значение слова согласно «Словарю языка Пушкина»: «быть излишне строгим в вопросах приличия, благопристойности», например, «Правительство не дама, не *Princesse Moustache*: прюдничать ему не пристало» [1]. Данную единицу можно отнести и к полкальке.

Префиксальным способом образованы окказиональные прилагательные (2,4 %): *беспонятный, бестемпераментный, наглагольный, неглагольный, небратский, неженственный, не-религиозный*; существительные

(2 %): *небритье, недворянство, не-лечение, переоборот, преоборот*; а также глагол *перевыразить*. Как мы видим, чаще здесь используется префикс не-, который автор может писать и через дефис, чтобы подчеркнуть отрицание.

Префиксально-суффиксальным способом образуются окказиональные прилагательные (2,8 %): *безмесячный, безмундирный, безуханный, беспорочный*. Сюда же можно отнести и фамилии *Безрифмин, Бестолков* и *Бесстыдин*. *Беспорочный* – «лишённый пороков, добродетельный, высоконравственный». Например: «Требовать от всех произведений словесности изящества или нравственной цели было бы то же, что требовать от всякого гражданина беспорочного житья и образованности» [1]. Префиксально-суффиксальным способом образованы наречия (0,8 %): *издетства, измлада*. С помощью префикса и суффикса образованы окказиональные глаголы (1,2 %): *орогатить, скомпанировать, ублудить*, а также существительные *безнравие, недотыка*. Окказионализм *недотыка* обозначает в языке Пушкина «недотрога» [1], образован от глагола *тыкать* с помощью двух префиксов не- до-, а также нулевой суффиксацией.

Префиксально-постфиксальным способом образованы окказиональные глаголы (1,2 %): *искокетничаться, расподличаться, соткнуться*. *Соткнуться* – «столкнуться, оказаться вместе где-н.». Например: «Липранди, обнимаю дружески, жалею, что в разные времена съездили мы на счёт казённый и не соткнулись где-нибудь» [1]. Данный окказионализм образован от глагола *ткнуть* с помощью префикса со- и постфикса -ся.

Сложносуффиксальный способ, когда на базе двух основ или слов с помощью суффикса образуется новое слово, используется для образования существительных (5,3 %): *единоземец, единоплеменник, камер-пажиха, простомыслие, рифмодей, рифмотвор, скотоложница, стиходей, стопосложитель, хладномыслие, чтениебесие, чухландия*. Окказионализмы *рифмодей, рифмотвор, стиходей* образованы от двух основ с помощью нулевой суффиксации, что позволяет отнести данные единицы к группе окказионализмов, образованных сложносуффиксальным способом. Подобным способом образовано прила-

гательное *легкоязычный*, а также фамилия *Хлопухин*.

Сложением формантов и слов образованы существительные (9,3 %): *антиромантик, благоприятель, великокняжество, оберкапрал, полу-девица, полу-герой, полу-журавль, полузатворница, полу-истина, полу-купец, полу-медаль, полу-милорд, полу-милость, полу-мудрец, полу-невежда, полу-плут, полу-подлец, полупокойник, полупросвещение, полу-скиф, полу-талант, полу-фанатик, стихоткач, унтер-генерал*. Александр Сергеевич достаточно активно использует в образовании окказионализмов формант *полу-* в значении «не в полном смысле слова, наполовину», причем автор часто пишет эту морфему через дефис, подчеркивая смысловую нагруженность *полу-*. Например: «Тут остов чопорный и гордый, Там карла с хвостиком, а вот Полу-журавль и полу-кот» [1]. Сложением основ образованы прилагательные (16,5 %): *анти-драматический, анти-польский, быстроокой, дамоподобный, двухутренний, зелёно-бледный, историко-нравственно-сатирический, косвенно-внимательный, многодорожный, нравственно-сатирический, полубаснословный, полублагой, полувлюблённый, полудержавный, полудуховный, полугерманский, полу-кислый, полу-латинский, полу-мучительный, полупечальный, полу-политический, полу-религиозный, полурусский, полусветлый, полу-святой, полу-словенский, полу-смешной, полутурецкий, полу-французский, прозрачно-лёгкий, пучекий, религиозно-философический, родственно-аристократический, румяно-золотистый, светлоснежный, сладко-звонкий, смугло-румяный, томно-голубой, траги-нервический, тяжело-звонкий, тяжело-золотой, широко-медный, широкошумный* и причастия (2 %): *богоспасаемый, болезненно-отверстый, полуотверстый, полу-сделанный, полууничтоженный*. Данным морфологическим способом образованы глаголы (0,8 %): *полупродать, полу-проиграть* и наречие (0,4 %) *полупечально*. А.С. Пушкин в процессе образования окказиональных единиц посредством сложения часто нарушает нормы языка и пишет новые слова через дефис (*полу-проиграть, полу-смешной, анти-польский* и др.). Можно предположить, что такое авторское написание связано со значением ок-

казионализмов, усилением семантики формантов *полу-*, *анти-*.

Неморфологические способы образования окказионализмов – сращение и усечение. Сращение используется А.С. Пушкиным в процессе образования прилагательных (6 %), например, *бесстыдно-бледный, бесчувственно-спокойный, благородно-независимый, бывало-острый, важно-шутливый, вечно-праздный, вольно-вдохновенный, грозновецкий, живо-неспокойный, косвенно-внимательный, приятно-томный, пронзительно-унылый, снисходительно-послушный, стыдливо-холодный, холодно-ревнивый, причастий* (1,6 %): *болезненно-отверстый, звонко-скачущий, тихо-спящий, ярко-злащенный*, наречие *сам-пят*. *Сам-пят* – впятером, в числе пяти, включая себя. Например: «Пугачёв с шестьюдесятью казаками пробился сквозь неприятельское войско, и прискакал сам-пят в Бердскую слободу с известием о своём поражении» [1].

Усечение основы при образовании окказионализма мы встретили только в двух примерах: *блазнить* (соблазнить – усечён префикс), *Кюхля* (Кюхельбекер – усечена часть фамилии, радикас).

С помощью лексико-семантического способа автор создаёт слово, наполненное новым смыслом, например, *вертушка* (о судьбе, фортуне). «Или, мудрец придворный, С улыбкою притворной. Пред лентою цветной Поникнув головой, С вертушкою слепой Знакомиться желаешь?» [1]. *Вертушка* – 1. Название разного рода вращающихся аппаратов, приспособлений. 2. Легкомысленный, ветреный человек (разг.) [16]. Судьба, как вращающаяся деталь, бывает слепа и неразборчива в выборе.

В процессе словотворчества А.С. Пушкин активно применяет и такой способ, как изменение структуры слова. Переразложение – способ образования окказионализмов, когда смещаются границы морфем в составе слова. Например, *Сле-Пушкин* (Шутливо-каламбурное разложение фамилии крестьянина-поэта Ф.Н. Слепушкина), *Глухо-рев, Хло-Пушкина, Хло-пуша*. А.С. Пушкин обыгрывает внутреннюю форму слова, создаёт окказиональные слова, функция которых каламбурная, основывающаяся на игре слов – фамилий.

В языке А.С. Пушкина встречаются заимствованные слова-окказионализмы. Заимствования происходят из популярных на тот период времени французского и немецкого языков. Данные слова изменяются графически, фонетически, а некоторые переносятся в русский язык с переносным значением. Рассмотрим подробнее выявленные нами заимствованные слова-окказионализмы: *бель-сёры*, *васисдас*, *брудер*, *бон-мо*, *танта*, *фальбала*, *шваб*. Подобных окказионализмов немного – 2,8 % из всех выделенных окказиональных единиц. *Бель-сёры* – шуточно о свояченицах. На французском языке *belle-soeurs* – прекрасные сестры. Например: «*Бель-сёрам поклон. Как надобно сказать: бель серы, иль бель сери?*» [1]. А.С. Пушкин несколько адаптирует графический вид данного слова, ещё не определившись, как же его произносить. *Васисдас* – маленькая дверка или форточка в окне или двери: «*И хлебник, немец аккуратный, В бумажном колпаке, не раз Уж отворял свой васисдас*» [1]. В переводе с немецкого языка *was ist das* обозначает вопрос «что это». Однако в языке Пушкина этот вопрос оформился в одно заимствованное слово и получил другое, переносное значение, связанное с оригиналом: перед тем, как открыть дверь или окно спрашивают: кто это? что это?, поэтому *васисдас* – маленькая дверка или форточка в окне или двери. *Брудер* – брат: «*Эхе, брудер! так он*

ещё помнит старые наши проказы?» [1]. В переводе с немецкого *der Bruder* – брат. В данном примере сохранена графическая, фонетическая и лексическая составляющие заимствованного слова.

А.С. Пушкин создал достаточно много окказионализмов, его язык богат и ярок. С помощью окказиональных единиц в необычной форме он передаёт новые оттенки смысла, своё отношение к кому-либо событию, факту, месту, в котором ему пришлось оказаться, к поступкам близких людей, знакомых.

Таким образом, в результате проведённого исследования в языке А.С. Пушкина было выявлено 247 окказиональных единиц. Наиболее активно писатель использовал морфологический способ словообразования (суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, сложносуффиксальный, сложение). Кроме того, в языке А.С. Пушкина встречаются окказионализмы, образованные лексико-синтаксическим, лексико-семантическим способами. А.С. Пушкин образует окказионализмы посредством переразложения, а также заимствования из французского и немецкого языков. Окказионализмы А.С. Пушкина образованы по существующим в русском языке словообразовательным моделям, образцам, но между тем в большинстве своём не существуют вне контекста.

Список литературы

1. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000.
2. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. Репр. воспроизв. изд. 1912–1914. М.: Цитадель, 1998.
3. Вендина Т.И. В.И. Даль: Взгляд из настоящего // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 13-21.
4. Васильев Н.Л. К диалектике окказионального и узального // Современное русское языкознание и лингводидактика: сб. науч. тр., посвященный 95-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского. М.: Изд-во МФЮА, 2018. С. 296-300.
5. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
6. Александрова О.И. Окказиональные безаффиксные существительные женского рода в поэтических произведениях начала XX века: Краткий анализ и материалы для словаря // Ученые записки Арзамасского педагогического института. Серия «Филологические науки». Горький, 1969. Вып. 95. С. 193-227.
7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 284 с.
8. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. 23 с.
9. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индикс, 1998. 240 с.

10. Бакина М.А. Словотворчество // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М., 1977. С. 78-127.
11. Плотникова Л.И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация. Белгород, 2000. 207 с.
12. Гаспаров Б.М. Лингвистика языкового существования. М., 2003. 369 с.
13. Максименко М.С. Фамилии-окказионализмы в эпиграммах Пушкина // Поэтика русской литературы (Пушкинская эпоха. Серебряный век): сб. науч. ст. Краснодар: Изд-во КГУ, 1999. С. 53-58.
14. Васильев Н.Л. Пушкинское словотворчество в аспекте писательской лексикографии // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления). СПб., 2006. С. 15-17.
15. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Окказиональная лексика в произведениях поэтов «пушкинской плеяды» // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3. С. 24-27.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

References

1. Vinogradov V.V. (executive ed.). *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of Pushkin's Language: in 4 vols.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. (In Russian).
2. Dal V.I. (compiler). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. Reprintnoye vosproizvedeniye izdaniya 1912–1914* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. Reprint Reproduction of the Publication 1912–1914]. Moscow, Tsitadel' Publ., 1998. (In Russian).
3. Vendina T.I. V.I. Dal: Vzglyad iz nastoyashchego [V.I. Dal: View from the present]. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*, 2001, no. 3, pp. 13-21. (In Russian).
4. Vasilyev N.L. K dialektike okkazional'nogo i uzual'nogo [On the dialectics of the occasional and usual]. *Sovremennoye russkoye yazykoznanie i lingvodidaktika* [Modern Russian Linguistics and Linguodidactics]. Moscow, Moscow Finance and Law University Publ., 2018, pp. 296-300. (In Russian).
5. Vinogradov V.V. *O yazyke khudozhestvennoy prozy* [On the Language of Fiction]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 360 p. (In Russian).
6. Aleksandrova O.I. Okkazional'nyye bezaffiksnyye sushchestvitel'nyye zhenskogo roda v poeticheskikh proizvedeniyakh nachala XX veka: Kratkiy analiz i materialy dlya slovarya [Occasional non-affixal feminine nouns in poetic works of the early 20th century: A brief analysis and materials for the dictionary]. *Uchenyye zapiski Arzamasskogo pedagogicheskogo instituta. Seriya «Filologicheskiye nauki»* [Scientific Notes of Arzamas Pedagogical Institute. Series "Philological Sciences"], Gorky, 1969, Issue 95, pp. 193-227. (In Russian).
7. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 284 p. (In Russian).
8. Babenko N.G. *Okkazional'noye v khudozhestvennom tekste. Strukturno-semanticheskiy analiz* [Occasional in a Literary Text. Structural and Semantic Analysis]. Kaliningrad, Kaliningrad University Publ., 1997, 23 p. (In Russian).
9. Vendina T.I. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian Linguistic Worldview Through the Prism of Word-Formation (Macrocosm)]. Moscow, Indrik Publ., 1998, 240 p. (In Russian).
10. Bakina M.A. Slovtvorchestvo [Word creation]. *Yazykovyye protsessy sovremennoy russkoy khudozhestvennoy literatury: Poeziya* [Linguistic Processes of Modern Russian Fiction: Poetry]. Moscow, 1977, pp. 78-127. (In Russian).
11. Plotnikova L.I. *Novoye slovo: porozhdeniye, funktsionirovaniye, uzualizatsiya* [New Word: Generation, Functioning, Normalization]. Belgorod, 2000, 207 p. (In Russian).
12. Gasparov B.M. *Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Linguistics of a Linguistic Existence]. Moscow, 2003, 369 p. (In Russian).
13. Maksimenko M.S. Familii-okkazionalizmy v epigrammakh Pushkina [Surnames-occasionalisms in Pushkin's epigrams]. *Poetika russkoy literatury (Pushkinskaya epokha. Serebryanny vek)* [Poetics of Russian Literature (Pushkin Era. Silver Age)]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 1999, pp. 53-58. (In Russian).
14. Vasilyev N.L. Pushkinskoye slovtvorchestvo v aspekte pisatel'skoy leksikografii [Pushkin word creation in the aspect of the writer lexicography]. *Russkaya akademicheskaya neografiya (k 40-letiyu nauchnogo napravleniya)* [Russian Academic Neography (to the 40th Anniversary of the Scientific Direction)]. St. Petersburg, 2006, pp. 15-17. (In Russian).
15. Vasilyev N.L., Zhatkin D.N. Okkazional'naya leksika v proizvedeniyakh poetov «pushkinskoy pleyady» [Occasional vocabulary in the works of poets of "the Pushkin pleiad"]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Baltic Humanitarian Journal*, 2016, vol. 5, no. 3, pp. 24-27. (In Russian).

16. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997, 944 p. (In Russian).

Информация об авторе

Валиулина Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка как иностранного Международного института экономики и лингвистики. Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация. E-mail: svetlana-valiuli@mail.ru

Вклад в статью: идея, анализ литературы, набор первичного материала, анализ полученных результатов, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6557-2988>

Поступила в редакцию 03.11.2019 г.

Поступила после рецензирования 16.12.2019 г.

Повторное рецензирование 03.02.2020 г.

Принята к публикации 03.03.2020 г.

Information about the author

Svetlana V. Valiulina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Russian as a Foreign Language Department of International Institute of Economics and Linguistics. Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation. E-mail: svetlana-valiuli@mail.ru

Contribution: idea, literature analysis, source material acquisition, obtained results analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6557-2988>

Received 3 November 2019

Reviewed 16 December 2019

Second peer review round 3 February 2020

Accepted for press 3 March 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-235-249
УДК 81"42; 801.81:398

Народные и авторские сказки в аспекте языкового сознания

Анатолий Леонидович ШАРАНДИН¹, Исинь ЛИ²

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, e-mail: sharandin@list.ru

²Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
517182, Китайская Народная Республика, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюеюань, 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3397-2442>, e-mail: isinli@mail.ru

Folk and author's fairy tales in the aspect of linguistic consciousness

Anatoly L. SHARANDIN¹, Yixin LI²

¹Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, e-mail: sharandin@list.ru

²Shenzhen MSU-BIT University
1 International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen
517182, Guangdong Province, People's Republic of China
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3397-2442>, e-mail: isinli@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ проблемы взаимосвязи народных, народно-авторских и собственно авторских литературных сказок с типами языкового сознания. Результаты анализа свидетельствуют о том, что тексты сказок являются языковыми репрезентантами творческого (художественного) сознания и коррелируют с типами концептов. Народные сказки отражают творческий потенциал обыденного сознания и репрезентируют фольклорный концепт. Народно-авторские сказки представляют собой сказки-интерпретации, которые отражают синкретичное (коллективно-индивидуальное, народно-авторское) сознание и реализуют фольклорно-литературный концепт. Собственно литературная сказка является текстовым репрезентантом индивидуального художественного сознания её автора и сформировавшегося художественного концепта. Важно учитывать форму бытования сказок – устную (народные сказки) и письменную (авторские литературные сказки), их связь с субъектом (рассказчик или автор) и направленность на объект (слушатель или читатель). Это обуславливает вариативность и невариативность сказок. Типы языкового сознания связаны с языком: в фольклорных сказках используется не обработанный мастерами народный язык, в авторских сказках – литературный язык, который реализует индивидуально-авторскую систему языковых средств. В народных сказках представлена традиционная фольклорная поэтика, в авторских сказках – традиционно-художественная и собственно художественная поэтика. Идиостиль народных сказок – традиционный для фольклора, идиостиль литературных сказок – индивидуально-авторский.

Ключевые слова: русская народная сказка; авторская сказка; языковое сознание; языковая личность; фольклорный концепт; художественный концепт; языковая репрезентация

Для цитирования: Шарандин А.Л., Ли Исинь. Народные и авторские сказки в аспекте языкового сознания // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 235-249. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-235-249

Abstract. The analysis of the problem of the relationship among folk, authors' folk and authors' literary tales with linguistic consciousness types is presented. The analysis results indicate that the texts of fairy tales are linguistic representatives of creative (artistic) consciousness and correlate

with types of concepts. Folk tales reflect the creative potential of everyday consciousness and represent the folklore concept. Authors' folk tales are interpretative tales that reflect the syncretic (collective and individual, folk and author's) consciousness and implement the folklore and literary concept. The literary fairy tale itself is a textual representative of its author's individual artistic consciousness and the reached artistic concept. It is important to take the form of fairy tales' household into account – oral (folk tales) and written (author's literary tales), their relationship with the subject (storyteller or author) and focus on the object (listener or reader). This determines the variability and non-variability of fairy tales. Types of linguistic consciousness are associated with the language: in folklore tales, folk language that is not processed by masters is used, in author's tales, literary language that implements an individually authors' system of language means is used. In folk tales, traditional folk poetry is presented, in author's tales – traditionally artistic and artistic poetics. The individual style of folk tales is traditional for folklore and the individual style of literary tales is individually authors'.

Keywords: Russian folk tale; author's fairy tale; linguistic consciousness; language personality; folklore concept; artistic concept; linguistic representation

For citation: Sharandin A.L., Li Yixin. Narodnyye i avtorskiye skazki v aspekte yazykovogo soznaniya [Folk and author's fairy tales in the aspect of linguistic consciousness]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 235-249. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-235-249 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Рассмотрение сказки как особого жанра, представленного в устном народном творчестве и в художественной литературе, с точки зрения реализации ими определённых типов сознания вполне правомерно, поскольку сказочные тексты являются языковой репрезентацией сознания их создателей. Взаимосвязь типов сознания с создателями сказок логична в связи с тем, что в качестве их авторов выступают разные типы языковой личности: народ как коллективная языковая личность и автор как конкретная языковая личность. Но в любом случае антропоцентрический характер сказок не вызывает сомнений, если иметь в виду, что текст наиболее полно и репрезентативно представляет языковое сознание его создателя и языковые средства, выбор которых также определяется сознательной речемыслительной деятельностью его автора. Конечно, при этом художественное творчество предполагает и бессознательное использование языковых средств, о чём свидетельствуют признания самих авторов об отсутствии у них авторской мотивации в употреблении того или иного средства языка в качестве инструмента для достижения авторской цели.

Антропоцентрический характер сказочных текстов обусловлен также и реализацией в них интерпретирующей функции языка. Любой текст сказки не отражает действительность фотографически, зеркально, а преломляет её через отношение его создателя. Механизм интерпретации всегда в той или

иной мере присутствует в сознании автора сказок, поскольку «его существование и деятельность развёртываются не просто в объективной действительности, но в мире созданных им образов, знаков и символических форм, присущих самой структуре человеческой жизни» [1]. С помощью языка человеку удаётся выразить результаты познания и с его же помощью осуществить передачу полученных знаний о мире другим членам общества в процессе их социально-культурного взаимодействия. Но опять-таки по своему характеру интерпретация мира в тексте оказывается различной, поскольку осуществляется разными типами языковой личности. Поэтому одним из основных вопросов изучения сказок является вопрос о характере языкового сознания их создателей, о средствах и способе его репрезентации в тексте. Это тем более интересно с исследовательской точки зрения, учитывая генезис развития сказки и отражение в ней концептуального и языкового сознания разных её создателей.

Сказка, как известно, является одним из древних видов творческой деятельности народа. Не вдаваясь в историю зарождения и развития сказки на базе мифологии, что, конечно, значимо, поскольку мифологическое сознание считается одним из древних и специфических типов сознания человека, которое в той или иной степени присутствовало в сказках, в статье мы рассматриваем характер

ристики народной сказки как сформировавшегося жанра в рамках устного народного творчества (УНТ) или устного народного поэтического творчества (УНПТ). Наряду с данными терминологическими сочетаниями, в научной и учебной литературе используются и другие составные термины, получившие своё бытование, как: «устная словесность», «народная словесность», «народная поэзия» и т. д., но чаще всего используется международный термин «фольклор»¹. Не вдаваясь в терминологический спор, отметим, что для нас в русских терминах важны такие компоненты, как «творчество», «народный», «устный», «поэтический» и «словесность». В этом случае мы акцентируем внимание на творческом характере речемыслительной деятельности, которая использует устный вербальный (словесный) способ отражения мира в его поэтическом (художественном) варианте и присуща народу как коллективной языковой личности. Однако данные компоненты имеют различное научное истолкование и поэтому требуют некоторого нашего уточнения.

Прежде всего, относительно понятия «творчество». В наиболее широком смысле оно определяется как деятельность человека или народа, направленная на создание чего-то нового. Различие между творческим и нетворческим видом деятельности в самом общем виде видится в следующем. *Творческое* – это нечто активное и продуктивное, связанное с созданием и привнесением чего-то нового в результаты деятельности народа или человека, а *нетворческое* предполагает некую пассивность, которая связана с репродуктивной их деятельностью, основываясь на стандартах, стереотипах [2, с. 88]. Творчество имеет различную представленность результатов в разных сферах деятельности человека. Но достаточно однозначно языковое творчество воспринимается в связи с художественным словесным творчеством. Так, по мнению Д.Н. Овсяннико-Куликовского, «языковое творчество – это творчество художественное» [3, с. 212].

Особый интерес для нас имеет идея философа Г.Г. Шпета о творчестве как *отборе языковых средств*. Для него «смысл жаждет

творческого воплощения, которое своего материального носителя находит, если не исключительно, то преимущественно и образцово в слове. Именно развитие и преобразование уже данных, находящихся в обиходе форм слова, и есть творчество, как логическое, так и поэтическое» [4, с. 45]. Г.Г. Шпет считает, что «произведение есть продукт некоего целемерного созидания, то есть словесного творчества, руководимого не прагматической задачей, а внутренней идеей самого творчества, как *sui generis* деятельности сознания» [4, с. 142]. Идея творчества осмысливается здесь уже в тесной связи с поэтическим (художественным) творчеством, которое преобразует существующие в языке связи в результате творческого акта [2, с. 90]. Поэтому не случайно фольклор имеет также терминологическое обозначение «народное поэтическое творчество», которое указывает на художественность (поэтичность) как на признак, по которому отличают фольклорное произведение от верований, обычаев и обрядов, но сближает с художественной литературой.

В отличие от данного понимания творчества, представленного в сказках, высказывается мнение об отсутствии в них творческого начала. Так, по мнению С.Б. Адоньевой, значительная часть фольклора является творчеством не в большей мере, чем любая другая человеческая деятельность. «Направление фольклорного действия противоположно направлению действия творческого: творить – значит создавать новое, в то время как фольклор ориентирован на старое, на канон, на поддержание традиции». В примечании она отмечает: «Спеть песню, построить забор, соткать полотно – все это действия, направленные на создание новых вещей, но по известным технологиям. Творчество в традиционной культуре может быть определено как творчество в пределах известной технологии (или *мастерство*)» [5, с. 3]. Это примечание для нас важно, поскольку мы согласны с тем, что, например, спеть песню – это в строгом смысле не есть собственно творчество, хотя при этом значимым и творческим может быть характер исполнения, подача песни, отношение к её содержанию и форме. Но, главное, прежде чем песня будет кем-то исполняться, её нужно *создать*. И

¹ См.: Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. С. 429.

речевой акт её создания имеет, на наш взгляд, творческий характер. Он включает такой компонент, как творение (создание).

Другими словами, мы считаем, что фольклор ориентирован на старое, канон и традиции в той же степени, в какой и созданные литературные художественные традиции и прецедентные тексты оказываются использованными в дальнейшем в качестве тех или иных технологий. Для нас важен момент создания в фольклоре, который, думается, вполне соотносится с понятием «творческий» (см. выше понимание творческой деятельности). А то, что созданный текст сориентирован в дальнейшем на традиции и стандарты, связан с устной формой его существования и что его носителем оказывается народ, а не конкретная языковая личность, мы можем рассматривать как особенность генезиса развития сказки. В данном случае мы имеем в какой-то степени *антиномию*: сказка как жанр УНТ имеет в качестве её создателя конкретную языковую личность, но её авторство не оказывается закреплённым в сознании слушателей, поскольку устная форма её рассказа не способствует этому, существуя в формате «здесь и сейчас». В результате авторство сказочного текста «растворяется» в народе. Первый автор (создатель) сказки забывается, но, передавая «из уст в уста», народ берёт на себя функцию авторства сказки и оказывается её носителем, подобно тому как создание слова имеет индивидуальный речевой акт, но затем это авторство утрачивается, и созданная номинация включается в словарь русского языка, где мы имеем абстрагированность от авторства слова. Думается, можно привести с определёнными, конечно, оговорками и такой факт, когда авторские песни оказываются в восприятии носителей языка народными в силу их популярности и высокой частности исполнения.

Таким образом, мы считаем, что более правомерно определять сказки в системе творчества, но при этом учитывать характер существования и использования сказки в дальнейшем, её разнообразное функциональное предназначение, которое в значительной степени связано с воспитанием и моралью (нравственностью) поколений. Особенности и функции сказки, конечно, связаны с их прагматикой, как справедливо отмечает

С.Б. Адоньева [5], но прагматика не отменяет статуса сказки как жанра в творчестве народа, не нейтрализует полностью творческие моменты в её существовании и бытовании.

В связи с признанием творческого характера результатов речемыслительной деятельности в фольклоре целесообразно рассмотреть специфику сознания с позиций языковой личности, участвующей в создании и бытовании сказок. При этом важно отметить, что понятие языковой личности применимо не только по отношению к отдельному индивидууму, но и по отношению к коллективу. В частности, на это указывал Н.С. Трубецкой: «личностью является не только отдельный человек, но и народ» (цит. по: [6]). Понятия сознания и языкового сознания присущи и той, и другой личности, которые в своей деятельности (творчестве) способны порождать основной продукт языкового сознания – текст. В принципе, если иметь в виду понятие субъекта творческой деятельности, то в его качестве «могут выступать: человечество, народ, отдельный человек, сила духа и – косвенным образом – сам язык» [2, с. 88].

Однако в нашем случае возникает вопрос: чем творчество народное отличается от творчества конкретной языковой личности или чем народное языковое сознание отличается от индивидуального сознания в случае, когда народ и индивидуум являются создателями (авторами) сказочных текстов? По определению С.Е. Никитиной, «Языковое народное сознание – воплощение народного миропонимания в языковой форме, в языковых стереотипах, из которых строятся тексты малых и больших жанров фольклора, участвующих в вербальной коммуникации» [6]. Другими словами, фольклорные произведения как результат народного творчества связаны с коллективным языковым сознанием. И эта связь имеет самое непосредственное отношение, естественно, к народным сказкам как одному из основных видов фольклорных произведений.

Что же особенного выделяют исследователи в содержании и языке народной сказки как тексте, который является языковым репрезентантом коллективного народного сознания? Эту особенность логично искать в характере познания и его отражении в сознании коллективной языковой личности, в её

мировидении и восприятии различных сторон жизни народа, в оценке народных взглядов норм поведения и в формировании жизненных идеалов, которые народу хотелось бы сформировать у живущего и будущего поколения. С этой точки зрения важным представляется вывод С.Е. Никитиной, проанализировавшей крестьянский уклад жизни, о том, что «главное – невыделенность личности из социума, обусловленная прежде всего традиционным образом жизни, то есть воспроизведением опыта предшествующих поколений без существенных изменений, одинаковостью занятий, подчинением миру – общине, регламентировавшей практически все проявления личной жизни, коллективными производственными и этическими традициями» [6].

В этом случае народное языковое сознание существует как «общее семантическое пространство», соотносящееся с концептуальным пространством, которое отражает восприятие народом мировоззренческих, культурно-эстетических, нравственных и моральных ценностей, его жизненный опыт. Народные сказки, репрезентирующие коллективное языковое сознание русского народа, отражают ту информацию, те знания, которые формируют *базовый уровень категоризации* действительности [7, с. 85-94], то есть уровень естественной категоризации в формате обыденного сознания. В этом случае задействованы не специальные, теоретические знания, а знания, которые присущи всем носителям языка и являются ориентировочной основой повседневного поведения человека, его восприятия и понимания жизни, её традиций, идеалов и нравственно-культурных ценностей. Базовый уровень характеризуется, если можно так выразиться, «усреднённым» осознанием действительности. В результате и формируются наиболее типичское восприятие, стандартное понимание, что позволяло бы не допускать коммуникативного сбоя в случае воспитания, привития нравственных начал и т. д. Именно такое осознание жизни оказывается в основе коллективного сознания. Оно формирует постоянные и традиционные элементы в композиции, сюжетах и содержании сказок, а также в их языке. В народных сказках мы имеем путь от жизненных фактов и деталей к их обоб-

щению. Творческая мысль народа как бы отсекает всё лишнее, что не способствует выражению типического и общего. Поэтому народные сказки демонстрируют искусство крупных обобщений, достигающее очень высокого уровня типизации. Это закономерно, поскольку художественные обобщения имели в фольклоре универсальные свойства, что, естественно, наследовали и народные сказки как один из основных жанров фольклора.

Однако рассмотрение сказки в качестве языкового репрезентанта обыденного сознания позволяет некоторым исследователям видеть в ней отсутствие художественного (и в этом смысле творческого) восприятия мира. В этом случае осмысление жизни в рамках обыденных (житейских) знаний противопоставлено собственно художественным знаниям, которые находят отражение в языке художественной литературы, связанным с художественным (поэтическим, эстетическим) типом сознания. Они считают, что язык фольклора вообще и язык сказок в частности не создавался специально, а является продуктом повседневной деятельности людей. Сказка учит жизни, добру и справедливости подобно тому, как родители учат в семье детей, используя повседневный язык общения, то есть текст сказки оказывается приравненным к практическим текстам, которые репрезентируют обыденное сознание.

Думается, полностью с этим согласиться нельзя. На наш взгляд, обыденное сознание также могло быть основой для формирования художественных (фольклорных) знаний. Действительно, в основе обыденного сознания лежат житейские знания, которые базируются на здравом смысле и являются важной ориентировочной основой повседневного поведения человека². Согласно определению энциклопедического словаря «Философия», обыденное сознание – это «сознание, включённое в человеческую практику и не сформированное специально, подобно науке, искусству, философии» [8, с. 614]. Это позволяет некоторым исследователям трактовать обыденное сознание как низший, элементарный уровень общественного сознания, в противоположность теоретическому научному сознанию, которое появилось позднее и

² Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 192.

является высшей формой познания. В классификационном смысле с этим можно согласиться, но при этом следует иметь в виду, что обыденные знания, сформировавшиеся на основе обыденного сознания, присущи всем людям, то есть обыденное сознание имеет всеобъемлющий общечеловеческий характер, обеспечивая коммуникацию носителей языка. Это тот уровень общественного сознания, который обеспечивает устойчивость и динамичность человеческого познания и восприятия мира.

Как отмечают авторы статьи «Устное народное творчество – важнейший компонент обыденного сознания», «отождествление устного народного творчества с обыденным сознанием не случайно» [9, с. 139]. С одной стороны, устное народное творчество представляет собой структурно составляющий компонент обыденного сознания. С другой стороны, эмпирическое знание, формирующее ядро обыденного сознания, складывается непосредственно в бытовой жизни народа, отношение к которой отражено в разных жанрах народного творчества, включая, конечно, сказки. По их мнению, «устное народное творчество представляет особую сферу отношения к миру, с помощью которой в художественно-обобщенной форме человек выражает своё эстетическое кредо, то есть эстетически осваивает действительность. Фольклор, отражая различные стороны общественной жизни, не просто воспроизводит их, а эстетизирует» [9, с. 141]. И поэтому не случайно, З.Д. Попова и И.А. Стернин, определяя компоненты обыденного сознания, включают в его состав эмпирические знания, общественную психологию и *народное художественное творчество* [10, с. 29].

Таким образом, сказка как представитель народного художественного (поэтического) творчества оказывается в составе обыденного сознания, наряду с другими его компонентами, но при этом не лишается творческого характера, не лишается художественности в том понимании, которое существовало на этапе формирования и развития сказки как жанра фольклора. Главным принципом художественного отражения в ней жизненных установок был народный, а не индивидуальный принцип осознания действительности и жизнедеятельности человека. Как отмечалось

выше, он был связан с «невыведенностью личности из социума» (С.Е. Никитина) и тем самым с подчинённостью индивидуального коллективному. Это требовало типизации, обобщения, выработки стереотипности и традиций в фольклорных концептах и их отражения в языке народных сказок.

При этом важно то, что устная форма фольклорных произведений позволяет обширным народным массам как бы участвовать в их создании. Коллективный же характер народного творчества даёт возможность народу прямо и полно выражать свои мысли и эмоции, любовь и ненависть, моральные ценности, идеалы и желания, а также мировоззрение. А это значит, что обыденные знания, определяющие сущность обыденного сознания, оказываются базовыми для носителей языка. Но, как и любые знания, житейские знания могут быть включёнными в творческий процесс, отражающий народные установки на творчество (вымысел, фантазии, символизм).

Таким образом, *обыденное сознание вполне совместимо с творчеством* народа как создателя сказки. И такие концептуальные признаки сказки, как **стереотипность, стандартность, типизация и традиционность** не отменяют её художественность. Более того, именно эти признаки и **определяют художественное осмысление действительности**, её концептуализацию, которая находила отражение в фольклорных концептах.

Понятие *фольклорного концепта* широко представлено в научном изучении сказок и УНТ в целом. Такое внимание к ним обусловлено антропоцентрическим подходом к описанию языка и развитием лингвокогнитологии и лингвокультурологии как направлений, наиболее полно реализующих принцип антропоцентризма в исследованиях. Поэтому естественно обращение к концепту как центральному понятию в изучении мыслительной деятельности человека и народа с точки зрения отражения в ней культурного содержания концептов, и прежде всего ключевых концептов, определяющих мировидение и мировосприятие носителей языка того или иного этноса. Сказки как фольклорные тексты, без сомнения, относятся к репрезентантам языкового народного сознания и определяют восприятие сформировавшихся ключе-

вых концептов на том или ином этапе историко-культурного развития народа. Поэтому *фольклорный концепт оказывается особым типом лингвокультурного концепта* и является образованием национального языкового сознания, которое отражается в фольклорной картине мира. Таковую взаимосвязь, в частности, отмечает Ю.А. Эмер, которая трактует фольклорный концепт как «дискурсивный вариант общекультурного концепта, ...фрагмент дискурсивной фольклорной картины мира» [11, с. 73].

По мнению исследователей, образный и ценностный компоненты фольклорного концепта отличаются от соответствующих составляющих общекультурного концепта особой системой фольклорных образов и представлений о мире, не всегда совпадающих с общекультурными представлениями, а также имеют специфические языковые средства их репрезентации. Поэтому выявление специфики фольклорного концепта, по мнению Ю.А. Эмер, невозможно без сравнения его с художественным концептом. Это, на наш взгляд, совершенно справедливо, если понимать художественность как признак, различающий фольклорные и литературные произведения, а не объединяющий их. Для нас, в данном случае, важно понимание того, что фольклорный концепт формируется как результат творчества, только представленного устной сферой словесности. Принципиальное отличие фольклорного концепта от художественного Ю.А. Эмер видит в том, что художественный концепт диалогичен по своей природе. Фольклорный же концепт монологичен и представляет собой отражение знания коллектива, фиксирует коллективный опыт. Хотя, думается, в своём первичном формировании и фольклорный концепт диалогичен, поскольку он отражает первоначально знания индивидуума, но затем, сформированный на индивидуальной основе, фольклорный концепт приобретает коллективную форму его реализации в общении, передавая в этом случае уже коллективные знания. Другим важным отличием фольклорного концепта от художественного является текстовая реализация важнейших ментальных оппозиций, имеющих устойчивое и традиционное представление в коллективном

сознании: «ДОБРО/ЗЛО», «ТРУД/ЛЕНЬ», «УМ/ГЛУПОСТЬ» и т. д.

Таким образом, в рамках концепции Ю.А. Эмер фольклорный концепт и художественный концепт рассматриваются как концепты, сформированные в рамках творчества. Различие же между ними обусловлено разным пониманием характера творчества, представленного в фольклоре и литературе.

Однако, на наш взгляд, вполне можно было бы видеть в художественности общий признак, объединяющий собственно фольклорный и собственно художественный концепты. В частности, по мнению Ю.А. Эмер, «и фольклорный, и художественный концепты являются единицами авторской (индивидуальной/коллективной) картины мира, характеризуются образными средствами выражения и эстетической направленностью, обусловленными творческим замыслом автора. И фольклорный, и художественный концепты являются универсальным опытом, зафиксированным в культурной памяти этноса» [11, с. 77]. В этом случае художественность может быть истолкована как эстетическая категория, присущая народному творчеству (фольклорный текст) и индивидуальному творчеству (авторский литературный текст). И в рамках этой категории они оказываются составляющими её компонентами, обнаруживая специфику в способе художественного осмысления действительности – коллективном (фольклорный концепт) и индивидуально-авторском (литературный концепт). Но, на наш взгляд, и первое, и второе решение связано с пониманием художественности в отношении фольклора и литературы, а не с отрицанием её в фольклоре.

Таким образом, выделение фольклорного концепта как особого типа художественных концептов определяется не столько сущностными его отличиями, связанными с самим пониманием художественного концепта как ментальной единицы, сколько обусловлены характером художественных знаний (собственно фольклорных и собственно литературных). При этом важно учитывать и специфику его создания на основе коллективного сознания, а также его реализацию в устной форме своего бытования. Отражение коллективных знаний, коллективного осознания культурно-эстетических ценностей позволяет

видеть в фольклорном концепте некоторые архетипические свойства и признаки, присущие русскому народу в восприятии действительности (коллективность, анонимность, традиционность). В случае использования фольклорных концептов в тексте сказок они приобретают ту или иную степень художественности.

Что же касается собственно художественного концепта (в узком смысле слова *художественный*), то его специфика, на наш взгляд, обусловлена особенностями образного освоения действительности, который представлен в языковом плане художественной литературой. По нашему мнению, «с точки зрения художественных знаний носителю языка необходимо постичь слово или текст как знак творчества, как образ, чтобы осознать и понять индивидуальность авторского видения действительности» [12, с. 15]. В этом случае мы имеем дело с художественным мышлением. И автор художественного текста мыслит, прежде всего, концептами-образами, используя экспрессивность и ассоциативность языковых средств. Это выражается в его стремлении «найти такие слова и высказывания, их сочетания и расположения, которые в максимальной степени позволяют ему добиться реализации своего художественного замысла» [12, с. 23]. В этом смысле писатель создаёт свой образ реального мира, не удовлетворяясь чужим (в том числе и народным) представлением о действительности. Он стремится в образности своего произведения глубже отразить сущность индивидуального бытия, не игнорируя и бытие народное, представленное в сказках.

При этом важно заметить, что существует не только «явная образность», то есть выраженная тропами, но и «общая образность» (А.М. Пешковский), осознание которой осуществляется на основе текста в целом. По нашему мнению, «общая образность – это то, что отличает художественный текст как произведение искусства от практических текстов, служащих средством человеческого общения, накопления и передачи информации» [13, с. 57]. В сказках, особенно социально-бытовых, на наш взгляд, мы имеем, прежде всего, «общую образность».

Таким образом, то, что сказки имеют коллективного автора, сознание которого

ближе к обыденному сознанию, чем к собственно художественному, не означает, что они оказались тождественными практическим текстам. Сказки представляют народное творчество, направленное на создание произведений воспитательного и нравоучительного характера. И достижение этого осуществляется с помощью реализации художественного замысла, выраженного также отбором языковых средств, которые выполняют функцию образных средств. Художественный замысел предполагает не только употребление изобразительно-выразительных средств (что в сказках тоже есть), но и силу воздействия на слушателя, которая является следствием «общей образности» текста в целом. И в этом смысле художественная сила сказки не вызывает сомнений.

При этом важно учитывать, что художественность как эстетическая категория имеет различное понимание и восприятие на том или ином этапе социально-культурного развития общества. Сказки, как отмечалось выше, связаны с древнейшим периодом жизни народа. Самые ранние сведения о русских сказках относятся к XII веку. В частности, исследователи отмечают наличие этих сведений в памятнике древнерусской письменности «Слово о богатом и убогом» в описании отхода ко сну богатого человека. Насколько сопоставимы художественные установки русского народа, даже XII века, с пониманием художественности более поздних периодов, с современным истолкованием художественности как концептуального признака литературы? Не нарушаем ли мы принцип историчности и преходящего характера нашего познания мира и его отражения в языке, когда отказываем в художественности сказкам и фольклору в целом (см.: [5])?

На наш взгляд, признание категории образности в качестве когнитивной доминанты художественности позволяет видеть в ней то, что объединяет художественные тексты на разных исторических этапах их создания. А образность присутствует не только в художественной литературе, но и в сказках. Другое дело, что сказочные образы в народных сказках отражают народное восприятие и понимание, обусловленное коллективным характером народного сознания, что находит отражение в их типизации, отсутствии психо-

логизма и стереотипности. В литературных же сказках образы в большей степени детализированы, психологичны и индивидуальны в восприятии авторов сказок. Поэтому художественный замысел народа и авторов оказывается разным в отражении образов сказок. Это обуславливают и различия в языковых средствах, участвующих в создании сказочных образов. Ведь не случайно С.Б. Адоньева, отрицая художественный и творческий характер фольклора, тем не менее, отмечает существенный момент: «граница между художественными и нехудожественными текстами может меняться с течением времени. Один и тот же текст в разных культурных системах может быть воспринят и осмыслен по-разному» [14, с. 16].

В эпоху создания сказок категория художественности определялась народным (коллективным) сознанием, представленным обыденным сознанием, но которое при этом не исключало творческого и художественного начала в создании сказочных текстов. Народ был творцом сказок, включая в их концептуальное содержание своё традиционное видение мира и отбирая те традиционные языковые средства, которые именно данное народное видение представляют в системном плане. Устная форма закрепления сказочного содержания не могла быть многообразной, хотя и допускала некоторую вариативность, прежде всего в языковых средствах. Письменная же форма изложения сказки в авторских произведениях позволяла усилить многообразие в содержательном и языковом плане, поскольку письменный текст мог восприниматься не только «здесь и сейчас» (как устный текст народной сказки), но и во времени и пространстве, соотнося сказочный текст с конкретным автором. Другими словами, народная и литературная сказки сложились в разное время на различной культурно-исторической основе, в силу чего и создаётся впечатление, что народные сказки лишены творческого начала и вследствие этого художественности, тогда как литературным сказкам присуща художественность, поскольку в них реализуется творческий потенциал конкретной языковой личности.

Некоторого уточнения, на наш взгляд, требует и вывод С.Б. Адоньевой относительно того, что «определение языка как творче-

ской деятельности снимает проблему качественного своеобразия художественного текста. Любой текст оказывается художественным в той или иной мере» [14, с. 16]. Думается, художественность любого текста определяется не столько пониманием языка как творческой деятельности, связанной с проявлением национального духа (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня и др.), сколько, учитывая творческий характер языка, позволяя использовать его в качестве основного средства (инструмента, механизма) в создании образности художественного текста, его восприятия в эстетической функции. В тех же случаях, когда признаки художественности отсутствовали, текст не становился художественным, несмотря на признание за языком творческой деятельности, творческого характера (ср., например, публицистические тексты, рекламные тексты и т. п.).

Таким образом, народные сказки, являясь одним из жанров фольклора, соответствуют их рассмотрению и осмыслению с позиций творчества: они представляют собой результат творческой деятельности народа в качестве коллективной языковой личности, реализуют коллективное обыденное сознание, отражающее художественное (фольклорное) осмысление и восприятие мировидения с учетом его аккумуляции в устной форме. Поэтому народные сказки в рамках фольклора характеризуются основными признаками, присущими понятийному содержанию термина «устное народное поэтическое творчество».

В этом плане они оказываются противопоставленными собственно авторским литературным сказкам. В них индивидуально-авторское творчество представлено художественной литературой как областью словесного искусства. Авторские сказки являются языковым репрезентантом художественного мышления, которое оперирует понятием художественного концепта. «Художественное воссоздание мира» (В.В. Виноградов) предполагает реализацию индивидуально-авторского сознания, присущего отдельной конкретной языковой личности. В результате создаётся произведение в рамках *другой самостоятельной художественной системы – художественной литературы*. Она сориентирована на письменную форму представле-

ния текста, что позволяет ему во времени и пространстве сохранять не только изначальное концептуальное содержание, но и языковую форму. Народные сказки не имеют единого автора в функциональном смысле, на их формирование оказал влияние не один человек, а множество сказителей. Это обусловило вариантность народных сказок, которая явилась следствием устного рассказа сказок, тогда как такого рода вариантность в письменных текстах авторских сказок отсутствует. Однако у литературных сказок присутствует вариативность в осмыслении содержания сказок со стороны читателя. Он имеет возможность один и тот же текст интерпретировать в разное время (ср. восприятие литературных сказок одним и тем же читателем в детстве и будучи взрослым).

Индивидуальное языковое сознание предстаёт как свойство индивидуума, его способность отображать действительность, оформляя свои впечатления и восприятие в языковой форме. Показательны в этом смысле авторские сказки, которые являются интерпретацией народных сказок, когда часть знаний, получаемых отдельной языковой личностью, формируется под влиянием коллективных знаний, присущих народу. Индивидуум стремится постичь коллективное сознание, приближаясь к нему, но индивидуальное сознание не перекрывает полностью коллективное сознание. И сказки демонстрируют это. Авторы литературных сказок стремятся постичь совершенство и простоту народных сказок, их лаконичность и образность, используя для этого установку на традицию, стереотипность, ориентацию на повторы, создающие специфическую ритмичность, устойчивость и традиционность образительно-выразительных средств (тропов), достаточно простой синтаксис, позволяющий формировать мысль, сориентированную на обыденное, житейское общение, и т. д. Как отмечают исследователи, авторские литературные сказки формировались на основе народных сказок, их традиций. Даже в том случае, когда автор сказки оказывался не интерпретатором народной сказки, а создавал самостоятельное оригинальное произведение, он, тем не менее, учитывал сказочные народные традиции.

В этом смысле в речемыслительной деятельности автора сказки можно видеть нетворческий подход к созданию сказочного текста, поскольку он использует технологию создания сказки, исходя из традиций, стереотипности и стандартности основных художественных приёмов, используемых в народных сказках. Однако если видеть в части использования народных традиций, коллективных знаний, сформировавшихся в коллективном сознании, – нетворческое, а в части реализации индивидуального сознания, формирующее его индивидуально-авторское видение концептуального содержания сказки и отбор языковых средств для его репрезентации, – творческое, то при таком понимании творчества (художественности) литературная сказка теряет свою цельность (целостность) идейно-художественного замысла её автора. Отношение к традиции народных сказок также является творческим актом, поскольку автор интерпретирует их, производит отбор для своей сказки.

Таким образом, и в случае народной сказки, и в случае авторской сказки мы имеем тексты, в которых реализуется коллективное и индивидуальное сознание как отражающее творческую речемыслительную деятельность их субъектов – народа и конкретной языковой личности. Другое дело, что в союзе традиций народных сказок и нового в авторской сказке в большей степени актуализировано индивидуально-авторское видение мира, что и позволяло выявлять знания, которые связаны с индивидуальными, прежде всего психическими, свойствами личности. Эти знания отражают её собственный опыт жизни, восприятие культурно-эстетических ценностей в понимании их индивидуумом. В результате коллективное и индивидуальное языковое сознание пересекаются, но не являются тождественными. Их взаимосвязь оказывается взаимодополняющей, что и обеспечивает динамику языкового сознания как основного и важнейшего ментального процесса, представленного концептуализацией и категоризацией мира в языке.

Основное различие между народными и авторскими сказками обусловлено, на наш взгляд, тем, что в народных сказках мы имеем дело с фольклорным концептом, который стремится к художественным обобщениям и

типизации в осмыслении действительности, тогда как собственно художественный концепт, реализуемый в авторских сказках, в большей степени сориентирован на индивидуализацию художественного мышления. В этом смысле писатель создаёт свой образ реального мира, не удовлетворяясь чужим (в том числе и народным) представлением о действительности. Он стремится в образности своего произведения глубже отразить сущность индивидуального бытия в сказках. Исследователи авторских сказок (см.: [15]) отмечают по сравнению с народными сказками развёрнутость повествования, больший психологизм героев, расширенное описание их внутреннего мира, наличие портретных описаний и пейзажей, указание на реальное время и пространство, наличие множества сюжетных линий и авторских отступлений, рассуждений и т. д. Всё это позволяет создать художественный мир в индивидуально-авторском восприятии, для чего привлекаются разнообразные тропы и языковые средства, особенно метафоры, которые в народных сказках представлены в меньшей мере. Но это не исключает того, что народ, как коллективный автор фольклорного произведения (сказки), также использует художественную концептуализацию мира. Он также осознанно стремится донести до слушателей тот художественный замысел, который соотносится с народными ценностями и с народным познанием мира, стремится найти лаконичные и простые слова, словесные образительные фигуры, художественные формулы, которые позволят добиться реализации народного восприятия действительности и жизни народа.

Однако, наряду с противопоставлением собственно народной сказки и собственно авторской литературной сказки, мы имеем авторские литературные сказки, сориентированные на интерпретацию собственно народных сказок. Например, произведение А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» в концептуальном понимании соотносится с народной сказкой «Жадная старуха». В частности, сравнительный анализ, представленный Е.В. Родных, показал следующее.

В той и другой есть главные герои – старик и старуха, которые характеризуются, в принципе, достаточно близко, схоже. 1. Об-

раз старухи в народной сказке: вредная, жадная, сварливая, сердитая, старая, глупая, грубая, требовательная, плохая, гадкая, своевольная; образ старухи у Пушкина: вредная, жадная, сварливая, сердитая, старая, глупая, грубая, требовательная, плохая, гадкая, своевольная. 2. Образ старика в народной сказке: слабовольный, исполнительный, безотказный, послушный, трусливый; образ старика у Пушкина: добрый, пытается противиться старухе, не хватает смелости, твёрдости характера. 3. Наличие исполнителя желаний: в народной сказке в этом качестве выступает старое дерево, а у Пушкина – золотая рыбка. Главное не в том, что они разные, а в том, что они есть. 4. Отношения между стариком и старухой: в народной сказке старуха командует стариком, заставляет просить всё у дерева; у Пушкина старуха приказывает, бранится, ругается, заставляет просить у золотой рыбки. 5. Наличие исполненных желаний: в народной сказке было 6 желаний (богатство, бурмистр, барин, полковник, генерал, царь); в сказке Пушкина 4 желания (крыто, изба, столбовая дворянка, вольная царица). 6. Неисполненное желание: в народной сказке – быть Богом; у Пушкина – быть владычицей морскою. 7. Наказание: в народной сказке старик и старуха были превращены в медведя и в медведицу и оставлены жить в лесу; в сказке Пушкина старуха осталась у разбитого корыта (см.: [16]).

Таким образом, несмотря на некоторые различия, можно утверждать концептуальную близость народной сказки и литературной сказки А.С. Пушкина. Об этом, в принципе, свидетельствует и тот урок, который может быть извлечён слушателями и читателями этих сказок, а именно: нельзя жадничать, ибо жадность до добра не доводит, а также надо ценить человеческие отношения. Что же касается различий, то они в большей степени представлены в языковом плане: язык народной сказки предстаёт как «обработанный мастером», то есть как литературный язык. Это находит, в частности, отражение в системе образных выражений и образительно-выразительных средств.

На наш взгляд, можно сделать вывод о том, что авторская литературная сказка А.С. Пушкина представляет собой, скорее всего, интерпретацию общего смысла народ-

ной сказки. Поэтому *по содержанию* она *народная*, а *по форме* (письменный текст, рассчитанный на запоминание, чему способствуют обработанный А.С. Пушкиным язык, стихотворная форма, ритм и др.), – *литературная*. Это и позволяет рассматривать её как *народно-литературную (сказку-интерпретацию)* и тем самым отличать от собственно народной сказки. В сказке А.С. Пушкина в большей степени представлено народное осмысление смысла, положенного в основу народной сказки, наличие народных сказочных традиций, которые обусловлены существованием сказки в системе устного народного творчества.

В этом смысле интересны результаты сравнения сказок-интерпретаций разных авторов, содержание которых соотнесено с одним и тем же народным сказочным текстом. Так, сравнительный анализ сказки А.С. Пушкина «Сказка о мёртвой царевне» и сказки В.А. Жуковского «Спящая царевна» показал, во-первых, что та и другая сказки близки к народной сказке, обнаруживая сходства с ней в содержании и языке (наличие зачина и концовки, волшебный сюжет и волшебные предметы, повторы, борьба добра и зла, при этом добро побеждает зло, деление героев на положительные и отрицательные, постоянные эпитеты, сравнения и т. д.). Но, реализуя в них своё авторское видение и осмысление сюжета и народных традиций, А.С. Пушкин и В.А. Жуковский по-разному реализуют в них своё авторское видение и осмысление сюжета и народных традиций. Как отмечается в анализе³, только у Пушкина актуализировано авторское отношение к героям, которое передано через их описание. Кстати, это отличает авторскую сказку Пушкина не только от авторской сказки Жуковского, но и от народной сказки, которая, как правило, не содержала такой информации. Пушкин же передаёт собственное отношение к царевне словами *красавица-душа, милая девица, моя душа* и т. д., к мачехе – через цвет: *на чёрное дело посылает чернавку, черницу*, она *чёрной зависти полна*. Во-вторых, оценивая результаты интерпретации народной сказки, автор анализа делает вывод о том, что, «написан-

ные по похожему сюжету, сказки Пушкина и Жуковского воспринимаются как совершенно разные произведения. В пушкинской – русский дух, народные образы и язык, увлекательный сюжет, интрига, зависть. Его сказка – прямая наследница народной сказки»⁴.

Итак, сказка может предстать *в трёх ипостасях*: **народная сказка** (собственно фольклорная), **народно-литературная сказка (сказка-интерпретация, или сказка-ремейк)**, которая сориентирована на фольклорный источник, но при этом подверглась интерпретации со стороны автора, и **собственно литературная сказка**, которая является оригинальным литературным произведением, созданным конкретным автором. В принципе, эта классификация в настоящее время оказывается достаточно распространённой. Так, Л.В. Овчинникова классифицирует литературные сказки на *фольклорно-литературные и индивидуально-авторские* [17, с. 92].

Критерием их разграничения является степень близости концептуального содержания. Народно-литературная сказка обнаруживает значительную близость по содержанию собственно народных сказок, что выражается в авторской интерпретации народных сказочных традиций, а различия лежат в плоскости варьирования содержания и языковой формы его выражения (ср. народную сказку «Жадная старуха» и литературную сказку А.С. Пушкина «Сказка о старике и рыбке»). Собственно литературная сказка не имеет соответствия с концептуальным содержанием народной сказки и реализует индивидуально-авторскую систему языковых средств, которые сориентированы в большей степени на художественный концепт, а не на фольклорный (ср. сказки С. Писахова).

Данная классификация сориентирована на *различия в типах сознания*. *Народная сказка* является текстовым репрезентантом народного творческого обыденного сознания, представляющего коллективный опыт восприятия действительности и жизни народа. *Народно-литературная сказка* – это текстовый репрезентант творческого обыденного сознания народа в интерпретации индивидуального художественного сознания, когда коллективный опыт осмысливается с позиций индивидуального опыта писателя.

³ Сравнительный анализ сказок. URL: <https://ped-tehno.ru/content/sravnitelnyy-analiz-skazok> (дата обращения: 10.09.2019).

⁴ Там же.

Таблица 1

Различительные признаки в системе сказок

Тип сказки	Собственно народная	Народно-литературная	Собственно литературная
<i>Вид словесности</i>	фольклор (УНТ)	художественная литература	художественная литература
<i>Тип языковой личности</i>	коллективная языковая личность	индивидуальная языковая личность	индивидуальная языковая личность
<i>Форма бытования</i>	устная	письменная	письменная
<i>Тип субъекта</i>	рассказчик, сказитель	писатель, поэт	писатель, поэт
<i>Характер интерпретации субъектом</i>	вариативный	невариативный	невариативный
<i>Тип объекта</i>	слушатель	читатель	читатель
<i>Характер интерпретации объектом</i>	невариативный	вариативный	вариативный
<i>Тип сознания</i>	обыденное сознание	синкретичное сознание	художественное сознание
<i>Тип концепта</i>	фольклорный	фольклорно-художественный	художественный
<i>Язык</i>	народный, необработанный («сырой»)	литературный	литературный
<i>Поэтика</i>	традиционная	традиционно-художественная	художественная
<i>Идиостиль</i>	традиционный	традиционно-авторский	индивидуально-авторский

В результате мы имеем своего рода *синкретичное* (коллективно-индивидуальное, народно-авторское, обыденно-художественное) сознание их создателей, которое связано с осмыслением народных сказочных традиций через призму индивидуального сознания с целью их интерпретации в новой форме – литературной. Другими словами, сказки этих авторов оказались своего рода *народными по содержанию и авторскими (литературными) по форме*. Собственно литературная сказка реализует индивидуальное художественное сознание её автора, которое отражает «художественное воссоздание мира» (В.В. Виноградов) на основе индивидуального жизненного опыта.

Данные рассуждения представлены нами в табл. 1.

В функциональном плане их сближает то, что они выполняют в той или иной степени воспитательную, развлекательную, нравоучительную, развивающую и другие функции, которые в целом сориентированы на функции устного народного творчества, – «а) когнитивную (познавательную), через неё вторгаются в сознание нравственные импе-

ративы; б) эмоционально-духовную и в) мотивационную, мобилизующую волевою сферу личности изнутри, помимо требований, исходящих извне» [10, с. 143-144].

Таким образом, анализ проблемы взаимосвязи народных, народно-авторских и собственно авторских литературных сказок с типами языкового сознания свидетельствует о том, что тексты этих сказок в той или иной степени сориентированы на языковую репрезентацию творческого (художественного) сознания и коррелируют с типами концептов, сформировавшихся в сознании языковых личностей. При этом важно иметь в виду формы бытования сказок – устную и письменную и их связь с субъектом – рассказчиком или автором, направленность на объект – слушателя или читателя. Это обуславливает вариативность и невариативность содержания и формы сказок. Основным средством анализа сказок является язык, который демонстрирует различный свой поэтический (художественный) потенциал в разных типах сказок. Все это позволяет говорить о специфике их поэтики и об идиостиле их создателей (авторов).

Список литературы

1. Микешина Л.А. Философия познания: Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М., 2008.

2. Фешенко В.В. Язык как творчество и творчество в языке: к истории лингвистической идеи // Критика и семиотика. 2012. Вып. 17. С. 84-94.
3. Овсянко-Куликовский Д.Н. Язык и искусство // Семиотика и Авангард: Антология. М., 2006. С. 212-215.
4. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольта // Государственная академия художественных наук. Сер. «История и теория искусств». Вып. 8. М., 1927. 220 с.
5. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 312 с.
6. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.
7. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. 124 с.
8. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
9. Федотов В.А., Лапина С.Н. Устное народное творчество – важнейший компонент обыденного сознания // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 12. С. 139-144.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии. Воронеж: ВГУ, 2002. 151 с.
11. Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когнитивные и дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.
12. Шарандин А.Л. Когнитивная поэтика в системном описании поэтического языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 10 (144). С. 18-26.
13. Шарандин А.Л. Оппозитивный метод в филологических исследованиях // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века. Вып. 6 / под ред. К.Э. Штайн. Санкт-Петербург; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С. 56-60.
14. Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 186 с.
15. Цикушева И.В. Жанровые особенности литературной сказки (на материале русской и английской литературы) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 1. С. 21-24.
16. Родных Е.В. Такие разные и такие похожие сказки. URL: http://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_12_4_2095.pdf (дата обращения: 15.09.2019).
17. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика. М.: Флинта: Наука, 2003. 312 с.

References

1. Mikesheva L.A. *Filosofiya poznaniya: Problemy epistemologii gumanitarnogo znaniya* [Cognition Philosophy: Issues of Epistemology of Humanitarian Knowledge]. Moscow, 2008. (In Russian).
2. Feshenko V.V. Yazyk kak tvorchestvo i tvorchestvo v yazyke: k istorii lingvisticheskoy idei [Language as a creative work and creativity within the language. To the history of linguistic idea]. *Kritika i semiotika – Critique and Semiotics*, 2012, no. 17, pp. 84-94. (In Russian).
3. Ovsyaniko-Kulikovskiy D.N. Yazyk i iskusstvo [Language and art]. *Semiotika i Avangard: Antologiya* [Semiotics and Avantard: Anthology]. Moscow, 2006, pp. 212-215. (In Russian).
4. Shpet G.G. Vnutrennyaya forma slova: Etyudy i variatsii na temy Gumbol'ta [The inner form of the word: Essays and variations on Humboldt]. *Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk. Ser. «Istoriya i teoriya iskusstv»*. Vyp. 8 [State Academy of Art Sciences. Series: "History and Theory of Arts". Vol. 8]. Moscow, 1927, 220 p. (In Russian).
5. Adonyeva S.B. *Pragmatika fol'klora* [Folklore Pragmatics]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2004, 312 p. (In Russian).
6. Nikitina S.E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoye soznaniye* [The Oral Folk Culture and Linguistic Consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 187 p. (In Russian).
7. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika* [Cognitive Semantics]. Tambov, TSU named after G.R. Derzhavin Publ., 2000, 124 p. (In Russian).
8. Ivina A.A. (ed.). *Filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Gardariki Publ., 2004, 1072 p. (In Russian).
9. Fedotov V.A., Lapina S.N. Ustnoye narodnoye tvorchestvo – vazhneyshiy komponent obydennoy soznaniya [Oral folk art is the most important component of everyday consciousness]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznaniye – Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition*, 2018, no. 12, pp. 139-144. (In Russian).

10. Popova Z.D., Sternin I.A. *Yazyk i natsional'noye soznaniye: voprosy teorii i metodologii* [Language and National Consciousness: Questions of Theory and Methodology]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2002, 151 p. (In Russian).
11. Emer Y.A. *Sovremennyy pesenny fol'klor: kognitsii i diskursy* [Modern Song Folklore: Cognitions and Discourses]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2011, 266 p. (In Russian).
12. Sharandin A.L. Kognitivnaya poetika v sistemnom opisanii poeticheskogo yazyka [Cognitive poetics in system description of poetic language]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2012, no. 10 (144), pp. 18-26. (In Russian).
13. Sharandin A.L. Oppozitivnyy metod v filologicheskikh issledovaniyakh [Oppositional method in philological researches]. *Printsipy i metody issledovaniya v filologii: Konets XX veka. Vyp. 6* [Principles and Methods of Research in Philology: the Late 20th Century: Issue 6]. St. Petersburg, Stavropol, Stavropol State University Publ., 2001, pp. 56-60. (In Russian).
14. Adonyeva S.B. *Skazochnyy tekst i traditsionnaya kul'tura* [Fairy Tale Text and Traditional Culture]. St. Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2000, 186 p. (In Russian).
15. Tsikusheva I.V. Zhanrovyye osobennosti literaturnoy skazki (na materiale russkoy i angliyskoy literatury) [Genre features of a literary fairy tale (based on Russian and English literature)]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye – The Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and the Arts*, 2008, no. 1, pp. 21-24. (In Russian).
16. Rodnykh E.V. *Takiye raznyye i takiye pokhozhiye skazki* [Such Different and Similar Tales]. (In Russian). Available at: http://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_12_4_2095.pdf (accessed 15.09.2019)
17. Ovchinnikova L.V. *Russkaya literaturnaya skazka XX veka. Istoriya, klassifikatsiya, poetika* [Russian Literary Fairy Tale of the 20th century. History, Classification, Poetics]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003, 312 p. (In Russian).

Информация об авторах

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: sharandin@list.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, написание части текста статьи, редактирование.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>

Ли Исинь, соискатель, ассистент преподавателя. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, Провинция Гуандун, Китайская Народная Республика. E-mail: isinli@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, написание части текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3397-2442>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Шарандин Анатолий Леонидович
E-mail: sharandin@list.ru

Поступила в редакцию 30.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 23.12.2019 г.
Принята к публикации 14.01.2020 г.

Information about the authors

Anatoliy L. Sharandin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: sharandin@list.ru

Contribution: study conception, literature analysis, part of manuscript text drafting, editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>

Yixin Li, Competitor, Lecturer's Assistant. Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, Guangdong Province, People's Republic of China. E-mail: isinli@mail.ru

Contribution: literature analysis, part of manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3397-2442>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Anatoliy L. Sharandin
E-mail: sharandin@list.ru

Received 30 October 2019
Reviewed 23 December 2019
Accepted for press 14 January 2020

Семантическое варьирование в словообразовательном гнезде: лингвогеографический аспект

Елена Валентиновна КУЗНЕЦОВА

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
400066, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7669-4147>, e-mail: kev7-78@mail.ru

Semantic variation in the word-building nest: linguo-geographical aspect

Elena V. KUZNETSOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 V.I. Lenina ave., Volgograd 400066, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7669-4147>, e-mail: kev7-78@mail.ru

Аннотация. Посвящено диалектной метеорологической лексике говоров Волгоградской области, представленной на лингвистических картах электронного атласа. Исследованы лексемы, входящие в словообразовательное гнездо с корнями *-хмур-, -хмар-, -хмор-*. Используются методы картографирования и рекартографирования языкового материала: проанализированы структурные и семантические особенности диалектизмов, их место в системе русского национального языка, структурное и семантическое варьирование путём сопоставления материала нескольких карт диалектного атласа. Анализ единиц осуществлён с учетом лингвогеографического ландшафта Волгоградской области, что нашло своё отражение в выводах статьи: материал карт показывает большую семантическую и словообразовательную активность лексики в поздних переселенческих диалектах региона. Автором разработана методика комплексного анализа диалектного материала, которая позволяет реализовать диагностические возможности лингвистических диалектных карт: прослеживание ареалов лексем, словообразовательных гнезд, словообразовательных моделей, а также семантического объёма диалектных лексем. Методика может быть применена к исследованию любой другой тематической лексики какого-либо региона.

Ключевые слова: территориальный диалект; диалектная лексика; лингвистическая география; лингвогеографический ландшафт; электронный атлас

Для цитирования: Кузнецова Е.В. Семантическое варьирование в словообразовательном гнезде: лингвогеографический аспект // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 250-261. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-250-261

Abstract. The research is devoted to dialect meteorological vocabulary of the Volgograd region dialects, presented on the linguistic maps of the electronic atlas. The lexemes included in the word-building nest with the roots *-h-mur-, -h-mar-, -h-mor-* are studied. The methods of cartography and recartography of language material are used: structural and semantic features of dialectisms, their place in the Russian national language system, structural and semantic variation by comparing the material of several maps of the dialect atlas are analyzed. The analysis of the material is carried out taking into account the linguo-geographical landscape of the Volgograd region, which was reflected in the conclusions of the article: the map material shows the great semantic and word-building activity of the vocabulary in the late resettlement dialects of the region. We have developed a methodology for the comprehensive analysis of dialect material, which allows to realize the diagnostic capabilities of linguistic dialect maps: tracking the ranges of lexemes, word-building nests, word-building models, as well as the semantic volume of dialect lexemes. The methodology can be applied to the study of any other thematic vocabulary of any region.

Keywords: territorial dialect; dialect vocabulary; linguistic geography; linguo-geographical landscape; electronic atlas

For citation: Kuznetsova E.V. Semanticheskoye var'irovaniye v slovoobrazovatel'nom gnezde: lingvogeograficheskiy aspekt [Semantic variation in the word-building nest: linguo-geographical aspect]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 250-261. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-250-261 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Диалектный лексический материал, представленный в виде лингвогеографических карт, позволяет проследить семантические, структурные особенности и функционирование слов в пространственном аспекте. Взгляд на языковой материал «сверху» и дальнейшее применение метода рекартографирования [1; 2] дают возможность «читать» лингвогеографические карты. При таком исследовании показательными являются результаты картографирования и рекартографирования не только в пространстве Европы и России, но и на территории отдельного региона.

Наше исследование выполнено на материале метеорологической лексики говоров Волгоградской области, отражённой на картах электронного «Лексического атласа Волгоградской области»¹. Этот электронный ресурс создан в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете и представляет собой электронную базу данных диалектной лексики, постоянно развивающийся лингвогеографический атлас региона и общедоступный (для просмотра) интернет-источник. В Атласе накоплен обширный диалектный материал, собранный преподавателями и студентами филологического факультета (в рамках диалектологических практик и экспедиций в районах Волгоградской области) за время сотрудничества с Институтом лингвистических исследований РАН по программе «Лексического атласа русских народных говоров» (с 1993 года).

Карты электронного атласа составлены по вопросам «Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров»². Нумерация карт соответствует нумерации вопросов «Программы...».

Лексические и лексико-словообразовательные карты содержат в легенде названия того или иного явления (оно вынесено в заголовок карты), зафиксированные в районах региона. В базе данных содержится также информация о населённых пунктах, возможные комментарии собирателя и контексты. Словообразовательные особенности лексем (варьирование, гнёзда, модели, форманты и пр.) можно проследить по одной отдельно взятой карте, а также по нескольким картам, на которых есть однокоренные или одноструктурные единицы. Семантическое же варьирование проследивается исключительно при сопоставлении нескольких лексических и лексико-словообразовательных карт при наличии на них одних и тех же (по форме) лексем. Вопросник «Программы...» позволяет получить материал, достаточно подробно представляющий ту или иную сферу жизнедеятельности человека, предметного или духовного мира. Мы анализируем метеорологическую лексику, описывающую важную для деревенского человека сферу, влияющую на его хозяйственную деятельность, а также несущую весомый культурологический «заряд». Действие в рамках одной тематической группы при анализе явлений словообразования и семантики даёт возможность оставаться внутри единой «системы координат», видеть сочетание словообразовательных моделей, значений, формантов, смыслов, «работающих» внутри рассматриваемой темы.

В настоящем исследовании мы анализируем структурное и семантическое варьирование лексем (27 единиц), входящих в словообразовательное гнездо с корнями *-хмур-/-хмар-/-хмор-* в их ареальной репрезентации (нанесены на 15 карт диалектологического атласа Волгоградской области).

Далее в табл. 1 представлены анализируемые лексемы, их лексические значения в говорах Волгоградской области и номера карт, на которых они зафиксированы.

¹ Лексический атлас Волгоградской области. URL: <http://dialekt.vspu.ru/node/2/> (дата обращения: 07.01.2020).

² Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. науч.-метод. пособие. СПб., 1994. 366 с.

Таблица 1

Метеорологическая лексика донских говоров Волгоградской области
с корнями -хмур-, -хмар-, -хмор-

Лексема	Лексическое значение (заголовок карты)	№ карты
1) <i>бухмарить</i>	становиться (стать) пасмурным, хмуриться	551
2) <i>бухмарь</i>	пасмурная погода	538
3) <i>захмаривать</i>	становиться (стать) облачным, пасмурным, покрываться тучами	563
4) <i>захмариваться</i>	становиться (стать) пасмурным, хмуриться	551
	становиться (стать) облачным, пасмурным, покрываться тучами	563
5) <i>захмуриться</i>	становиться (стать) пасмурным, хмуриться	551
	становиться (стать) облачным, пасмурным, покрываться тучами	563
6) <i>нахмаривать</i>	становиться (стать) пасмурным, хмуриться	551
	становиться (стать) ненастным (о дне, погоде)	552
	становиться (стать) облачным, пасмурным, покрываться тучами	563
7) <i>нахмариться</i>	становиться (стать) облачным, пасмурным, покрываться тучами	563
8) <i>нахмуриваться (лит.)</i>	становиться (стать) пасмурным, хмуриться	551
	становиться (стать) облачным, пасмурным, покрываться тучами [3, т. 2, с. 412]	563
9) <i>нахмурить (безл.)</i>	становиться (стать) пасмурным, хмуриться	551
	становиться (стать) облачным, пасмурным, покрываться тучами	563
10) <i>хмара</i>	пасмурная погода	538
	облако	554
	большое дождевое облако	556
	туча	557
	большая дождевая туча	559
	туман	582
11) <i>хмареть</i>	становиться (стать) пасмурным, хмуриться	551
12) <i>хмареться</i>	становиться (стать) пасмурным, хмуриться	551
13) <i>хмарить</i>	становиться (стать) ненастным (о дне, погоде)	552
	становиться (стать) облачным, пасмурным, покрываться тучами	563
14) <i>хмариться</i>	становиться (стать) ненастным (о дне, погоде)	552
	становиться (стать) облачным, пасмурным, покрываться тучами	563
15) <i>хмарка</i>	небольшое облачко	555
	небольшая туча	558
16) <i>хмаркий (хмаркое облако)</i>	пасмурный	546
	туча	557
17) <i>хмарно (нрч.)</i>	пасмурное небо	553
18) <i>хмарный</i>	пасмурный (день, погода)	546
	ненастный (день, погода)	547
	пасмурный (о небе)	553
	большой дождевой (об облаке)	556
19) <i>хмаро' (нрч.)</i>	пасмурное небо	553
20) <i>хмарь</i>	пасмурная погода	538
	мелкий дождь	567
21) <i>хмарька</i>	небольшая туча	558
22) <i>хмориться</i>	становиться (стать) облачным, пасмурным, покрываться тучами	563
23) <i>хму'рень</i>	пасмурное небо	553
	туман	582
24) <i>хмуриться (лит.)</i>	становиться (стать) пасмурным, хмуриться	551
	становиться (стать) облачным, пасмурным, покрываться тучами [3, т. 4, с. 609]	563
25) <i>хмурник</i>	пасмурное небо	553
26) <i>хмурый (лит.)</i>	пасмурный (день, погода)	546
	ненастный (день, погода)	547
	пасмурный (о небе) [3, т. 4, с. 609]	553
27) <i>хмурь (прост.)</i>	пасмурная погода [3, т. 4, с. 609]	538
	пасмурное небо [3, т. 4, с. 609]	553
	мелкий дождь (диал. значение)	567

Прежде всего необходимо рассмотреть статус указанных единиц в системе русского национального языка, а также проанализировать происхождение этих корней, обусловившее их фонетическое варьирование.

В системе русского национального языка статус нормативных, литературных вариантов имеют только лексемы с корнем *-хмур-*. Это следующие единицы: *нахмуриваться*, *хмуриться* и *хмурый* (табл. 1), то есть их значения, указанные нами в табл. 1, являются общерусскими. Поскольку мы придерживаемся недифференцированного подхода к исследованию языка территориальных диалектов, то отражаем на карте общерусские лексемы наряду с территориально ограниченными.

Все остальные отмеченные в табл. 1 лексемы не входят в состав литературного языка, имея те или иные диалектные различия. Например, значение глагола *нахмурить* в литературном языке связано только с мимикой человека ('в раздумье, озабоченно или сердито наморщить лоб') [3, т. 2, с. 412], следовательно, можем считать этот диалектизм семантическим.

Отмеченная в словаре литературного языка как просторечная лексема *хмурь* не полностью семантически совпадает с диалектным существительным (ср. прост. *хмурь* 'пасмурная погода, пасмурное небо' [3, т. 4, с. 609]). Значение диалектизма шире, поскольку *хмурь* может называть также мелкий дождь (табл. 1).

МАС даёт лексемы *хмара* и *хмарь* с пометой *обл.* и частично совпадающие по значениям: *Хмара*: 1. Туча. 2. Мгла, темнота. *Хмарь*: 1. Пелена тёмных туч. 2. Мгла, пелена тумана [3, т. 4, с. 608]. Следовательно, все образования с корнями *-хмар-* и *-хмор-*, зафиксированные в Волгоградской области, являются диалектными, имея, помимо фонетически различающихся корней, ещё и разного рода словообразовательные различия.

К таким словообразовательным различиям можно отнести глагольные префиксы *за-*, *на-*, начальный элемент *бу-* у существительного и глагола, глагольный постфикс *-ся*, суффиксы существительных *-ень-*, *-ник-*, *-к-*, а также нулевую суффиксацию в случаях с лексемами *хмарь*, *бухмарь*, *хмурь*. Важно отметить, что в литературном языке нет одно-

коренных образований с приставкой *за-* (выражает значение начала действия, начала метеорологического явления) и начальным *бу-* (видимо, этот начальный элемент выражает только экспрессию, не вносит дополнительного смысла в слово) ни с одним из фонетических вариантов корня *-хмур-/хмар-/хмор-*.

Лексемы с рассматриваемыми корнями, по нашему мнению, в сознании современных носителей диалектов осознаются как родственные по происхождению и близкие (а иногда и совпадающие) по значению (*хмарный* и *хмурый*, *хмуриться*, *хмориться* и *хмариться*, *хмурь* и *хмарь*). В качестве доказательства такого понимания можно привести высказывания информантов, зафиксированные в «Словаре донских говоров Волгоградской области», типа: «*Хмарна – эта значит пасмурна, хмура...*» [4, с. 628].

Лексикографы и этимологи русского языка по-разному смотрят на происхождение и степень родства рассматриваемых корней. Так, М. Фасмер говорит о разном происхождении корней *-хмар-* и *-хмур-*. Он рассматривает лексему *хмара* 'туча' как результат контаминации слов *хмура* и *пар* или *хмура* и *марь* [5, т. 4, с. 249]; *хмура* 'туча' учёный объединяет с *хмыра* 'мрачный человек', с похожими формами в других славянских языках, а также со *смурый*, *пасмурный* – в русском языке [5, т. 4, 250].

П.Я. Черных указывает на родство прилагательного *хмурый* ('мрачный, насупленный, понурый, угрюмый, перен. облачный, пасмурный') с украинским *хмурий* (о человеке), белорусским *хмарны* (*-ая*, *-ае*), относящимся к явлениям погоды. Учёный указывает на общее происхождение этих корней (как и корня *-смур-*) от и.-е. базы (s)mau-ro- [6, т. 2, с. 345].

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» в заглавие словарной статьи вынес глагол *хмарить* 'замолаживать, заволакивать, становиться пасмурным'. В одной словарной статье описаны слова с корнями *-хмар-*, *-хмур-*, *-хмыр-* и *-хмор-*, реализованные в лексемах, относящихся как к сфере метеорологии, так и к описанию внешности и эмоций человека: *хмурить* (*лицо, брови, лоб*), *хмара* 'тёмное облако, туча, густой туман, мгла', *хмыра* 'брюзгач', *хмора*, *хморь* 'моркая, сырая погода, туман с дож-

дём' и др. [7, т. 4, с. 554]. Таким образом, В.И. Даль относит все перечисленные корни к одному словообразовательному гнезду. По данным рассмотренных источников, лексемы с корнями *-хмар-*, *-хмор-* и *-хмур-* с момента возникновения функционировали в русском языке (литературном и территориальных диалектах) с близкими или совпадающими значениями как в области метеорологической лексики, так и в области лексики, характеризующей человека, что подтверждается и нашим материалом.

Обратимся к рассматриваемым нами лексемам. На представленной выше табл. 1 видим, что большинство рассматриваемых единиц зафиксированы более чем на одной карте, то есть имеют более одного значения в говорах Волгоградской области.

Самое большое семантическое варьирование наблюдаем у существительного *хмара* (зафиксирована на 6 картах, табл. 1). Другие имена существительные и прилагательные также имеют по 2–3 семантических варианта (*хмарь* – 538, 567; *хмарка* – 555, 558; *хмарный* – 546, 547, 553; *хмаркий* – 546, 557). В отличие от глаголов, значения именных лексем пересекаются реже, нет слов, которые полностью дублируют друг друга по семантическому объёму.

Практически все зафиксированные глаголы имеют по 2–3 семантических варианта. Интересным представляется тот факт, что значительное количество глагольных лексем встречаются на одних и тех же картах (например, глаголы *захмариваться*, *захмуриться*, *нахмуриваться*, *нахмурить*, *хмуриться* зафиксированы на картах 551 и 563), следовательно, совпадают по значению и являются междиалектными синонимами. Таким же образом видим глаголы *хмарить* и *хмариться* на картах 552 и 563. Наибольшим по семантическому объёму среди глаголов является лексема *нахмаривать*, которая зафиксирована на картах 551, 552, 563.

Далее обратимся непосредственно к картам «Лексического атласа Волгоградской области». На них лексемы с корнем *-хмар-* обозначены овальными значками, слова с корнем *-хмур-* – круглыми значками, с корнем *-хмор-* – капельками).

Карта 538 «Пасмурная погода» (рис. 1): *хмарь* (12 фиксаций преимущественно в вос-

точной части), *хмара* (8 фиксаций в западной части). Лексемы *хмарь* и *хмара* делят территорию области на две части. *Хмара* функционирует в западной части области, *хмарь* – в восточной, образуя ареалы практически от северной до южной границ. Ареалы лексем с одним и тем же корнем *-хмар-*, но оформленные словообразовательно по-разному, на карте практически не пересекаются. Представлены также единичные наименования: *бухмарь* (1 фиксация на востоке региона), *хмурь* (1 фиксация в крайнем восточном районе).

Карта 546 «Пасмурный (день, погода и т. п.)» (рис. 2): *хмарный* (11 фиксаций по всему региону), общерусское *хмурый* (8 фиксаций по всему региону), *хмаркий* (1 фиксация на западе) и *хмурь* (1 фиксация, крайний восточный район). Лексема *хмарный* распространена практически на всей территории области, кроме центральной части, где фиксируется общерусское прилагательное *хмурый*. Ареал *хмурый* рассекает ареал *хмарный*

Рис. 1. Карта 538 «Пасмурная погода»

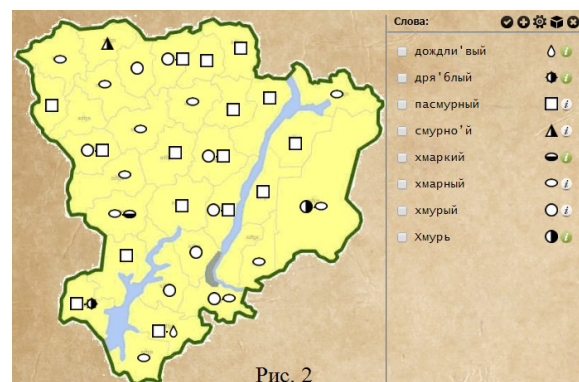

Рис. 2. Карта 546 «Пасмурный (день, погода и т. п.)»

на две части. Ареалы корней *-хмур-* и *-хмар-* практически не пересекаются, дополняют, компенсируют друг друга, покрывая всю территорию региона.

Карта 547 «Ненастный (день, погода)» (рис. 3): *хмарный* – 6 фиксаций на северо-западе образуют ареал, который попадает в границы ареала *хмарный* на предыдущей карте 546 «Пасмурный», что говорит об устойчивости лексемы в этом ареале в обоих её значениях: «пасмурный» и «ненастный». Общерусское прилагательное *хмурый* имеет 7 фиксаций, образующих ареал в центральной части региона с севера на юг. В целом по месту расположения ареал *хмурый* на карте 547 также совпадает с ареалом *хмурый* на карте 546 «Пасмурный». Следовательно, прилагательное *хмурый* в обоих значениях также устойчиво в этом ареале. На рассматриваемой карте мы снова видим компенсацию ареалов корней *-хмар-* и *-хмур-*, их непересечение.

Карта 553 «Пасмурное небо» (рис. 4). На карте представлены наречие *хмарно* – 6 разрозненных фиксаций в донских говорах региона; общерусское прилагательное *хмурый* – 6 разрозненных фиксаций на территории всего региона (в 5 случаях лексема фиксируется параллельно с наименованиями, имеющими другие корни, не рассматриваемые в этой работе). Кроме того, на карте фиксируются следующие единичные наименования: *хмарный* (в Октябрьском районе), *хмаро'* (нрч.) (в Чернышковском районе), а также интересные своей словообразовательной структурой единицы *хму'рень* (в Николаевском районе), *хмурник* (Светлоярский), *хмурь* (в Палласовском районе). Лексемы эти, являясь диалектизмами, построены тем не менее на основе общерусского корня *-хмур-* с использованием общерусских аффиксов по моделям, активно работающим в диалектной лексике.

Так, существительное *хмурень* образовано по продуктивной в диалектной метеорологической лексике модели существительных (ср. лексемы, зафиксированные на картах Атласа: *холодень*, *жарень*, *теплотень*, *завихрень*)³. Словообразовательная структура

существительного *хмурник* также поддержана моделью с суффиксом *-ник-*, по которой в метеорологической лексике построено множество наименований: *обложник*, *слякотник*, *забойник* и др. Лексема *хмурь* образована от общерусского корня *-хмур-* при помощи нулевой суффиксации по типу лексемы *хмарь*, зафиксирована на рассматриваемой карте в том же районе, что и на карте 538 «Пасмурная погода», следовательно, функционирует в говоре в обоих значениях. Несомненно, *хмурь* появилась в современном говоре под влиянием просторечия, расширив в территориальном диалекте свой семантический объём. Как и на многих ранее рассмотренных картах, на карте 553 практически нет пересечения (параллельной фиксации в одном районе) корней *-хмар-* и *-хмур-*.

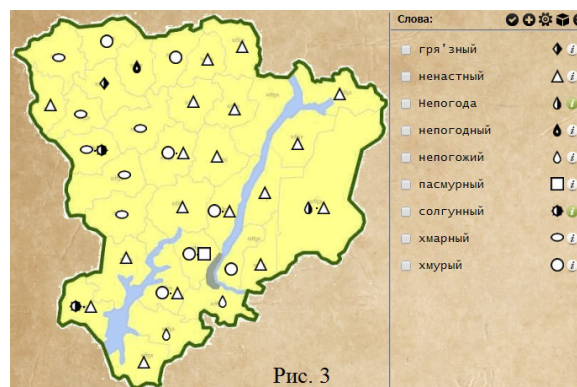

Рис. 3. Карта 547 «Ненастный (день, погода)»

Рис. 4. Карта 553 «Пасмурное небо»

³ Ранее мы писали о диалектно-просторечной модели отымённых существительных с суффиксом *-ень*, не отмеченной в нормативных и лексикографических источниках, отражающих процессы литературного языка [8].

На карте 554 «Облако» (рис. 5) видим существительное *хмара*, образующее ареал из 4 фиксаций на юге области. Выше, на карте 538 «Пасмурная погода», здесь и далее на картах это существительное, имея самый большой семантический объём, на разных картах имеет разное количество фиксаций (от 1 до 19) в районах области, и, что немаловажно, образует ареалы, подтверждая свой статус диалектного слова.

На карте 555 «Небольшое облачко» (рис. 6) 5 фиксаций существительного *хмарка* образуют ареал на юге области, в трёх районах совпадающий с ареалом лексемы *хмара* на карте 554 «Облако». Такое совпадение вполне закономерно: в говорах сосуществуют диалектные *хмара* и *хмарка*, соотносящиеся так же, как общерусские *облако* и *облачко* (с соответствующим словообразовательным элементом, суффиксом -к-).

Карта 556 «Большое дождевое облако» (рис. 7) показывает еще один семантический вариант существительного *хмара*, которое образует здесь достаточно плотный ареал из 8 фиксаций в западной части региона. Интересным является тот факт, что здесь ареал лексемы *хмара* пересекается с её ареалом на карте 554 «Облако» только в 1 из 8 районов. Это говорит о дифференциации значений 'облако' и 'большое дождевое облако' носителями диалектов, о непересечении семантических вариантов в одних и тех же пунктах. Лексема *хмарка* (карта 555) пересекается с *хмара* (карта 556) в двух районах, что тоже свидетельствует в пользу её координации с существительным *хмара* в значении 'облако'. На рассматриваемой карте зафиксировано также составное наименование *хмарное облако* (в Киквидзенском районе), которое подтверждает, по сути, нам тот факт, что носители диалектов дифференцируют в речи просто облако и облако, несущее дождь, пасмурное. И именно последнее они называют *хмарным* или *хмарой*. Подобное явление видим и на следующей карте.

На карте 557 «Туча» (рис. 8) зафиксировано составное наименование *хмаркое облако* (Городищенский район), которое так же подтверждает то, что прилагательное *хмаркий*, так же, как *хмарный*, указывает на то, что облако, туча, несут дождь. Это доказывает и материал карты 546 «Пасмурный» (см.

выше). На анализируемой карте представлен наиболее распространённый в регионе семантический вариант лексемы *хмара* (19 фиксаций по всему региону). Сопоставительный анализ карт 554 «Облако», 556 «Большое дождевое облако» и 557 «Туча» позволяет видеть, что в одних и тех же районах могут совместно функционировать

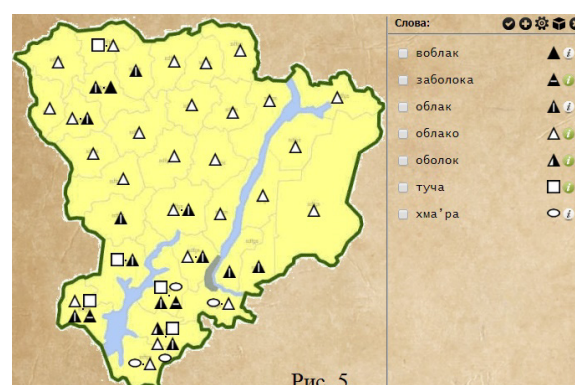

Рис. 5. Карта 554 «Облако»

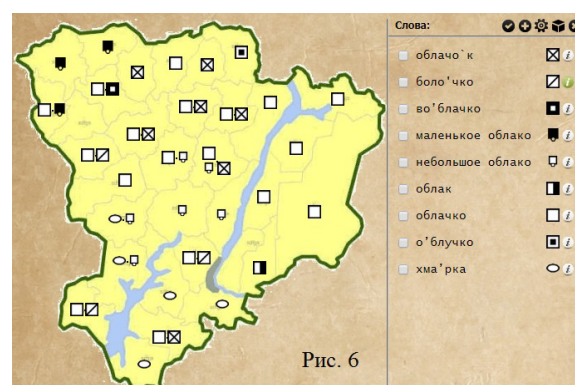

Рис. 6. Карта 555 «Небольшое облачко»

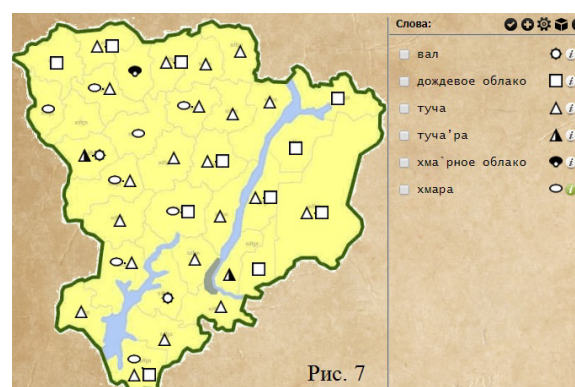

Рис. 7. Карта 556 «Большое дождевое облако»

семантические варианты 'туча' и 'облако', а также 'туча' и 'большое дождевое облако' (ареал 'туча' поглощает ареалы других значений). Выше же мы уже отмечали непересечение вариантов 'облако' и 'большое дождевое облако'.

Далее, на карте 558 «Небольшая туча» (рис. 9) видим лексемы *хмарка* (4 разрозненные фиксации), *хмарька* (1 фиксация в Палласовском районе). Сравним карты 557 и 558 и увидим, что в говорах региона *хмара* и *хмарка* (*хмарька*) закономерно соотносятся так же как *туча* и *тучка* (все фиксации лексем *хмарка* и *хмарька* совпадают с ареалом *хмара*, поглощаются им). Подобное соотношение мы видели на картах 554 «Облако» и 555 «Небольшое облачко».

Карта 559 «Большая дождевая туча» (рис. 10) имеет единичную фиксацию лексемы *хмара* (в Котовском районе). Видимо, существительное *хмара* не содержит необходимого потенциала для выражения значения величины, обширности явления (по сравнению, например, с зафиксированными на той же карте лексемами *темь*, *обложник* и др.). Значение 'большая туча' не может конкурировать со значительно более распространенным вариантом 'туча'.

Ещё один мало актуальный в диалектах семантический вариант лексемы *хмара* видим на карте 582 «Туман» (рис. 11) – 1 фиксация в Руднянском районе области. На этой же карте зафиксировано существительное *хмурень* (в Кумылженском), которое также есть на карте 553 «Пасмурное небо».

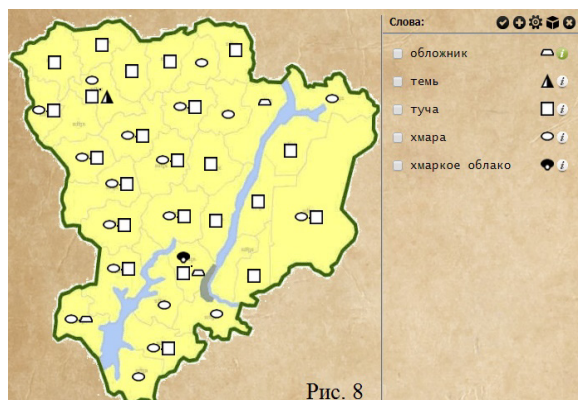

Рис. 8. Карта 557 «Туча»

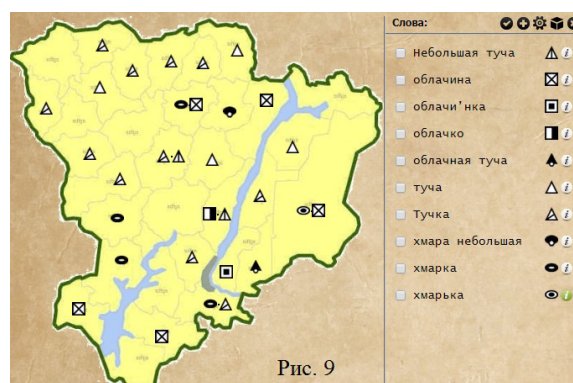

Рис. 9. Карта 558 «Небольшая туча»

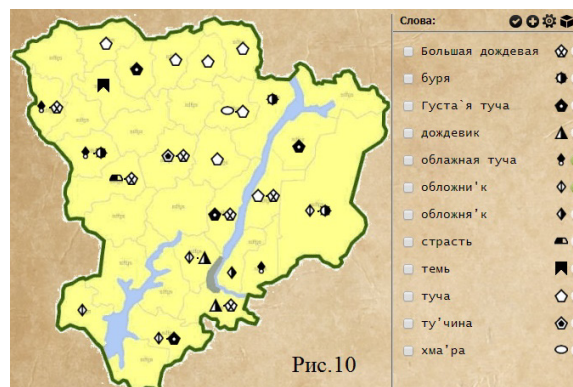

Рис. 10. Карта 559 «Большая дождевая туча»

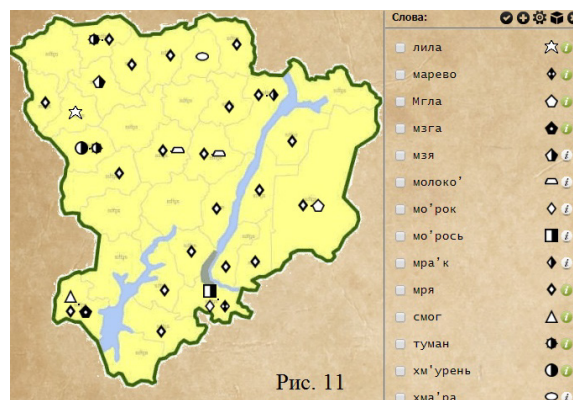

Рис. 11. Карта 582 «Туман»

Последняя из рассматриваемых нами именных карт – 567 «Мелкий дождь» (рис. 12). Здесь видим третий семантический вариант существительного *хмурь* (2 фиксации на востоке региона), который, добавляясь в семан-

тический объём слова, отличает эту лексику от просторечного наименования. Сопоставив карты 538, 553, 567, видим, что в Палласовском (крайнем восточном) районе региона существительное *хмурь* функционирует во всех трёх семантических вариантах ('пасмурная погода', 'пасмурное небо', 'мелкий дождь'). Существительное *хмарь* на этой карте показало 6 разрозненных фиксаций, в том числе в Палласовском районе, что говорит о синонимичности диалектизм *хмурь* и *хмарь* в районе, о редком сосуществовании корней *-хмар-* и *-хмур-*.

Рассмотренные нами 3 глагольные карты близки друг другу по значениям и характеризуются значительно большим разнообразием словообразовательных вариантов.

На карте 551 «Становиться (стать) пасмурным, хмуриться» (рис. 13) видим 9 лексем с рассматриваемыми корнями. *Бухмарить* (единичная фиксация в западной части), *захмариваться* (одна фиксация на востоке), *захмуриться* (одна фиксация на востоке), *нахмаривать* (небольшой компактный ареал из 3 фиксаций в центре региона), общерусский глагол *нахмуриваться* (12 фиксаций по всему региону), *нахмурить* (безл.) (одна фиксация на западе), *хмареться* (одна – на востоке), *хмареть* (4 фиксации образуют ареал в северной части региона), *хмуриться* (общерусское) – 5 фиксаций на северо-западе, 4 из которых образуют компактный ареал. Глаголы *бухмарить*, *хмареть* и *хмареться* зафиксированы только на этой карте, следовательно, функционируют в говорах региона только в одном семантическом варианте. Все остальные же лексемы карты 551 зафиксированы также на какой-либо из двух рассмотренных ниже глагольных карт. Несмотря на множество лексем и многообразие словообразовательных вариантов, на карте снова прослеживаются отмеченные ранее тенденции: а) компенсации ареалов корней *-хмар-* и *-хмур-* (только один случай совместной фиксации глаголов *нахмуриваться* и *хмареться* в крайнем восточном районе региона), б) непересечение более мелких ареалов словообразовательных вариантов с одним корнем (например, *хмуриться* не пересекается с *нахмуриваться*, *нахмаривать* не пересекается с *хмареть*).

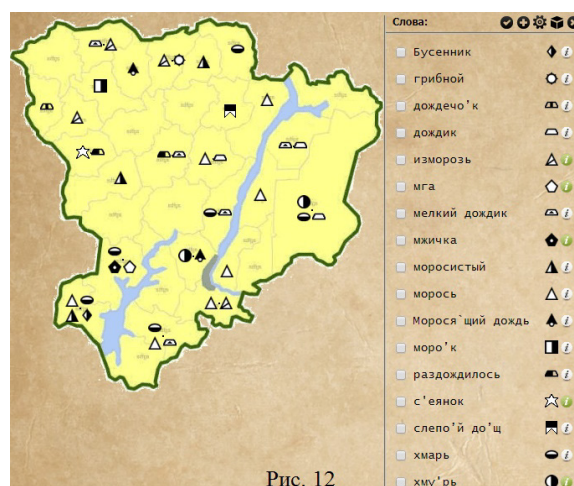

Рис. 12

Рис. 12. Карта 567 «Мелкий дождь»

Рис. 13

Рис. 13. Карта 551 «Становиться (стать) пасмурным, хмуриться»

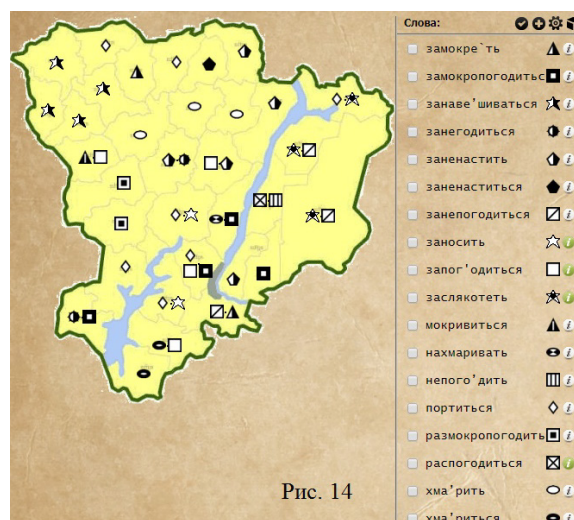

Рис. 14

Рис. 14. Карта 552 «Становиться (стать) ненастным (о дне, погоде)»

На карте 552 «Становиться (статья) ненастным (о дне, погоде)» (рис. 14) представлены только диалектизмы с корнем *-хмар-*. Несмотря на близость значения, эта карта пересекается с предыдущей в составе интересующих нас лексем только одним глаголом *нахмаривать* (табл. 1), показывающим 1 фиксацию в центре региона. Глаголы *хмарить* (3 фиксации образуют компактный ареал в северной части), *хмариться* (2 фиксации в соседних районах на юге области) представлены также на карте 563, рассмотренной ниже. Совместных, параллельных фиксаций указанных словообразовательных вариантов на карте нет.

Карта 563 «Становиться (статья) облачным, пасмурным, покрываться тучами» (рис. 15) также богата словообразовательными вариантами (11 наименований) с корнями *-хмар-*, *-хмур-*, *-хмор-*. *Захмариваться* (4 разрозненные фиксации), *захмаривать* (5 разрозненных фиксаций), *захмуриваться* (Дубовский и Палласовский районы), *нахмаривать* (5 фиксаций в западной части региона), *нахмариться* (3 фиксации в западной части региона), общерусское *нахмуриваться* (в Чернышковском районе), *нахмурить* (безл.) (в Кумылженском районе), *хмариться* (Николаевский и Палласовский районы), *хмарить* (4 разрозненные фиксации), *хмориться* (в Жирновском районе), общерусское *хмуриться* (4 разрозненные фиксации).

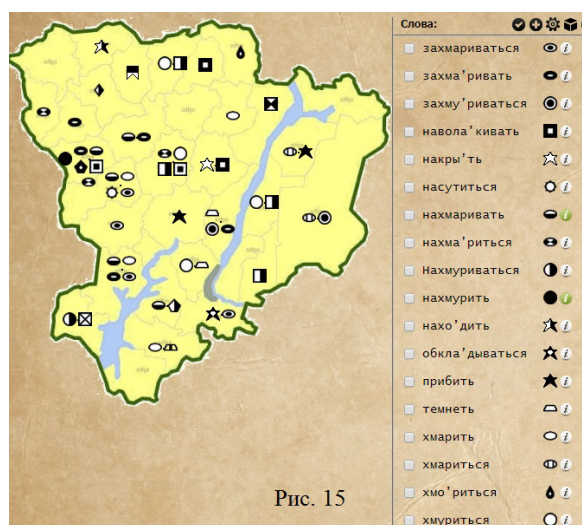

Рис. 15

Рис. 15. Карта 563 «Становиться (статья) облачным, пасмурным, покрываться тучами»

При всём многообразии лексем и отсутствии четких ареалов на карте, тем не менее, явно заметно, что преобладают образования с корнем *-хмар-*. В одном и том же районе могут функционировать несколько словообразовательных вариантов с этим корнем. В трёх районах региона (восточная часть: Палласовский, Дубовский и Фроловский) сосуществуют лексемы с корнями *-хмар-* и *-хмур-*.

Из 11 лексем указанной карты только глаголы *захмаривать*, *нахмариться* и *хмориться* не пересекаются с другими глагольными картами, то есть ограничиваются одним семантическим вариантом. Остальные имеют 2 или 3 семантических варианта в пределах трёх рассмотренных карт.

Таким образом, проанализировав ареальную репрезентацию семантических и словообразовательных вариантов лексем с корнями *-хмар-/хмор-/хмур-* в рамках метеорологической лексики говоров Волгоградской области, можем отметить следующие моменты.

Современные диалекты, в отличие от литературного языка, сохраняют лексемы со всеми вариантами рассмотренных корней (*-хмар-/хмур-/хмор-*). Кроме того, в говорах шире палитра словообразовательных средств, работающих с этими корнями: так, приставки *на-*, *за-*, элемент *бу-*, постфикс *-ся* присоединяются к словам с указанными корнями только в диалектах. Корень *-хмор-* зафиксирован в говорах региона единично (глагол *хмориться*). Количество лексем с корнем *-хмар-* более чем в два раза превышает количество лексем с корнем *-хмур-* (18 и 8 единиц), что говорит о большей активности корня *-хмар-* в диалектной метеорологической лексике.

Соединение лингвогеографического и структурно-семантического анализа диалектной лексики позволило нам выявить на картах атласа не только ареалы отдельных лексем, но и ареалы отдельных вариантов корня, ареалы словообразовательных вариантов. Анализ карт атласа показал, что в большинстве случаев ареалы лексем с корнями *-хмар-*, *-хмур-*, *-хмор-* не пересекаются. В большей степени это относится к существительным и прилагательным, в меньшей – к глагольным лексемам. Как нам кажется, это связано со значительной большей словообразовательной активностью глаголов, нежели

имён. Однако даже у глаголов пересечение ареалов корней наблюдается чаще в центральной и восточной частях региона, где функционируют собственно переселенческие (образовались в XVII–XVIII вв.) и поздние переселенческие (XIX–XX вв.) диалекты, называемые волжскими. Эти говоры являются пестрыми, неоднородными вследствие времени и особенностей формирования, в них активно проходят процессы словообразовательного и семантического варьирования. В западной же части Волгоградской области функционируют донские (ранние переселенческие, XVI–XVII вв.) диалекты [9].

В связи с лингвогеографическим ландшафтом региона интересным является также тот факт, что словообразовательные варианты с корнем *-хмар-* функционируют и в донских, и в волжских говорах области. Образования же с корнями *-хмур-* и *-хмор-* практически отсутствуют в донских диалектах. Все эти лексемы (8 единиц) зафиксированы на территории волжских говоров: *хмурь*, *захмуриться*, *хмурень*, *хмурник*, *хмориться* и др. В донских диалектах зафиксированы только глаголы *нахмурить* и *хмуриться* (на картах

551 и 563), которые, по сути, являются семантически переосмысленными в диалектах общерусскими лексемами.

Причиной меньшей словообразовательной и семантической активности, большего консерватизма донских говоров является, как нам кажется, описанная Р.И. Кудряшовой социальная изоляция донских казачьих говоров [10] их относительная открытость влиянию литературного языка и закрытость для влияния соседних диалектов. Вследствие новизны, пестроты и открытости волжских говоров мы и видим основное количество уникальных новообразований структурного и семантического плана именно в центральной и восточной частях Волгоградской области.

Такая методика комплексного анализа семантики и структуры диалектизмов, представленных на лингвогеографической карте, благодаря современным технологиям обработки и визуализации материала, является перспективным направлением лингвистической географии. Она может быть применена к практически любой тематической лексике какого-либо региона.

Список литературы

1. Бородин М.А. Проблемы лингвистической географии (На материале диалектов франц. яз.). Москва; Ленинград: Наука, 1966. 219 с.
2. Вендина Т.И. К вопросу о диагностических возможностях карты // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2009 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2009. С. 7-30.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1–4. (МАС)
4. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брыкина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2007. Т. 1–4.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2001. Т. 1–2.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1–4.
8. Кузнецова Е.В. Анализ явлений словообразования на лексической диалектной карте // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 2 (28). С. 12-19.
9. Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 22-31.
10. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). Волгоград: Перемена, 1998. 93 с.

References

1. Borodina M.A. *Problemy lingvisticheskoy geografii (Na materiale dialektov frants. yaz.)* [Problems of Linguistic Geography (Based on French Dialects)]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, 219 p. (In Russian).

2. Vendina T.I. K voprosu o diagnosticheskikh vozmozhnostyakh karty [To the question about the diagnostic capabilities of the card]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)*. 2009 [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Researches). 2009]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 7-30. (In Russian).
3. Evgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian Language Dictionary: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language, Poligrafresursy Publ., 1999, vols. 1-4. (SAD). (In Russian).
4. Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I. (authors-compilers). *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don dialects of the Volgograd region]. Volgograd, Izdatel' Publ., 2011, 704 p. (In Russian).
5. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, AST/Astel Publ., 2007, vols. 1-4. (In Russian).
6. Chernykh P.Y. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: in 2 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 2001, vols. 1-2. (In Russian).
7. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 2000, vols. 1-4. (In Russian).
8. Kuznetsova E.V. Analiz yavleniy slovoobrazovaniya na leksicheskoy dialektnoy karte [Analysis of the phenomena of word formation on the lexical dialect map]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian Researches in Eastern Siberia and the Far East]. 2012, no. 2 (28), pp. 12-19. (In Russian).
9. Barannikova L.I. Govory territoriy pozdnego zaseleniya i problema ikh klassifikatsii [Dialects of late settlement territories and the problem of their classification]. *Voprosy yazykoznaniya – Voprosy Jazykoznaniya*, 1975, no. 2, pp. 22-31. (In Russian).
10. Kudryashova R.I. *Spetsifika yazykovykh protsessov v dialektakh izolirovannogo tipa (na materiale donskikh kazach'ikh govorov Volgogradskoy oblasti)* [The Specifics of Language Processes in Dialects of an Isolated Type (Based on the Material of Don Cossack Dialects of the Volgograd Region)]. Volgograd, Peremena Publ., 1998, 93 p. (In Russian).

Информация об авторе

Кузнецова Елена Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания. Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация. E-mail: kev7-78@mail.ru

Вклад в статью: разработка методики исследования, общая концепция статьи, подбор первичного материала, обработка диалектных карт, анализ полученных данных, обработка результатов исследования.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7669-4147>

Поступила в редакцию 16.03.2020 г.

Поступила после рецензирования 30.04.2020 г.

Принята к публикации 22.05.2020 г.

Information about the author

Elena V. Kuznetsova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and its Teaching Methods Department. Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation. E-mail: kev7-78@mail.ru

Contribution: research methods development, main study conception, source material acquisition, dialect maps processing, obtained results analysis, research results processing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7669-4147>

Received 16 March 2020

Reviewed 30 April 2020

Accepted for press 22 May 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-262-270
УДК 811.161.1.28; 811.161.1.37

Активность словопроизводства и особенности структуры лексических единиц народного православия

Светлана Юрьевна ДУБРОВИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5561-8754>, e-mail: slavia2009@yandex.ru

Word-formation and peculiarities of the structure of lexical units of Folk Orthodoxy

Svetlana Y. DUBROVINA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5561-8754>, e-mail: slavia2009@yandex.ru

Аннотация. Посвящено анализу словообразовательных особенностей лексики, выражающей идею христианства и вероучения в русском языке и его диалектах, с приоритетным вниманием к диалектной группе южнорусских тамбовских говоров. Целью исследования является выявление креативного словообразовательного потенциала исследуемой лексики, что определяет новизну подхода – анализ исходной словообразовательной базы в исторической проекции, разнообразие способов деривации, описание мотивационных семантических связей. Прослежен словообразовательный потенциал и структура диалектных единиц христианской лексики. В ходе научной разработки данных выявлена оригинальность диалектного словотворчества, проанализированы типичные словообразовательные модели в лексико-семантических группах, доказательно определено доминирующее влияние исторической старославянской и русской традиции, взаимозависимость языка и народного менталитета. Лексические реализации, ситуативное употребление которых порой представляет неожиданные контексты, свидетельствуют о самоценности изучения «религиозного» макрополя лексики в диалектном «изводе», доминантной позиции языка в формировании мировоззрения нации. Совокупность изложенных фактов доказывает чрезвычайную важность экспликации традиции вероучения в основной системе и подсистемах национального русского языка. Эмпирической базой исследования явился «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Массив лексических единиц, подвергнутых анализу, был сформирован из этого источника и сверен с данными других диалектных словарей, отражённых в библиографии. Ориентиром обнаружения единиц христианской лексики у В.И. Даля являлась словарная помета «нар.-церк.».

Ключевые слова: диалекты; говоры русского языка; лексика народного православия; словопроизводство; мотивационные связи; аффиксальное словообразование; бессуффиксальное сложение основ; композиты; конверсия

Для цитирования: Дубровина С.Ю. Активность словопроизводства и особенности структуры лексических единиц народного православия // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 262-270. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-262-270

Abstract. The research is devoted to the analysis of the word formation peculiarities of the vocabulary expressing the idea of Christianity and the creed in the Russian language and its dialects, with priority attention to the dialect group of South Russian Tambov dialects. The aim of the study is to analyze the creative word-formation potential of the investigated lexicon, which defines a new approach: identifying the original derivational base in the historical projection, a variety of methods of derivation, description of motivational semantic relations. The word-formation poten-

tial and the structure of Christian vocabulary units are traced with priority attention to the dialect group of South Russian Tambov dialects. In the course of scientific development of the data the originality of dialect word-making is revealed, typical word-formation models in lexical and semantic groups are analyzed, the dominant influence of the historical old Slavic and Russian traditions and the interdependence of language and national mentality are evidently determined. Lexical realizations, the situational use of which sometimes presents unexpected contexts, demonstrates the self-value of studying the “religious” macro-field of vocabulary in the dialect “version”, and the dominant position of language in the formation of the national worldview. The facts prove the extreme importance of explication of the tradition of the creed in the main system and subsystems of the national Russian language. The basic empirical base is the “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” by V.I. Dal. The analyzed array of lexical units is formed from this source and compared with the data of other dialect dictionaries reflected in the bibliography. The reference point for the detection of units of Christian vocabulary by V.I. Dal was the dictionary litter “folk-church”.

Keywords: dialects; dialects of the Russian language; vocabulary of folk Orthodoxy; word production; motivational connections; affixal word formation; non-suffix addition of bases; compounds; conversion

For citation: Dubrovina S.Y. Aktivnost' slovoproizvodstva i osobennosti struktury leksicheskikh edinit narodnogo pravoslaviya [Word-formation and peculiarities of the structure of lexical units of Folk Orthodoxy]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 262-270. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-262-270 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Предметом настоящего исследования является лексика, выражающая идею христианства и вероучения в «простонародном» русском языке и его диалектах. Изучение номинаций, эксплицирующих в русском языке духовно-нравственные убеждения, представляется важным по ряду причин. Христианство в его православной ипостаси развило и утвердило духовные ориентиры нации; между тем терминосистема «народного православия» малоизвестна, а языковые символы традиционной этнической культуры в недавнем прошлом не могли быть предметом состоятельного изучения ввиду закрытости «церковной» темы. Существуют сложности изучения диалектов, связанные с трудоёмкостью нахождения фактов, необходимостью полевой работы и проведением системной каталогизации. Между тем разработка данного пласта лексики является актуальной, так как современное общество волнуют проблемы нравственных ценностей и духовной ориентации поколений, что отражено в публикациях учёных гуманитарных направлений и средствах массовой информации.

В отношении креативного словопроизводства наиболее продуктивным для исследуемой лексики является морфологический способ словообразования, предполагающий создание новых слов при помощи морфем.

Образование сложных слов. Для выражения христианского вероучения русский литературный язык, сложившийся под влиянием церковнославянской книжности, имеет сложносоставные греческие заимствования высокой стилевой градации. Многие из подобных слов, отмеченные ещё в «Словаре Академии Российской, изданном в 1789 г. в Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук, совершенно вышли из употребления или являются архаизмами: «*Архимáгир, ра, с. м.* Греческое слово в церковных книгах употребляемое, означающее главного или начального повара... *Даде ему архимáгир пищу и дары, и отпусти его.* Иер. XL»¹; «*Архитриклин, на, с. м.* Греч: церк. Учредитель пира... *Вкуси Архитриклинъ вина бывшаго от воды.* Иоа: II. 9²»]. Академическое издание 1789 г. изобилует примерами не только переводных сложносоставных образований, но и композитами со славянскими корнями, ряд которых прослеживается по всему тексту словаря: «Удобообра́щательный, -ная, -ное прил. 1. Легко в движение приводимый. 2. Красноречивый, ветийствующий... *Всяка удобообра́щательная, благоглаголивая*

¹ Словарь Академии Российской. Часть I (от А до Г). В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук 1789 г. С. 51.

² Там же. С. 53.

уста ветийствовать не могут»³. Сюда же относятся *’благообращение, благоуветливый, виночерпчий, вероотступимый, веропрповедник* и мн. др.⁴

Сложносuffixальный механизм создания слов-композигов с помощью сложения и сложения с суффиксацией использовался ещё со времён начала славянской письменности. По мнению Г.А. Хабургаева, «...в старейших славянских рукописях сложным, двух-, а то и трехосновным является каждое 15-е слово» [1, с. 115]. В.И. Даль, создававший свой труд с намерением выработки литературного языка на основе народного, охотно заменял иностранные слова русскими, опуская «чужесловы» и «чужеречия»⁵. Стремясь расширить «корнеслов» лексической системы, он вводил в свой словарь такие сложносоставные существительные «высокого стиля», как *великопрповедыватель, великоденный, ветхозаконие, ветхозаконник*: «Ветхозатворник *црк. м.* давнишний келейный затворник. *ветхонещёрник м.* спасавшийся в пещере, придаётся к имени преп. Иоанна, апреля 19» [2, т. 1, с. 461]. В церковной лексике «высокого стиля» сложносuffixальный способ сложения основ действует обычно при создании существительных с использованием суффиксов деятеля *-тель-, -ник-*: *великопрповедыватель, великопрповедник, великопостник* [2, т. 1, с. 432]. В словообразовании прилагательных сложение достигается безаффиксным сращением *ветхозаветный* [2, т. 1, с. 461] или сращением с суффиксацией *великопостный*.

³ Словарь Академии Российской. Часть I (от А до Г). В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук 1789 г. С. 897.

⁴ Там же. Ст. 898, 1053, 706, 1011, 993.

⁵ Искусственные образования связаны также с отказом В.И. Даля от заимствований. Об отказе от иностранных слов свидетельствует, например, множественность полисемантических производных от прилагательных «безбожий», «безбожный» при отсутствии таковых у заимствований «атеизм», «атеист». Последнее, в свою очередь, лаконично объясняются Далем через русские «тождествослова» *неверие, безверие, безбожие* [2, т. 1, с. 72]: «*Безбожие*. Воображаемое состояние кого или чего при отсутствии Бога, божества [2, т. 1, с. 145]. *Безбожество* – лишаться веры, становиться, по делам своим, нечестивым. *Безбожник* – неверующий в Бога, отрицающий бытие Его; // ...беззаконник, нечестивец, не знающий страха Божия, живущий заведомо во зле, в грехах [2, т. 1, с. 146].

Словосложение было поддержано говорами только отчасти, так как в живой речи сложные по составу слова смотрятся искусственно и громоздко как чужие единицы речи, не реализующие активных словоизменительных возможностей языка. Определённое значение имеет и поддержание темпа бытовой (беглой) речи, характерной для диалектов. Диалектное словопроизводство избегает компрессию основ, развивая префиксально-суффиксальные типы словообразования. Известные диалектоносителям существительные, образованные безаффиксным сложением, приходят из литературного языка – *великомученик, великомученица, великопостник*. Бессuffixальное сложение полных основ малопродуктивно, но возможно в семантическом поле характеристики человека: *боговерующая, богоданная* (Тамб.), в терминах родства – *однокупельники* ‘крестившиеся в одной купели’ (Тамб.).

Рассмотрим состав наиболее продуктивных в сфере христианской лексики **словообразовательных типов**, обращаясь, по преимуществу, к словарю В.И. Даля, а также к аутентичным данным.

В отношении креативного словопроизводства наиболее продуктивным для исследуемой лексики является морфологический способ словообразования, предполагающий создание новых слов при помощи морфем. Для просторечной лексики веры и церкви продуктивна морфологическая деривация **за счёт аффиксации**, возникающая на базе исходных дериватов вследствие «расширения корня». Имеется словообразовательный тип существительных мужского и женского родов, а также существительных *pluralia tantum*, образованных с помощью **суффиксов** *-ец, -н, -ен’, -ичк, -ик, -к, -иц, -ин, -ш, -ик*, мотивированных существительными одушевлёнными и неодушевлёнными: *богоносец, боженя, божничка, крестник, крёстка, крестильница, молебная, монашина, просворница, святоша, святник, смученик, служка, папертки, христосики* (лапти), *алялюшки* ‘булочки из теста’ (Тамб.) (дериват образован от возгласа «Аллилуйя!»), *бабинец* ‘место, где стоят женщины во время службы’ (Тамб.). Наличествует словообразовательный тип существительных мужского рода, образованных с суффиксами *-н, -ец, -ник*, мотиви-

рованных словосочетанием существительного с предлогом *без-*: *без вклада* → *безвкладный (монах)*, *без Бога* → *безбожник*, *без попов* → *беспоповцы*. К подобному типу относится и образование прилагательного *безмездный*: *без мзды* → *безмездный*.

Имеет место и **префиксальный** словообразовательный тип глаголов совершенного вида и существительных, мотивированных глаголами: *грешить* → *прогрешить*; *прогрешить* → *прогрешенница*, *просвятиться* → *просвятые*. Диалект чутко реагирует на всякое изменение смысла того или иного места, события, действия, создавая иное обозначение, подвергая деривации исходное слово. В лексиконе народного православия, наряду с литературным «крестить», имеются многочисленные приставочные образования: глаголы *о-кстить*, *с-кстить*, *пере-кстить*, *перере-о-кстить*, *о-кститься*, *пере-кститься*, *перере-кститься*; существительное *кксение* ‘крещение’ (Тамб.). Прибавление приставок «о», «с» к «кстить» – *окстить*, *скстить* и др. расширяет диалектный лексемный ряд, по сравнению с литературным. Дифференцирующее значение приобретает и фонетика говора. В тамбовских говорах вариативность ключевого глагола вероисповедания увеличивают фонетические варианты со взаимозаменой [к // х]: *хрищаться*, *хрищусь*, *хрестишься*, *хрестится*, *хрестимся*, *хрищаются*: *крещение* (*крещенье*), *кксение* (*кксенье*) и *хрещение*, *хрещенье*; *крещаться* и *хрищаться*, *кресты* и *хресты*, *хресцы*, *сердохрестье* и *сердохрестье*, *крестопоклонная* и *хрестопоклонная*, *хрещенский купельник* ‘крещенская прорубь’. Исходный глагол замечен только в огласовке с «к»: *кстить* (не *хстить*).

Семантика таинства крещения интегрируется с великим праздником Крещения и погружением в прорубь. Для описания Крещения в тамбовских говорах встречается фонетический вариант бесприставочного глагола *хрищаться*: «Хрищаца хаділи. Пролубы прарубяты и купались, ставили кресты [по углам проруби рисовали на льду кресты] и пели: «Во Иордани *хрищаймси* табё, Господи» (село Селезни Тамбовского района Тамбовской области).

Сходные приставочные образования от «крестить» (*кстить*) представлены в белго-

родских материалах в описании древнего обряда крещения кукушки: *кксение* (крещение), *перекстить* (покрестить), *кстить* (крестить), – *кукушку ксят, ксят, перексят* ‘крестят’. «Потом перексят её, и сколько ещё после кксения», «Хочим, хотим мы кукушечку перекстить! Хочим, хотим на игрушечку посадить!», «Покукукай, покукукай, кукушечка, да переставай, а мы несём тебя кстить, – несуть тада её кстить по деревне, тогда называется её кксение, ксят» (село Нижние Пены Ракитянского района Белгородской области) [3, с. 32]. В Тамбовской области по отношению к обрядовым играм с кукушкой применим глагол *святить* (*кукушку святят*).

Словообразовательные ресурсы аффиксации разнятся в литературном языке, диалектах и просторечии, **создавая словообразовательную стилистику** внутри макрополя общерусской лексики веры и церкви. Закрепление того или иного суффикса на уровнях языковых подсистем (литературной, разговорной) способствует утверждению стилистических различий и создаёт богатство языка. Так, в высоком стиле литературного русского языка регулярно используются суффикс собирательных существительных среднего рода [*іj] -(е) без редукции слабого [*і], суффикс отвлечённых существительных женского рода -ость-, являющиеся историческими праславянскими средствами деривации. Ср. *смертоносие* – «и в то время, в смертоносие, архиепископ Симеон со кресты обходи всего великого Новгорода»; *смертность* – «смертность – общий удел человечества»; *смертоочивые уста* – «лукавые и вредные, губительные»; *смертный* – «лежать на смертном одре» [2, т. 4, с. 284-285]. По мнению Г.А. Хабургаева, эти суффиксы бытовали в общеславянских диалектах и были усвоены первыми переводчиками [1, с. 122]. Тем не менее, в «живой» речи они малоактивны.

Наряду с перечисленными выше способами представлено **словосложение** из двух и более мотивирующих основ, когда деривация возникает без суффиксации на основе словосочетания, представляющего сложносоставную производящую базу: *Христа ради* → *христорад*. Отмечено и словосложение с присоединением суффиксов *отступить от*

Христа → *христоотступник*; *по миру* (*ходить*) → *помирицк*, *Бог, радеть* → *Бога ради* → *богарадничать*; *Богу дело* (или *Божье дело*) → *богадельщина* со значением 'нищая братия, жители богадельни'; также *богадельничать* 'жить по богадельням'.

В отдельных случаях производящая база может увеличиваться до целого предложения; ср. *Бог дал отца* → *богоданный отец*, *Бог дал сестёр* → *богоданные сестрицы*.

В просторечии известны **суффиксальные дериваты** от названия главной книги вероучения: *библейский* и *библейный* 'относящийся к Библии'; *библэйник* 'учёный-изыскатель, толкователь Библии'; *библейщина* 'содержание Библии'⁶ [2, т. 1, с. 432]. Факт наличия данных образований может служить косвенным свидетельством знания Библии в простой среде. Как показывают исторические отчёты по Тамбовской губернии, население старой России обучалось грамоте по церковнославянским книгам в приходских школах и сохраняло интерес к чтению на протяжении всей жизни, что отражалось на репертуаре народного чтения в XIX – начале XX века⁷. Офени, торгующие книгами, закупали в Москве евангелия, псалтыри, церковной и учительской литературы: «Обследование сельских библиотек конца XIX века показало, что народ берёт 50 % беллетристики, 22 % религиозно-нравственной литературы и 15 % исторической...» [4, с. 9-10].

В диалектной лексике веры и церкви также отмечена **конверсия** или «морфологосинтаксический» способ словообразования по В.В. Виноградову, означающий изменение словоизменительной парадигмы без использования словообразовательных аффиксов и транспозицию (переход из одной части речи в другую) [5]. Среди примеров изменения частеречной принадлежности возможна такая достаточно редкая трансформация, как превращение субстантивной лексики в адъективную. При этом **аннигилируется** парадигма словоизменения существительного, и оно трансформируется в несклоняемую часть речи. Например, семантика неизбежности,

заложенная в лексемах, выражающих понятие о смерти, порождает переход существительного «смерть» в наречие образа действия: «*смерть* как 'очень сильно, больно, ужасно, порато' (*Я смерть пить хочу; я смерть боюсь пчёл; смерть люблю раков и пр.*)» [2, т. 4, с. 284-286]. Причинами десемантизации и смены парадигмы могут явиться ситуативные факторы (передача сильных чувств, усиление экспрессии), как это произошло, например, с существительным *ангел*, представленным в диалектной огласовке северных говоров. В итоге изменений имя получило статус частицы: «*Анде, междом. То же, что ангели. Сёйгот весна продліця, анде какііе сосуліны. Анде ругаюца, ругаюца. Анде, за сёном поіхали. Холм. Аньде, жбонки, вод бедá-то!.. Андел Божой! междом. Онеж. Андели, междом. Для выражения крайнего удивления, восхищения, радости, испуга и других эмоций. <...>*» [6, т. 1, с. 71].

Интерес представляет существительное *быть* во фразе «*Всякая быть создана Богом*»: «*Быть* ж. бытие, существо, создание, тварь. Бытописание должно основываться на *бытях* достоверных» [2, т. 1, с. 363]. Возможно, именная форма *быть* произведена от существительного *бытие* из-за сокращения окончания среднего рода с переходом в женскую парадигму словоизменения: *бытие* → *быть*. (В данном случае допустимо и образование по непродуктивной модели: с частеречным переходом из экзистенционального глагола *быть* в существительное с потерей морфологических характеристик имени.)

Семантическая трансформация семитизмов, библеизмов. Высокую потенцию словопроизводства обнаруживают ключевые символы библейской истории, «сквозящие» по разным тематическим группам диалектной лексики. Производящими могут быть библейские имена, топонимы, возгласы. К примеру, имя *Адам* является архетипом для разных образований, возникших на его основе: *адамовы лета* 'много лет, более человеческого века' (*Адамовы лета с начала света*), *колым. адамовы веки* 'старина', *адамовщина ж., собир., арх., сиб.* 'ископаемое дерево и кости', *адáмишина колым.* 'старина' [2, т. 1, с. 13].

⁶ Словарь Академии Российской. Часть I (от А до Г). В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук 1789 г. С. 211.

⁷ Тамбовская губерния: Отчет по народным библиотекам за 1908 год. Тамбов, 1908. 18 с.

И эти новообразования, хотя и обнаруживают значительные модуляции формы, определяются семантикой древности, первоизданности, сохраняя синкретизм кода имени *Адам*, отношения метонимической производности с архетипом и между собой. Лексические реализации *адамовы лета*, *адамовщина*, *адамышина* являются, по терминологии Ю.С. Азарх, «историческими кодериватами», то есть параллельными образованиями с единой словопроизводственной базой и единой производящей основой. «Отношения смысловой производности у слов такого типа являются вторичными» [7, с. 183].

Ключевой лексемой, произведшей свою группу «кодериватов», является, в частности, призыв «Аллилуйя!», восходящий к др.-евр. *hallelú jah!* «хвалите Господа!». О фонетическом видоизменении «аллилуйи» в славянской народной традиции, десемантизации возгласа, его превращении «в название ритуала, группы лиц, его совершающих, ритуального предмета, ритуальной еды, костра...» писал Н.И. Толстой [8, с. 100].

Возглас может сохраниться как междометие в видоизменённом варианте – «Аллё́. = Аллё́-бисмаллё́. Межд. Возглас страдания, сожаления, близкий по смыслу к выражению *Боже мой*» [9, с. 29], но чаще в говорах происходит иная деривация. На русской почве в ходе словопроизводства от *аллилуйя!* возникают, как правило, суффиксальные дериваты «ала..., але...» с сохранением первого слога возгласа и отсечением второй части. При этом производные десемантизируются, утрачивая исходное значение восклицания, и адаптируются в системе говора, воспринимая частеречную принадлежность глаголов и имён. Приведём примеры: «Алалё́, алалу́я ж. тмб., пен. ‘взор, бред, грёзы, чепуха, бессмыслица’. Несет такую алалё́ с маслом, что уши вянут. Алалу́я от алалё́кать (!), спутали в говоре с другим словом из церковной службы нашей (аллилуйя!) и сами дивятся неприличию поговорки. Алалу́ить, говорить вздор, нести чепуху. Алалё́йка об. лалё́йка твр., ряз. картавый, нечисто произносящий буквы, особ. л вместо р. Алалё́кать (весьма схожее с нем. lallen), лалё́кать, примолаживать, картавить, мямлить, говорить с пережёвкой» [2, т. 1, с. 25]. В русских говорах повсеместно отмечены однокорневые назва-

ния печёных изделий из теста, воспринявшие форму числовой парадигмы *pluralia tantum*: «Алялюшки ж. мн. кстр. ‘род пирогов’ [2, т. 1, с. 35]. Имеются и единичные существительные: «Алякиш (алёкаш), м. твр., пен. ‘недопечённый хлеб, полусырой; мякиш» [2, т. 1, с. 35]; «Алябушка. Лепёшка. Идут, как-то алябушку горелую едят, как нишисш. ...Чё ели, чем питались – да алябушками. Алябушка – это лепёшка по-нашему. Ломь. Уинск» [9, т. 1, с. 29; говоры Южного Прикамья]. Материалы можно дополнить данными иных областных словарей.

Останавливаться на подробном рассмотрении этого процесса в рамках статьи не представляется возможным, поэтому продолжим перечисление явлений словопроизводной креативности лексики, эксплицирующей религиозные представления в русских диалектах.

Историческое словообразование, сохранившееся в неписьменной речи говоров, имело более обширные по составу гнёзда деривации, чем современное. Диалекты обнаруживают сходство с историческими формами, так как они свободны от влияния кодификации и вариативны, по сравнению с литературным языком. В особенности это касается диахронического словообразования, где количество примеров трансформации библеизмов выше. Исследователь Е. Сморгунова замечает, что в старых русских текстах XV–XVII веков слова «грех» и «каять» (*хаять*) от *Каин* имеют обширное поле дериватов. На примере произведений древности, актов, житий, а также знаменитого словаря В.И. Даля автор выводит многочисленные словоформы с архаичной семантикой, образованные по моделям с историческими суффиксами и приставками, непродуктивными ныне (суффиксы *-зн’, -ств, -л’н, -ч*; приставки *о-, по-* со значением резкой негативной модальности): *грехом* (наречие в значении ‘нечаянно, по ошибке’), *греховой, грехопадание, грехопадный, грехослужимый, грехотворно, грехотворный, грешати, грешитися, грешнич* [10, с. 47–52], *каин, каяти* (действие, семантически равное современному возвратному глаголу «каяться»), *покаянствие, покаянь, покаяльник, покаяльный, покаянно, окаивать, окаять* «признать изверженным, достойным проклятия», *окаяние, кайнка, ка-*

янье, каета, кайка, каятины, каятельный, кайчивый, каяльщик, каяльщица, кайщик, кайщица [10, с. 56-58].

Актуализация отрицательных приставок. В народной речи актуализируются дериваты с отрицательными приставками *без-* и *не-*, занимающие своё место в поле лексики нравственных оценок: *безверие, безбожие, безбожник, непрощённый (грех), невер, безгодная (смерть), бесстыдство* и др. В различных языковых ситуациях их могут заменять экспрессивные синонимы, характерные для простой речи – *ахальник, некрить, напрасная смерть, стыдоба* и др. Положение об актуализации негативной модальности в лексике веры и церкви поддерживается наблюдениями и над другими тематическими группами лексики. Так, Т.И. Вендина, исследуя народную картину природы и мира сквозь призму словообразования, замечает, что наибольшее выражение получают «имена, относящиеся к миру антиценностей» [11, с. 26].

Возвышаясь над диалектами, литературный язык оказывает большое влияние на их состав и семантику. Диалекты обнаруживают единство с литературным языком в значениях основных концептов: «*Бессмертие. Отсутствие духовной смерти*»⁸. «*Безбожие. Неверие в бога. Безбожник. Кто не верит в Бога. Безбожий. То же, что безбожный. Безбожный, ая, ое. Неверующий в Бога*» [11, т. 1, с. 147-148].

В настоящей статье мы рассмотрели способы и типы словообразования, характерные для диалектной лексики веры и церкви. Интерес представляют образование слов-композиций, семантическая трансформация библеизмов, креативная семантическая деривация архетипов (Адам), актуализация отрицатель-

ных приставок в говорах, влияние литературного языка. Как правило, словообразовательные типы характеризуются единством двух тождеств: тождеством форманта (словообразовательного средства) и тождеством словообразовательного значения (семантического соотношения между производящим и производным). Уделено внимание созданию словообразовательной стилистики и историческим примерам словосложения двух и более мотивирующих основ. Обращение к материалу показало, что наиболее продуктивным для лексического континуума лексики, эксплицирующей религиозные представления в говорах, является морфологический аффиксальный способ словообразования. Анализ производных от имён *Адам, Каин* наглядно свидетельствует, что библейские агионимы имеют особый статус деривации в христианской лексике, образуя исторические кодериваты.

Обращение к данной теме выявляет фактологическую основу лексики религиозной сферы в говорах русского языка, раскрывает малоизвестные факты диалектной группы южнорусских тамбовских говоров.

Слова литературного происхождения имеют полноправную жизнь в современном диалекте. С их усвоением диалект расширил собственную лексическую базу, получив в дополнение к имеющимся единицам языка аналоги, закреплённые нормой.

Изучение креативного потенциала русской диалектной лексики как манифестанта православного вероучения выявляет взаимозависимость языка и народного менталитета. Лексические реализации, ситуативное употребление которых представляет неожиданные контексты, свидетельствуют о самооценности «религиозного» макрополя лексики в диалектном «изводе», чрезвычайной важности сохранения традиции в разных системах национального русского языка.

⁸ Псковский областной словарь с историческими данными. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. Вып. 1. Т. 1. С. 192.

Список литературы

1. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1986. 288 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А–З. Т. 2: И–О. Т. 3: П–Р. Т. 4: С–У. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
3. Журавлева Е.А. Похороны кукушки // Живая старина. 1994. № 4. С. 32-33.
4. Порохова О.Г. Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах / отв. ред. Р.П. Рогожникова. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1988. 262 с.

5. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Вопросы теории и истории языка: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 99-152.
6. АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. Вып. 1 (А – Бережок).
7. Трошина Н.Н. 2001.02.041. Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте / РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 2000. 178 с. Библиогр.: с. 168-175 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2001. № 2. С. 179-185.
8. Толстой Н.И. Аллилуйя // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 100-102.
9. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1 / науч. ред. И.А. Подюков. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010. 456 с.
10. Сморгунова Е. Слова «грех» и «покаяние» в русских памятниках XV–XVII веков // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции: сб. ст. Академическая серия. Вып. 5 / отв. ред. О.В. Белова. М., 2000. С. 44-71.
11. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования: макрокосм. М.: Индик, 1998. 240 с.

References

1. Khaburgayev G.A. *Staroslavjanskij yazyk* [Old Slavonic Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 288 p. (In Russian).
2. Dal V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, "Progress", "Univers" Publ. Group, 1994. (In Russian).
3. Zhuravleva E.A. Pokhorony kukushki [Funeral of a cuckoo]. *Zhivaya starina* [Living Old Times], 1994, no. 4, pp. 32-33. (In Russian).
4. Porokhova O.G. *Polnoglasiye i nepolnoglasiye v russkom literaturnom yazyke i narodnykh govorakh* [Full and Incomplete Agreement in the Russian Literary Language and Folk Dialects]. Leningrad, "Nauka" Publ. Leningrad Branch, 1988, 262 p. (In Russian).
5. Vinogradov V.V. Slovoobrazovaniye v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii (na materiale russkogo i rodstvennykh yazykov) [Word formation in its relation to grammar and lexicology (based on Russian and related languages)]. *Voprosy teorii i istorii yazyka* [Issues of Theory and History of Language]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, pp. 99-152. (In Russian).
6. Getsova O.G. (ed.). *AOС – Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [ARD – Archangelsk Regional Dictionary]. Moscow, Moscow University Publ., Issue 1 (A – Berezhok), 1980. (In Russian).
7. Troshina N.N. 2001.02.041. Azarkh Y.S. Russkoye imennoye dialektnoye slovoobrazovaniye v lingvogeograficheskom aspekte. M.: Nauka, 2000. 178 s. Bibliogr.: s. 168-175 [2001.02.041. Azarkh Y.S. Russian nominal dialect word formation in the linguistic and geographical aspect. Moscow, Nauka Publ., 2000, 178 p. Bibliogr., pp. 168-175]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie. Referativnyy zhurnal* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Language Studies. Abstract Journal], 2001, no. 2, pp. 179-185. (In Russian).
8. Tolstoy N.I. Alliluyya [Hallelujah]. *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow, International Relations Publ., 1995, vol. 1, pp. 100-102. (In Russian).
9. Podyukov I.A. *Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya* [Dictionary of Russian dialects of South Prikamye]. Perm, Perm State Pedagogical University, 2010, Issue 1, 456 p. (In Russian).
10. Smorgunova E. Slova «grekh» i «pokayaniye» v russkikh pamyatnikakh XV–XVII vekov [The words "sin" and "repentance" in Russian monuments of the 15th–17th centuries]. *Kontsept grekha v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii. Akademicheskaya seriya* [The Concept of Sin in the Slavic and Jewish Cultural Tradition]. Moscow, 2000, Issue 5, pp. 44-71. (In Russian).
11. Vendina T.I. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya: makrokosm* [Russian Language Picture of the World Through the Prism of Word Formation: Macrocosm]. Moscow, Indrik Publ., 1998, 240 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дубровина Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: slavia2009@yandex.ru

Вклад в статью: идея исследования, анализ словарей и научной литературы, рассмотрение способов и типов словообразования, приведение исторических примеров словосложения, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5561-8754>

Поступила в редакцию 21.09.2019 г.

Поступила после рецензирования 12.11.2019 г.

Повторное рецензирование 14.01.2020 г.

Принята к публикации 11.02.2020 г.

Information about the author

Svetlana Y. Dubrovina, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: slavia2009@yandex.ru

Contribution: study idea, dictionaries and scientific literature analysis, methods and types of word formation consideration, adduction of historical examples of word compounding, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5561-8754>

Received 21 September 2019

Reviewed 12 November 2019

Second peer review round 14 January 2020

Accepted for press 11 February 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-271-279
УДК 811.161.1'373.232

К юбилею А.Т. Твардовского: ономастика ранней поэмы «Вступление» («Путь Василия Петрова»)

Инна Александровна КОРОЛЁВА

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
214000, Российская Федерация, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0597-6921>, e-mail: innakor@mail.ru

To the anniversary of A.T. Tvardovsky: onomastics of the early poem “Exordium” (“The Journey of Vasily Petrov”)

Inna A. KOROLEVA

Smolensk State University
4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0597-6921>, e-mail: innakor@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена система имён собственных в ранней малоизвестной поэме А.Т. Твардовского «Вступление» (второе название – «Путь Василия Петрова»), которая была написана молодым поэтом как подготовка к созданию знаменитой «Страны Муравии», принесшей ему всероссийскую славу. Доказано, что текст, напечатанный в журнале «Наступление» в 1932 г., представляет собой авторское поэтическое текста, раскрывающего трудности первой поры коллективизации. Показано, как великий мастер слова работал над именованиями персонажей, выражая с помощью ономастической лексики свою оценку действующих лиц и событий. Вскрыты мотивы номинации, прослеживающие роль онимов в реализации идейно-тематического плана произведения. С помощью анализа ономастических единиц и их семантического окружения показано, как А.Т. Твардовский вырабатывал приёмы исследования имён собственных в своей творческой лаборатории, ставшей своеобразным мастер-классом для многих представителей Смоленской поэтической школы, выделенной известным советским критиком А.В. Македоновым ещё в 1960 г. Обоснован принцип биографизма и хромотопичности, в свете которого развивалось далее всё творчество великого поэта. Сделаны выводы о значимости ранней поэмы в контексте дальнейшей работы с именами собственными. Материал статьи углубляет изучение раннего поэтического творчества А.Т. Твардовского, одного из великих русских поэтов XX века.

Ключевые слова: А.Т. Твардовский; ранняя поэма «Вступление»; ономастика; имя собственное; художественный образ; творческая мастерская писателя; принцип биографизма и хромотопичности

Для цитирования: Королёва И.А. К юбилею А.Т. Твардовского: ономастика ранней поэмы «Вступление» («Путь Василия Петрова») // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 271-279. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-271-279

Abstract. We consider the system of proper names in the early little-known poem by A.T. Tvardovsky “Exordium” (secondary title “The Journey of Vasily Petrov”), which was written by a young poet as preparation for the creation of the famous “The Land of Muravia”, which brought him all-Russian fame. It is proved that the text published in the journal “Nastupleniye” in 1932 is an authorial poetic text, revealing the difficulties of the first time of collectivization. It is shown how the great master of words worked on naming characters, expressing with the help of onomastic vocabulary his assessment of the characters and events. We reveal the nomination motives, which trace the role of onyms in the implementation of the ideological and thematic plan of the work. Using the analysis of onomastic units and their semantic environment, it is shown how A.T. Tvardovsky developed methods of researching proper names in his creative laboratory, which

became a kind of master class for many representatives of the Smolensk Poetry School, highlighted by the famous Soviet critic A.V. Makedonov back in 1960. The principle of biography and chronotopy is substantiated, in the light of which all the work of the great poet developed further. Conclusions are made about the significance of the early poem in the context of further work with proper names. The material of this work deepens the study of the early poetic work of A.T. Tvardovsky, one of the great Russian poets of the 20th century.

Keywords: A.T. Tvardovsky; early poem “Exordium”; onomastics; proper name; artistic image; creative workshop of the writer; principle of biography and chronotopy

For citation: Koroleva I.A. K yubileyu A.T. Tvardovskogo: onomastika ranney poemu «Vstuplenie» («Put’ Vasiliya Petrova») [To the anniversary of A.T. Tvardovsky: onomastics of the early poem “Exordium” (“The Journey of Vasily Petrov”)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 271-279. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-271-279 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

21 июня 2020 г. вся прогрессивная литературная общественность отмечает 110 лет со дня рождения великого русского поэта XX века, лучшего в своё время редактора известного журнала «Новый мир» смолянина по рождению Александра Трифоновича Твардовского (1910–1971), ставшего литературным символом советского времени.

Известный советский критик и литературовед, друг и соратник поэта А.В. Македонов в 1960 г. выделил особое литературное объединение – Смоленскую поэтическую школу и провозгласил её основоположников: М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского и Н.И. Рыленкова, среди которых особо отметил именно Твардовского, предсказав ему всероссийскую известность и славу на долгие годы: «...Смоленск вырастил несколько крупных советских поэтов, и прежде всего Твардовского, Исаковского, Рыленкова... Есть в этих поэтах несомненно нечто общее, нечто объединяющее их в пределах того ещё более общего, что объединяет всю нашу советскую поэзию... Твардовский стал наиболее крупным представителем всей школы» [1, с. 3-4].

На сегодняшний день твардоведение объёмно и разнопланово; сосредоточены исследования в трёх городах: Москве, Воронеже и, конечно же, Смоленске, на родине поэта. Назовём лишь три ключевых имени исследователей-литературоведов: А.М. Турков (Москва), В.М. Акаткин (Воронеж) и В.В. Ильин (Смоленск). Однако анализ ранней поэмы А.Т. Твардовского, являющейся источником нашего исследования, в их тру-

дах проведён лишь фрагментарно, так как обычно её считают «ученической» [2–4].

Самую точную характеристику поэмы дал А.В. Македонов. В главе «Истоки и начало. Ранний Твардовский» критик пишет: «Но главное в поэме, что выдержало испытание временем, <...> – это сильное поэтическое реальное чувство крутого жизненного поворота... И принцип самостоятельности выбора пути, вместе с пафосом исторической необходимости» [5, с. 122]. Он же отмечает, что в поэме в соответствии с темой коллективизации социальные категории людей представлены как отдельные лица со своими отдельными приметами и биографиями. И немалую роль в этом народном реалистическом показе персонажей играют имена собственные (ИС), в первую очередь – антропонимы.

Имена собственные в произведениях А.Т. Твардовского, помимо этой поэмы, изучены достаточно объёмно, но в работах лишь нескольких ономастов. В частности, ономастику А.Т. Твардовского исследуют представители Воронежской ономастической школы, и в первую очередь – её основоположник, профессор Г.Ф. Ковалёв. Одна из первых его работ – статья 2000 года «А.Т. Твардовский. Писатель и имя» [6]; последняя – монография 2018 года «Ономастика поэм А.Т. Твардовского» [7]. Далее необходимо упомянуть смоленские труды. Так, в 2000-х гг. начала работать по исследованию ИС у Твардовского Н.В. Никитина, которая в 2006 г. защитила под руководством автора настоящей статьи кандидатскую диссертацию «Ономастическое пространство поэзии А.Т. Твардовского» [8]. В 2000 г. появилась и первая публикация по ономастике Твардовского главы

Смоленской ономастической школы И.А. Королёвой [9]. Достаточно полный список работ автора статьи по теме представлен в последней монографии Г.Ф. Ковалёва: он насчитывает 33 работы. Настоящая статья вводит в научный оборот новый ономастический материал по изучению А.Т. Твардовского; лишь частично автор статьи обратил внимание на ономастику рассматриваемой поэмы в своей монографии [10].

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматриваемая поэма начата Твардовским в смоленский период жизни не ранее марта 1931 г. и закончена не позже марта 1932 г. Текст впервые напечатан под названием «Путь Василия Петрова» в журнале «Наступление», который выходил ежемесячно как орган Союза советских писателей Западной области (1932. № 5. С. 32-44). Затем под названием «Вступление» появилось её издание в московском журнале «Локаф» (1932. № 10). Отдельным изданием поэма вышла в 1933 г. с небольшими авторскими изменениями. Эти факты свидетельствуют об определённом интересе к произведению в те годы в связи, в первую очередь, с тематикой коллективизации, а во вторую – с восходящим именем А.Т. Твардовского. Это была его своеобразная творческая лаборатория для подготовки поэмы «Страна Муравия» (1934–1935). В настоящее время текст поэмы в первом издании, появившемся в журнале «Наступление», был опубликован в Смоленском литературно-краеведческом журнале «Смоленская дорога» [11]. В комментарии редакции сказано, что сохранена орфография и пунктуация А.Т. Твардовского полностью. Для работы мы пользовались именно этим текстом поэмы.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривая систему ИС в поэме «Вступление», мы опираемся на принцип биографизма в ономастике, который наиболее ярко отражают в своих трудах представители Воронежской ономастической школы [12; 13]. Именно этот принцип лежит и в

основе выбора имён персонажей А.Т. Твардовским. Также этот принцип помогает выявить хронотоп произведения, так как весь текст показывает, что действие вступления главного героя в колхоз, его жизненный путь происходит на Смоленщине, малой родине автора поэмы. Популярность тех или иных имён в 30-е гг. XX века на Смоленщине определяется с помощью количественных подсчётов, представленных в исследовании «Имена на Смоленщине: история и современность» [14].

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА И ОБСУЖДЕНИЕ

Несмотря на то, что сам А.Т. Твардовский невысоко ценил свои первые, как он считал, подражательные произведения, стоит всё же согласиться с мнением известного смоленского исследователя творчества поэта – В.В. Ильина, который считал, что А.Т. Твардовский, несмотря на явные издержки творческого роста, не без успеха, в своих ранних, ученических произведениях пытался взглянуть на деревню изнутри. Поэт произвёл не столько социальный, сколько психологический срез деревни – с динамическим прицелом обрисовал персонажей-крестьян, духовный облик которых неотделим от их поведения [15, с. 144].

Рассматриваемая поэма посвящена, что видно и по дате создания, «коренной переломке» в деревне – коллективизации. Теме болезненной, особенно для А.Т. Твардовского, чей отец, как известно, был раскулачен и сослан.

Попробуем показать систему имён собственных ранней поэмы мастера слова и подтвердить на ономастическом материале бесспорный зарождавшийся талант основоположника Смоленской поэтической школы, показать умение автора работать с именем.

Начинается текст фольклорным зачином: «Жил на свете Федот...». Так как поэма очень реалистична, народна, полна бытовых крестьянских реалий, достоверно изображает повседневную крестьянскую жизнь, реальные проблемы, муки и тревоги людей, то и имя народного персонажа выбрано не случайно: это греческое по происхождению имя

(«данный богами»)¹ было социально сниженным и характерным для сельского населения; в частности, на Смоленщине оно входило в именник дореволюционной и после-революционной деревни. Федот – своеобразный герой русских пословиц и поговорок: И Федот да не тот; наш пьёт, не прольёт, усом не моргнёт. Голодному Федоту и пустые щи в охоту. Голодному Федоту и редька с квасом за мёд. Голодному Федоту и репа в охоту и пр. Как видим, имя ассоциируется с бедным крестьянином.

Уже в первых строках поэмы обрисовывается образ простого нищего крестьянина русской деревни:

Хлеба с квасом поесть
Федот за всю жизнь не мог...

Образ бедняка сквозной, имя встречается в поэме 29 раз: «голодный Федот»; «как бы худо ни жили, – Федот и так не живёт...»; «Голоден Федот И сыт никогда не был».

Кто же первым пошёл в колхоз, кто ораторствовал на сходках? Конечно, Федот.

И вот он в своём рваном ватнике уже в кузне. Раскулачивает. Шутит, дурачком представляется, но:

– А раз он кулак, то значит, –
Сказал на сходке Федот, –
Должны мы его раскулачить,
А кузня под нас отойдёт...

И раскулачивал. И акты коряво подписывал. И в кузнице «езде покопался...». Как нам представляется, высокая степень типизации «голодного и нищего крестьянина», который пришёл к власти, во многом осуществляется и с помощью именованного героя.

Своеобразным антиподом Федоту является главный герой поэмы – Василий Петров. Это человек, который «другой коленкор», «сам себе агроном». Автор вводит героя сразу же после представления Федота, именую официально, по фамилии и имени:

И если б меня спросили,
Вопрос поставили так:

Кто ты, Петров Василий?
Бедняк?
Середняк?
Кулак?
Решайте, – сказал бы я, –
Вот она, жизнь моя.

Герой – типичный представитель среднего крестьянства. Фамилия Петров – одна из трёх классических общерусских: Иванов, Петров, Сидоров. Имя Василий – одно из самых любимых имён автора (Василий Тёркин, Сержант Василий Мысенков и пр.). Это имя было любимо А.Т. Твардовским и потому, что самый последний, маленький братишка, появившийся у матери уже в достаточно позднем возрасте, был назван Васей по выбору будущего поэта. Имя очень популярно в крестьянской России и на Смоленщине. Именуется главный герой, естественно, нечасто: дважды – Петров Василий, трижды только по фамилии Петров, дважды уважительно – Василий Игнатьевич, один раз Василий Петров. Как видим, все именованья официальные, но, естественно, чаще используется личное местоимение Я, так как повествование ведётся от лица героя. И разворачивается жизнь Василия Петрова.

Отец его – бобыль Игнат. Отметим, что имя также типичное для крестьянской среды тех лет, нечасто, но встречающееся и на Смоленщине. Игнатий (Игнат – разговорное) – латинское «не родившийся»² – в народе бытует именно в разговорной форме: Не виноват Игнат, что в селе много хат, виновата хата, что впустила Игната. Получил от деда Игната кайло да лопату. Отчество героя, таким образом, типично для сельской среды тех лет.

Неспешен рассказ о герое:
У бобыля Игната
Было три сына – три брата:
Я, Матвей и Алёша.
Одна хата.
Одна корова и лошадь.

Обратим внимание на имена братьев главного героя.

Матвей – имя древнееврейское, значение основы – «Божий человек»³. Церковные ва-

¹ [Современный словарь личных имен] – Супранская А.В. Современный словарь личных имён: сравнение, происхождение. написание. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 220.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 156.

рианты Матфей и Матфий. Известно Евангелие от Матфея, апостола. Имя с церковной символикой; на Смоленщине не было популярным. И брат Матвей, который ушёл в Донбасс, а потом вернулся и потребовал раздела хозяйства, непонятен, а в чём-то и неприятен читателю. Он – сам по себе, и имя у него особое.

Второй брат назван Алёшей. Трижды использована только уменьшительная бессуффиксная форма имени Алексей (греческое «защитник»)⁴. И представляется он молодым человеком, который погиб от «белой пули», так и не пожив, не повзрослев. Имя популярно на Смоленщине в те годы, входит в первую десятку имён.

Василий Петров хочет стать зажиточным крестьянином, хотя после раздела с братом ему очень трудно. Он побывал в плену, увидел жизнь в Германии, захотел и у себя создать крепкое хозяйство. Появилась охота «по-новому жизнь ворочать». Но кого же он выбрал в подражание, из кого создал своеобразный идеал?

Я уважал кузнеца,
Себя самого уважая,
Я сажал деревца,
Ему подражая.

Кто же такой кузнец? Это Гордеич. Несомненно, прослеживаются аналогии с образом отца – даже отчество герою дано то же, что у Трифона Гордеевича. И только так называется герой в поэме Твардовского. Как известно, в деревне по отчеству называли уважаемых людей. Деревня уважала Гордеича (использован разговорный вариант отчества, чем подчёркивается особенный реальный характер героя, обычные будни и обычное обращение). В любой ситуации кузнец – это Гордеич. Во многих контекстах возникают ассоциации со словом *гордость*.

Отчество Гордеич употреблено в поэме 13 раз. Причём сразу же подчеркнём, что оценка этого образа далеко не однозначна. Так, впервые образ кузнеца Гордеича предстаёт в тексте как символ хозяйственного и справедливого зажиточного крестьянина. Да, он пользуется чужим трудом, но:

Иду к кузнецу с топором. –
Стыдно белого света,
Но он меня встретил добром,
И в долг насталил до лета.

А дома стараюсь жене
Сказать деликатней,
Что у Гордеича жней
Нынче не хватит. –
Так вот он просил помочь...

Герой прямо говорит, что он уважает кузнеца и хочет ему во всём подражать, что он думает с ним одинаково – по-хозяйски.

В третьей главе реалистично и с любовью А.Т. Твардовский рассказывает историю кузнеца Гордеича: это практически история кузницы его отца. И даже отдельные черты характера отца можно увидеть в образе Гордеича: некоторую похвальбу успехами, стремление общаться с людьми богатыми и зажиточными, любовь к шуткам и острым словам.

Имя Гордей ассоциативно. Слово *гордость*, близкое по фонетическому комплексу, отражает и фамильную черту отца А.Т. Твардовского, и личностное качество кузнеца Гордеича в поэме. Также читателю приходит на память фразеологизм «*Гордиев узел*»⁵: решительностью был наделён и Трофим Гордеевич Твардовский, и персонаж поэмы.

И ссора с Гордеичем в чём-то напоминает ссору А.Т. Твардовского с отцом, его уход. И нелёгкость этого ухода. Но ощущение собственной правоты в нелёгком выборе.

Гордеич «наравне» с Яковом Сухотовым, владельцем сельской лавки. Этот сельский богачей назван в поэме 10 раз, представлен по имени и фамилии, затем только по фамилии, что подчеркивает его официальный статус. Имя Яков (древнееврейское со значением «он следует за кем-то»)⁶ до революции входило в число самых популярных имён. Яков – человек с самомнением, умеющий себя показать в разговорах. Именно таков лавочник. Фамилия Сухотов прозвищного происхождения: Сухот(а) «сухощавый», «бо-

⁴ [Современный словарь личных имен] – С. 28.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ Там же. С. 247.

лезненный, печальный» (диал. *сухота* «болезнь, печаль, тоска»⁷).

Один из центральных образов поэмы – образ Ильи Бобкова:

Приехал к нам представитель
Товарищ Илья Бобков.
Рабочий. Московский житель,
Но сам из мужиков.

Семён Давыдов из «Поднятой целины» – питерский рабочий, Илья Бобков – московский... Но из мужиков! Значит, изначально более «свой», больше понимающий деревню.

Имя Илья – древнееврейское по происхождению («Яхве – мой Бог») – имя наиболее почитаемого ветхозаветного пророка⁸.

Возможно, Илья Бобков – новый пророк. Село спрашивает: Кто ты такой, товарищ Бобков? Что ты хочешь? В основном его именуют официально, только по фамилии, или называют товарищ Бобков (16 употреблений). Фамилия Бобков прозвищного происхождения: Бобок «толстый, круглый». В говорах *бобок* «кусочек чего-либо, осколок, огрызок» [16, с. 68]. Ассоциации с прозвищной фамилией связаны с чем-либо толстеньким, кругленьким, приземистым, уверенным, надёжным. Это товарищ Бобков – фамилия рисует образ:

Бобков по целым неделям
Сапог, пиджака не снимал,
Спал в головах с портфелем
Там, где сходку кончал...

Он проводит митинги, сходки... Сносит выговор за малый процент коллективизации. Он спокойно отдаёт заявления после выхода в свет знаменитой сталинской статьи «Головокружение от успехов»... Он искренен. И народ отвечает ему уважением и любовью. Приведём единственный контекст, где его называют по имени-отчеству:

– Да ладно, Илья Матвееч,
Мы говорим любя:
Мы ничего не имеем
Лично против тебя.

Показано реально и реалистически, как уходили и возвращались в колхоз колеблющиеся. В том числе и Василий Петров. А Бобков мудро ждал и верил. И получилось по-бобковски. Последние строки поэмы оптимистичны:

И перед концом собрания
Я стукнул опять кулаком:
– А будут колхозы в Германии,
Как ты, товарищ Бобков?

– Будут, – сказал Бобков.

Каков же крестьянский колхозный мир поэмы?

Это образы второго плана. Главный – Попок (один раз названный Иван Попок), крестьянин, который против колхоза, который «за кузнеца». Скорее всего, он выведен в поэме под прозвищем, возможно, отфамильным, которое сразу же показывает «неколхозную сущность» персонажа:

Мы всей душой
За советский режим.
Но мы под колхозы
Не подлежим.

Однако Попок, после раскулачивания Гордеича, приходит в колхоз:

А на пороге стоя,
Трусил и жался Попок...

Нам представляется, что, хотя герой и пришел в колхоз, образ его, во многом благодаря именованию, не является позитивным.

Ещё один крестьянин – Ликсашин Андрей, грузный, могучий мужик. Он долго рассуждал о колхозе, но выходить не стал:

Сам я в колхоз не шёл,
Вступил под большой угрозой,
А как газетку прочёл,
То не пойду из колхоза...

Фамилия персонажа Ликсашин образована от народной формы имени Александр – Ли(е)кса(ш)а, имя Андрей – знаковое для Твардовского (например, Андрей Сивцов); оно популярно на Смоленщине – в те годы

⁷ [ССГ] – Словарь смоленских говоров. Вып. 10. Смоленск: СГПУ, 2002. С. 153.

⁸ [Современный словарь личных имен] – С. 119.

входило в первую десятку имён. Андрей – греческое «мужественный»⁹.

Мятущейся фигурой показан Антон Михайлович Анискин:

А наше дело ребятки. –
Забирай манатки!

Потом Антон мучается. Это – обобщённый образ:

Потом я бывал у тех,
Кто числился раньше в списке.
Да вышли. И мне за всех
Ответил Антон Анискин.

И Антон вернулся в колхоз (напрашивается аналогия с шолоховским Кондратом Майданниковым). Фамилия Анискин образована от уменьшительной формы имени Анисий (Аниска) (греческое «исполнение, завершение»). Путь завершён¹⁰.

Два прецедентных имени в поэме – Сталин (5 раз) и Ленин (1 раз). Они представлены в историческом контексте тех лет. Так это было:

А Сталин теперь написал,
Что я невинно страдал.
И дай ему бог здоровья...
– А что ж он тогда не писал,
Когда ты страдал невинно.
– А он про то и не знал,
Ему, брат, всего не видно.

Ленин – один из последних антропонимов поэмы. Ленинский путь...

Обратимся к анализу топонимической лексики поэмы.

Наиболее частотен топоним Германия – 9 употреблений.

Германия – это образцовое хозяйство. Вот что говорит Василий Петров:

Имей сто рублей в кармане,
Я сразу бы был с конём
И жил, как живут в Германии,
Сам себе агроном.

Далее главный герой начинает переосмыслить свою жизненную позицию, и это

переосмысление показано через иное коннотативное наполнение топонима:

После того собрания
Я всё передумал сполна.
Германия? Что ж Германия?
Смотря какая она.
Если, примерно, мне
За все труды и старания
Стать кулаком, то – не,
Не надо такой Германии.

И, наконец, своевременный (по духу эпохи) вывод:

В Германии колхозов нет, но я плюнул на эту Германию... – рассуждает главный герой. А в Германии колхозы будут! (Как мы помним, и революция должна была распространиться в Германию).

В Донбасс на заработки ушёл брат героя – Матвей. Это реалии эпохи – именно Донбасс развивался в период подготовки индустриализации и коллективизации.

Ключевой топоним, символ раскулачивания, – Соловки:

Долой, долой кулаков,
На Соловки их, братцы...

Один раз использовано название Советская страна, как символ Родины, новой жизни:

Растут у меня дети,
В Советской растут стране,
За всё перед ними ответить
Придётся мне.

Два реальных микротопонима – обозначение Малой Родины поэта – подчеркивают смоленское происхождение героев поэмы:

И вот на лядо
На кузнецово
Ходит подённо
Деревня Столпово.
Ходит сдельно
Деревня Ельня.

Как известно, А.Т. Твардовский родился на пустоши Столпово (деревня Загорье). Это места, близкие и Починку, и Ельне. Это «смоленская сторона», родная для всех представителей Смоленской поэтической школы.

⁹ [Современный словарь личных имен] – С. 35.

¹⁰ Там же. С. 36.

ВЫВОДЫ

Итак, подведём некоторые итоги.

Уже в ранней поэме А.Т. Твардовский умело и контекстуально значимо использует имена собственные, которые очень помогают реализации идейного содержания произведения, являются его ономастической осью.

Из ономастических разрядов используются только антропонимы – именованья героев и топонимы – названия мест.

Все антропонимы помогают раскрывать типы героев, их характерные особенности. Есть имена, очень любимые А.Т. Твардовским, в частности, это имя главного героя – Василий.

Система именованья персонажей «Вступления» отражает также такую особенность

поэта, как стремление создать народный стих и представить в лирических строках родную Смоленщину.

Прецедентных имён только два – это имена вождей. Они использованы с типичными коннотациями 30-х гг. XX века.

Немаловажную контекстуальную роль играют топонимы, среди которых выделяется название Германия. Типичны микротопонимы Смоленщины, малой родины поэта.

Уже ранняя поэма А.Т. Твардовского построена на личных впечатлениях поэта и отражает принцип биографизма, ставший одним из важных в его поэзии. Биографизм текстов тесно связан с их хронотопичностью, что было свойственно в целом представителям Смоленской поэтической школы, особенно их лирике 30-х гг. XX века.

Список литературы

1. *Македонов А.В.* О «смоленской» поэтической школе, о её месте в развитии советской поэзии и о трёх юбилеях // Очерки советской поэзии. Смоленск: Смолен. кн. изд-во, 1960. 244 с.
2. *Ильин В.В.* «Сколько душам был я нужен...» А.Т. Твардовский: очерки психологии творчества. Смоленск: Маджента, 2009. 456 с.
3. *Турков А.М.* Александр Твардовский. Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 2010. 410 с.
4. *Акаткин В.М.* На переправах века...: статьи об А.Т. Твардовском. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2015. 304 с.
5. *Македонов А.В.* Творческий путь Твардовского (дома и дороги). М.: Худож. лит., 1981. 367 с.
6. *Ковалёв Г.Ф.* А.Т. Твардовский. Писатель и имя // Творчество А.Т. Твардовского и русская литература. Воронеж: ВГУ, 2000. С. 41-53.
7. *Ковалёв Г.Ф.* Ономастика поэм А.Т. Твардовского. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2018. 124 с.
8. *Никитина Н.В.* Ономастическое пространство поэзии А.Т. Твардовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006. 23 с.
9. *Королёва И.А.* Роль этнонимической лексики в произведениях А.Т. Твардовского // Годы. 2000. № 1. С. 70-74.
10. *Королёва И.А.* А.Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа: через призму имён собственных. Смоленск: ООО Кн. изд-во «Смядынь», 2010. 156 с.
11. *Твардовский А.Т.* Путь Василия Петрова // Смоленская дорога. 2008. № 1 (2). С. 151-163.
12. *Ковалёв Г.Ф.* Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж, 2017. № 3. С. 10-21.
13. *Чыонг Тхи Фыонг Тхань.* Ономастика ранних автобиографических произведений Андрея Платонова. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2019. 164 с.
14. *Королёва И.А., Данилова И.В., Соловьёв А.Н.* Имена на Смоленщине: история и современность. Смоленск: СГПУ, 2005. 196 с.
15. *Ильин В.В.* От Василия Петрова к Василию Тёркину. Путь А.Т. Твардовского к вершине искусства // Смоленская дорога. 2008. № 1 (2). С. 144-151.
16. *Ганжина И.М.* Словарь современных русских фамилий. М.: Изд-во Астрель, 2001. 672 с.

References

1. *Makedonov A.V.* O «smolenskoy» poeticheskoy shcole, o eye meste v razvitii sovetskoy poezii i o trekh yubileyah [On the “Smolensk” poetry school, its place in the development of Soviet poetry and the three

- anniversaries]. *Ocherki sovetskoy poezii* [Essays on Soviet Poetry]. Smolensk, Smolensk Book Publishing House, 1960, 244 p. (In Russian).
2. Ilin V.V. «Skol'kim dusham byl ya nuzhen...» A.T. Tvardovskiy: ocherki psikhologii tvorchestva [“How Many Souls Needed Me ...” A.T. Tvardovsky: Essays on the Psychology of Creativity]. Smolensk, Madzhenta Publ., 2009, 456 p. (In Russian).
 3. Turkov A.M. *Aleksandr Tvardovskiy* [Aleksandr Tvardovsky]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2010, 410 p. (In Russian).
 4. Akatkin V.M. *Na perepravakh veka...: stat'i ob A.T. Tvardovskom* [At the Crossroads of the Century...: Articles on A.T. Tvardovsky]. Voronezh, Nauka-Unipress Publ., 2015, 304 p. (In Russian).
 5. Makedonov A.V. *Tvorcheskiy put' Tvardovskogo (doma i dorogi)* [The Creative Journey of Tvardovsky (Houses and Roads)]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1981, 367 p. (In Russian).
 6. Kovalev G.F. A.T. Tvardovskiy. Pisatel' i imya [Tvardovsky. Writer and Name]. *Tvorchestvo A.T. Tvardovskogo i russkaya literatura* [Works of A.T. Tvardovsky and Russian Literature]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2000, pp. 41-53. (In Russian).
 7. Kovalev G.F. *Onomastika poem A.T. Tvardovskogo* [Onomastics of Poems by A.T. Tvardovsky]. Voronezh, Nauka-Unipress Publ., 2018, 124 p. (In Russian).
 8. Nikitina N.V. *Onomasticheskoye prostranstvo poezii A.T. Tvardovskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* [Onomastic Poetry Space of A.T. Tvardovsky. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Smolensk, 2006, 23 p. (In Russian).
 9. Koroleva I.A. Rol' etnonimicheskoy leksiki v proizvedeniyakh A.T. Tvardovskogo [The role of ethnonymic vocabulary in the works of A.T. Tvardovsky]. *Gody* [Years], 2000, no. 1, pp. 70-74. (In Russian).
 10. Koroleva I.A. *A.T. Tvardovskiy i Smolenskaya poeticheskaya shkola: cherez prizmu imen sobstvennykh* [Tvardovsky and Smolensk Poetry School: Through the Prism of Proper Names]. Smolensk, LLC “Smyadyn” Publ., 2010, 156 p. (In Russian).
 11. Tvardovsky A.T. Put' Vasiliya Petrova [“The Journey of Vasily Petrov”]. *Smolenskaya doroga* [Smolensk Route], 2008, no. 1 (2), pp. 151-163. (In Russian).
 12. Kovalev G.F. Khronotop i avtobiografizm, kak oni ponimayutsya v literaturnoy onomastike [Chronotope and autobiography as they are understood in literary onomatology]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki – Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, Voronezh, 2017, no. 3, pp. 10-21. (In Russian).
 13. Chyong Tkhi Fyong Tkhan. *Onomastika rannikh avtobiograficheskikh proizvedeniy Andrey Platonova* [Onomastics of the Early Autobiographical Works of Andrey Platonov]. Voronezh, Nauka-Unipress Publ., 2019, 164 p. (In Russian).
 14. Koroleva I.A., Danilova I.V., Solovyev A.N. *Imena na Smolenshchine: istoriya i sovremennost'* [Names in the Smolensk Region: History and Contemporary State]. Smolensk, Smolensk State University Publ., 2005, 196 p. (In Russian).
 15. Ilin V.V. Ot Vasiliya Petrova k Vasiliyu Tërkinu. Put' A.T. Tvardovskogo k vershine iskusstva [From Vasily Petrov to Vasily Terkin. Journey of A.T. Tvardovsky to the Pinnacle of Art]. *Smolenskaya doroga* [Smolensk Route], 2008, no. 1 (2), pp. 144-151. (In Russian).
 16. Ganzhina I.M. *Slovar' sovremennykh russkikh family* [Dictionary of Modern Russian Surnames]. Moscow, Astrel Publ., 2001, 672 p. (In Russian).

Информация об авторе

Королёва Инна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка. Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация. E-mail: innakor@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, анализ данных, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0597-6921>

Поступила в редакцию 21.12.2019 г.

Поступила после рецензирования 26.02.2020 г.

Принята к публикации 03.03.2020 г.

Information about the author

Inna A. Koroleva, Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department. Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation. E-mail: innakor@mail.ru

Contribution: main study conception, literature search and analysis, data analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0597-6921>

Received 21 December 2019

Reviewed 26 February 2020

Accepted for press 3 March 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-280-286
УДК 811.161.1'373/372(038)

Урбанонимы-перифразы г. Смоленска в семантическом поле «война»

Надежда Андреевна РОДИНА

ФГКВОУ ВО «Военный институт физической культуры» Министерства обороны Российской Федерации
194044, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр-т, 63
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>, e-mail: esperance84@mail.ru

Urbanonyms-periphrases of the city of Smolensk in the semantic field “war”

Nadezhda A. RODINA

Military Institute of Physical Education
63 Bolshoy Sampsoniyevskiy Ave., St. Petersburg 194044, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>, e-mail: esperance84@mail.ru

Аннотация. В современной отечественной лингвистике существует множество работ, посвящённых исследованию переносного значения слова. Однако перифразы, больше функционирующие в устной речи, изучены недостаточно. Особый интерес представляют перифрастические имена собственные, отражающие особенности мировосприятия людей – создателей онимов. В настоящее время особо актуально исследование перифрастических урбанонимов, поскольку изучение их семантики позволяет лучше понять специфику языка горожан, их мировоззрения. Рассмотрены неофициальные названия внутригородских объектов г. Смоленска, которые принадлежат семантическому полю «война», что обусловлено стратегическим положением города-героя. Приведены определение перифразы и механизм её возникновения в устной коммуникации. Материал исследования, которым являются неофициальные смоленские урбанонимы в семантическом поле «война», тематически расклассифицирован, а также рассортирован, в результате чего выделены перифрастические названия. Проанализированы особенности урбанонимов-перифраз с точки зрения структуры и семантики. В научный оборот вводится новый эмпирический материал, что позволяет сделать объективные и достоверные выводы по характеру номинации внутригородских военных и гражданских объектов и отношению населения к военным действиям и военному социуму. Материал исследования может найти применение как в военном образовании, так и в факультативном курсе ономастики в гражданском вузе.

Ключевые слова: топоним; урбаноним; перифраза; структурные особенности; особенности семантики; семантическое поле «война»

Для цитирования: Родина Н.А. Урбанонимы-перифразы г. Смоленска в семантическом поле «война» // Нефилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 280-286. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-280-286

Abstract. In modern domestic linguistics, there are many works dedicated to the study of the figurative meaning of the word. However, periphrases more functioning in oral speech are not sufficiently studied. Of particular interest are proper names that reflect the peculiarities of the worldview of people who are the creators of onyms. At present, the study of periphrastic urbanonyms is particularly relevant, as the study of their semantics makes it possible to better understand the specifics of the citizens' language and their worldview. We consider the informal names of inner-city objects of Smolensk, which belong to the semantic field “war”, which is due to the strategic position of the hero city. We give the definition of periphrasis and the mechanism of its occurrence in oral communication. The material of the study, which are the unofficial Smolensk urbanonyms in the semantic field “war”, is thematically divided and also sorted, resulting in the allocation of periphrastic names. We analyze the peculiarities of urbanonyms-periphrases in terms of

structure and semantics. New empirical material is introduced into the scientific circulation, which makes it possible to draw objective and reliable conclusions on the nature of the nomination of inner-city military and civilian objects and the attitude of the population towards military actions and military society. The material of the study can be used both in military education and in the optional course of onomastics in a civil university.

Keywords: toponym; urbanonym; periphrasis; structural features; features of semantics; semantic field “war”

For citation: Rodina N.A. Urbanonimy-perifrazy g. Smolenska v semanticheskom pole «voyna» [Urbanonyms-periphrases of the city of Smolensk in the semantic field “war”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 280-286. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-280-286 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Одной из особенностей бытования русского слова является возможность наличия у него как одного значения, так и нескольких. Слова в переносном значении, в отличие от слов в прямом значении, называющих объект, дают ему оценку: эмотивную или экспрессивную. Такая характеристика даётся различными способами. Так, в коммуникации, чаще – устной, широко используются метафоры, метонимии, эвфемизмы и перифразы [1–4].

По своей сути перифраза представляет собой стилистический приём, заключающийся в непрямом описательном обозначении предметов и явлений действительности. В перифразе на первый план выдвигается какая-то существенная в данной ситуации сторона, свойство предмета или лица [5, с. 478].

Это связано с одним из внутренних свойств языка – возможностью передать одно и то же содержание разными способами. Таким образом, перифрастические выражения несут дополнительную и значимую информацию, дающую возможность представить новый образ предмета [6; 7]. Перифразы заменяют описательным выражением малоинформативные и однословные единицы различных лексических пластов. В топонимии бытование перифрастических именованний связано, прежде всего, со «стремлением носителей лингвокультуры выдвинуть на первый план какое-либо существенно значимое качество географического объекта, оценённое и разделяемое всеми. При этом, функционируя как вторичные номинативные речевые единицы, топонимические перифразы обладают яркой выразительностью и оценочной характеристикой окружающего мира и самих себя» [8, с. 112].

В настоящей статье мы остановимся на таком малоизученном аспекте, как использование перифраз для номинации внутригородских объектов. Данный вид топонимов получил название урбанонимов. Актуальность исследования обусловлена острой необходимостью анализа урбанистической коммуникации, поскольку в языке жителя города проявляются особенности его мировоззрения. Внутригородские объекты занимают значительное место в жизни горожан: это локации, связанные с работой, отдыхом, важными встречами. В связи с этим возникает прагматическая потребность называть данные объекты. Безусловно, для каждой реалии всегда существует официальное название, однако в рамках рассмотрения урбанонимов оно номенклатурно (например, дом номер девять по улице Октябрьской революции). Именно поэтому не всегда официальные названия активно бытуют в повседневной номинации городских жителей: в топониме происходят изменения, поскольку обыденное сознание требует подключения ассоциативно-образного, творческого мышления для номинации, надолго удерживающей внимание людей. Большую роль для закрепления неофициального топонима играет частотность и стереотипность мышления горожан. Кроме того, в урбанонимах-перифразах содержатся, помимо географического положения объекта, современные либо имевшие место в прошлом события, природные либо хозяйственные особенности, внешний вид и иные социально значимые сведения.

Так, всем известны перифразированные названия Москвы (Порт пяти морей, Третий Рим, Сердце Родины), Санкт-Петербурга (Культурная столица, Северная Венеция), Смоленска (Город-щит, Ворота Москвы).

Однако больший интерес представляют внутригородские объекты малоизученных небольших городов, отражающие связанные с ними историко-культурные явления, преломленные сквозь сознание местных жителей. Рассмотрение микротопонимии г. Смоленска актуально в силу приграничного географического положения населённого пункта, а также событий истории и культуры, связанных с его жизнью.

Поскольку события прошлого г. Смоленска включают участие жителей в Русско-польской войне 1609–1618 годов, Отечественной войне 1812 года, Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, народная память не просто хранит знания об этом многовековом периоде, но и стремится отразить их в названиях внутригородских объектов.

Материалом нашего исследования стали перифразированные урбанонимы в семантическом поле «война», зафиксированные в «Словаре неофициальных топонимов г. Смоленска» Д.В. Бутеева, В.Ю. Сергеева, А.Г. Сибиченкова [9].

Поскольку перифраза должна отвечать таким критериям, как вторичность номинации, наличие в составе не менее двух значимых слов, не все урбанонимы, относящиеся к военной тематике, стали непосредственными предметами рассмотрения. Так, ниже (табл. 1) приведены тематически расклассифицированные наиболее яркие отобранные нами смоленские урбанонимы, имеющие военную семантику; при этом присутствующие среди

них урбанонимы-перифразы выделены курсивом.

Из табл. 1 видно, что все неофициальные «военные» урбанонимы г. Смоленска могут быть разделены на несколько групп в зависимости от характера называемого объекта:

– группа «Неофициальные названия военных объектов» имеет в своём составе альтернативные названия различных зданий, имеющих непосредственное отношение к войне, и фортификационных сооружений;

– группа «Неофициальные названия объектов, созданных в память о войне» включает именованные мемориалов;

– группу «Неофициальные названия объектов с семантикой, связанной с вооружёнными силами» составляют урбанонимы, данные заведениям, заведениям и микрорайонам, связанным с повседневной деятельностью военнослужащих;

– группа «Неофициальные названия объектов, имеющие в составе военную лексику» содержит урбанонимы, именующие улицы, магазины, сооружения и микрорайоны, которые не имеют отношения к военным действиям, но при этом используют слова семантического поля «война».

Также представленная табл. 1 демонстрирует соотношение общего числа урбанонимов и перифраз среди них. Так, перифрастические названия составляют 68 %. Это объясняется увлечённостью населения фактической информацией, связанной с военной

Таблица 1
Классификация неофициальных смоленских топонимов в семантическом поле «война»

Неофициальные названия военных объектов	Неофициальные названия объектов, созданных в память о войне	Неофициальные названия объектов с семантикой, связанной с вооружёнными силами	Неофициальные названия объектов, имеющие в составе военную лексику
Большой вал Бункер Гитлера Годуновская крепость Зенитки Малый вал	Аллея пяти близнецов Мужик с ружьём Одуванчик Орёл на ядре Памятник с орлами Танк Штык	Военторг Ворошиловские казармы Дом офицеров Нарвские казармы Офицерская слобода Чепок	Амбразура под атлетами Бастилия Бухенвальд Дорога жизни Линкор Пентагон Ратное поле Рейхстаг Тропа Хошимина Штаб Штаб генерала Лукина

сферой, отчасти обеспечиваемой патриотическим воспитанием и популярностью разнообразных средств и форм развлечений в армейском стиле. Также данное количество перифраз говорит о достаточно высоком уровне креативности горожан в их подходе к выбору вторичной номинации. Необходимо отметить, что в первых трёх из приведённых групп количество перифрастических именовании составляет по четыре единицы, в группе урбанонимов, называющих объекты, не имеющие никакого отношения к теме войны, их обнаружено пять, что лишь ненамного превышает упомянутые показатели, а потому не будет учтено в результатах анализа. Таким образом, мы видим стабильный интерес субъектов номинации к семантическому полю «война» в процессе присвоения альтернативных описательных названий внутригородским объектам.

Отобранные урбанонимы-перифразы мы детально рассмотрели в двух аспектах: особенности их структуры и специфика проявления семантического поля «война».

Так, в ходе проведения структурного анализа были исследованы типичные составляющие элементы перифрастических урбанонимов и роль остальных компонентов.

Для именовании военных объектов используются такие характерные компоненты, как *вал*, *крепость*, *бункер*. Необходимо отметить, что первые два обозначают древние фортификационные сооружения, в то время как последний относится к более позднему историческому периоду. Что касается зависимых слов, то они выполняют атрибутивную функцию, описывая объект: какой он (Большой/Малый), чей он (Годуновский, Гитлера) [9, с. 40, 43, 63, 160]. Также следует указать на относительную частотность использования элемента *вал* в данной группе. В составе неофициальных названий объектов, созданных в память о войне, нами отмечен лишь один типичный для данной группы компонент – *памятник* (*Памятник с орлами*) [9, с. 196]. Рассматривая элемент *аллея*, необходимо сказать, что он характерен скорее для дромонимов (собственных имён любых путей сообщения [10, с. 57]), однако принадлежит именованию сквера, однако вместе с генетивным атрибутом *пяти близнецов* позволяет расширить семантику урбанонима [9,

с. 12]. В перифрастическом именовании *Мужик с ружьём* главным словом является существительное *мужик*, оно экспрессивно, однако неполноценно по своей семантике и требует атрибутивной характеристики, которой в случае описания мемориала стало предложно-именное сочетание *с ружьём*. Таким образом, мы понимаем, что анализируемый урбаноним принадлежит памятнику солдату [9, с. 170]. Перифрастическое название *Орёл на ядре* также состоит из главного слова *орёл*, которое самостоятельно обозначает только родовую принадлежность изображаемой птицы, и зависимого предложно-именного сочетания *на ядре*, иллюстрирующего способ расположения птицы [9, с. 193]. В группе «Неофициальные названия объектов с семантикой, связанной с вооружёнными силами» можно выделить несколько элементов, входящих в состав урбанонимов-перифраз, типичных для отражения бытового характера функционирования самих объектов: *казармы*, *слобода*, *дом*. При этом зависимые слова в форме как генетивных, так и адъективных атрибутов позволяют уточнить и расширить семантику перифразы: какие казармы (*Ворошиловские*, *Нарвские*), чей дом (*офицеров*), чья слобода (*Офицерская*) [9, с. 58, 86, 175, 195]. В последней группе урбанонимов, имеющих в своём составе военную лексику, проблематично выделить какие-либо типичные или частотные элементы, поскольку собранные именовании относятся к различным логическим типам топонимов. Однако представляется возможным рассмотрение каждого из них с точки зрения гипотетического отнесения их частей к определённому частному виду имен собственных. Так, *дорога* (*Дорога жизни*) [9, с. 103] и *тропа* (*Тропа Хошимина*) [9, с. 276] характерны для состава дромонимов, однако в обоих случаях грамматически главные в перифразе слова являются семантически второстепенными. Компонент *поле* типичен для аргоонимов (названий земельных возделанных участков [10, с. 27]), но зачастую в значении «поле битвы» используется в таких военных топонимах, как, например, Бородинское поле, Куликово поле и т. п. По аналогии с таким типом именовании состав неофициального урбанонима *Ратное поле* [9, с. 225] главный элемент несёт традиционное для семантиче-

ского поля «война» значение, которое дополняется соответствующим атрибутом: прилагательное *ратный*, имеющее словарную помету «устаревшее и высокое», используется в значении «военный, боевой» [4, с. 582]. Что касается перифразы *Амбразура под атлетами*, то она даёт неофициальное название части архитектурного сооружения, однако имеет в своём составе военный термин *амбразура*, означающий бойницу [4, с. 23]. Таким образом, тумба, украшенная наверху скульптурами в виде атлетов, а внизу – оконный проём для торговли печатной и сувенирной продукцией, получила «военный» урбаноним [9, с. 12].

При проведении анализа семантических особенностей нами был выявлен механизм образования неофициальных перифрастических названий внутригородских объектов г. Смоленска, а также рассмотрена присутствующая в них специфическая оценка. Приведём несколько примеров.

Один из символов Смоленска – Смоленская крепостная стена, возведённая зодчим Федором Конём на рубеже XVI–XVII веков, – неофициально называется *Годуновской крепостью*, поскольку, как утверждают авторы, «Борис Годунов, ещё не будучи царём Руси, но уже являясь её фактическим правителем, в 1596 г. лично приехал в Смоленск и произвёл закладку крепости» [9, с. 63]. На первый взгляд, исходя из семантики перифразы, фортификационное сооружение больше ассоциируется с монархом, чем с городом. Однако в данном случае большую роль в образовании урбанонима играет время правления царя, в которое была построена крепость для защиты западных границ Руси от Великого княжества Литовского. Следовательно, перифрастическое название *Годуновская крепость* характеризует объект с точки зрения исторической ценности.

Ворошиловскими казармами называется, согласно словарю, «местность между улицей Чернышевского и Витебским шоссе. Включает в себя военный учебный комплекс и жилые двухэтажные дома довоенной и послевоенной постройки, спускающиеся с горы прямо к железной дороге. На этом месте сформировалось в 1939 г. Смоленское стрелково-пулемётное училище на базе танковой бригады, убывшей на значительно продви-

нувшуюся западную границу СССР» [9, с. 58]. Как видим, под *казармами* создатели урбанонима подразумевают жилища, располагающиеся вблизи современной Военной академии войсковой противовоздушной обороны (ВА ВПВО) ВС РФ, что не вполне справедливо, поскольку не все эти здания принадлежат армии. Следовательно, в данном случае слово *казармы* используется в переносном значении. Что касается первого элемента перифразы, то, анализируя его, необходимо вспомнить название нагрудного значка «Ворошиловский стрелок» для награждения граждан, успешно овладевших стрелковым делом и сдавших соответствующие нормы, и позднее появившееся нарицательное «ворошиловский стрелок», используемое для подчёркивания такого качества, как меткость. Таким образом, из значения перифрастического урбанонима становится ясно, что горожане считают эту местность жилищем метких стрелков, положительно оценивая работающих и учащихся в ВА ВПВО военнослужащих.

Следующее именование – *Дорога жизни* – принадлежит «трубопроводу, переброшенному через Чуриловский овраг. Название возникло по аналогии со знаменитым ленинградским топонимом военного времени» [9, с. 103]. Однако, в отличие от Дороги Жизни, названной так за спасение жизней ленинградцев в годы блокады, смоленский урбаноним возник скорее от противного: технические коммуникации зачастую служили путём быстрого перемещения местных жителей, сокращая при этом не только пройденное расстояние, но и продолжительность жизней смолян. На примере этого неофициального топонима мы видим не только образность перифразы, но и её юмористический характер.

Другую дорогу – «малозаметную и труднопроходимую тропу, которая спускается от профилактория СмолГУ к рынку» – смоляне называют *Тропой Хошмина* [9, с. 276]. В этом урбанониме компонент *тропа* категориально определяет объект, а описательная часть *Хошмина* подчеркивает его неофициальность, незаметность, скрытность от публики, поскольку оригинальный топоним Тропа Хо Ши Мина был дан американцами во время войны во Вьетнаме совокупности сухопутных и водных транспортных путей на

территории Лаоса и Камбоджи, которые использовались Демократической Республикой Вьетнам для переброски войск и грузов в Южный Вьетнам. На примере этого перифрастического именования демонстрируется номинация по аналогии с существующим онимом.

Орлом на ядре называется памятник Софийскому полку на Королевском бастионе. Мемориал был «сооружён по проекту рядового Софийского полка Б.Н. Цапенко в 1912 г. на средства солдат и офицеров этого воинского подразделения» [9, с. 193]. Это неофициальное перифрастическое именование характеризует объект номинации как памятник мужеству воинов, поскольку имеет в своем составе лексемы *орёл* – символ отваги – и *ядро* – символ войны в XIX веке (наряду с пушкой).

Проведённое нами разноаспектное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, из неофициальных названий внутригородских объектов г. Смоленска семантического поля «война» более половины составляют урбанонимы-перифразы, что свидетельствует о достаточно высоком уровне развития образного, творческого мышления горожан при присвоении альтернативных именований объектам, имеющим то или иное отношение к военным событиям или вооруженным силам, а также о достаточно широком кругозоре населения, в частности –

знании различных аспектов бытования военного социума, военных действий и т. п.

Во-вторых, перифрастические урбанонимы подлежат классификации в соответствии с характером функционирования называемого объекта. Выделяются неофициальные названия военных объектов, объектов, созданных в память о войне, объектов с семантикой, связанной с вооружёнными силами, а также названия объектов, имеющие в составе военную лексику. Во всех группах содержание урбанонимов-перифраз практически равное, что подтверждает стабильный творческий интерес городских жителей к военным событиям и военному социуму.

В-третьих, не для всех урбанонимов-перифраз, входящих в семантическое поле «война», представляется возможным установление типичных составляющих элементов, поскольку подобные онимы-словосочетания могут включать в себя в качестве главных слов как универсальные лексемы (дом, дорога, памятник), так и редко используемые (*орёл*, *мужик*). Зависимые компоненты разнообразны и выполняют уточняюще-дополняющую комплексное значение функцию.

В-четвёртых, семантика проанализированных перифрастических урбанонимов отражает военно-исторические факты, связанные как непосредственно с объектами номинации, так и с жизнью общества в целом, а также особенности социокультурного мировосприятия жителей г. Смоленска.

Список литературы

1. *Базарская И.И.* Вторичная номинация языковых знаков (на материале перифраз английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1988. 173 с.
2. *Ковинова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
3. *Милёхина В.И., Попова З.Д.* Перифразы как тип фразеосочетаний (на материале русского и немецкого языков) // Образование и функционирование фразеологических единиц. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1981. С. 38-44.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: АСТ, 2014. 736 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 688 с.
6. *Баско Н.В.* Современный медиатекст в аспекте культурологии: образные наименования географических объектов // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37. № 4. С. 573-582.
7. *Прокудина Т.А.* О понятии перифразы в русском языке // Образование и функционирование фразеологических единиц. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1981. С. 35-38.
8. *Исаева Е.В.* Употребление перифразы для обозначения географических объектов Квебека // Канадский ежегодник. 2014. Вып. 18. С. 110-121.
9. Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска / авт.-сост. Д.В. Бутеев, В.Ю. Сергеев, А.Г. Сибиченков. Смоленск: Маджента, 2014. 336 с.
10. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.

References

1. Bazarskaya I.I. *Vtorichnaya nominatsiya yazykovykh znakov (na materiale perifrasy angliyskogo i russkogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk* [Secondary Nomination of Language Characters (Based on English and Russian Languages Periphrases). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 1988, 173 p. (In Russian).
2. Kovshova M.L. *Semantika i pragmatika evfemizmov* [Semantics and Pragmatics of Euphemisms]. Moscow, Gnozis Publ., 2007, 320 p. (In Russian).
3. Milekhina V.I., Popova Z.D. *Perifrazy kak tip frazeosochetaniy (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [Periphrases as a type of phrase combinations (based on Russian and German languages)]. *Obrazovaniye i funktsionirovaniye frazeologicheskikh edinits* [The Formation and Functioning of Phraseological Units]. Rostov-on-Don, Rostov State University Publ., 1981, pp. 38-44. (In Russian).
4. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. Moscow, AST Publ., 2014, 736 p. (In Russian).
5. Yartseva V.N. (ed.-in.-chief). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, 688 p. (In Russian).
6. Basko N.V. *Sovremennyy mediatekst v aspekte kul'turologii: obraznyye naimenovaniya geograficheskikh ob'yektov* [Modern mediatext in the aspect of culturology: figurative names of geographical objects]. *Nauchnyye vedomosti. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Scientific Bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 2018, vol. 37, no. 4, pp. 573-582. (In Russian).
7. Prokudina T.A. *O ponyatii perifrasy v russkom yazyke* [On the concept of periphrasis in Russian language]. *Obrazovaniye i funktsionirovaniye frazeologicheskikh edinits* [The Formation and Functioning of Phraseological Units]. Rostov-on-Don, Rostov State University Publ., 1981, pp. 35-38. (In Russian).
8. Isayeva E.V. *Upotrebleniye perifrasy dlya oboznacheniya geograficheskikh ob'yektov Kvebeka* [The use of paraphrase for designating Quebec geographical objects]. *Kanadskiy ezhegodnik* [Canadian Yearbook], 2014, no. 18, pp. 110-121. (In Russian).
9. Buteyev D.V., Sergeyev V.Y., Sibichenkov A.G. (compilers). *Slovar' neofitsial'nykh toponimov g. Smolenska* [Dictionary of Unofficial Toponyms of the City of Smolensk]. Smolensk, Madzhenta Publ., 2014, 336 p. (In Russian).
10. Podolskaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 192 p. (In Russian).

Информация об авторе

Родина Надежда Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка. Военный институт физической культуры, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: esperance84@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ данных, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Поступила в редакцию 27.11.2019 г.

Поступила после рецензирования 10.01.2020 г.

Принята к публикации 11.02.2020 г.

Information about the author

Nadezhda A. Rodina, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department. Military Institute of Physical Education, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: esperance84@mail.ru

Contribution: study conception, data analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Received 27 November 2019

Reviewed 10 January 2020

Accepted for press 11 February 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-287-293
УДК 811.161.1

К истории урбанонимии провинциального города: названия варнишных мест старинной Нерехты

Татьяна Владимировна ГОРЛОВА

ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»
156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2942-7951>, e-mail: tat4060@yandex.ru

On history of a provincial town's urbanonymy: names of saltworks of old-time Nerekhta

Tatiyna V. GORLOVA

Kostroma State University
17, Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2942-7951>, e-mail: tat4060@yandex.ru

Аннотация. Посвящено исследованию исторических топонимов города Нерехты Костромской области. Для анализа выбраны онимы, относящиеся к средневековому периоду существования города, связанные с древнейшим, ныне утраченным промыслом данной территории – добычей и варкой соли. Это названия варнишных мест *Реденский починок* и *Совкова Мовка*, которые сохранились в исторических документах, а также встречаются в труде М.Я. Диева «История города Нерехты». В настоящее время данные названия исчезли из городского топонимикона в связи с их деактуализацией. Детальный лингвоэтимологический анализ лексических единиц, входящих в состав исторических топонимов, позволяет выявить некоторые общие черты, характерные для славянских онимов, установить территорию их распространения, проследить те трансформации, которые они претерпели, выявить некоторые процессы глоттогенеза и этногенеза исследуемой территории, что, в свою очередь, помогает пролить свет на историю освоения славянами исконных финно-угорских, предположительно мерянских, земель.

Ключевые слова: топоним; урбаноним; историзм; Нерехта; варнишные места; Реденский починок; Совкова Мовка

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края».

Для цитирования: Горлова Т.В. К истории урбанонимии провинциального города: названия варнишных мест старинной Нерехты // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 287-293. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-287-293

Abstract. This research is devoted to the study of historical toponyms of the town of Nerekhta, Kostroma Region. The onyms chosen for analysis are from the town's medieval period associated with the territory's oldest trade – salt production and saltworks – now lost. Those include names of saltworks *Redensky pochinok* and *Sovkova Movka*, that survive in historical documents and are also found in the scientific book of Mikhail Diyevev «The History of the Town of Nerekhta». To date, these names have disappeared from the town's toponomicon due to lack of topicality. Detailed lingual and etymological analysis of the lexical units, which are part of historical toponyms, allows to identify some common features characteristic of Slavic onyms, to establish the territory of their distribution, to trace the transformations they underwent, to identify certain processes of language and ethnic origin of the territory under study; the latter, in turn, helps cast a light upon the history of settlement of Slavs of the previously Finno-Ugric, presumably Merya, lands.

Keywords: toponym; urbanonym; historicism; Nerekhta; saltworks; Redensky pochinok; Sovkova Movka

Acknowledgement: The article is prepared with the financial support of the Russian Foundation for Fundamental Investigations. Project № 18-012-00809 A «Dialect study of Kostroma land lexis and onomastics».

For citation: Gorlova T.V. K istorii urbanonimii provintsial'nogo goroda: nazvaniya varnishnykh mest starinnoy Nerekhty [On history of a provincial town's urbanonymy: names of saltworks of old-time Nerekhta]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 287-293. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-287-293 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Город Нерехта (районный центр Костромской области), впервые упомянутый в Летописце Переяславля Суздальского под 1214 годом¹, в конце XIV – начале XV века становится одним из центров солеварения средневековой Руси. Малоплодородные земли, окружавшие Нерехту, способствовали развитию различных промыслов, среди которых солеварение было, по-видимому, главным. Соль в Средние века ценилась очень высоко, так как её добыча была чрезвычайно трудоёмкой, а для поисков «рассольных мест» требовался большой опыт и специальное умение мастера, который, наблюдая за отложением солей на берегах водоёмов, характером растительности и другими признаками, находил места для добычи соли.

Можно предположить, что именно возможность добывать соль и способствовала славянской колонизации этих земель, первоначально заселённых мерянскими племенами [1, с. 97-99]. Об имеющихся в этих землях запасах соли говорит и название реки Солоницы [2], протекающей вблизи города, притоком которой является Нерехта. Ниже по течению Солоницы, ближе к впадению её в р. Волгу, располагается упомянутое в Летописце наряду с Нерехтой селение Соль Великая (позднее посад Большие Соли, ныне посёлок Некрасовское Ярославской области). О значении солеваренного промысла свидетельствует и то, что места добычи и производства соли (варнишные места) особо оговаривались в духовных грамотах московских князей: «...Юлка княгине же моей, да Доброе село, да в Володимере Одреевское село. А ис Костромы ей волость Нерехта. А отведёт Бог мать мою, ино Иледам да Комела княгине моей, а Нерехта сыну моему, князю Ивану» [3, с. 57]; «Да даю своей княгине Не-

рехту с варницами и со всеми пошлинами» [4, с. 197]. До сих пор существует выражение «не солоно хлебавши», которое восходит к тем временам, когда соль являлась продуктом элитарным: во время княжеских пиров члены семьи, знатные и уважаемые гости размещались в той части стола, где ставились солонки, остальные употребляли пищу несолёной.

Удобное географическое положение города на берегу р. Нерехты, впадающей всего в километре от исторического центра в р. Солоницу, которая обеспечивала выход на Волгу, способствовало развитию торговли: к XV веку Нерехта развивается как торгово-ремесленный посад. В 1609 г. Нерехта сожжена польско-литовскими интервентами, были разорены и варницы: из 25 соляных варниц возобновились лишь 2, позднее, в связи с присоединением к русским землям Нижнего Поволжья с развитой соледобычей, были оставлены и они.

В эпоху расцвета солеварения, «по приправочным писцовым книгам Василия Вельяминова и Пантелея Усова 1596, 1594 гг., в Нерехте оказалось около 300 домов, 100 лавок и лавочных мест, собор Борисоглебский, 7 приходских церквей, около 25 варниц...» [5, л. 13]. Благодаря письменным источникам, прежде всего рукописному труду М.Я. Диева «История г. Нерехты» (в настоящее время в научный оборот введено издание, подготовленное Т.Б. Кастальевой [6]), до нас дошли некоторые народные названия варнишных мест. М.Я. Диев упоминает названия варниц: *Бетюк, Боброк, Бурко, Векша, Горышка, Дуброва, Дягиль, Кропива, Лошан, Медведь, Сопыль, Орех, Пирог, Перепёлка, Реденский починок, Саврас, Соболев, Совкова Мовка, Чернец*. Нами уже высказывалось предположение, что большая часть этих названий образована от некрестильных

¹ Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851. С. 111.

имён или прозвищ (подробнее см.: [7]), однако 2 названия – *Реденский починок* и *Совкова Мовка* – по своей структуре отличаются от известных нам наименований варнишных мест старинной Нерехты.

Реденский починок. М.Я. Диев в «Истории города Нерехты» сообщает: «1473–1478 года Мария Ярославовна освободила нерехотские варницы, принадлежащие митрополиту Геронтию, и живущих в них людей от дани и пошлин, также подсудности их нерехотским волостелям и тиунам. Тогда в Нерехте были две митрополичьи варницы, из коих одна, Новомонастырская, называлась **Реденский починок** (выделено мною. – Т.Г.)» [6, с. 11]. Субстантивное по своей структуре сочетание *Реденский починок* состоит из прилагательного *реденский* и существительного *починок*.

Реденский. В Словаре современного русского литературного языка (БАС) с пометой *областное* во 2-м значении дано: «**Редина**, ы, ж. *Обл.* 2. Прогалина, не заросшее деревьями место в лесу...» [8, т. 12, стб. 1122]. *Редина* однокоренное с *редкий*: В.И. Даль отмечает следующие функциональные значения: «**Рѣдкій...** жидкий, розный, разставленный, разнесенный врозь, негустой, неплотный. *Редкий лес...* *Реденькая ткань...* <...> **Редень** ж. *сиб.* **редина**, **редь**; реденькая ткань <...> Рядник и редняк, реднячек м. *влд.* **редун**, редкий лес, не густой...» [9, т. 4, с. 119-120]. В СРНГ² зафиксировано слово **редень** в значениях ‘редко расположенные по отношению друг к другу однородные предметы (деревья в лесу и т. д.)’ *Пск., Осташк. Твер.*; ‘неплотная, редко сотканная ткань, редина’ *Рыб. Яросл.*, ‘рыболовная сеть с большими ячейками’ *Брейтов Яросл.*

В словаре М. Фасмера слово *редень* дано в значении ‘редкая ткань’ и связано с *редкий* [10, т. 3, с. 458]: «**Редень** ж. “ ”, *сиб.* (Даль). Связано с *редкий*. «**Редкий**, <...> укр. *рідкий*, блр. *рэдки*, также “жидкий”, др.-русс., ст.-слав. **рѣдѣкъ** *сплѣнуос...* болг. *рядък*, «редкий», сербохорв. *ријеткѣ*, *ријѣдак*, ж. *ријѣтка*, словен. *rédāk*, ж. *rédka*, чеш. *řidký*, слвц. *riedku*, польск. *rzadki*, в.-лужиц., н.-лужиц. *řědkí*, полаб. *rjódke...*» [10, т. 3, с. 458].

² Словарь русских народных говоров (СРНГ). Л.: Наука, 1965–... . Вып. 35. С. 15.

В. Шмилауер в Практике славянской топониматики отмечает, что топонимы, образованные от слов с основой **рѣдѣкъ**, зафиксированы в болгарском (*Рядката нива*), македонском (*Retka Buka*), словенском, чешском (*Řidký*), польском (*Rzadka*), украинском, белорусском, русском (Редкодуб) языках [11, с. 152].

Существует предположение, что **Реденский** связано с антропонимом *Редедя*: «**Редедя** – др.-русс. форма имени князя касогов (черкесов)... Не может быть объяснено ни из черкесского, ни из осет. <...> Якобсон... предлагает объяснение из тюрк. *äg* “муж, мужчина” + *dädä* «дед, отец. Может быть связано с венгерской фамилией *Erdödi?*...» [10, т. 3, с. 458]. Однако на данный момент нет достоверных данных, которые бы подтвердили это предположение.

Починок. В.И. Даль делает отсылку к статье *Починать*, определяя значение субстантива: «...**Починок**... *А се починок правде* стар. || начало или закладка новой пашни в лесу, а с него, и заселения; расчисть, чищоба, чисть, чища, расчистка, кулига, кулижка... Это коренное русское хозяйство, **починковое**, расчистка и выжиг в лесу, по мере сил и надобности...» [9, т. 3, с. 370-371]. В БАС с пометами *устаревшее* и *областное* **починок** представлен в значениях: «1. Расчищенное под пашню место в лесу. 2. Небольшой новый посёлок, выделившийся из большого селения в результате переселения жителей из другой местности; выселок» [8, т. 10, стб. 1721]. В СРНГ **починок** фиксируется в нескольких значениях, среди которых: ‘расчищенное под пашню место в лесу, пашня или пожня на таком месте, вновь засеянная пашня’ *Волог.*; ‘небольшая деревня, хутор обычно на расчищенном от леса или выжженном месте, выселок, новый посёлок’ *Вят., Киров., Костром., Яросл., Волог.* Также с пометами *устаревшее* и *областное*. В Словаре говоров Костромского Заволжья Н.С. Ганцовской: «**Починок**, м. Огороженный участок поля, близкий к дому, для выпаса скота. <...> Галич.» [12, с. 313].

М. Фасмер связывает **починок** со старославянским **почати**, **почьнж**: «**Починок**... “новая пашня в лесу”, с.-в.-р., отсюда и значение “новое селение”, ср. ст.-слав. **почати**, **почьнж** “начать” (см. *начать*, *начну*). Отсю-

да починовцы мн. “новоселы” (о поселенцах на юго-востоке Вятской губернии)...» [10, т. 3, с. 347].

В Нерехтском районе в настоящее время не зафиксировано населённых пунктов с названием *Починок* или его дериватов. Однако данное название имеет довольно значительное распространение на территории Костромской области: деревни *Починок* находятся в Антроповском, Галичском, Кологривском, Макарьевском, Мантуровском, Островском, Солигаличском, Сусанинском, Шарьинском районах; в Ярославской области – 11 населённых пунктов с таким названием; Смоленской – 8 названий; всего 3 названия на территории Ивановской области; в Вологодской области фиксируются на настоящий момент 34 населённых пункта с названием *Починок*.

По-видимому, варница *Рединский починок* была поставлена на редколесье, которое было расчищено специально для добычи и варки соли на этом месте.

М.Я. Диев со ссылкой на Писцовые книги 1627 года, составленные Павлом Волинским, в связи с рассказом о запустении варнишных мест упоминает и название *Совкова Мовка*: «В Нерехте на посаде, на Борисоглебской стороне у Борисоглебского колодезя места варничные пустые, старые пустоты, что бывали варницы нерехтчан, посадских людей... место варнишное Совкова Мовка, что была варница Спасского монастыря из Ярославля...» [6, с. 12]. Так же, как и *Рединский починок*, это субстантивное сочетание, представленное прилагательным *совкова* (притяжательное прилагательное, образованное от личного существительного *совок*) и существительным *мовка*. Этимологизация названия *Совкова Мовка* вызывает большие затруднения, так как данный историзм позднее не отражён явным образом в нерехтских онимах.

Совкова. У В.И. Даля в статье *Совать* представлены отглагольные имена: «*Совкий, совчивый*, охотник соваться всюду, или суетливый, опрометчивый... *Совок* м. толчек. || Желобоватая лопатка для насыпки зернового хлеба, муки, для нагребу угля. || Род щупа с желобком, которым вынимают напыть, на пробу сыпучий товар нпр. чай, протыкая цыбик и повертывая совок. <...> *Совач*, шест,

которым отталкивают от берега, сплавляемая розсыпью дрова. <...> *Совник*, жердняк, жердинник» [9, т. 4, с. 254]. В СРНГ: **совкий (совок, совка)** в значении ‘непрощенно вмешивающийся во всё, необдуманно берущийся за любое дело; суетливый, беспокойный’ *Волог., Свердл., Влад., Яросл., Иван., Костром., Нижег., Симб., Тул., Моск., Твер., Пск.*; ‘любопытный’ *Влад.*; ‘любящий пошалить’ *Волог.*; ‘ловкий, быстрый’ *Волог., Новг.* Устойчивое сочетание *совковый чай* ‘смешанный чай, вынутый из цыбиков (ящичков) во время перевозки или перевалки’³ (также см.: [9, т. 4, с. 254]).

В этимологическом словаре М. Фасмера статья на слово **совок** адресует к статье на **совать**: «*совать, сую, сврш. сунуть*, укр. *совати, соваю*, др.-русс. *совати, сунути* «метать (копье)», ст.-слав. *совати рѣтиѣи пурѣ* (Супр.), болг. *совам* «засовываю», сербохорв. *Сунути, сунѐм* «плеснуть; насыпать; толкнуть к.-л.; напасть на к.-л.», словен. *sovati, sujem, suniti, sūnem* «толкать», чеш. *suovati, sunouti* «двигать, совать», словц. *posunút'*, польск. *suwać, sunąć*, в.-луж. *suwać, sunuś...*» [10, т. 3, с. 705].

В антропонимии средневековой Руси также нашли отражение имена, которые связаны с апеллятивом *совать*: «**Совкин**. Григорий Михайлов... в Новгородск. Опасщик. 1478. <...> **Совцов**. Максим... в Новгородск. обл. XIV или XV в.» [13, с. 755]; «**Совкины**, бояре, XV в., Новгород» [14, с. 295]. «**Черносовка (Черная Совка)** кн. Михаил Иванович Засекин... 1502 г.» [14, с. 352].

В современной славянской топонимии также фиксируются родственные названия: **Совка** – река в Клепиковском районе Рязанской области, приток Пры; река в Соломенском и Голосеевском районах Киева, правый приток Лыбеди; деревня в Рязском районе Рязанской области; деревня в Междуреченском районе Вологодской области.

Мовка. В СРНГ **мовня** – ‘баня’ из Словаря церковно-славянского и русского языка 1847 г. [с пометой «стар.»]⁴. У В.И. Даля: «**Мовня, мовница** (от *мыть*) стар. и ныне зап. юж. мыльня, умывальня, баня, лазня: ||

³ Словарь русских народных говоров (СРНГ). Л.: Наука, 1965–... . Вып. 39. С. 189.

⁴ Там же.

от *молвить*: *мовня*, слух, молва...» [9, т. 2, с. 337].

Мовь в значении 'баня' зафиксировано в Словаре русского языка XI–XVII вв.: «**Мовь**, ж. и **мовь (мъвь)**, м. Баня; мытье в бане: А иже придуть госте... и да творять имъ мовь [вар.: мовьници] елико хотять. Ипат. Лет...» [15, с. 229]. У М. Фасмера древнерусское *мовь* в значении 'баня' от *мыть*: «**Мовь** ж. "баня", др.-русск. *мовь* (Пов. врем. лет). От *мыть*» [10, т. 2, с. 634].

В Этимологическом словаре славянских языков (ЭССЯ) по редакции О.Н. Трубачёва: «***mъvь(?)**: др.-русск. *мовь* 'баня, мытье в бане'... Бессуфиксальное имя с основой на -й-, производное от **myti* (*se*) (см.). Затруднительная однозначная реконструкция корневого вокализма: древнерусское написание с *o* может отражаться как **o*, так и **ъ*, ср. параллельные *мъвь*, *мъвь*... При исконном **o* др.-русск. лексема представляет собою образование с характерными для древних отглагольных бессуфиксальных имен вокализмом корня и должно рассматриваться как праславянский диалектизм. Однако Вайян считает, что скорее исконно **mъvь*... Подтверждением этой реконструкции могут быть ст.-укр. *мовня*, *мовница*... где сохранение корневого *o* в новом закрытом слоге как будто свидетельствует о древнем **ъ*, однако не исключено, что речь идёт собственно о старорусских формах» [16, с. 89-90].

Если *мовь* производное от **myti*, то в таком случае надо учесть исследования В. Шмилауера, который с основой **myto** фик-

сирует топонимы западной и восточной Славии [11, с. 126]. Лексема *мовка* отражена и в средневековой русской антропонимии (у С.Б. Веселовского): «**Мовка** Печлюгин, помещик, 1595 г., Арзамасский уезд» [14, с. 201]. По имеющимся на сегодняшний день данным на территории нерехтской этнодиалектной зоны [17; 18] онимы, связанные с лексемой *мовка (мовь)*, не зафиксированы. Однако данное положение требует дополнительной проверки.

Вывод. Как известно, русская топонимия, за исключением гидронимов, относительно молода и может служить лингвогеографическим ориентиром истории заселения края. В этом отношении выявление и изучение средневековых топонимов-историзмов Нерехты, провинциального города костромского края, который возник на слиянии рек волжского бассейна – Солоницы и Нерехты – примерно в то же время, что Кострома и Москва, и сложился как перевалочный пункт миграционных потоков из Владимиро-Суздальских (ранее – из новгородских) земель, позволяет выявить некоторые общие черты, характерные для славянских онимов, установить территорию их распространения, проследить те трансформации, которые они претерпели, выявить процессы глоттогенеза и этногенеза исследуемой территории, что, в свою очередь, помогает пролить свет на историю освоения славянами исконных финно-угорских, предположительно, мерянских земель.

Список литературы

1. Рябинин Е.А. Костромское Поволожье в эпоху Средневековья. Л.: Наука, 1986.
2. Горлова Т.В. Славянские городские топонимы как отражение истории заселения юго-запада Костромской области (на примере гидронима Солоница) // Громовские чтения – 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф. Кострома: КГУ, 2016. С. 117-121.
3. Духовная грамота (первая) великого князя Василия I Дмитриевича. 16 сентября 1406 г. – 7 июня 1407 г. // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печати Л.В. Черепниним. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
4. Духовная грамота великого князя Василия II Васильевича. 3 мая 1461 г. – 27 марта 1462 г. // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печати Л.В. Черепниним. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
5. <Диев М.Я.> История г. Нерехты // Костромской музей-заповедник (КМЗ). КОК-24761.
6. Диев М.Я. История города Нерехты / предисл. и подгот. к печати Т.Б. Кастальевой; послесл. Л.И. Сизинцевой. Кострома: ЗАО «Линия График Кострома», 2013. 146 с.

7. Горлова Т.В. Архаические топонимы города Нерехты Костромской области как историко-географический индикатор (на примере названий варнишных мест) // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 4. С. 182-185.
8. Словарь современного русского литературного языка (БАС): в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950–... .
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989–1991.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. О.Н. Трубачева; под ред. Б.А. Ларина: в 4 т. М.: Прогресс, 1971.
11. Šmilauer V. Handbuch der Slawischen Toponomastik. Praha: Academia, 1970. 216 s.
12. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Москва: Книжный клуб Книговек, 2015. XXXI с. 512 с.
13. Туников Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1903. 857 с.
14. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 (М) / гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1982. 358 с.
16. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Вып. 20 (*morzatyǫ – *mъrsknŭti) / под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Наука, 1994. 256 с.
17. Ганцовская Н.С., Горлова Т.В. Лексическая основа этнодиалектной нерехтской зоны // Севернорусские говоры. 2018. № 17. С. 80-91.
18. Ганцовская Н.С., Горлова Т.В. Костромские говоры: интерпретация Г.Г. Мельниченко некоторых изолекс этнодиалектной нерехтской зоны // Севернорусские говоры. 2019. № 18. С. 55-68.

References

1. Ryabinin E.A. *Kostromskoye Povolozh'ye v epokhu Srednevekov'ya* [Kostroma Povolzhye in the Medieval Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. (In Russian).
2. Gorlova T.V. Slavyanskiye gorodskiye toponimy kak otrazheniye istorii zaseleniya yugo-zapada Kostromskoy oblasti (na primere gidronima Solonitsa) [Slavic urban toponyms as a reflection of history of settling southwest of Kostroma region (on the example of hydronym the Solonitsa)]. *Sbornik materialov i issledovaniy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gromovskiye chteniya – 3. Zhivoye narodnoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Gromov’s Readings – 3. Living Folk Word and Kostroma Land”]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016, pp. 117-121. (In Russian).
3. Cherepnin L.V. (prepared for press). Dukhovnaya gramota (pervaya) velikogo knyazya Vasiliya I Dmitriyevicha. 16 sentyabrya 1406 g. – 7 iyunya 1407 g. [Spiritual testament (first) grand duke Vasily I Dmitriyevich. materials on September 16, 1406 – on June 7, 1407]. *Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv.* [Spiritual and Contractual Testaments of Large and Specific Princes of the 14–16th Centuries]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. (In Russian).
4. Cherepnin L.V. (prepared for press). Dukhovnaya gramota velikogo knyazya Vasiliya II Vasil'yevicha. 3 maya 1461 g. – 27 marta 1462 g. [Spiritual testament of the grand duke Vasily II Vasilyevich. On May 3, 1461 – on March 27, 1462]. *Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv.* [Spiritual and Contractual Testaments of Large and Specific Princes of the 14–16th Centuries]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. (In Russian).
5. <Diev M.Y.> Istoriya g. Nerekhty [History of the city of Nerekhta]. *Kostromskoy muzey-zapovednik (KMZ)* [Kostroma Museum-Reserve (KMR)]. KOK 24761. (In Russian).
6. Diev M.Y. *Istoriya goroda Nerekhty* [History of the city of Nerekhta]. Kostroma, CJSC “Liniya Grafik Kostroma” Publ., 2013, 146 p. (In Russian).
7. Gorlova T.V. Arkhaicheskiye toponimy goroda Nerekhty Kostromskoy oblasti kak istoriko-geograficheskiy indikator (na primere nazvaniy varnishnykh mest) [Archaic toponyms of the town of Nerekhta of Kostroma Region as the historical and geographical indicator (in terms of names of places of saltworks)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*, 2018, vol. 24, no. 4, pp. 182-185. (In Russian).
8. Chernyshev V.I. (chief ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (BAS): v 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language (BAD): in 17 vols]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950–... . (In Russian).
9. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1989–1991. (In Russian).

10. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of Russian Language]. Moscow, Progress Publ., 1971. (In Russian).
11. Šmilauer V. *Handbuch der Slawischen Toponomastik*. Praha, Academia Publ., 1970, 216 p. (In Czech).
12. Gantsovskaya N.S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'ye Kostromy i Unzhi* [The Dictionary of the Kostroma Transvolga Dialects: the Kostroma and the Unzha Interfluvium]. Kostroma, Kostroma State University named after N.A. Nekrasov Publ., Moscow, Knigovok Book Club Publ., 2015, 512 p. (In Russian).
13. Tupikov N.M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of ancient Russian Personal Names]. St. Petersburg, Typography of I.N. Skorohodov Publ., 1903, 857 p. (In Russian).
14. Veselovskiy S.B. *Onomastikon. Drevnerusskiye imena, prozvišcha i familii* [Onomasticon. Ancient Russian names, Nicknames and Surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 382 p. (In Russian).
15. Filin F.P. (chief ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 9 (M)* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Issue 9 (M)]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 358 p. (In Russian).
16. Trubachev O.N. (ed.). *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond. Vyp. 20 (*morzat"j' – *m"rsknŋti)* [The Etymological Dictionary of Slavic Languages. Pre-Slavic Lexical Fund. Issue 20 (*morzat"j' – *m"rsknŋti)]. Moscow, Nauka Publ., 1994, 256 p. (In Russian).
17. Gantsovskaya N.S., Gorlova T.V. Leksicheskaya osnova etnodialektnoy nerekhtskoy zony [The lexical basis of the ethnodialectal Nerekhta zone]. *Severnorrusskiye govory* [Northern Russian Dialects]. 2018, no. 17, pp. 80–91. (In Russian).
18. Gantsovskaya N.S., Gorlova T.V. Kostromskiy govory: interpretatsiya G.G. Melnichenko nekotorykh izoleks etnodialektnoy nerekhtskoy zony [Kostroma dialects: interpretation of some iso-lexes of Nerekhta ethno-dialect zone by Grigoriy Melnichenko]. *Severnorrusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 2019, no. 18, pp. 55–68. (In Russian).

Информация об авторе

Горлова Татьяна Владимировна, аспирант, начальник отдела сопровождения публикационной деятельности. Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация. E-mail: tat4060@yandex.ru

Вклад в статью: обзор литературы, написание текста статьи, редактирование материала.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2942-7951>

Поступила в редакцию 17.10.2019 г.

Поступила после рецензирования 12.12.2019 г.

Принята к публикации 23.12.2019 г.

Information about the author

Tatiana V. Gorlova, Post-Graduate Student, Head of Publishing Support Department. Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation. E-mail: tat4060@yandex.ru

Contribution: literature review, manuscript text drafting, material editing.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2942-7951>

Received 17 October 2019

Reviewed 12 December 2019

Accepted for press 23 December 2019

Полное и уменьшительное имя героини в прозе А.С. Пушкина

Татьяна Алексеевна ВОРОНОВА

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский пр-т, 14
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6314-9000>, e-mail: invisible2editor@gmail.com

Full and diminutive name of the heroine in A.S. Pushkin's prose

Tatiana A. VORONOVA

Voronezh State Technical University
14 Moskovskiy Ave., Voronezh 394026, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6314-9000>, e-mail: invisible2editor@gmail.com

Аннотация. Рассмотрено, каким принципом руководствуется А.С. Пушкин, выбирая для называния героинь своих прозаических произведений уменьшительную форму имени или же имя-отчество. В силу изменения этикетных норм и канонов, современный читатель уже не улавливает смыслов, связанных для читателей пушкинской эпохи с той или иной формой имени. По этой причине данное исследование предвдваряет объёмная вводная часть, посвящённая этикетным нормам первой половины XIX века; при работе над ней мы опирались как на труды историков, так и на художественные произведения. Объектом данного исследования явились повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» и «Метель» (входящие в цикл «Повести Белкина») и роман «Дубровский». В ходе исследования сделан вывод о том, что выбор автором формы имени героини не случаен и зависит от целого ряда причин, к которым относятся: речевая ситуация, изображаемая в определённом эпизоде произведения; психологическое состояние персонажа, а также его взаимоотношения с другими героями произведения; восприятие героя глазами автора или другого персонажа.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; уменьшительное имя; имя-отчество; этикетные нормы; речевая ситуация; форма обращения; отношения между персонажами

Для цитирования: Воронова Т.А. Полное и уменьшительное имя героини в прозе А.С. Пушкина // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 294-301. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-294-301

Abstract. We consider which principle is guided by A.S. Pushkin, choosing to name the heroines of his prose works, the diminutive form of the name or the name and patronymic. Due to changes in etiquette standards and canons, the modern reader no longer grasps the meanings associated for readers of the Pushkin era with one form or another of the name. For this reason, this study is preceded by a voluminous introductory part devoted to etiquette standards of the first half of the 19th century; when working on it, we relied both on the works of historians and on literary works. The subjects of this study are the stories of A.S. Pushkin "The Squire's Daughter" and "The Blizzard" (included in the cycle of "The Belkin Tales") and the novel "Dubrovsky". During the study, we conclude that the author's choice of the form of the heroine's name is not accidental and depends on a number of reasons, which include: the speech situation depicted in a particular episode of the work; the psychological state of the character, as well as his relationship with other heroes of the work; the perception of the hero through the eyes of the author or another character.

Keywords: A.S. Pushkin; diminutive name; name and patronymic; etiquette standards; speech situation; form of address; relationships between the characters

For citation: Voronova T.A. Polnoye i umen'shitel'noye imya geroini v proze A.S. Pushkina [Full and diminutive name of the heroine in A.S. Pushkin's prose]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 294-301. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-294-301 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Этикетные нормы, в частности, формы обращения к тому или иному лицу, нередко относятся к разряду неписанных правил и вследствие этого представляют собой явление, не всегда доступное отслеживанию и анализу. По этой причине отражение этикетных канонов и их интерпретация в художественной литературе может считаться ценным материалом для анализа и вызывать у исследователей научный интерес.

Не секрет, что большинство представителей русской классической литературы (особенно «золотого» её периода) принадлежали к дворянскому сословию, следовательно, определённые нормы речевого и поведенческого этикета были впитаны ими с детства. Этому же этикетному кодексу (гораздо более сложному и строгому, чем тот, что принят в современном обществе) следуют и герои русской классики, также принадлежащие к привилегированному слою общества.

Что касается неофициальных этикетных форм обращения, принятых в дворянской среде, то уменьшительное имя, равно как и обращение на «ты», употреблялось в ней крайне ограниченно, в основном в домашней обстановке, в кругу семьи. Таким образом могли называть ребёнка, к примеру, родители и вообще старшие родственники или знакомые [1]; на «ты» и по уменьшительному имени обращались друг к другу родные братья и сёстры, а также в некоторых семьях – супруги. По поводу последних историк А. Шокарева отмечает: «Стили обращения друг к другу были различны: на «ты» либо на «вы» (если супруги были душевно далеки друг от друга)» [2, с. 70].

Впрочем, в художественной литературе и частной переписке можно обнаружить немало противоположных примеров. В некоторых письмах к брату и сестре А.С. Пушкин обращается к ним на «вы»; по мнению Т.В. Ковалёвой, такое обращение могло свидетельствовать о напряжённых отношениях между близкими родственниками или же о крайне серьёзном тоне письма [3]. В повести «Дубровский» на «вы» и по имени-отчеству обращается к Марье Кириловне её младший единокровный брат Саша [4, с. 97, 100] – это было обыденным явлением в тех семьях, где имело место особое уважение к старшим (в

том числе к братьям и сёстрам) [2, с. 183, 212].

Во всех остальных речевых ситуациях соблюдение определённой дистанции, в том числе и на уровне обращения, считалось в дворянской среде нормой, отступление от которой расценивалось как недопустимая фамильярность или даже оскорбление: «Непочтительно, только по имени, без отчества <...> обращались к женщинам лёгкого поведения» [2, с. 59]. Герои произведений Л.Н. Толстого и А.Н. Толстого, едва достигшие подросткового возраста, обращаются к девочкам-ровесницам исключительно на «вы» [5; 6], а в драме А.Н. Островского «Бесприданница» Карандышев упрекает в фамильярности Ларису Огудалову, называющую повзрослевшего друга детства «Васей» [7].

Подобное «этикетное дистанцирование» – то есть обращение на «вы» и по имени-отчеству – требовалось даже в общении между женихом и невестой: в частности, в письмах к будущей жене А.С. Пушкин обращается к ней, используя стандартную речевую формулу – «Милостивая государыня Наталья Николаевна» [3]. Данные этикетные нормы были для дворянского сословия настолько незыблемыми, что его представители, перешедшие в разряд «бывших», продолжали им следовать и после революции 1917 года, сознательно контрастируя с «пролетарской демократичностью». Так, центральные персонажи романа И.В. Головкиной «Лебединая песнь» (другое название – «Побеждённые»), действие которого разворачивается в 1930-е годы, начинают обращаться друг к другу на «ты» и по имени только после бракосочетания, придерживаясь во время ухаживания и помолвки более формального обращения. Главная героиня романа, назвавшая однокашника уменьшительным именем, получает от бабушки нагоняй за «непозволительную интимность» [8], а кузину девушки обескураживает подобное обращение со стороны влюблённого в неё комсомольца-рабфаковца: «Он совсем примитивный: с первого разу по имени!» [8].

Подобных этикетных норм придерживались представители высшего общества не только в России, но и в европейских странах, что также нашло отражение в литературе со-

ответствующей эпохи. К примеру, один из героев романа Джейн Остин «Эмма» (заметим, что великая английская писательница является старшей современницей А.С. Пушкина) возмущается, когда соседка называет его невесту просто по имени (вместо «мисс Фэрфакс») [9].

На фоне рассмотренных нами сведений особенно интересным становится вопрос, какую форму имени для называния своих персонажей выбирает сам автор: «формальную», «этикетную» (имя-отчество) – или же «интимную», «домашнюю» (уменьшительное имя). Данный выбор отражает и некоторые особенности создаваемого персонажа, и авторское отношение к нему. Можно сказать, что форма имени становится своеобразным «маркером» героя. К примеру, в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» брат и сестра Болконские никогда не будут названы автором просто по имени или даже по имени-отчеству – их именам всегда будет предшествовать титул (после замужества «княжна Марья» автоматически становится «графиней Марьей», но она ни разу не будет названа писателем «Марьей Николаевной»); титул же Петра Кирилловича Безухова, напротив, для автора словно не существует, а сам персонаж не расстаётся с французским вариантом своего имени; что же касается Наташи Ростовой, то даже в финале романа, уже будучи матерью четырёх детей, она не превращается в «Наталью Ильиничну» [10].

Таким образом, для более полного понимания характера персонажа важно то, как называет его сам автор. (Заметим в скобках, что данное утверждение относится к литературе указанного нами периода; что касается современной прозы, то в ней герой может быть назван в тексте по имени-отчеству, как правило, в двух случаях: если он достиг определённой возрастной границы или занят в профессиональной сфере, которая предполагает подобное обращение.)

В качестве материала для анализа нами выбраны три прозаических произведения А.С. Пушкина – «Барышня-крестьянка», «Дубровский» и «Метель». Главные героини выбранных произведений имеют общие «биографические» черты: все они являются дочерьми состоятельных провинциальных помещиков, ими получено домашнее образо-

вание под руководством иностранных учителей; они уже достигли того возраста, когда девушки становятся потенциальными невестами, однако с жизнью высшего столичного света ещё не знакомы.

Цель нашего исследования – рассмотреть, каким принципом руководствуется автор, выбирая для называния главной героини ту или иную форму имени.

Повесть «**Барышня-крестьянка**», входящая в цикл «Повести Белкина», интересна прежде всего тем, что её главная героиня, Лиза Муромская, на протяжении всего текста названа автором по имени-отчеству только один (!) раз. Кроме этого, имя-отчество героини встречается в повести всего лишь четыре раза, причём исключительно в речи персонажей (включая несобственно прямую речь): соседей и (что вполне естественно) слуг. В то же время уменьшительное имя главного женского персонажа употреблено в тексте повести более 60 раз, причём в неавторской речи оно звучит лишь единожды: «Воля ваша, *Лиза* Муромская мне вовсе не нравится» (слова Алексея Берестова) [11, с. 131]. Отметим, что в этом же диалоге Берестов-старший называет будущую невесту сына «Лизаветой Григорьевной», то есть в полном соответствии с этикетными канонами. На фоне отцовской реплики ответ сына звучит довольно-таки фамильярно. Рискнём предположить, что именно такая манера позволяет Алексею Берестову невольно выразить свою неприязнь к потенциальной супруге (точнее, к её искажённому образу, который возник в сознании Алексея не без усилий самой Лизы).

Итак, мы видим, что А.С. Пушкин предпочитает называть героиню повести уменьшительным, «домашним» именем. При этом нетрудно заметить, что из немногочисленных героев произведения только один персонаж мог называть Лизу таким образом – её отец. Главная героиня «вводится» в текст именно в роли *дочери*, причём любимой дочери: «дочь англомана моего», «единственное и... балованное дитя», «её... проказы восхищали отца» [11, с. 105-106] – а значит, под тем именем, которое «маркирует» её обращение именно с отцом. (Отметим в скобках: имя «Бетси», предпочитаемое «англоманом» Григорием Ивановичем, является уменьши-

тельной формой английского имени «Элизабет» и стилистически совпадает с «Лизой».) Отношения отца и дочери в повести можно назвать идиллическими, причём они остаются такими с начала и до конца: Лиза практически никогда не оказывается в ситуации конфликта с «родительской властью» и ни разу не выпадает из амплуа «папиной дочки», несмотря на свои эскапады, которые порой граничат со скандалом, а не просто с нарушением этикета – например, тот факт, что незамужняя девушка видится с молодым человеком наедине [12; 13]. (Впрочем, нарушение этикета для Пушкина – вовсе не признак отрицательного персонажа: Татьяна Ларина, охарактеризованная автором как «милый идеал», также переступает границы приличий своего времени, решившись написать человеку, с которым не состоит в официальной помолвке.)

Однако данная сторона поступков Лизы находится в полном соответствии с таким качеством её натуры, как детскость: все её мистификации – скорее род забавы, развлечения, наподобие игры в шарады, что вполне логично увязывается с «детской» формой имени. Эпитеты, с помощью которых в повести характеризуется сама Лиза и её поступки, неоднократно это подчеркивают: «дитя», «резвость», «проказы», «затеи», «весёлое предположение», «младенческая веселость», «шалость», «шалунья», «проказница», «выдумка». Подобная лексика скорее применима к ребёнку, чем к «девушке на выданье». Неудивительно, что единственный эпизод, когда героиня повести становится для автора «Лизаветой Григорьевной», связан с грозящим ей разоблачением – в этот момент обстоятельства вынуждают Лизу думать и действовать «по-взрослому», с той ответственностью, которая ребёнку не свойственна.

Совсем другая модель отношений между отцом и дочерью демонстрируется во втором произведении, выбранном нами для анализа – в неоконченном романе «Дубровский». Соответственно, главная героиня произведения примерно в половине случаев названа автором «Марьей Кириловной», в остальных же случаях – «Машей».

Авторское предпочтение того или иного варианта имени отнюдь не случайно. Так, в

диалогах с отцом, который, разумеется, обращается к дочери по уменьшительному имени, автор также называет героиню «Машей», становясь своеобразным «эхом» своего персонажа (даже если перед этим в тексте романа дочь Троекурова фигурировала как «Марья Кириловна»):

«– Где ты была, *Маша*, – спросил Кирилла Петрович, – не встретила ли ты м-г Дефоржа? – *Маша* насилу могла отвечать отрицательно» [4, с. 81];

«– Поди, *Маша*, в свою комнату и не беспокойся. – *Маша* поцеловала у него руку и ушла в свою комнату» [4, с. 82];

«– Подойди сюда, *Маша*, – сказал Кирилла Петрович. – <...> Вот тебе жених... – *Маша* остолбенела...» [4, с. 90].

Таким образом, в тех эпизодах романа, которые изображают отношения между отцом и дочерью и в которых персонажи предстают именно в этом качестве, Пушкиным выбирается уменьшительное имя героини: можно сказать, что оно становится определённым «кодом» для «семейной», «домашней», «детско-родительской» темы.

Однако главной героине приходится выступать и в других социальных ролях: представительницы высшего сословия (по отношению к не-аристократам), хозяйки в своём доме (по отношению к визитёрам), гости в доме богатого соседа, невесты и т. д. В данных социально-ролевых ситуациях употребление уменьшительного имени становится уже неуместным, поэтому вполне понятно, почему за рамками исключительно «домашних» отношений героиня превращается в «Марью Кириловну». Иными словами, А.С. Пушкин называет свою героиню так, как могли бы её назвать другие участники речевой ситуации.

К примеру, князь Верейский не мог бы обратиться к дочери соседа иначе, как по имени-отчеству (даже после официальной помолвки). Вполне логично, что в эпизодах с его участием главная героиня именуется исключительно «Марьей Кириловной» (причём после бракосочетания она как бы лишается имени, которое вытесняется титулом – «княгиня»). Общение с прислугой или с гостями Троекурова также подразумевало более «формальное» обращение к молодой барышне, её восприятие окружающими как «Марьи

Кириловны»; отражение именно такого восприятия мы находим в пушкинском тексте. В этом отношении показательной является глава XVI, в которой героине приходится выдержать сразу два решительных объяснения – с Кирилой Петровичем и князем Верейским. Примечательно, что в спор с Троекуровым вступает и пытается воспротивиться отцовскому произволу именно «Маша» (то есть уже не столько любимая, сколько бесправная дочь) – однако «взволнованным объяснением с князем» оказывается «Марья Кириловна» [4, с. 94-96].

Единственным исключением может показаться фраза в главе IX (описание именин Кирилы Петровича): «Дамы окружили *Машу*» [4, с. 56]. Однако последующее описание этих «дам» («барыни, одетые по запоздалой моде, в поношенных и дорогих нарядах, все в жемчугах и бриллиантах» [4, с. 56]) позволяет сделать вывод о том, что гости Троекурова уже немолоды и помнят Марью Кириловну ещё девочкой, а значит, вполне могут в общении с ней использовать уменьшительное имя.

Если же мы обратимся к эпизодам, в которых изображаются отношения Маши и самого Дубровского, то увидим уже более сложную картину. В упомянутых отрывках А.С. Пушкин называет главную героиню то «Машей», то «Марьей Кириловной», что, на наш взгляд, отражает уже не «этикетную ситуацию», а психологическую сторону взаимоотношений между центральными персонажами произведения. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Когда Дубровский впервые появляется в доме Троекурова под видом гувернера Дефоржа, то между ним и его ученицей неизбежна определённая дистанция, вполне объяснимая неравенством их положения, которое к тому же «отягчается» психологической составляющей: «Учитель был для неё род слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною» [4, с. 54]. Вполне логично, что в отношении с подобным персонажем вступает «Марья Кириловна», «воспитанная в аристократических предрассудках» дочь русского барина: «Все любили молодого учителя... *Марья Кириловна* – за неограниченное усердие и робкую внимательность» [4, с. 74]; «Музыкальные

уроки занимали *Марью Кириловну*... Она... начинала понимать собственное сердце и признавалась, с невольной досадой (NB! – Т. В.), что оно равнодушно к достоинствам молодого француза» [4, с. 75].

Однако эпизод с убийством медведя Дубровским приводит к тому, что «аристократические предрассудки» молодой барышни оказываются поколеблены. Описывая чувства героини, которая незаметно для себя влюбляется в гувернера, А.С. Пушкин не случайно называет её «Машей», тем самым, возможно, намекая на зарождающееся равенство между молодыми людьми: «Между ними установились некоторые сношения. *Маша* имела прекрасный голос... Дефорж вызвался давать ей уроки. После того читателю уже не трудно догадаться, что *Маша* в него влюбилась, сама ещё в том себе не признаваясь» [4, с. 28]. Можно также увидеть в этом отсылку к давней детской дружбе между героями, к прежним отношениям «на равных»: «Он вспомнил, что на сём холму играл он с маленькой *Машей* Троекуровой, которая... тогда уже обещала быть красавицей» [4, с. 28].

Аналогичные смыслы можно выявить и в сценах объяснений между героями. В эпизоде с саморазоблачением Дубровского дистанция ещё сохраняется – соответственно, в авторском тексте героиня фигурирует как «Марья Кириловна». Обращение же её к Дубровскому как к возможному избавителю сопряжено с гораздо большей степенью доверия и близости – и в этой сцене героиня уже становится «Машей».

Если мы обратимся к повести «Метель» – ещё одной из цикла «Повести Белкина» – то, принимая во внимание результаты анализа, представленные выше, обнаружим приблизительно ту же самую связь между формой имени героини и смыслом, который стоит для автора за этой формой.

В самом начале повести её главная героиня обозначена как «Марья Гавриловна» – то есть молодая барышня, достигшая брачного возраста, единственная наследница богатого отца и предмет матримониальных планов его соседей («Она считалась богатой невестой, и многие прочили её за себя или за сыновей» [11, с. 37]), которые, разумеется, не могли воспринимать её как «Машу». То же самое относится и к «возлюбленному предме-

ту» Марьи Гавриловны, и к её поклонникам (точнее, «искателям» её руки и приданого).

Впервые в тексте повести героиня названа уменьшительным именем в эпизоде прощания с родителями перед побегом из родного дома. Здесь мы наблюдаем такую же «схему», как и в произведениях, рассмотренных выше: автор использует ту же форму имени героини, что и участники речевой ситуации.

Поскольку в данном случае этими участниками являются родители, то в роли *дочери* героиня автоматически перестает быть «Марьей Гавриловной» – описание «домашней» сцены требует «домашнего» имени: «Их... беспрестанные вопросы: что с тобою, *Маша*? не больна ли ты, *Маша*? – раздирали её сердце. <...> Они [родители] её поцеловали и, по обыкновению, благословили... <...> Через полчаса *Маша* должна была... оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь...» [11, с. 40-41]. Иными словами, уменьшительное имя «Маша» маркирует тот микромир, который покидает героиня и в котором родительская любовь и родительская власть играют не последнюю роль.

Кроме того, некоторые современные исследователи (к примеру, М.В. Михайлова) видят в побеге молодых «любовников» не выстраданный сознательный шаг, а полудетскую сумасбродную выходку, на которую способна именно «Маша», но никак не «Марья Гавриловна». Верность же героини «странному браку» [14], готовность нести ответственность даже за такой безрассудный поступок – иначе говоря, её внутреннее взросление сопровождается употреблением полной формы имени.

Помимо этого, уменьшительное имя героини косвенно указывает на то, что изображаемая ситуация передаётся глазами родителей Маши, «пропускается» через призму их восприятия.

«Ты, верно, *Маша*, вчерась угорела», – сказала Прасковья Петровна. – Может быть, маменька», – отвечала *Маша*. День прошёл благополучно, но в ночь *Маша* занемогла. Послали в город за лекарем» [11, с. 47]. Внимание к болезненному состоянию героини, тревога о её здоровье, необходимые распо-

ражения – всё это в первую очередь относится к эмоциям и действиям её родителей.

«...Владимир уехал в армию. <...> Долгое время не смели объявить об этом выздоравливавшей *Маше*» [11, с. 49]. Вполне очевидно, что это решение опять же было принято родителями героини.

«Владимир уже не существовал... Память его казалась священной для *Маши*; по крайней мере, она берегла всё, что могло его напомнить...» [11, с. 49]. Глагол «казалось» позволяет предположить, что ситуация показана как бы со стороны, глазами некоторого свидетеля, который наблюдает внешние действия героини, но которому недоступен непосредственный мир её чувств и мыслей. Из текста становится ясно, что таким свидетелем могла быть только мать Марьи Гавриловны, уже на тот момент овдовевшая и живущая с дочерью достаточно уединенно.

Во всех же остальных фрагментах текста, в особенности во второй части повести, где описываются отношения главной героини с Бурминым, уменьшительное имя «Маша» сменяется в авторском тексте на имя-отчество – единственно возможную форму обращения со стороны молодого мужчины, ещё не ставшего законным супругом. Та же самая форма имени употреблена Пушкиным и при косвенном пересказе беседы Машиных родителей с соседями: «Единогласно все решили, что, видно, такова судьба *Марьи Гавриловны*» [11, с. 48].

Примечательно, что в этой беседе и её возлюбленный назван по имени-отчеству – Владимиром Николаевичем (как видим, родители Марьи Гавриловны, несмотря на пренебрежительное отношение к её избраннику, от правил этикета всё же не отступают). Эта форма имени героя фигурирует в тексте произведения лишь дважды; первый раз имя-отчество «бедного армейского прапорщика» сопровождает самую завязку повести: «*Владимир Николаевич* в каждом письме умолял её предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени...» [11, с. 38]. Очевидно, состоя с Марьей Гавриловной в переписке, Владимир не мог подписывать свои послания иначе; равно как и иного обращения в ответных письмах самой Марьи Гавриловны не предполагалось. Таким образом, в данном

отрывке форма имени героя отражает эпистолярные каноны «достопамятной эпохи».

Необходимо также отметить, что подобная нагрузка имени «этикетными» или «психологическими» смыслами присутствует и в других произведениях А.С. Пушкина («Пиковая дама», «Капитанская дочка» и т. д.), оставшихся за рамками данной работы.

Подведем итоги нашего исследования. В прозе А.С. Пушкина персонаж «вводится» в текст с помощью уменьшительного имени

или же имени-отчества по ряду причин. Та или иная форма имени: 1) «кодирует» определённую речевую (этикетную) ситуацию, указывает на её формальный или неформальный характер; 2) указывает на восприятие данного героя другими персонажами произведения; 3) свидетельствует о психологических особенностях взаимоотношений между героями; 4) раскрывает характер самого персонажа, этапы его внутреннего развития.

Список литературы

1. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. URL: <http://www.booksite.ru> (дата обращения: 19.11.2019).
2. Шокарева А. Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 304 с.
3. Ковалева Т.В. Речевой этикет в культурной традиции русского дворянского общества XIX века. URL: <http://www.intelros.ru> (дата обращения: 20.11.2019).
4. Пушкин А.С. Дубровский. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1984. 112 с.
5. Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. URL: <http://www.az.lib.ru> (дата обращения: 20.11.2019).
6. Толстой А.Н. Детство Никиты // Толстой А.Н. Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1985. С. 158-242.
7. Островский А.Н. Бесприданница. URL: <http://www.az.lib.ru> (дата обращения: 15.12.2019).
8. Головкина И.В. Лебединая песнь. URL: <http://www.azbyka.ru> (дата обращения: 19.11.2019).
9. Остин Дж. Эмма. СПб.: Изд. Дом «Азбука-классика», 2007. 544 с.
10. Толстой Л.Н. Война и мир. URL: <http://www.az.lib.ru> (дата обращения: 15.12.2019).
11. Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Барнаул: Алтай. кн. изд-во, 1968. 134 с.
12. Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. URL: <http://www.litresp.ru> (дата обращения: 20.11.2019).
13. Бокова В.М. «Отроку благочестие блюсти...» Как наставляли дворянских детей. URL: <http://www.litmir.me> (дата обращения: 19.11.2019).
14. Михайлова М.В. Пушкин и три Маши [Аудиозапись лекции]. URL: <http://www.predanie.ru> (дата обращения: 15.12.2019).

References

1. Muravyeva O.S. *Kak vospityvali russkogo dvoryanina* [How Was the Russian Nobleman Brought Up]. (In Russian). Available at: <http://www.booksite.ru> (accessed 19.11.2019).
2. Shokareva A. *Dvoryanskaya sem'ya: kul'tura obshcheniya. Russkoye stolichnoye dvoryanstvo pervoy poloviny XIX veka* [A Noble Family: a Culture of Communication. Russian Metropolitan Nobility of the First Half of the 19th Century]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2017, 304 p. (In Russian).
3. Kovaleva T.V. *Rechevoy etiket v kul'turnoy traditsii russkogo dvoryanskogo obshchestva XIX veka* [Speech Etiquette in the Cultural Tradition of the Russian Noble Society of the 19th Century]. (In Russian). Available at: <http://www.intelros.ru> (accessed 20.11.2019).
4. Pushkin A.S. *Dubrovskiy* [Dubrovsky]. Voronezh, Central Black Earth Book Publ., 1984, 112 p. (In Russian).
5. Tolstoy L.N. *Detstvo. Otrochestvo. Yunost'* [Childhood. Boyhood, Youth]. (In Russian). Available at: <http://www.az.lib.ru> (accessed 20.11.2019).
6. Tolstoy A.N. *Detstvo Nikity* [Nikita's Childhood]. *Povesti i rasskazy* [Stories and Tales]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985, pp. 158-242. (In Russian).
7. Ostrovsky A.N. *Bespridannitsa* [Without a Dowry]. (In Russian). Available at: <http://www.az.lib.ru> (accessed 15.12.2019).
8. Golovkina I.V. *Lebedinaya pesn'* [Swan Song]. (In Russian). Available at: <http://www.azbyka.ru> (accessed 19.11.2019).
9. Austen J. *Emma* [Emma]. St. Petersburg, "Azбука-klassika" Publ., 2007, 544 p. (In Russian).

10. Tolstoy L.N. *Voyna i mir* [War and Peace]. (In Russian). Available at: <http://www.az.lib.ru> (accessed 15.12.2019).
11. Pushkin A.S. *Povesti pokoyного Ivana Petrovicha Belkina* [The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin]. Barnaul, Altay Book Publ., 1968, 134 p. (In Russian).
12. Lavrentyeva E.V. *Povsednevnyaya zhizn' dvoryanstva pushkinskoy pory. Etiket* [Everyday Life of the Nobility of the Pushkin Era. Etiquette]. (In Russian). Available at: <http://www.litresp.ru> (accessed 20.11.2019).
13. Bokova V.M. «*Otroku blagochestiye blyusti...*» *Kak nastavlyali dvoryanskikh detey* ["To the Youth to Observe Piety..." As the Noble Children Were Instructed]. (In Russian). Available at: <http://www.litmir.me> (accessed 19.11.2019).
14. Mikhaylova M.V. *Pushkin i tri Mashi* [Audiozapis' lektzii] [Pushkin and Three Masha [Audio Recording of the Lecture]]. (In Russian). Available at: <http://www.predanie.ru> (accessed 15.12.2019).

Информация об авторе

Воронова Татьяна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: invisible2editor@gmail.com

Вклад в статью: анализ литературы, набор первичного материала, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6314-9000>

Поступила в редакцию 11.01.2020 г.

Поступила после рецензирования 25.02.2020 г.

Принята к публикации 03.03.2020 г.

Information about the author

Tatiana A. Voronova, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: invisible2editor@gmail.com

Contribution: literature analysis, source material acquisition, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6314-9000>

Received 11 January 2020

Reviewed 25 February 2020

Accepted for press 3 March 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-302-307
УДК 81.33

Абай как прецедентный оним и проблема его лингвокогнитивной, культурно-прагматической сущности

**Клара Мухамедияровна АБИШЕВА, Римма Ганиевна СЕЙДАХМЕТОВА,
Жазира Максutowна ИСКАКОВА**

Университет «Туран-Астана»
010000, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Дуkenулы, 29
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2089-6601>, e-mail: abishevakm@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3347-466X>, e-mail: rimma_sg@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0940-615X>, e-mail: oazis-jas@mail.ru

Abai as a precedent onym and the problem of his linguocognitive, cultural and pragmatic essence

**Klara M. ABISHEVA, Rimma G. SEIDAKHMETOVA,
Zhazira M. ISKAKOVA**

Turan-Astana University
29 Dukenuly St., Nur-Sultan 010000, Republic of Kazakhstan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2089-6601>, e-mail: abishevakm@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3347-466X>, e-mail: rimma_sg@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0940-615X>, e-mail: oazis-jas@mail.ru

Аннотация. Посвящено исследованию сущности онима как лингвокогнитивного, лингвокультурного и прагматического знака. Поставленная проблема актуальна тем, что обусловлена малоизученностью сущности имени собственного, определением его места в системе номинативных и когнитивных знаков, неполной выявленностью его рече-языковой природы. Цель работы: рассмотрение собственного имени «Абай» как прецедентного феномена. Установлены и представлены лингвокогнитивная, культурно-прагматическая сущности имени феноменологической личности, позволяющие выявить различные знания о казахском просветителе, дать оценку его личности, проанализировать отношение к поэту носителей языка и культуры. Использована интегрированная методологическая парадигма, основанная на антропоцентрическом, когнитивном и функциональном принципах. В её рамках использованы знания из различных наук (когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, прагматики, коммуникативной лингвистики). Доказана рече-языковая, когнитивная и культурологическая сущности онима «Абай». Сделаны выводы о прецедентности данного онима. Область применения – языкознание, когнитивная лингвистика.

Ключевые слова: прецедентный оним; прецедентная личность; ономастический концепт; лингвокогнитивный знак; культурно-прагматическая сущность

Для цитирования: Абишева К.М., Сейдахметова Р.Г., Исакова Ж.М. Абай как прецедентный оним и проблема его лингвокогнитивной, культурно-прагматической сущности // Нефилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 302-307. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-302-307

Abstract. This work is devoted to the research of onym's essence as a linguocognitive, linguocultural and pragmatic sign. The problem of the research is relevant due to the insufficient knowledge about the essence of proper name, determination of its place in the system of nominative and cognitive signs, and incomplete identification of its speech and language nature. The purpose of the work is to consider the proper name "Abai" as a precedent phenomenon. We establish and present the linguocognitive, cultural and pragmatic essence of the phenomenological personality's name, which allows us to reveal various knowledge about the Kazakh enlightener, assess his personality, analyze of the language and culture native speakers' attitude to the poet. We use an integrated methodological paradigm based on anthropocentric, cognitive and functional principles. Within its

framework we use knowledge from various sciences (cognitive linguistics, linguoculturology, pragmatics, communicative linguistics). We prove the verbal and linguistic, cognitive and culturological essence of the onym "Abai". We draw conclusions about the precedent of this onyme. Applicable scope – linguistics, cognitive linguistics.

Keywords: precedent onym; precedent personality; onomastic concept; linguocognitive sign; cultural and pragmatic essence

For citation: Abisheva K.M., Seidahmetova R.G., Iskakova Zh.M. Abay kak pretsedentniy onim i problema ego lingvokognitivnoy, kul'turno-pragmaticheskoy sushchnosti [Abai as a precedent onym and the problem of his linguocognitive, cultural and pragmatic essence]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 302-307. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-302-307 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Усилившийся в последнее время интерес лингвистов к прецедентным феноменам способствовал появлению множества работ, посвящённых изучению различных типов прецедентных феноменов, таких как: 1) **прецедентные тексты** (Ю.Н. Караулов, Д.Б. Гудков, Г.Г. Слышкин, В.В. Красных, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова, З.К. Сабитова, М.Б. Мадиева, Е.А. Журавлёва, Ж.Д. Маликова и др.); 2) **прецедентная личность** (Г.Г. Слышкин, В.В. Красных, Н.Н. Гайнулина, А.А. Михеев); 3) **прецедентная ситуация** (Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, А.С. Щербак); 4) **прецедентные имена** (Е.С. Кубрякова, Е.А. Нахимова, Н.В. Немирова, В.В. Джанаева, Е.А. Флейшер и др.). Однако в работах исследователей наименее изучены прецедентные имена. Малоизученность таких прецедентных феноменов обусловлена рядом противоречий: во-первых, хотя онимы как имена собственные издавна изучаются в языке в качестве речевой языковой категории (А.В. Суперанская 2009), как языковые знаки, использующиеся для обозначения объекта, как знаки-наименования (Н.К. Фролов 2005), всё ещё не решён вопрос о месте имён собственных в лексической системе языка, то есть не выявлено, относятся ли они к именам собственным или нарицательным. Тем не менее, многие учёные считают целесообразным отнесение их к именам собственным, так как высокая частотность интенционального высказывания не приводит их к переходу из разряда имён собственных в нарицательные» [1, с. 10]; во-вторых, не выявлена их природа (языковая, речевая или рече-языковая). Оним рассматривается в трудах известных учёных (В.И. Супрун 2000, А.В. Суперанская 1973, В.Д. Бондалетов, А.А. Уфимцева, В.А. Нико-

нов) как единица лингвистики, имеющая языковую природу, так как имя собственное выражает сведения языкового плана и выступает в качестве элементов вербально-ассоциативной сети, составляющих основу языкового сознания, поэтому имя собственное выражает три типа значений: 1) до-антропонимическое (этимологическое); 2) антропонимическое; 3) от-антропонимическое [2]. Оним рассматривается и как лингвокогнитивный знак, репрезентирующий знания. По мнению А.С. Щербак, прецедентные имена способствуют выражению «ономастических знаний, понимаемых как знание имени собственного и всего, что с ним связано. Это результат познавательной деятельности человека по хранению и отражению накопленного опыта использования имени собственного» [3, с. 31]. Имена собственные могут выступать и в виде «форматов знания» [4] – концептов и ономастических категорий. Ономастический концепт рассматривается как единица ономастического знания, определяющая семантику имён собственных вообще, знания об ономастическом фрагменте действительности» [5, с. 80]. Ономастические категории представляют собой «объединение имён собственных на основе общего концепта (концепта имени)» [5, с. 80]. Н.А. Голубева считает, что прецедентные имена, реализуясь в качестве лингвокогнитивного знака, имеют лингвокогнитивные признаки. Когнитивный признак в прецедентных единицах проявляется в их способности образовываться по «понятийно-знаковой лингвокогнитивной модели – прецедентеме»; прецедентная единица «всегда отражает какую-либо когнитивную структуру» [6], поэтому прецедентные единицы определяются как «лингвокогнитивные знаки, вер-

бальные носители прецедентов в широком смысле» [7].

Прецедентный оним может выступать и как лингвокультурный знак, ибо они могут ассоциироваться с определённым культурным пространством, в котором актуализируются фоновые знания. В этом случае прецедентное имя способствует отражению в языковом сознании носителей языка культурных сведений, концептов культуры (А. Вежбицкая 1995, Слышкин 2000, Карасик 2007). Лингвокультурологические признаки прецедентного имени проявляются в его возможности представлять лингвокультурное пространство, актуализировать ассоциативное поле лингвокультурного концепта, выступать в качестве символа какой-либо идеи, понятия, выражать культурные знания. По мысли В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, прецедентные тексты имеют историко-культурную, страноведческую ценность. Лингвокультурологический подход отражается в работе Г.Г. Слышкина. По его мнению, прецедентные тексты, обладая аксиологической значимостью, несомненно, являются компонентом культурной значимости и, следовательно, их знание необходимо для осуществления коммуникации как межкультурной, так и внутри одной культуры.

На наш взгляд, онимы следует рассматривать как сложный лингвокогнитивный и речевой знак, имеющий не только языковые, когнитивные и культурные свойства, но и дифференциальные, функциональные и аксиологические признаки, проявляющиеся в прагматической речевой деятельности говорящего. Изучение онима в широком аспекте позволяет, по мысли Д. Лайонза, «много того, что они (другие лингвисты) изучали бы не в рамках семантики, а в рамках дисциплины, получившей название прагматики» [8]. В рамках прагматики акцентируется внимание на функционировании языка в коммуникации, где акцентируется внимание на «контекстно обусловленных и субъективных аспектах смысла» [8], где выявляется «отношение между знаком и его интерпретатором, то есть тем, кто этот знак создаёт (продуцирует и понимает) [9]. Именно в речевой деятельности выявляется не только субъективное, оценочное отношение говорящего к ониму, но и его смыслы, позволяющие актуализиро-

вать когнитивные (ментальные), культурные (ценностные, фоновые), коннотативно-прагматические (субъективное отношение субъекта, его оценка). В этом случае приемлемая точка зрения А.В. Суперанской, характеризующей имена собственные как рече-языковую категорию, реализующую три типа информации: речевую, языковую и энциклопедическую [10, с. 11]. Однако суть речевой информации исследователем полностью не раскрыта, ибо исследование языкового знака в функционально-прагматическом аспекте актуализировалось в последнее время в связи с изучением коннотативных созначений слова, его смыслов, актуализирующих её в речевой деятельности говорящего. В связи с этим приемлемым представляется нам утверждение о лингвокогнитивной и прагматической сущности онима, реализующего лингвокогнитивное содержание (языковое значение, денотативное значение) при помощи вербальных средств языка и актуализирующего смыслы (культурные, прагматические) в речевой деятельности. Так, прецедентное имя «Абай» рассматривается нами в качестве знака, имеющего лингвокогнитивную, культурную и прагматическую сущность. Имя собственное «Абай» выражает денотативное значение «внимательный». Переносное значение слова «абай» следующее: *осторожный, осмотрительный*¹. Культурное созначение слова «абай» заключается в его ценностной значимости для носителей казахской культуры. Имя «Абай» ассоциируется с его идеей о единстве народа. В «Слове третьем» Абай объясняет причины разрозненности казахов, заключающиеся в их пороках (лени, трусости, алчности, склонности к стяжательству, воровству). В «Слове шестом» поэт говорит, что «добиваться единства ценой скота – вот начало нравственного падения». Единство народа, по его мнению, «должно быть в умах, а не в общности добра» [11, с. 278]. Вторая ценность – идея, высказанная Абаем – это идея осознанного отношения человека к самому себе, к своей жизни, к окружающим. Абай утверждает, что врагами человечества являются злословие, ложь, бахвальство, лень и расточительство, а главными его ценностями являются требовательное

¹ Казахско-русский словарь. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1008 с.

отношение к самому себе, трудолюбие, ум, умение быть милосердным и совестливым [11]. Оним «Абай» рассматривается нами как культурный стереотип, понимаемый как отражённый в сознании народа образец поведения, образ жизни достойного человека, сложившийся на основе высказываний Абая об образе жизни полноценного человека согласно его принципу «Адам бол». Именно ценностный образ «Адам бол» и лежит в основе культурного стереотипа «Абай» как упрощённое представление об основной ценностной идее поэта.

Культурно-языковой стереотип «Абай» детерминирован культурой, что проявляется в форме фиксации социокультурного опыта известного поэта, отражённого в его произведениях.

Оценочный компонент культурно-нравственного стереотипа выражает ценность-нормы общества, соотносящиеся с оценочными предикатами «хорошо», «плохо». Абаям в процессе оценочной категоризации нравственных понятий «добро-зло», *совестливый (иманды адам) – бессовестный (имансыз), милосердный – немилосердный* и др. способствует выработке норм поведения человека.

Культурно-языковой стереотип синонимичен ассоциативному стереотипу, понимаемому как устойчивая, организованная форма социокультурного опыта народа, передающая в упрощённой вербальной форме социокультурный опыт оценивания известного поэта, мыслителя. Ж.А. Джамбаева утверждает, что аксиологические стереотипы включают в себя собственные свойства предметов, образующих набор стандартных признаков, стандартную оценочную реакцию на данные признаки и стереотипное представление о социально-обусловленном месте объекта в системе ценностей данной культу-

ры [12, с. 17]. Аксиологический стереотип «Абай» выражает стандартную, закреплённую за данным именем позитивную реакцию казахского народа о поэте.

Прагматический признак онима «Абай» способствует выяснению субъективного отношения носителей разных языков к данной феноменологической личности, их оценке, выявляемых в процессе изучения имени собственного в рамках конструкции «прецедентная установка + имя собственное». По мысли Е.С. Кубряковой, именно данная конструкция оказывает содействие в выявлении культурно-когнитивного потенциала прецедентного имени. В ней имя собственное рассматривается как пропозиция, актуализирующая знания, а пропозициональная установка означает predisposedness субъекта к определённому видению объекта [13].

В работах А.Н. Крюкова, Т.А. ван Дейка высказывается мнение о прецедентных именах как прагматических знаках, актуализирующих свои значения, позитивные или негативные субъективные отношения, оценку в ходе коммуникативной деятельности общающихся [14; 15].

Апелляция в имени «Абай» позволяет говорящему выразить оценку данной прецедентной личности, показать своё позитивное субъективное отношение к нему. Такое отношение говорящих и высокая оценка феноменологической личности отразились в пословице, пожеланиях (*Жамбылдың жасын берсін, Абайдың басын берсін! Абайдай бол!*).

Таким образом, анализ прецедентного феномена «Абай» даёт представление о лингвокогнитивной, культурно-прагматической сущности данного имени, позволяет выявить различные знания о нём, оценку личности, отношение носителей языка и культуры к нему.

Список литературы

1. *Сергеева Г.Г.* Прецедентные имена и понимание их в молодёжной среде (школьники 10–11 классов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 197 с.
2. *Супрун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
3. *Щербак А.С.* Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 319 с.

4. Болдырев Н.Н. Теоретические основы языковой концептуализации // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 25-77.
5. Щербак А.С. Ономастические категории: соотношение языковых и когнитивных структур // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 78-83.
6. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 5. Нижний Новгород, 2007.
7. Голубева Н.А. Прецедент и прецедентность в лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 3. С. 56-61.
8. Лайонз Д. Лингвистическая семантика. Введение. М.: Языки славянской культуры, 2003.
9. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983.
10. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
11. Кунанбаев Абай. Қарасөздер [Слова-назидания]. Семей: Международный клуб Абая, 2001. 368 с.
12. Джамбаева Ж.А. Аксиологические стереотипы языкового сознания казахстанцев: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кокшетау, 2010.
13. Кубрякова Е.С. Язык и знание на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
14. Крюков А.Н. Фоновые знания при обучении иностранному языку. М., 1984. 27 с.
15. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

References

1. Sergeyeva G.G. *Pretsedentnyye imena i ponimaniye ikh v molodezhnoy srede (shkol'niki 10–11 klassov): dis. ... kand. filol. nauk* [Precedent Names and Their Understanding in the Youth Environment (Pupils of 10-11 Grades). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005, 197 p. (In Russian).
2. Suprun V.I. *Onomasticheskoye pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial* [The Onomastic Field of the Russian Language and Its Artistic and Aesthetic Potential]. Volgograd, Peremena Publ., 2000, 172 p. (In Russian).
3. Shcherbak A.S. *Kognitivnyye osnovy regional'noy onomastiki* [Cognitive Basis of Regional Onomastics]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2012, 319 p. (In Russian).
4. Boldyrev N.N. *Teoreticheskiye osnovy yazykovoy kontseptualizatsii* [Theoretical basis of language conceptualization]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Vyp. IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke* [Cognitive Studies of Language. Issue IV. Conceptualization of the World in Language]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ.; Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2009, pp. 25-77. (In Russian).
5. Shcherbak A.S. *Onomasticheskiye kategorii: sootnosheniye yazykovykh i kognitivnykh struktur* [Onomastic categories: correlation of language and cognitive structures]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2012, no. 4, pp. 78-83. (In Russian).
6. Golubeva N.A. *Slovo. Tekst. Diskurs. Pretsedentnyye edinytsy* [Word. Text. Discourse. Precedential units]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda – Language, Communication and Social Environment*, Issue 5, Nizhny Novgorod, 2007. (In Russian).
7. Golubeva N.A. *Pretsedent i pretsedentnost' v lingvistike* [Precedent and precedence in linguistics]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University*, 2008, no. 3, pp. 56-61. (In Russian).
8. Layonz D. *Lingvisticheskaya semantika. Vvedeniye* [Linguistic Semantics. An Introduction]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. (In Russian).
9. Morris C. *Osnovaniya teorii znakov* [The grounds of the theory of signs]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, 1983. (In Russian).
10. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of the Proper Name]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 366 p. (In Russian).
11. Kunanbayev Abay. *Qarasözder* [Book of Words]. Semey, Abai International Club Publ., 2001, 368 p. (In Kazakh).
12. Dzhambayeva Z.A. *Aksiologicheskiye stereotipy yazykovogo soznaniya kazakhstantsev: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Axiological Stereotypes of the Linguistic Consciousness of Kazakhstan People. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Kokshetau, 2010. (In Russian).

13. Kubryakova E.S. *Yazyk i znaniye na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Language and Knowledge on the Way of Obtaining Knowledge about the Language. Parts of Speech from the Cognitive Point of View]. Moscow, 1997. (In Russian).
14. Kryukov A.N. *Fonovyye znaniya pri obuchenii inostrannomu yazyku* [Background Knowledge in Foreign Language Teaching]. Moscow, 1984, 27 p. (In Russian).
15. Deyk T.A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Knowledge. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989. (In Russian).

Информация об авторах

Абишева Клара Мухамедияровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и языковых дисциплин. Университет «Туран-Астана», г. Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: abishevakm@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, написание части текста и редактирование текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2089-6601>

Сейдахметова Римма Ганиевна, профессор кафедры социально-гуманитарных и языковых дисциплин. Университет «Туран-Астана», г. Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: rimma_sg@list.ru

Вклад в статью: работа с литературными источниками, написание части текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3347-466X>

Искакова Жазира Макеутовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и языковых дисциплин. Университет «Туран-Астана», г. Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: oasis-jas@mail.ru

Вклад в статью: работа с литературными источниками, написание части текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0940-615X>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Абишева Клара Мухамедияровна
E-mail: abishevakm@mail.ru

Поступила в редакцию 03.02.2020 г.
Поступила после рецензирования 16.03.2020 г.
Принята к публикации 20.03.2020 г.

Information about the authors

Klara M. Abisheva, Doctor of Philology, Professor, Professor of Socio-Humanitarian and Language Disciplines Department. Turan-Astana University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. E-mail: abishevakm@mail.ru

Contribution: study idea, part of manuscript text drafting and manuscript editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2089-6601>

Rimma G. Seidakhmetova, Professor of Socio-Humanitarian and Language Disciplines Department. Turan-Astana University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. E-mail: abishevakm@mail.ru

Contribution: work with literary sources, part of manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3347-466X>

Zhazira M. Iskakova, Candidate of Philology, Associate Professor of Socio-Humanitarian and Language Disciplines Department. Turan-Astana University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. E-mail: oasis-jas@mail.ru

Contribution: work with literary sources, part of manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0940-615X>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Klara M. Abisheva
E-mail: abishevakm@mail.ru

Received 3 February 2020
Reviewed 16 March 2020
Accepted for press 20 March 2020

Фразеологизмы английского языка как средство репрезентации знаний о физических характеристиках человека

Елена Владимировна ДОЛГОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1561-0659>, e-mail: lenochka5dol@yandex.ru

English phraseological units as a mean of representing knowledge of a person's physical characteristics

Elena V. DOLGOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1561-0659>, e-mail: lenochka5dol@yandex.ru

Аннотация. Посвящено изучению особенностей семантики фразеологических единиц с когнитивных позиций. В частности, внимание уделено сведениям о физических характеристиках человека, передаваемых фразеологическими единицами английского языка, содержащими соматизмы, а также наименования пищи, одежды и мебели. К числу фразеологических единиц, передающих сведения о физических характеристиках человека, отнесены те единицы, которые передают сведения о свойствах тела и/или внешнего вида тела человека. Целью исследования явилось изучение семантических особенностей данных фразеологизмов, а также рассмотрение когнитивных механизмов их формирования. В ходе изучения семантики исследуемых фразеологических единиц условно выделены следующие смысловые группы: 1) строение тела человека; 2) возраст; 3) внешний вид; 4) физические/физиологические особенности человека. В результате исследования фактического материала установлено, что основными механизмами формирования значения исследуемых фразеологизмов являются когнитивная метафора, метонимия и метафтонимия. Сделан вывод о том, что при осмыслении физических свойств человека происходит обращение как к самой концептуальной области ЧЕЛОВЕК, так и к другим концептуальным областям, участвующим в процессах смыслообразования. В их число могут входить концептуальные области ПИЩА, ОДЕЖДА, МЕБЕЛЬ, РАСТЕНИЕ, ЖИВОТНОЕ.

Ключевые слова: фразеология; интерпретация; когнитивный механизм; метафора; метонимия; метафтонимия

Благодарности: Публикация выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00372 в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина.

Для цитирования: Долгова Е.В. Фразеологизмы английского языка как средство репрезентации знаний о физических характеристиках человека // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 308-317. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-308-317

Abstract. We center on the study of the phraseological units semantics from cognitive positions. In particular, attention is paid to information about person physical characteristics represented by phraseological units of the English language containing somatisms, as well as the names of food, clothing and furniture. As phraseological units representing information about physical characteristics we consider those units which represent information about the properties of the body and/or appearance of the human body. The aim of the study is to identify semantic features of these phraseological units, as well as to consider the cognitive mechanisms of their development. During the study of the given phraseological units semantics, the following semantic groups are distinguished:

1) the structure of the human body; 2) age; 3) appearance; 4) the physical/physiological characteristics of the person. In the course of studying the factual material, it is established that the main mechanisms for the development of the meaning of the studied phraseological units are cognitive metaphor, metonymy and metaphonymy. It is concluded that when comprehending human physical properties, a reference is made both to the very conceptual field of HUMAN and to other conceptual fields involved in the processes of reinterpretation. These may include the conceptual fields FOOD, CLOTHING, FURNITURE, PLANT, ANIMAL.

Keywords: phraseology; interpretation; cognitive mechanism; metaphor; metonymy; metaphonymy

Acknowledgements: The publication was made with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 20-18-00372 at Derzhavin Tambov State University.

For citation: Dolgova E.V. Frazеologizmy angliyskogo yazyka kak sredstvo reprezentatsii znaniy o fizicheskikh kharakteristikakh cheloveka [English phraseological units as a mean of representing knowledge of a person's physical characteristics]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 308-317. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-308-317 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Фразеологические единицы (далее ФЕ) способны образно и ярко передавать информацию об объектах и явлениях окружающего мира, отражая как индивидуальный жизненный опыт отдельного взятого человека, так и знания, разделяемые целым языковым сообществом. Являя собой сокровищницу культурно обусловленных знаний и, вместе с тем, отсылая к особенностям индивидуального восприятия действительности, фразеологизмы представляют один из ключей к пониманию того, как человек осмысляет мир в ходе своей познавательной деятельности.

Исследование языка как результата познания мира составляет когнитивный подход к языку. Именно мыслительные процессы предшествуют выходу информации на языковой уровень, следовательно, «понимание того, каким образом человек мысленно структурирует объективную действительность, то есть осуществляет ментальные процессы концептуализации и категоризации, позволяет исследователю выяснить, какое влияние эти процессы оказывают на выбор способов номинации объектов окружающего мира» [1, с. 5].

Когнитивное изучение фразеологии предполагает рассмотрение фразеологических единиц как средства хранения и организации знаний о мире в человеческом сознании. Таким образом, основным объектом исследования является семантика фразеологических единиц. Одной из важнейших проблем в данном случае выступает соотношение семантики с действительностью: фразеологическая картина мира непосредственно

связана с действительностью, но действительность особым образом преобразована и структурирована в ней [2].

Целью данной статьи является рассмотрение того 1) какие именно сведения о физических характеристиках человека получают объективацию за счёт фразеологизмов английского языка, содержащих соматизмы, а также наименования одежды, пищи и мебели, 2) с помощью каких когнитивных механизмов происходит структурирование получаемых знаний.

Выбор фразеологизмов английского языка, содержащих соматизмы, наименования одежды, пищи и мебели в качестве объекта исследования не случаен, поскольку данные компоненты отсылают нас к самому человеку, а также наиболее привычным и доступным для человека объектам окружающей среды, знания о которых он задействует в процессе познания окружающего мира. Опираясь на осмысленные ранее сведения о мире, человек формирует новые знания.

Представляется, что при осмыслении изучаемых единиц используется языковая интерпретация. Данный термин может употребляться в широком и узком смыслах. Интерпретация в широком смысле подразумевает практически любую мыслительную операцию, направленную на получение нового, вторичного знания коллективного или индивидуального уровня. В узком же понимании интерпретация представляет собой «процесс и результаты субъективного понимания человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира,

основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним» [3; 4].

Выделяют первичную и вторичную интерпретацию. Обращая внимание на различия между двумя видами интерпретации, вслед за Н.Н. Болдыревым отметим, что первичная интерпретация мира на когнитивном и языковом уровнях представлена в концептуально-тематических областях и лексических категориях. Аналогия в организации концептуально-тематических областей и лексических категорий из разных предметных сфер создаёт основу для развития у языковых единиц вторичных (интерпретирующих) значений и обеспечивает возможность использования их по отношению к разным предметным сферам с целью вторичной интерпретации знаний о мире [5].

Фразеологизмы могут служить ярким иллюстративным материалом развития вторичных (интерпретирующих значений) языковых единиц, входящих в их состав. Как известно, семантика внутренней формы фразеологизмов, задействуемая в ходе процессов переосмысления для получения вторичного знания, сохраняется или стирается в сознании носителей языка с течением времени. Отсюда – наличие в языке мотивированных и немотивированных единиц и сложности в установлении их механизмов их формирования.

Когнитивные механизмы как часть проявления интерпретационного аспекта представляют собой способы концептуализации и категоризации, обработки и структурирования разнообразных знаний, используемые интерпретатором для выражения мысли [6]. Под когнитивными механизмами понимаются способы мысленной модификации, моделирования и конфигурации различных концептуальных структур [7].

Отметим, что в сознании человека те или механизмы могут действовать одновременно и комплексно. Основными выявленными когнитивными механизмами, которые задействуются в процессе формирования значений ФЕ, являются когнитивная метафора, метонимия, а также метафтонимия. Рассмотрим особенности их использования в процессе формирования семантики фразеологизмов.

Под фразеологическими единицами, передающими сведения о физических характеристиках человека, подразумеваются единицы, описывающие свойства тела и/или внешнего вида тела человека. На материале исследуемых фразеологических единиц можно условно выделить следующие смысловые группы: 1) строение тела; 2) возраст; 3) внешний вид; 4) физические/физиологические особенности человека.

1. Строение тела

Данная подгруппа фразеологических единиц отражает представления об особенностях комплекции человека, в частности были выявлены ФЕ, содержащие наименования частей тела, которые фокусируют внимание на *худобе* и могут использоваться как в отношении людей, так и животных:

to be all skin and bones – to be undernourished, very thin [8, p. 108].

bag of bones – 1. A person or animal that is emaciated to the point that bones can be seen protruding from the skin. 2. A disparaging term for a very old person, especially one who has a frail appearance¹.

Нельзя не отметить, что ключевую роль в характеристике худобы играет компонент *bone*, присутствующий в данных фразеологических единицах. Этот факт позволяет предположить, что формирование семантики ФЕ *to be all skin and bones* осуществляется при помощи метонимической модели ЧАСТЬ1 (признак) – ЧАСТЬ2 (физическая характеристика – худоба). Далее переосмысление происходит по метонимической модели ЧАСТЬ (физическая характеристика – худоба) – ЦЕЛОЕ (человек (обладающий данной характеристикой)). Таким образом, речь идёт о двойном метонимическом переносе.

Формирование семантики ФЕ *bag of bones* определяется метафтонимической когнитивной моделью. Во-первых, используется метафорическая модель ЧЕЛОВЕК – КОНТЕЙНЕР, метафорическое проецирование позволяет рассмотреть кожу человека как контейнер (сумку), который содержит кости. Во-вторых, семантика данной единицы формируется при помощи выявленных выше метонимических моделей ЧАСТЬ1 (признак) – ЧАСТЬ2 (физическая характеристика – ху-

¹ The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed: 29.01.2019).

доба), ЧАСТЬ (физическая характеристика – художба) – ЦЕЛОЕ (человек (обладающий данной характеристикой)).

Важно отметить, что в семантике единицы *bag of bones* также содержится негативная **отсылка к возрасту** – очевидно, хрупкость фигуры рассматривается как один из признаков пожилого человека. Рассмотрим далее, какими средствами передаётся информация о возрасте.

2. Возраст

Единицы данной подгруппы отражают сведения о **возрасте** человека как одной из характеристик его развития и количества прожитого времени. Обратимся к примерам:

to be long in the tooth – old, too old, older than one cares to admit [8, p. 87].

Происхождение данного фразеологизма датируется XIX веком. Источником появления данной единицы служит тот факт, что по длине и состоянию зубов лошади можно определить её возраст, так как в течение жизни десны животного уменьшаются, и зубы выглядят длиннее². Соответственно, данное утверждение, использованное в отношении человека, отсылает к пожилому возрасту либо более старшему возрасту, чем какой-либо называемый.

При формировании семантики фразеологической единицы используется метафтонимическая модель, которая предполагает, во-первых, осуществление метонимического проецирования по модели ЧАСТЬ2 (следствие) – ЧАСТЬ1 (причина), так как старение приводит к зрительному увеличению длины зубов и изменению их состояния. Во-вторых, осуществляется метафорическое проецирование по модели ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ, поскольку человек наделяется возрастными признаками животного.

Ещё одним примером, отсылающим нас к старшему или пожилому возрасту, является следующая ФЕ:

blue hair – an old or elderly woman. The phrase refers to the fact that such women's hair is sometimes a bluish color³.

Как известно, некоторые оттенки краски для волос могут нежелательным образом отреагировать на наличие седины, и, в резуль-

тате, полученный цвет имеет неестественные оттенки, в том числе голубой. Так, через внешние признаки пожилого возраста происходит отсылка к самому человеку. Следовательно, в данном случае семантика фразеологической единицы создаётся при помощи метонимической модели ЧАСТЬ (признак возраста) – ЦЕЛОЕ (человек пожилого возраста).

Юный возраст описывает следующая ФЕ: *to be (as) green as a gooseberry* – to be very young, immature, and/or inexperienced⁴.

Логично отметить, что зелёный плод крыжовника является показателем его незрелого состояния, то есть непригодности к употреблению в пищу. В данном случае аналогия с возрастом человека проводится по признаку недостаточного развития для полноценного использования по прямому назначению, то есть на основании характеристики 'незрелость'. Таким образом, семантика фразеологической единицы формируется по метафорической когнитивной модели ЧЕЛОВЕК – РАСТЕНИЕ. В результате метафорического проецирования также задействуется механизм концептуального сравнения: представления о зрелости ягоды позволяют осмыслить возраст человека.

3. Внешний вид

Данная подгруппа представлена наибольшим количеством примеров внутри группы «Физические характеристики». Описывая внешний облик человека, рассматриваемые единицы способны отражать представление о внешнем виде в целом, а также фокусировать внимание на характерной черте, определяющей внешность человека.

Так, можно выделить целый ряд примеров, которые передают сведения о **внешней привлекательности** людей, к примеру:

easy on the eye(s) – attractive, pretty [8, p. 81].

Формирование семантики данной фразеологической единицы осуществляется по метонимической когнитивной модели ЧАСТЬ2 (следствие) – ЧАСТЬ1 (причина). При этом в качестве ЦЕЛОГО рассматривается ситуация, предполагающая оценку внешности человека лицом, рассматривающим его. В основе данной ситуации лежит

² The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed: 29.01.2019).

³ Там же.

⁴ Там же.

отсылка к простоте восприятия – смотрящему «легко» изучать внешность описываемого человека, так как взгляд не находит каких-либо изъянов в его внешности.

При формировании семантики следующей фразеологической единицы задействуется аналогичная модель:

hard on the eye(s) – unattractive; ugly⁵.

Однако в данном случае описывается **внешняя непривлекательность**, так как результат восприятия характеризуется компонентом *hard*. Следует отметить, что за отсылку к восприятию в обоих рассмотренных примерах отвечает компонент *eye(s)*, под которым также подразумевается и сам воспринимающий, так как вполне очевидно, внешность приятна (или наоборот) не глазу, а смотрящему, поэтому можно утверждать, что в данном случае используется метонимическая модель ЧАСТЬ (орган тела) – ЦЕЛОЕ (человек). Таким образом, данные примеры демонстрируют результат двойного метонимического переноса.

Рассмотрим пример, демонстрирующий более сложный путь формирования семантики фразеологизмов:

(as) cute as a bug's ear – adorable; very cute⁶.

На первый взгляд данная ФЕ основана на необычном сравнении – приятная внешность сравнивается с красотой уха жука. Однако оснований для такого сравнения найти невозможно. Особенности построения семантики данной ФЕ объясняет слово *cute*, которое первоначально являлось синонимом слова *acute* в значении «острый», «проницательный» и использовалось в составе рассматриваемого словосочетания для описания остроты слуха насекомых, которые, как известно, способны различать незначительные и высокие звуки. Приблизительно с конца XIX века значение «прелестный», «очаровательный» стало вытеснять значение «острый», «проницательный» в американском английском, и словосочетание *(as) cute as a bug's ear*, которое до этого момента использовалось для

описания остроты ума, стало употребляться для обозначения привлекательности⁷.

Следовательно, первоначально в ходе метафорического проецирования по модели ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ были установлены ассоциативные связи между соответствующими концептами на основе характеристики 'высокая способность к чему-либо', а также задействовано концептуальное сравнение. Затем, из-за изменения семантики входящего в состав единицы компонента, произошла демотивация. Данный факт определяет сложность восприятия рассматриваемой фразеологической единицы. Поэтому при осмыслении данного фразеологизма необходимо обратиться к этимологии, чтобы проследить, какая же модель определяла семантику анализируемой фразеологической единицы.

Знания о привлекательном внешнем виде, позитивно воспринимаемом другими людьми, также могут быть проиллюстрированы следующей ФЕ:

eye candy – a person or thing that is nice to look at, but has very little substance, meaning, or purpose⁸.

Формирование семантики данной ФЕ осуществляется по метафорическо-метонимической когнитивной модели. Благодаря метафорической когнитивной модели ЧЕЛОВЕК – АРТЕФАКТ (пища) симпатичный человек уподобляется тому, что приятно воспринимать. Следовательно, концептуальное сходство устанавливается за счёт характеристики 'привлекательность'. Проводится аналогия между удовольствием, испытываемым человеком, который ест конфету, и удовольствием, испытываемым при созерцании красивого человека. Компонент *eye* отсылает нас к способу восприятия, а наименование *candy* косвенно отражает степень получаемого удовольствия, так как данный вид пищи традиционно ассоциируется с чем-то приятным, поднимающим настроение. Отметим, что использование компонента *eye* позволяет нам говорить об использовании метонимической модели ЧАСТЬ (орган тела) – ЦЕЛОЕ (человек).

⁷ The Phrase Finder. URL: https://www.phrases.org.uk/bulletin_board/61/messages/335.html (accessed: 29.01.2019).

⁸ The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed: 29.01.2019).

⁵ The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed: 29.01.2019).

⁶ Там же.

При этом нельзя не обратить внимание, что данная единица также указывает на внутренние качества привлекательного внешне человека – отмечается *негативная характеристика его интеллектуальных возможностей и/или черт характера*. Данный факт обусловлен тем, что при формировании семантики фразеологической единицы происходит обращение к стоящему за компонентом *candy* концепту. Актуализируется информация о том, что данный вид пищи рассматривается большинством людей как приятная, но бесполезная и пустая еда, которая не расценивается как полноценный приём пищи.

В данном примере и примерах, которые будут рассмотрены далее, прослеживается мысль о том, что привлекательная внешность не предполагает каких-либо иных примечательных характеристик. Вероятно, в основе семантики ФЕ, акцентирующих внимание на привлекательности и в то же время указывающих на ограниченный характер иных качеств или свойств, заложен устоявшийся стереотип о несовместимости ума и красоты, который зачастую проецируется и на остальные черты человеческой натуры. Так, красота выступает в качестве единственного достоинства человека, её наличие словно ограничивает все остальные характеристики.

Подобный подход к акцентированию внимания на том, как привлекательная внешность контрастирует с невысокими характеристиками внутренних качеств, можно проиллюстрировать следующим образом:

be just another pretty face – to be physically attractive but lack any distinguishing achievements, intelligence, abilities, or other personal characteristics⁹.

Формирование семантики данной единицы определяется метонимической моделью ЧАСТЬ (часть тела) – ЦЕЛОЕ (человек), поэтому в центре внимания оказываются компоненты, стоящие слева от слова *face*, которые и дают характеристику человеку.

Метонимическая модель ЧАСТЬ (предмет одежды) – ЦЕЛОЕ (человек) определяет формирование семантики следующей ФЕ:

bit of skirt – a physically attractive woman; a derogatory term used to describe a woman

who lacks value beyond being physically attractive. Primarily heard in UK, Australia¹⁰.

Как видим, предмет гардероба *skirt* отсылает нас к привлекательной женщине, так как данная разновидность одежды традиционно ассоциируется именно с женским полом. Более того, данный пример, аналогично рассмотренным выше, может подчёркивать, что внешняя красота является единственным достоинством описываемого субъекта, не обладающего каким-либо значимым внутренним содержанием. Таким образом, активизируются стоящие за концептом *skirt* сведения, а именно: женственность и привлекательность – в случае первого значения фразеологизма, и легкомысленность, распушенность, низкие моральные качества – в случае второго.

Следующий пример иллюстрирует формирование семантики фразеологической единицы посредством метонимической модели ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ:

chocolate box – a face which possesses pretty features but is lacking in individuality or distinction, the kind of ‘pretty’ face one sees on the lid of a chocolate box [8, p. 160].

Выделенная общая модель определяется сразу двумя моделями сходной структуры: во-первых, осуществляется метонимический перенос по модели ЦЕЛОЕ (коробка) – ЧАСТЬ (изображение на коробке), во-вторых, последующее ассоциирование по смежности осуществляется по модели ЧАСТЬ (изображение) – ЦЕЛОЕ (человек).

Такое направление метонимического переноса обусловлено тем, что изображения красивых девушек, которые можно увидеть на коробках с конфетами, отсылают нас к некоему усреднённому образу привлекающей внимание внешности, которая общепринято считается приятной. С помощью метонимического переноса вместо наименования изображения в состав ФЕ попадает наименование коробки, на которой оно расположено, а само изображение ассоциируется с человеком.

Выше мы уже приводили пример *hard on the eyes*, используемый для описания непривлекательной внешности в целом. Существуют и другие примеры, передающие сведения о *внешней непривлекательности чело-*

⁹ The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed: 29.01.2019).

¹⁰ Там же.

века, однако они сосредоточены на какой-либо отдельной черте облика человека. Например, описание неприятного для говорящего лица передаёт следующая единица:

been bobbing for fries – a phrase used to convey that someone has a hideous face (as if they had put their face in a deep-fryer to pull out fries with their teeth)¹¹.

Метонимическая модель ЧАСТЬ1 (причина) – ЧАСТЬ2 (следствие) задействуется при формировании значения данной единицы. Так, описываемая внешность предстаёт как пугающая и крайне неприятная говорящему, ведь в основе лежит довольно неприятная ассоциация – некрасивое лицо описывается как результат погружения в кипящее масло.

Некоторые описания внешности носят оскорбительный характер и фокусируются на конкретных чертах внешности человека, вызывающих негативную реакцию. Например, можно выделить целый ряд единиц, передающих информацию о состоянии кожи человека: *pizza face/ zit face / crater face* – someone with very bad acne or severe scarring therefrom¹².

При формировании семантики данных фразеологизмов в первую очередь задействуется метонимическая модель ЧАСТЬ (часть тела) – ЦЕЛОЕ (человек). Эта модель используется в случае фразеологизма с компонентом *zit* (прыщ), где первый компонент прямо указывает на состояние кожи. Семантика двух других примеров предполагает обращение к метафорической когнитивной модели.

Так, значение единиц с компонентами *pizza* и *crater* формируется посредством метафорического ассоциирования внешнего вида проблемной кожи с 1) внешним видом пиццы, 2) видом ландшафта, имеющего заметные впадины в рельефе, то есть сходство между концептами ЧЕЛОВЕК и АРТЕФАКТ, а также ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДНЫЙ МИР устанавливается на основе характеристики 'рельефность'. Таким образом, речь идёт уже о метафтонимической когнитивной модели.

Следующий случай, представляющий единственный выявленный пример, содержа-

щий наименование мебели, передаёт сведения о **неопрятном внешнем виде** человека:

unmade bed – one who is very unkempt in appearance¹³.

Метафорическое переосмысление в данном случае осуществляется по модели ЧЕЛОВЕК – АРТЕФАКТ (мебель). Как очевидно, метафорический перенос при формировании значения данной единицы основан на характеристике 'неаккуратность' – проводится аналогия между видом незаправленной кровати и неопрятно выглядящим человеком.

4. Физические/физиологические особенности

В данную подгруппу вошли ФЕ, передающие сведения о свойствах тела человека, особенностях выполнения человеком каких-либо физических и/или физиологических функций, способности организма переносить влияние факторов окружающей среды.

Прежде всего, следует отметить примеры, характеризующие **физическую способность** человека к выполнению какой-либо деятельности (сюда нами были отнесены такие черты, как хорошая физическая форма, выносливость, работоспособность и конкретные свойства организма, заложенные на уровне физиологии). Обратимся к примерам:

have a good arm – to have a strong and conditioned arm for sports, especially pitching in baseball¹⁴.

В формировании семантики данной ФЕ задействуется метонимическая модель ЦЕЛОЕ (часть тела) – ЧАСТЬ (способность человека, ассоциируемая с частью тела). В данном примере важное значение приобретает прилагательное *good*, так как за счёт него осуществляется оценочная характеристика физической способности, соотносимой с компонентом *arm*, отвечающим за наличие возможности выполнить что-либо, связанное с функциями рук, прежде всего в спорте.

Та же метонимическая модель ЦЕЛОЕ (часть тела) – ЧАСТЬ (способность человека, ассоциируемая с частью тела) может быть предложена и в отношении семантики следующего примера:

to have only one pair of hands – to be incapable of working any faster [8, p. 93].

¹¹ The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed: 29.01.2019).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

В данном случае наименование части тела *hand* также отвечает за наличие физической способности выполнять что-либо, однако компоненты *only one pair of*, носящие ограничительный характер, уточняют границы этой возможности – отмечается способность выполнять что-либо, не превышающая возможности обычного человека.

В следующем примере, напротив, отмечается физиологическая особенность человека, превышающая возможности большинства других людей. При этом выстраивается необычный образ:

have a hollow leg – to be able to consume a larger amount of food or drink (especially alcohol) than is typical. Also seen as “have hollow legs”¹⁵.

Можно предположить, что в основе данного образа лежит наивное и/или шуточное представление о том, что еда и напитки, которые уже не способен вместить желудок, помещаются организмом в «пустую ногу» как вместилище еды или напитков, употреблённых сверх всякой меры. Поэтому часть тела *leg* наделяется несвойственными ей функциями контейнера. Следовательно, в данном случае речь идёт о метафтонимической когнитивной модели. Во-первых, задействуется метонимическая модель ЦЕЛОЕ (часть тела) – ЧАСТЬ (способность человека, ассоциируемая с частью тела). Во-вторых, осуществляется метафорическое проецирование по модели ЧЕЛОВЕК – КОНТЕЙНЕР за счёт характеристики ‘способность вмещать’.

Как видим, во всех рассмотренных примерах присутствуют наименования частей тела, с которыми соотносится наличие физической способности к выполнению той или иной функции. При этом важное значение приобретают компоненты, сопровождающие соматизмы, так как они фокусируют внимание на характеристике описываемой физической особенности.

Фразеологическими единицами с наименованиями частей тела также представлены случаи описания *физической неспособности* к чему-либо (то есть характеристика плохой физической формы, неуклюжести, отсутствия или неразвитости каких-либо физиологических свойств). Например:

to be all thumbs / all fingers and thumbs – to be clumsy, as if each finger were a thumb, which would result in a loss of dexterity [8, p. 97].

Семантика данной ФЕ определяется метонимической моделью ЧАСТЬ (часть тела) – ЦЕЛОЕ (человек) на основе характеристики ‘ограниченная функциональность’. В данном случае неловкость человека ассоциируется с неловкостью его рук – ограниченные функции большого пальца и/или других пальцев переносятся на общую способность человека выполнять какую-либо физическую деятельность.

Следующий пример иллюстрирует физиологическую особенность, заключающуюся в низкой устойчивости организма к алкоголю:

can't hold (one's) drink / not hold one's liquor – has a low tolerance for alcohol; becomes drunk after consuming only a small amount of alcohol¹⁶.

Семантика данной единицы формируется с помощью метонимической модели ЧАСТЬ2 (следствие) – ЧАСТЬ1 (причина), так как неспособность удержать алкогольный напиток в руках ассоциируется с состоянием алкогольного опьянения и нарушением или отсутствием контроля над собственным телом.

Таким образом, анализ данной выборки показал, что фразеологические единицы передают целый ряд сведений о физических характеристиках человека, при этом отмечается количественное доминирование примеров, содержащих наименование частей тела человека. За ними следуют фразеологизмы, содержащие наименования пищи, и, наконец, с большим отставанием отмечаются единицы, имеющие в своём составе наименования одежды и мебели.

Было также выявлено, что при описании физических характеристик человека фразеологизмами объективируется информация о: 1) строении тела; 2) возрасте; 3) внешнем виде; 4) физических/физиологических особенностях тела.

При описании строения тела особое внимание уделяется худобе, при этом основой для метафорического и метонимического переноса становятся характеристики, связанные с телом человека. Информация о возрасте

¹⁵ The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed: 29.01.2019).

¹⁶ Там же.

объективируется за счёт единиц, семантику которых формируют метафорические модели ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ и ЧЕЛОВЕК – РАСТЕНИЕ, а также метонимическая модель ЧАСТЬ (признак) – ЦЕЛОЕ (человек).

Подборка единиц, передающих сведения о внешнем облике человека, оказалась наиболее богатой примерами. Как было отмечено, в центре внимания при описании внешности находятся такие характеристики, как внешняя привлекательность/непривлекательность. Стоит обратить внимание, что при формировании значений фразеологизмов прежде всего следует отметить такие метафорические модели, как ЧЕЛОВЕК – АРТЕФАКТ (пища), ЧЕЛОВЕК – АРТЕФАКТ (мебель), ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ, метонимические модели ЧАСТЬ (часть тела) – ЦЕЛОЕ (человек), ЧАСТЬ2 (следствие) – ЧАСТЬ1 (причина), ЧАСТЬ (предмет одежды) – ЦЕЛОЕ (человек).

В подгруппе примеров, передающих информацию о физических/физиологических

особенностях тела, на первый план выступают сведения о физической способности/неспособности человека выполнять какие-либо действия. Можно отметить следующие метонимические модели ЧАСТЬ (часть тела) – ЦЕЛОЕ (человек), ЦЕЛОЕ (часть тела) – ЧАСТЬ (способность человека, ассоциируемая с частью тела), ЧАСТЬ2 (следствие) – ЧАСТЬ1 (причина), а также метафорическую модель ЧЕЛОВЕК – КОНТЕЙНЕР.

Стоит оговориться, что в выводах мы не упомянули метафонию, которая также активно используется для формирования значений фразеологизмов, сочетая в себе указанные выше метафорические и метонимические модели.

Рассмотренный материал показывает, что при осмыслении физических характеристик человека происходит обращение как к самой концептуальной области ЧЕЛОВЕК, так и другим концептуальным областям, сведения из которых заимствуются и проецируются на описание людей.

Список литературы

1. Бабина Л.В., Дзюба К.А. Когнитивно-матричный анализ при изучении наименований торговых марок (на примере парфюмерных торговых марок) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5 (25). С. 5-11.
2. Гутовская М.С. Актуальные проблемы когнитивной фразеологии // Языки мира – в мир языков: межвуз. сб. науч. ст. Вып. 6 / отв. ред. Н.Н. Нижнёва. Минск: БГУ, 2015. С. 75-82.
3. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник ЧелГУ. 2011. № 33. С. 11-16.
4. Болдырев Н.Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 1 (93). С. 9-16.
5. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. 2014. Вып. 88. С. 118-122.
6. Галич Т.С. К определению понятия когнитивного механизма // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы 8 Междунар. науч. конф. Челябинск, 2016. Т. 2. С. 205-208.
7. Маслова Ж.Н., Попова Е.А. Проблема разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов 7 Междунар. конф. Саратов: ИЦ «Наука». 2015. С. 80-84.
8. Gulland D.M., Hinds-Howell D. The Penguin Dictionary of English Idioms. Second edition. L.: Penguin Books, 1994. 305 p.

References

1. Babina L.V., Dzyuba K.A. Kognitivno-matrichnyy analiz pri izuchenii naimenovaniy toorgovykh marok (na primere parfymernykh toorgovykh marok) [Cognitive-matrix analysis in the study of brand names (for example, perfume brands)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 5 (25), pp. 5-11. (In Russian).

2. Gutovskaya M.S. Aktual'nyye problemy kognitivnoy frazeologii [Current problems of cognitive phraseology]. In: Nizhneva N.N. (executive ed.). *Yazyki mira – v mir yazykov: Vyp. 6* [Languages of the World – Into the World of Languages: Issue 6]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2015, pp. 75-82. (In Russian).
3. Boldyrev N.N. Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka [Language interpretation function]. *Vestnik ChelGU – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 33. pp. 11-16. (In Russian).
4. Boldyrev N.N. Rol' interpretiruyushchey funktsii v formirovanii yazykovykh kategoriy [The role of the interpretive function in the formation of language categories]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2011, no. 1 (93), pp. 9-16. (In Russian).
5. Boldyrev N.N. Rol' kognitivnogo konteksta v interpretatsii mira i znaniy o mire [The role of cognitive context in the interpretation of the world and knowledge of the world]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye – Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Arts*, 2014, no. 6 (335), issue 88, pp. 118-122. (In Russian).
6. Galich T.S. K opredeleniyu ponyatiya kognitivnogo mekhanizma [To the definition of the concept of a cognitive mechanism]. *Materialy 8 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Slovo, vyskazyvaniye, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh»* [Proceedings of the 8th International Scientific Conference “Word, Utterance, Text in Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspect”]. Chelyabinsk, 2016, vol. 2, pp. 205-208. (In Russian).
7. Maslova Z.N., Popova E.A. Problema razgranicheniya kognitivnykh protsessov, mekhanizmov, operatsiy [The problem of distinguishing between cognitive processes, mechanisms, operations]. *Materialy dokladov 7 Mezhdunarodnoy konferentsii «Inostrannyye yazyki v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii»* [Proceedings of the 7th International Conference “Foreign Languages in the Context of Intercultural Communication”]. Saratov, Publ. Center “Nauka”, 2015, pp. 80-84. (In Russian).
8. Gulland D.M., Hinds-Howell D. *The Penguin Dictionary of English Idioms. Second edition*. London, Penguin Books Publ., 1994, 305 p.

Информация об авторе

Долгова Елена Владимировна, аспирант, кафедра зарубежной филологии и прикладной лингвистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: lenochka5dol@yandex.ru

Вклад в статью: отбор и исследование фактического материала, исследование особенностей семантики фразеологических единиц, рассмотрение когнитивных механизмов формирования значений фразеологизмов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1561-0659>

Поступила в редакцию 03.02.2020 г.

Поступила после рецензирования 18.03.2020 г.

Принята к публикации 20.03.2020 г.

Information about the author

Elena V. Dolgova, Post-Graduate Student, Foreign Philology and Applied Linguistics Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: lenochka5dol@yandex.ru

Contribution: selection and research of factual material, research on the semantics of phraseological units, consideration of cognitive mechanisms of phraseological units meanings formation, manuscript drafting

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1561-0659>

Received 3 February 2020

Reviewed 18 March 2020

Accepted for press 20 March 2020

Форматирование знаний об английских атрибутивных словосочетаниях (на примере построения когнитивной матрицы HAIR BEAUTY)

Анна Вадимовна ТКАЧЕНКО

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3032-6573>, e-mail: avtko111@rambler.ru

Formatting knowledge about the English attributive collocations (on the example of cognitive matrix HAIR BEAUTY construction)

Anna V. TKACHENKO

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3032-6573>, e-mail: avtko111@rambler.ru

Аннотация. Вопрос о возможностях форматирования знаний с учётом природы языковых структур является на сегодняшний день актуальным в когнитивной лингвистике. Данное исследование посвящено теоретическому и практическому осмыслению роли форматирования знаний об атрибутивных словосочетаниях в английском языке. Цель данной работы – описание формата знания об английском атрибутивном словосочетании, представленного когнитивной матрицей HAIR BEAUTY. Объектом исследования стали те атрибутивные словосочетания, которые репрезентируют рассматриваемую когнитивную матрицу. Изучение подобных когнитивных и языковых структур невозможно без применения соответствующих способов анализа. Когнитивная матрица HAIR BEAUTY была рассмотрена с помощью современного метода когнитивно-матричного анализа, что привело к определенным выводам по теме исследования. Во-первых, когнитивная матрица HAIR BEAUTY является многоуровневым форматом знания, в состав которого могут входить различные концептуально-тематические области, которые при более близком рассмотрении могут выступать как самостоятельные матричные структуры. Во-вторых, знания об атрибутивных словосочетаниях, содержащиеся в составе описываемого формата, позволяют человеку в процессе мышления одновременно обращаться к интерфейсам концептуально-тематических областей внутри формата HAIR BEAUTY и информации о возможностях выстраивания атрибутивных конструкций в рамках правил английского языка. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории форматирования знаний и могут быть использованы при разработке лекционных и практических курсов по когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: атрибутивное словосочетание; форматирование знания; матричный формат знания; когнитивно-матричный анализ; английский язык

Для цитирования: Ткаченко А.В. Форматирование знаний об английских атрибутивных словосочетаниях (на примере построения когнитивной матрицы HAIR BEAUTY) // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 318-327. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-318-327

Abstract. The question of formatting knowledge with regard to certain linguistic structures is currently relevant in cognitive linguistics. This research is devoted to theoretical and practical understanding of formatting knowledge applied to attributive collocations in the English language. The purpose of this work is to describe the format of knowledge behind the English attributive collocations representing the cognitive matrix HAIR BEAUTY. The study of such cognitive structures is impossible without the use of appropriate methods of analysis. In this work, the cognitive matrix HAIR BEAUTY is considered through the prism of the cognitive-matrix analysis that led to cer-

tain conclusions. First, the cognitive matrix HAIR BEAUTY is a multi-level format of knowledge which may include various conceptual and thematic areas that can act as independent matrix structures on closer examination. Second, the knowledge about attributive collocations contained in the described format allows a person to access the interfaces of conceptual and thematic areas within the HAIR BEAUTY format and information about attributive structures construction following the rules of the English language. The results contribute to further research in the field of formatting knowledge and can be used in courses on cognitive linguistics.

Keywords: attributive collocation; formatting of knowledge; matrix format of knowledge; cognitive-matrix analysis; the English language

For citation: Tkachenko A.V. Formatirovaniye znaniy ob angliyskikh atributivnykh slovosochetaniyakh (na primere postroyeniya kognitivnoy matritsy HAIR BEAUTY) [Formatting knowledge about the English attributive collocations (on the example of cognitive matrix HAIR BEAUTY construction)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 318-327. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-318-327 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Большинство современных лингвистов разных направлений приходят к пониманию актуальности когнитивного подхода к исследованию вопросов взаимодействия языка и мышления, поскольку единственно надёжный доступ к сознанию и мышлению обеспечивает только язык [1, с. 25].

В процессе деятельности по осознанию и упорядочиванию конкретно наблюдаемых в речи явлений человек пытается выявить некую отвлечённую мыслительную схему, следуя которой можно было бы построить новые слова, словесные формы и их комбинации упорядоченным и предсказуемым образом. В широком смысле подобные формы являются форматами знаний, которые используются говорящим для создания новых выражений или оценки их общепринятости.

Диссертационные исследования последних лет показывают, что концептуальная система человека и концептосфера языка включают в себя знания самого разного формата с точки зрения их структуры и содержания (см., например: [2–6]). В данной статье на материале английского языка отражена попытка ответить на вопрос, каким образом формируются знания, стоящие за атрибутивными словосочетаниями.

Атрибутивными сочетаниями или конструкциями называются «такие словосочетания, в которых зависимое слово является определением главного, определяемого слова. Такие словосочетания указывают на отношения, существующие между предметом и его признаком (атрибутом)» [7, с. 98]. В английском языке, это «некоторая двучленная (реже трёхчленная) модель, имеющая номинативную функцию, организованная на основе

подчинительной связи с устойчивым сочетанием синтаксических отношений, выраженных определённым способом, и с постоянным размещением компонентов» [8, с. 141].

Обладая многообразием вербальных проявлений, данный тип словосочетаний требует к себе особого подхода, основанного на оптимально подходящем к определённой ситуации общения выборе, «правильность» которого определяется за счёт актуализации и конфигурации сведений о возможностях форматирования знаний, стоящих за конкретным словосочетанием. Вместе с тем в атрибутивную конструкцию закладывается механизм «переработки и сортировки» данных, который «способствует членению поступающей к человеку информации по неким каноническим или прототипическим (естественным) формам её языкового представления» [9, с. 105].

Следует признать тот факт, что исследователи атрибутивных словосочетаний в когнитивном контексте отмечают многоаспектный характер той структуры знания, которая стоит за этими словосочетаниями. Передаваемое такими конструкциями концептуальное содержание не сводится к отдельным характеристикам или их определённому набору, а требуют осмысления в рамках нескольких концептуально-тематических областей. Это объясняется тем, что атрибутивные конструкции описывают объекты и явления, относящиеся к абсолютно разным сферам знания.

В этой связи можно утверждать, что формат знания, репрезентируемый атрибутивными конструкциями, является матричным форматом. Когнитивная матрица – осо-

бый формат многоаспектного знания «как системы взаимосвязанных когнитивных контекстов, которые носят опциональный характер и не предполагают их обязательно одновременное иерархическое ассоциирование с тем или иным словом или концептом. В структуре когнитивной матрицы данные когнитивные контексты приобретают статус самостоятельных, независимых друг от друга компонентов» [10, с. 57-77]. Для описания когнитивной матрицы применяется когнитивно-матричный анализ (Н.Н. Болдырев), который направлен на «выявление концептуальных характеристик ядра, когнитивных контекстов как областей их осмысления, взаимосвязей между данными характеристиками и соответствующими контекстами, а также языковых средств актуализации этих взаимосвязей» [10, с. 57-77].

Далее на примере обращения к концепту HAIR BEAUTY (*красота волос*) рассмотрим, какие концептуально-тематические области с учётом профессионального аспекта знаний этой мыслительной структуры объединяются в когнитивную матрицу и передаются английскими атрибутивными сочетаниями.

К изучению подобных концептов и концепту BEAUTY обращались разные исследователи. Например, с попытками когнитивного моделирования “beauty” связана работа О.А. Алимударова и М.А. Гусевой [11]. С позиций рекламного дискурса, затрагивая гендерный аспект, о данном концепте писала Н.В. Козицкая [12]. Тематике, косвенно сходной с настоящим исследованием, посвящена статья И.Е. Беляковой, которая рассматривала данный феномен, опираясь на результаты анализа журналов, ориентированных на бьюти-индустрию [13], в более широком освещении о концепте ‘beauty’ сообщала М.В. Зимина в работе, посвящённой выявлению специфики функционирования некоторых концептов в американской языковой картине мира [14].

Стоит отметить, что понятие красоты в сфере эстетических услуг имеет свою специфику и понимается довольно широко. Имеется в виду, что в смысловом отношении красота – это предмет субъективной оценки, поэтому красивыми можно считать абсолютно разные вещи. Следуя этой логике, речь профессионалов бьюти-индустрии в области

ухода за волосами может не содержать в себе постоянного обращения к словам *beauty*, *beautiful*, *beautify* и т. д. Красота в таком случае будет передаваться языковыми единицами, отражающими разнообразие стилей, образов и т. п., которые могут создать парикмахеры. Учитывая данную специфику, перейдём к материалам интернет-журнала Professional Hairdresser¹. Всего было проанализировано 58 страниц сайта, на котором было найдено 100 атрибутивных словосочетаний.

Методика когнитивно-матричного анализа предполагает выявление концептуально-тематических областей и последующую работу с ними с целью осмысления тех или иных наименований, собранных по какому-либо признаку в определённую рубрику. При этом такие области сами могут представлять собой многоаспектное знание, которое будет встроено в интегративную матрицу общего типа. Предположим, что HAIRDRESSING является центральным понятием для общей когнитивной матрицы, в центре которой находится концепт HAIR BEAUTY. Следовательно, в рамках общей когнитивной матрицы можно выделить следующие концептуально-тематические области: SERVICE (*услуга*), PERSON (*человек*), CAUSE (*причина*), TARGET (*цель*). Выделенные области можно рассматривать в качестве когнитивных контекстов, которые в языке передаются английскими атрибутивными конструкциями. Данные концептуально-тематические области предложены к рассмотрению на основании того, как в общественном сознании осмысливается профессиональная деятельность, связанная с приданием красоты волосам – ср.: *hairdressing is hair cutting and styling in a desired way to enhance the appearance of an individual*².

Итак, в процессе придания волосам красивого вида на уровне когниции одновременно действуют взаимосвязанные компоненты: предоставляемая услуга, человек как источник услуги, причина взаимодействия парикмахера и клиента и конечная цель, ради которой выстраивается коммуникация между

¹ Professional Hairdresser. URL: <https://professionalhairdresser.co.uk> (accessed: 03.02.2020).

² Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/hairdresser> (accessed: 03.02.2020).

людьми. Вместе с тем каждая из обозначенных концептуально-тематических областей может самостоятельно являться матричным форматом знания и рассматриваться отдельно.

В анализе SERVICE как когнитивной матрицы большую роль сыграла предложенная авторами издания Professional Hairdresser рубрикация видов услуг, которые могут быть предоставлены профессиональным парикмахером: COLOURING (окрашивание), STYLING (укладка), CUTTING (стрижка). Другими словами, затрагивая концептуально-тематическую область SERVICE, услуги, которые может предоставить парикмахер, говорящий обращается сразу к нескольким когнитивным контекстам.

Уточнить семантику подобранных авторами атрибутивных конструкций позволит работа с когнитивными механизмами: перспективизации, соединения, достраивания и развития [15, с. 356]. Если когнитивный механизм «перспективизация» отвечает за «выделение определённых характеристик концепта», которые должны быть соотнесены со смысловым ядром атрибутивного словосочетания, то когнитивный механизм «соединение» необходим для согласования «характеристик концепта, репрезентируемого» атрибутивной конструкцией. Когнитивный механизм «достраивание» способствует появлению «новых характеристик у концепта», служащих для привязки к субъекту в словосочетании. Функционирование этого механизма становится возможным за счёт обращения к различным «когнитивным областям, в рамках которых осмысливается концепт». Когнитивный механизм «развитие» реализует возможности возникновения новых характеристик (или их комбинаций) у концепта «за счёт использования инферентных и энциклопедических знаний» [15, с. 356].

Так, когнитивный контекст COLOURING актуализируется через атрибутивные словосочетания на уровне текстов и текстовых заголовков, передавая информацию о возможностях работы парикмахера с цветом волос:

- *white, warm and glowing colours* – белые, тёплые, светящиеся цвета;
- *gorgeous teal look* – великолепный бирюзовый образ (окрас волос);
- *Summer Glow* – Летнее сияние;

– *Rusk Teal Colour Mousse* – Мусс цвета сухого чирока;

– *(Organic Colour System) OCS Yellow Inspiration* – Вдохновение жёлтой органической цветовой системой и т. д.

Когнитивный контекст STYLING также реализуется через атрибутивные конструкции в текстах и текстовых заголовках, информируя читателя о том, какую форму или стиль может парикмахер придать волосам:

- *Curl Crush* – Смятые кудри;
- *Devil Horns* – Дьявольские рожки;
- *Flowers in her hair* – Цветы в её волосах;
- *chic Halloween hair* – шикарная причёска на Хэллоуин;
- *holiday hair* – праздничная причёска и т. д.

Когнитивный контекст CUTTING репрезентируется атрибутивными словосочетаниями в текстах и текстовых заголовках, сообщая о том, каким образом парикмахер может подстричь клиента:

- *Micro-Fringe Bangs* – Короткие «микро» чёлки;
- *Skin Fade with Texture* – Текстурная стрижка Скин Фейд;
- *a beautiful pixie shape* – красивая форма стрижки пикси;
- *Line haircut technique for medium length* – Техника линейной стрижки на волосах средней длины;
- *Short bob with layers* – Стрижка многослойный короткий боб и т. д.

На основе изучения концептуально-тематических областей когнитивной матрицы SERVICE оказалось возможным проследить стремление атрибутивных конструкций к имманентности, за счёт которой происходит формирование семантики обладания одной или несколькими существенными характеристиками (качественными или количественными), которые составляют смысловую основу атрибутивного словосочетания.

Философский словарь А. Конта-Спонсвилля даёт следующее определение имманентности: «присутствие всего во всём (абсолютная имманентность) или чего-то в другом (относительная имманентность), указывая на наличие некоего свойства или совокупности свойств, которые составляют сущ-

ность какого-либо предмета, процесса или явления» [16].

Другими словами, обращаясь к английским атрибутивным словосочетаниям, на языковом уровне иллюстрирующим концептуально-тематические области COLOURING, STYLING, CUTTING, можно найти как конструкции, состоящие из субъекта/предмета и его атрибута (см. выше, например, *holiday hair* – праздничная причёска), так и целые атрибутивные группы, представляющие собой цепочки из определений, примыкающих к одному и тому же определяемому слову, например, *pre-curled hair extensions* – наращивание предварительно завитых волос; *a super luxe everyday pony* – супер люксовый ежедневный конский хвост; *a beautiful pixie shape* – красивая форма стрижки пикси. В создании многообразия атрибутивных построений на уровне мышления принимают участие все вышеназванные когнитивные механизмы. На основе выделения определённых характеристик у матричного формата HAIR BEAUTY с помощью механизмов «перспективизация» и «соединение» у говорящего появляется возможность выбора из памяти готовых к вербализации языковых единиц и благодаря двум другим механизмам («достраивание» и «развитие») возникает перспектива обращения к знаниям экстралингвистического характера, которая может повлиять на количественный и качественный состав нового, никогда не существовавшего ранее атрибутивного словосочетания.

Когнитивная матрица PERSON предполагает огромное количество контекстуальных областей, которые будут раскрывать это понятие с различных сторон. В рамках данного исследования ограничимся лишь базовыми контекстуальными проявлениями этой когнитивной матрицы. Для выявления базовых контекстуальных областей обратимся к классическому определению человека, предложенному толковым словарём В.И. Даля: человек – это «высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесной речью»¹. Исходя из определения, становится понятным, что в человеке заложена дуальность материального и духовного бытия, проявляющаяся во взаимодействии со

внешним миром посредством своего биологического организма либо языка как выразителя мыслей и образов индивидуальной картины мира. Соответственно, речь может идти о внешних либо внутренних проявлениях человека [17]. Другими словами, базовыми контекстуальными областями можно считать IMAGE (внешние свойства человека) и IMPRESSION (впечатление как внутреннее состояние или эмоция человека в ответ на внешний раздражитель), которые наряду с концептуально-тематической областью GENDER (половая принадлежность) составляют основу первичной характеристики человека.

Концептуально-тематическая область PERSON, опираясь на когнитивный контекст IMAGE, помогает раскрытию внешних характеристик, возникающих при создании красивых волос. В интернет-журнале Professional Hairdresser встречаются атрибутивные словосочетания, имеющие отношение к описанию создаваемого парикмахером образа:

- *on-trend looks* – трендовые образы;
- *the hippie-chic look* – шикарный хиппи-образ;
- *extra insta-worthy hair* – экстра инста-волосы;
- *Queen Striver* – Воинственная Королева;
- *Modern Chic Shag* – Современная шикарная шевелюра и т. д.

Параллельно этому авторы журнала активно используют когнитивный контекст IMPRESSION, что в большей степени адресовано к эмоциям и ощущениям, которые создаются у наблюдателя либо обладателя красиво уложенных/подстриженных/окрашенных волос посредством обращения к атрибутивным словосочетаниям:

- *a sense of the soul and style of these destinations* – ощущение души и стиля этих мест;
- *garden-inspired look* – образ, вдохновлённый садом;
- *laid-back look* – непринуждённый вид;
- *the Effortlessly Ethereal trend* – Тренд лёгкости и воздушности;
- *a youthful, relaxed feel* – ощущение юности и непринуждённости и т. д.

Когнитивный контекст GENDER также вносит свой вклад в понимание красоты во-

¹ Толковый словарь Даля онлайн. URL: <https://www.slovardalja.net> (дата обращения: 03.02.2020).

лос у человека. Затрагиваются аспекты маскулинности и феминности со стремлением обозначить традиционные гендерные роли и современный взгляд авторов журнала на границы сложившихся в обществе стереотипов на материале атрибутивных словосочетаний:

– *Mum Hair Hacks – Секреты маминой причёски;*

– *an updo with a soft knot and a relaxed silhouette – причёска с мягким узлом и непринуждённым силуэтом;*

– *Philipp Haug's Muse – муза Филиппа Хога;*

– *the juxtaposition of beauty and edginess, strength and softness, ultimately femininity and androgyny – противопоставление красоты и нервозности, силы и мягкости, в конечном счёте, женственности и андрогенности и т. д.*

Таким образом, когнитивная матрица PERSON ориентирует на знания, связанные с обладанием каким-либо свойством или признаком. Думается, что в данном случае основная роль будет принадлежать когнитивному механизму «соединение», поскольку именно на этом этапе осмысления действительности должна происходить координация между элементами внутри когнитивной матрицы HAIR BEAUTY.

С точки зрения когнитивной лингвистики функционирование когнитивных контекстов IMAGE, IMPRESSION, GENDER стоит понимать через способность извлекать признаки различной степени важности в процессе познания. Являясь универсальной возможностью языкового сознания, каждый из когнитивных контекстов помогает «схватыванию» сути закодированной в атрибутивной конструкции информации, благодаря чему становится возможным понимание атрибутивных словосочетаний и семантических отношений принадлежности либо обладания чем-либо. Подобные процессы могут происходить в мышлении благодаря механизму «перспективизации».

Представление о когнитивной матрице CAUSE правомерно соотносить со знаниями о причине в аристотелевской «Метафизике», согласно которой причина может иметь четыре начала. В современной интерпретации данные «начала» можно назвать вопросами, благодаря которым у исследователя склады-

вается полное понимание о предмете исследования.

Во-первых, из чего состоит данный предмет (материальная причина его существования)?

Во-вторых, кто или что является источником возникновения или взаимодействия с предметом (творящая причина)?

В-третьих, что является сутью предмета (формальная причина)?

В-четвёртых, ради чего данный предмет существует (конечная причина)? [18].

С точки зрения когнитивной матрицы CAUSE в отношении предоставляемых человеком человеку услуг наибольшее значение будет иметь понимание клиентом того, какую услугу он получает, и кто является автором нового стиля, образа или техники стрижки/окрашивания волос. В условиях современной интернет-коммуникации информация о продукции, товарах и услугах достаточно широко распространена, поэтому необходимость в объяснении читателю того, из чего состоит услуга (из каких приёмов и этапов), а также того, ради чего авторы журнала рассказывают о парикмахерских услугах в значительной мере нивелируется. Ориентируясь на данную тенденцию, выделим в качестве когнитивных контекстов для матрицы CAUSE концепты SOURCE (источник) и MOTIVATION (мотивация).

Когнитивный контекст SOURCE в анализируемом интернет-журнале Professional Hairdresser предполагает перемещение фокуса внимания читателя на те предметы или тех авторов, которые привнесли свой вклад в развитие парикмахерской сферы услуг. Важное место в вербализации данной информации занимают атрибутивные конструкции:

– *Sleek Prom Style with DAFNI Allure – Глянцевый стиль выпускного вечера с Дафни Аллюр;*

– *a Victoriana look – викторианский стиль;*

– *Anna Sui Spring/Summer 2020 collection – коллекция Анны Суй Весна/Лето 2020;*

– *Peaky Blinders' Arthur Shelby – стрижка Артура Шелби в стиле банды Пики Блайндерс (из Бирмингема);*

– *Vintage Curls by Cos Sakkas – винтажные кудри от Кос Закас и т. д.*

Когнитивный контекст MOTIVATION предполагает учёт причин, которые заставляют человека обращаться за услугой к парикмахеру. В анализируемом интернет-журнале Professional Hairdresser можно встретить среди атрибутивных словосочетаний примеры, иллюстрирующие концептуально-тематическую область MOTIVATION:

- *on-trend looks* – трендовые образы;
- *garden-inspired look* – образ, вдохновлённый садом;
- *boho summer vibes* – флюиды стиля летнего бохо;
- *laid-back look, tied together with a bohemian scarf* – непринуждённый вид, дополненный богемным шарфом;
- *quick-fix hair hacks* – хитрости по быстрому созданию причёски и т. д.

При повторном обращении к философскому словарю А. Конта-Спонсвиля по поводу описываемой концептуально-тематической области CAUSE в системе матрицы HAIR BEAUTY находим следующее определение: «Отношение между двумя сущностями или событиями, при котором существование одного влечёт за собой существование второго и объясняет его» [16]. Это означает, что при интерпретации вышеупомянутых атрибутивных словосочетаний учитывается информация о различного рода событиях, предшествующих нынешнему положению дел и являющихся отправной точкой в системе причинно-следственных отношений. Можно сделать предположение, что для образования данного когнитивного контекста необходимо будет задействовать не менее трёх механизмов мышления: «перспективизации», «соединения» и «достраивания», что соотносится с сущностью каузальности.

Концептуально-тематическая область TARGET позволяет наиболее полно раскрыть бытийный аспект матрицы HAIR BEAUTY через взаимодействие с её центральным концептом HAIRDRESSING. С когнитивной точки зрения предполагаемым результатом деятельности будет выбор той услуги или ряда услуг, которые подходят конкретному человеку в соответствии с его картиной мира и представлением о прекрасном. Ещё одним интересным наблюдением в этой связи будет понимание того, что в данной концептуально-тематической области

происходит совмещение картин мира читателя и авторов журнала, благодаря которому интерпретирующий субъект заново осмысляет мир, заполняя пустующие слоты памяти новой информацией. Другими словами, взаимодействие с концептуально-тематической областью TARGET обеспечивает работу интерпретирующего человеческого сознания путём перехода «от созерцательно-чувственного познания к активному рациональному» [19, с. 35].

Концептуально-тематическая область TARGET предполагает знания о результате оказания той или иной парикмахерской услуги. Даже подобный несколько стереотипизированный когнитивный контекст объективируется атрибутивным конструированием:

- *Pearly Queen with Fudge Professional* – Жемчужная Королева с профессиональной продукцией Фадж;
- *Red Alert with Fudge Professional* – Красная Тревога с профессиональной продукцией Фадж;
- *the ultimate hippie-chic look* – умого-вый шикарный хиппи-образ.

В этом случае в реализации когнитивного контекста необходимо будет задействовать механизмы развития и перспективизации.

Таким образом, на данном этапе анализа можно объединить все концептуально-тематические области, входящие в структуру матрицы HAIR BEAUTY, и получить модель организации различных сфер знания «под началом» выбранного для исследования концепта HAIRDRESSING.

Структурный анализ показывает, что значительное количество атрибутивных словосочетаний представляет собой препозитивные атрибутивные комплексы. Практическое подтверждение находят выводы Е.В. Коструба о том, что по причине отсутствия маркированности у современных английских прилагательных «в качестве атрибутов широко используются и другие не имеющие специальных морфологических признаков части речи, например существительные» [20, с. 51]. В исследуемых языковых единицах наблюдается большая вариативность в плане количества входящих в структуру атрибутивного словосочетания элементов. Тенденция к увеличению количества компонентов в составе атрибутивных групп говорит о стремлении к

точности выражения понятия и снижению степени многозначности.

Стилистический анализ атрибутивных словосочетаний позволяет говорить о частотности эпитетов с функцией высокой оценки (*gorgeous; powerful; glossy; advanced; chic; beautiful; super luxe; unbelievable; sleek; cult; extra insta-worthy*), а также реализации в изучаемых конструкциях метонимии и метафоры (*peaky blinders' Arthur Shelby; a Victorian look; devil horns; alien hair; angel glitter hair; red alert; alter ego; queen striver; glossy knot*).

Итак, форматирование знаний об английских атрибутивных словосочетаниях на примере построения когнитивной матрицы HAIR BEAUTY с помощью когнитивно-матричного анализа показало, что одним из ядер когнитивной матрицы HAIR BEAUTY выступает концепт HAIRDRESSING, репрезентируемый английскими атрибутивными словосочетаниями. Многоуровневый характер изучаемого формата отражается в интеграции концептуально-тематических областей

SERVICE, PERSON, CAUSE и TARGET, которые, являясь когнитивными контекстами для общей матрицы, одновременно сами могут представлять собой матричные структуры. Учёт когнитивных механизмов перспективизации, соединения, достраивания и развития позволил дополнить описание структуры матрицы.

Необходимо особо подчеркнуть, что описываемый формат знания, представленный английскими атрибутивными конструкциями, предполагает наложение знаний концептуально-тематических областей и знаний об указанных конструкциях. При этом знания об атрибутивных словосочетаниях 1) выстраиваются на основе пропозициональных структур с имплицитным базовым предикатом, указывающим на приписывание той или иной характеристики тому или иному объекту или явлению, и эксплицитными аргументами, указывающим на сам объект и его свойства; и 2) объединяют сведения о конкретных категориях атрибутивных сочетаний в английском языке.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. дом ЯСК, 2019. 480 с.
2. Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04; 10.02.19. Тамбов, 2014. 351 с.
3. Дубровская О.Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Тамбов, 2014. 383 с.
4. Безукладова И.Ю. Эгоцентрические модели категоризации пространства в немецком языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Тамбов, 2016. 327 с.
5. Виноградова С.Г. Когнитивные основы коммуникативного членения сложного предложения: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04; 10.02.19. Тамбов, 2016. 301 с.
6. Григорьева В.С. Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (на примере бытовых дискурсивных жанров): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Тамбов, 2018. 349 с.
7. Кирьянова А.А., Привалова Ю.В. Атрибутивные словосочетания семантического поля «УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО» // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5-1. URL: <http://eduherald.ru> (дата обращения: 03.02.2020).
8. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Просвещение, 1989. 254 с.
9. Манерко Л.А. Сложноструктурное субстантивное словосочетание: когнитивно-дискурсивный аспект. На материале технической литературы современного английского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. М., 2000. 426 с.
10. Болдырев Н.Н. Форматы знания в языке и методы их исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. № S. С. 57-77.
11. Алимударов О.А., Гусева М.А. Структурная и признаковая модели концепта BEAUTY (КРАСОТА), объективируемого в современном англоязычном женском дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3. С. 12-19.
12. Козицкая Н.В. Концепт «Красота» в англоязычном рекламном тексте: гендерный аспект // Культура народов Причерноморья. 2011. № 203. С. 122-124.
13. Белякова И.Е. Вербализация концепта "beauty" в современных англоязычных журналах // Сборник научных трудов SWorld. 2012. № 30 (2). С. 13-17.

14. Зими́на М.В. Специфика представления концептов BEAUTY, HOME, FREEDOM в американской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2018. 172 с.
15. Ба́бина Л.В., Бо́чкарева И.В. Роль матричного формата знания при интерпретации производных от имен собственных // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. 9. С. 355-365.
16. Ко́нт-Спо́нсуиль А. Философский словарь Спонсвиля. 2012. URL: <http://philosophy.niv.ru> (дата обращения: 03.02.2020).
17. Дзю́ба К.А. Способы формирования наименований торговых марок (на материале английского, русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тамбов, 2014. 190 с.
18. Ари́стотель. Метафизика. Перевод с греческого П.Д. Первова и В.В. Розанова. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
19. Кубря́кова Е.С., Демья́нков В.З., Панкра́ц Ю.Г., Лу́зина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. фак. МГУ, 1997. 245 с.
20. Ко́стрыб Е.В. К вопросу об английском атрибутивном комплексе со структурой N1 + N2 // Magister Dixit. 2011. № 4. С. 49-56.

References

1. Boldyrev N.N. *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and Knowledge System. Cognitive Theory of Language]. Moscow, YASK Publ. House, 2019, 480 p. (In Russian).
2. Panasenko L.A. *Interpretiruyushchiy potentsial leksicheskikh kategoriy: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04; 10.02.19* [Interpretative Potential of Lexical Categories: Dr. philol. sci. diss.: 10.02.04; 10.02.19]. Tambov, 2014, 351 p. (In Russian).
3. Dubrovskaya O.G. *Sub'yektnyy printsip formirovaniya sotsiokul'turnoy spetsifiki diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19* [The Subject Principle of Formation of Socio-Cultural Specificity of Discourse: Dr. philol. sci. diss.: 10.02.19]. Tambov, 2014, 383 p. (In Russian).
4. Bezukladova I.Y. *Egotsentricheskiye modeli kategorizatsii prostranstva v nemetskom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04* [Egocentric Models of Space Categorization in German: Dr. philol. sci. diss.: 10.02.04]. Tambov, 2016, 327 p. (In Russian).
5. Vinogradova S.G. *Kognitivnyye osnovy kommunikativnogo chleneniya slozhnogo predlozheniya: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04; 10.02.19* [Cognitive Bases for Communicative Perspective in Composite Sentences: Dr. philol. sci. diss.: 10.02.04; 10.02.19]. Tambov, 2016, 301 p. (In Russian).
6. Grigoryeva V.S. *Integrativnost' formata rechevogo vzaimodeystviya v dialogicheskom diskurse (na primere bytovykh diskursivnykh zhanrov): dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19* [Integrativity of the Format of Speech Interaction in Dialogical Discourse (on the Example of Everyday Discursive Genres): Dr. philol. sci. diss.: 10.02.19]. Tambov, 2018, 349 p. (In Russian).
7. Kiryanova A.A., Privalova Y.V. Atributivnyye slovosochetaniya semanticheskogo polya «UGOLOVNOE I GRAZHDANSKOE SUDOPROIZVODSTVO» [Attributive phrases of the semantic field "CRIMINAL AND CIVIL COURT PROCEEDINGS"]. *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik – European Student Scientific Journal*, 2015, no. 5-1. (In Russian). Available at: <http://eduherald.ru> (accessed 03.02.2020).
8. Arakin V.D. *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov* [Comparative Typology of English and Russian Languages]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989, 254 p. (In Russian).
9. Manerko L.A. *Slozhnostrukturnoye substantivnoye slovosochetaniye: kognitivno-diskursivnyy aspekt. Na materiale tekhnicheskoy literatury sovremennoy angliyskogo yazyka: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04*. [The Complex Structural Substantive Word Combination: Cognitive-Recursive Aspect. On the Material of Technical Literature of the Modern English Language: Dr. philol. sci. diss.: 10.02.04]. Moscow, 2000, 426 p. (In Russian).
10. Boldyrev N.N. *Formaty znaniya v yazyke i metody ikh issledovaniya* [Formats of knowledge in language and methods of their research]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2009, no. 5, pp. 57-77. (In Russian).
11. Alimudarov O.A., Guseva M.A. *Strukturnaya i priznakovaya modeli kontsepta BEAUTY (KRASOTA), ob'yektiviruyemogo v sovremennoy angloyazychnom zhenskom diskurse* [Structural and characteristic models of the concept BEAUTY, objectified in the modern English-language women's discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2010, no. 3, pp. 12-19. (In Russian).
12. Kozitskaya N.V. *Kontsept «Krasota» v angloyazychnom reklamnom tekste: gendernyy aspekt* [The Concept "Beauty" in the English-language advertising text: the gender aspect]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Peoples of the Black Sea Region], 2011, no. 203, pp. 122-124. (In Russian).

13. Belyakova I.E. Verbalizatsiya kontsepta "beauty" v sovremennykh angloyazychnykh zhurnalakh [Verbalization of the concept "beauty" in modern English-language magazines]. *SWorld*, 2012, no. 30 (2), pp. 13-17. (In Russian).
14. Zimina M.V. *Spetsifika predstavleniya kontseptov BEAUTY, HOME, FREEDOM v amerikansko yazykovoy kartine mira: dis. ... kand. filol. nauk* [Specificity of Representation of BEAUTY, HOME, FREEDOM Concepts in the American Language Picture of the World: Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2018, 172 p. (In Russian).
15. Babina L.V., Bochkareva I.V. Rol' matrichnogo formata znaniya pri interpretatsii proizvodnykh ot imen sobstvennykh [The role of the matrix format of knowledge in the interpretation of derivatives of proper names]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2011, no. 9, pp. 355-365. (In Russian).
16. Comte-Sponville A. *Filosofskiy slovar' Sponsvilya. 2012* [Sponville's Philosophical Dictionary. 2012]. (In Russian). Available at: <http://philosophy.niv.ru> (accessed 03.02.2020).
17. Dzyuba K.A. *Sposoby formirovaniya naimenovaniy togovykh marok (na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19* [Ways of Forming Trade Mark Names (in the English, Russian and French Languages): Cand. philol. sci. diss: 10.02.19]. Tambov, 2014, 190 p. (In Russian).
18. Aristotle. *Metafizika. Perevod s grecheskogo P.D. Pervova i V.V. Rozanova*. [Metaphysics. Translated from Greek by P.D. Pervov and V.V. Rozanova]. Moscow, St. Thomas Institute Publ., 2006, 232 p. (In Russian).
19. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats YU.G., Luzina L.G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [The Short Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Faculty of Philology of Moscow State University Publ., 1997, 245 p. (In Russian).
20. Kostub E.V. K voprosu ob angliyskom atributivnom komplekse so strukturoy N1 + N2 [Towards the question of an English attribute complex with the structure N1 + N2]. *Magister Dixit*, 2011, no. 4, pp. 49-56. (In Russian).

Информация об авторе

Ткаченко Анна Вадимовна, аспирант, кафедра зарубежной филологии и прикладной лингвистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: avtko111@rambler.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи – описание формата знания об английском атрибутивном словосочетании, представленного когнитивной матрицей, сбор и анализ литературы, написание и редактирование статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3032-6573>

Поступила в редакцию 03.02.2020 г.

Поступила после рецензирования 18.03.2020 г.

Принята к публикации 20.03.2020 г.

Information about the author

Anna V. Tkachenko, Post-Graduate Student, Foreign Philology and Applied Linguistics Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: avtko111@rambler.ru

Contribution: main study conception – description of the knowledge format about the English attribute collocation, represented by the cognitive matrix, literature acquisition and analysis, manuscript drafting and editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3032-6573>

Received 3 February 2020

Reviewed 18 March 2020

Accepted for press 20 March 2020

Русские заимствования в каракалпакском языке

Ниегбай Шарипович КАРИМХОДЖАЕВ

Ташкентский государственный аграрный университет, Нукусский филиал
230109, Республика Узбекистан, Республика Каракалпакстан, г. Нукус, ул. К. Абдамбетова
E-mail: karimkhodjaev-nietbay@mail.ru

Russian borrowings in the Karakalpak language

Nietbay S. KARIMKHODJAEV

Nukus Branch of the Tashkent State Agrarian University
K. Abdambetova St., Nukus 230109, Republic of Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan
E-mail: karimkhodjaev-nietbay@mail.ru

Аннотация. Посвящено вопросам взаимовлияния русского и каракалпакского языков на основе заимствований путём калькирования. Заимствование слов и словосочетаний русского языка путём калькирования указано как один из источников обогащения лексики современного каракалпакского языка. Проанализированы особенности некоторых калькированных терминов. Охарактеризованы способы словообразования методом калькирования. Выделены тематические направления и тенденции оформления калек. Процесс калькирования освещён в свете исторического развития общества в различные периоды. Слова и словосочетания, калькированные с русского в каракалпакский язык, подразделены по морфолого-синтаксической и семантической структуре. Дан анализ полных калек и полукалек. Указаны различные формы восприятия в каракалпакском языке словосочетаний русского языка путём калькирования. Обсуждены некоторые особенности структурно-семантических калек в каракалпакском языке. Калькированные лексические единицы рассмотрены с точки зрения морфологической структуры. Проанализированы кальки, образованные с помощью некоторых суффиксов. Охарактеризованы языковые явления, происходящие в языке при калькировании с помощью префиксов. Также обсуждены проблемы калькирования в каракалпакском языке сложных слов русского языка, анализируются кальки, образованные в каракалпакском языке в результате данного процесса. Указаны способы образования семантических калек: детерминологизация, терминологизация, конверсия. Определены и обоснованы основные факторы появления семантического калькирования в каракалпакском языке.

Ключевые слова: заимствование; калька; калькирование; неполные и полные кальки; структурно-семантические кальки; семантические кальки; обогащение лексики каракалпакского литературного языка путём калькирования русских и интернациональных слов; принципы классификации калек

Для цитирования: Каримходжаев Н.Ш. Русские заимствования в каракалпакском языке // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 328-335. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-328-335

Abstract. The study is devoted to the issues of interinfluence of Russian and Karakalpak languages on a basis of borrowings by calquing. Borrowings of Russian words and word combinations by calquing specified as one of sources of enrichment of the lexicon of modern Karakalpak language. We analyze the features of some calqued terms. We characterize the ways of word formation by calquing method. Thematic directions and tendencies of forming of calques are highlighted. The process of calquing is shown in the light of historical development of society in different periods. Words and word combinations calqued from Russian into Karakalpak language, are subdivided on morphology-syntactic and semantic structure. Full and semi calques are analyzed. Various forms of perception in the Karakalpak language of word combinations of the Russian language by calquing are indicated. Some peculiarities of structural and semantic calques in Karakalpak language are discussed. Calqued lexical units are considered from the point of mor-

phological structure. We analyze the calques formed by some suffixes. We characterize the linguistic phenomena occurring in the language during calquing using prefixes. We also discuss the problems of calquing in Karakalpak language of compound words from Russian languages, analyze the calques formed in Karakalpak language as the result of this process. We indicate the ways of forming semantic calques: determinologization, terminologization, conversion. The main factors of the semantic calquing appearance in the Karakalpak language are identified and substantiated.

Keywords: borrowing; calque; calquing; semi and full calques; structural and semantic calques; semantic calques; enrichment of lexicon of the Karakalpak literary language by calques of Russian and international words; principles of calques classification

For citation: Karimkhodjayev N.S. Russkiye zaimstvovaniya v karakalpakskom yazyke [Russian borrowings in the Karakalpak language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 328–335. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-328-335 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Процесс заимствования во всех языках носит непрерывный характер, отражая культурные, политические и экономические связи. В обогащении лексики каракалпакского литературного языка образование новых слов путём калькирования занимает своеобразное место. Калькирование – это образование новых слов путём использования внутренних возможностей самого языка под непосредственным влиянием семантики и структуры другого языка. В каракалпакском литературном языке заимствования слов путём калькирования начались, в основном, в 20–30-х гг. XX столетия, и этот процесс впоследствии развивался широко. Путём калькирования образовывались новые слова на основе русских и интернациональных слов. Следовательно, образование новых слов и обогащение путём калькирования лексики каракалпакского литературного языка были под воздействием русского языка и через него других языков. В современном каракалпакском литературном языке калькирование является продуктивным методом заимствования слов и играет важную роль в развитии лексики.

В начале XX века многие общественно-политические, научно-технические термины вошли в лексику каракалпакского языка методом калькирования. В частности, особенности развития каракалпакского литературного языка в 1920–1930 гг. связаны с большими общественно-политическими, социальными изменениями в стране, всем тем новым, что рождалось в повседневной жизни. В этот период продуктивным способом стало калькирование русских составных слов, не имевших в каракалпакском языке аналогичных собственных образований. Составные слова русского языка на каракалпак-

ский язык передавались как полные кальки и полукальки. Например, *коллективное хозяйство – жәмәатлик хожалық, колхозная собственность – колхоз мүлкі, передовики производства – өндіріс алдынгылары*. В начале 1940–1950 гг. в каракалпакский литературный язык входят новые калькированные слова и словосочетания, связанные с военной тематикой. Большинство терминов, образованных в каракалпакском языке в годы Второй мировой войны, были калькированными словами русского языка. За счёт внутренних ресурсов каракалпакского литературного языка по моделям русских слов и словосочетаний создаются точные и полные кальки: *наблюдатель – бақлаушы, военная тайна – әскерий сыр, военный порядок – әскерий тәртіп, боевое мастерство – әскерий шеберлік*. Если до 1960-х гг. в каракалпакском языке особенно распространено было лексико-семантическое калькирование, то в последующие три десятилетия преобладает калькирование грамматических структур: копируются модели словосочетаний и моделей. Калькируются названия различных праздников, мероприятий, названия учреждений, кружков, обществ, клубов. Например: *День защиты детей – балаларды қорғау күні, Урок мира – паракатшылық сабағы, День памяти – еслеу күні, Последний звонок – соңғы қоңырау*. Кальки 1960–1980-х гг. отвечают следующей тематике: тема мира; культурное сотрудничество; названия новых реалий в области образования, воспитания, культуры, народного хозяйства и т. д.

В современном каракалпакском литературном языке кальки и калькирование по морфолого-синтаксической и семантиче-

ской структуре подразделяются следующим образом:

1) структурно-семантические (словообразовательные) кальки (*пятилетка* – *бесжыллык*, *показатель* – *көрсеткиш*); 2) семантические кальки (*переводить* – *аударма* *ислеу*, *язык* – *тил*); 3) фразеологические кальки (*лить воду на чью-либо мельницу* – *биреўдиң дигирманына суў қуйыў*); 4) полукальки (*телебашня* – *телеминара*); 5) синтаксические кальки (*повестка дня* – *күн тәртиби*).

В языкознании исследователями выделяются структурно-семантические и семантические кальки. Существуют различные точки зрения на принципы классификации структурно-семантических и семантических калек. Структурно-семантические кальки разграничиваются по двум принципам.

Одни исследователи (Л.А. Булаховский [1, с. 125], Л.П. Ефремов [2, с. 49], Н.М. Шанский [3, с. 31] и др.) за основу структурно-семантических калек берут принцип передачи ими структурного расположения модели. Они считают, что структура компонентов модели в кальках может передаваться точно или неточно. В каракалпакском языке кальки могут передаваться точно или неточно: в точных кальках структурное расположение компонентов модели и кальки, их значения полностью совпадают. Сравните: *сушил+ка* – *кептир+гши*, *связ+ист* – *байланыс+шы*. В неточных кальках структура расположения компонентов кальки и модели не совпадают, тогда как их значения совпадают частично. Мотивация компонентов модели и кальки тоже частична: часть компонентов модели мотивируется только значением того или иного компонента кальки. Сравните: *под+жига+тель* – *жагыў+шы*, *вы+пис+к+а* – *көш+ир+ме* и др. Как видим, в образовании каракалпакских неточных калек участвуют не все компоненты модели.

Другие исследователи (Л.А. Пономаренко [4], А.К. Палий [5]) за основу классификации структурно-семантических калек берут принцип передачи ими лексического состава модели. Они считают, что лексические компоненты модели могут передаваться полностью или частично. За основу построения полных калек берется принцип конструирования кальки из собственного материала. К

полным калькам относятся и составные кальки. В каракалпакском языке имеются полные кальки двойного назначения. Они образуют составное слово: *объяснительная записка* – *түсиник хат*, *письмо-указание* – *көрсетпе-хат* и др.

Одной из разновидностей структурно-семантических калек являются неполные кальки (полукальки). За основу классификации построения неполных калек берется принцип конструирования кальки из собственного и заимствованного лексического материала: *телеигра* – *телеойын*, *автогонка* – *автожарыс* и др. Кальки могут быть и семантическими. За основу их классификации берется принцип передачи калькам семантической мотивации модели. Существуют три способа образования семантических калек: детерминологизация, терминологизация, конверсия.

При детерминологизации происходит расширение семантического объема слова исходного языка, что приводит к расширению значения соответствующего слова калькирующего языка. Например, русское слово *звезда* и каракалпакское *жулдыз* имеют следующие значения: 1) *небесное тело*; 2) *человек, прославившийся в какой-либо сфере деятельности, знаменитость*; 3) *геометрическая фигура*. Как видим, путем метафорического переноса у астрономического термина *звезда* появилось новое дополнительное значение.

А при терминологизации же происходит сужение семантического объема общеупотребительного слова исходного языка, что ведёт к сужению значения соответствующего слова калькирующего языка. Например, слова в *направление* в русском языке и *бағдар* в каракалпакском языке сперва использовались в своих прямых значениях: «*линия чего-либо; сторона, в которую устремлено действие, движение*». Впоследствии русское слово *направление* в значении политического, общественного течения, группировки вошло в политическую литературу.

Одним из продуктивных способов семантического калькирования является конверсия. При конверсии происходит перенятие языковой единицей исконного языка дополнительной семантики, аналогичной единицы исходного языка. С приобретением но-

вого значения слово исходного языка из одного грамматического класса переходит в другой. То же самое происходит и с соответствующим словом калькирующего языка. Например, в каракалпакском языке прилагательное *көк* (зелёный) приобрело под влиянием русского языка новое значение «*молодой, неопытный*». В русском языке прилагательное *зелёный* перешло в существительное со значением «*молодой, неопытный*». И в каракалпакском языке прилагательное *көк* перешло в существительное и приобрело значение, ол «*молодой, неопытный*». И в этом случае в каракалпакское слово *көк* привносится значение исходной русской лексемы, и в результате появляется семантическая калька.

Структурно-семантическое калькирование в языкознании учеными называется по-разному. Например, Н.М. Шанский [6] и Л.П. Ефремов [7, с. 117-124] такие кальки называют *словообразовательными кальками*, а Н.А. Баскаков [8, с. 61] – *структурно-семантическими кальками*. При структурно-семантическом калькировании выбирается соответствующая морфологическая структура и образуется новое слово. Лексические единицы, калькированные с русского на каракалпакский язык, структурно можно разделить на две группы, то есть кальки, образованные морфологическими средствами и синтаксическим способом. Морфологический способ образования слов в русском языке является продуктивным, и известны несколько их видов.

Суффиксы *-щик, -чик* в русском языке обозначают лицо. Например, *котельщик, наборщик, зачинщик, подписчик, лётчик, переписчик, текстильщик, разведчик*. Аналогичные существительные в каракалпакском языке образуются аффиксами *-шы/-ши*. Сравните примеры: *выбор+щик – сайлау+шы, вклад+чик – аманат+шы, зачин+щик – баслау+шы, котель+щик – қазан+шы, лёт+чик – ушыу+шы, текстиль+щик – тоқыма+шы, подпис+чик – жазылыу+шы, сбор+щик – жыйнау+шы* и др. В русском языке суффикс *-тель* обозначает человека. В каракалпакском языке им соответствуют причастия в форме *-уышы/-уыши*. Например, *собира+тель – топлау+шы, воспита+тель – тәрбия+шы, избира+тель – сайлау+шы, ис-*

пыта+тель – сынау+шы, исполни+тель + орынлау+шы, следова+тель – тергеу+шы, исследова+тель – изертлеу+шы, учи+тель – оқыту+шы, слуша+тель – тыңдау+шы, води+тель – айдау+шы и др.

Структурно-семантическую кальку в большинстве случаев называют и *словообразовательной калькой*, потому что в результате калькирования в калькирующем языке образуется новое слово. Под *структурно-семантическим калькированием* мы понимаем не перевод понятия, а сохранение структуры и семантики копируемого образца. Вместе с тем явление калькирования не ограничивается только лексикой. В кругу структурно-семантического калькирования будет целесообразно рассмотрение калькирования сложных слов, словосочетаний и полукалек.

С 1930-х гг. в каракалпакском языке сложные слова начали изучаться в школьных грамматиках [9]. Н.А. Баскаков в своей работе «Каракалпакский язык», вышедшей в свет в 1952 г., на сложных словах остановился более подробно [10, с. 174-185]. Начиная с 1960-х гг., уделяется большое внимание исследованию грамматического строя каракалпакского языка¹, сложные слова в каракалпакском языке начали изучаться специально [11; 12].

В каракалпакском языке используются различные способы калькирования русско-интернациональных сложных слов.

1. При калькировании русско-интернациональных сложных слов и в каракалпакском языке образуются сложные слова. При этом, во-первых, сохраняется порядок расположение компонентов: *пятиугольник – бесмүйешлик, мировоззрение – дүньяға көз-қарас, ледокол – музжарғыш, равноправие – тең хұқықлық* и др.; во-вторых, сложные слова калькируются с заменой расположения компонентов: *лётчик-испытатель – сынаушы-ушыушы, боец-пограничник – шегарашы-әскер* и др.

2. Один компонент русско-интернационального слова заменяется каракалпакским словом, второй компонент сохраняется. Их можно напрямую назвать *полукальками*: *железобетон – темир-бетон, автошкола – ав-*

¹ Современный каракалпакский язык. Морфология. Нукус: Билим, 1974.

томектеп, кинолетопись – киножылнама, радиопередача – радио еситтириў, телезритель – телетамашагөй, фотодокумент – фотохужжет и др.

3. Русско-интернациональное сложное слово на каракалпакский язык калькируется в форме словосочетания. При этом, во-первых, сложное слово в каракалпакском языке преобразуется в словосочетание, состоящее из двух слов: *водохранилище – суў сақлагыш, севооборот – алмаслап егиў*. Во-вторых, русско-интернациональное сложное слово в каракалпакском языке преобразуется в словосочетание, состоящее из двух и более слов: *горообразование – таў пайда болыўы (геология), камнеобразование – тас пайда болыўы (медицина)* и др.

4. Русско-интернациональное сложное слово в каракалпакский язык может калькироваться одним словом. При этом, во-первых, морфологический состав кальки русско-интернационального слова состоит полностью из материалов каракалпакского языка, то есть калькируется полностью. Например: *литературоведение – әдебияттаныў, обществоведение – жәмийеттаныў, правоведение – ҳуқықтаныў* и др. Во-вторых, один компонент русско-интернационального сложного слова остаётся без изменения, второй компонент передаётся каракалпакским аффиксом: *станкостроение – станоксазлық, машиностроение – машинасазлық* и др.

В лексике каракалпакского языка помимо полных калек встречаются множество полукалек. Это слова, состоящие частью из материала каракалпакского языка и частью из материала интернациональной или русской лексики, которые по словообразовательной структуре соответствуют аналогичным словам русского языка, из которого они взяты. В лингвистической литературе такие слова называют *полукальками*, или *гибридными словами*. Калькирование только половины слова большинством исследователей объясняется невозможностью замены одной из его частей эквивалентом в калькирующем языке.

Н.М. Шанский даёт следующую характеристику полукалек: «Полукальки – это слова, состоящие частью из своего собственного материала и частью из материала иноязычного слова, которые по словообразова-

тельной структуре также соответствуют аналогичным словам языка-источника, из которого идёт заимствование» [13, с. 110].

Весьма продуктивным в каракалпакском литературном языке являются полукальки, у которых в качестве первого компонента выступают интернациональные блоки типа *агро-, авиа-, авто-, теле-*. Например, *агропромышленность – агросанаат, агросервис – агрохызмет, авиашкола – авиамектеп, автохозяйство – автохожалық, телебашия – телеминара, телепередача – телекөрсетиў* и др. В каракалпакском языке группу сложных полукалек составляют слова, состоящие из каракалпакского словоэлемента и цельно-оформленного русского (интернационального) слова: *полу-*: *полуфинал – ярым финал, полуавтомат – ярым автомат, полутон – ярым тон, полуфабрикат – ярым фабрикат, полузащитник – ярым қорғаушы* и др.; *обще-*: *общенародный – улыўма халықлық, общегалактический – улыўма галактикалық, общетеоретический – улыўма теориялық* и др.; *меж-*: *межрайонный – районлар аралық, межнациональный – миллетлер аралық, межгосударственный – мәмлекетлер аралық* и др.

В каракалпакском языке встречаются множество калькированных словосочетаний. С начала 30–40-х гг. XX столетия в результате влияния русского языка в каракалпакском языке образовались ряд новых словосочетаний: *заработная плата – мийнет ҳақы, знак почёта – ҳурмет белгиси, повестка дня – күн тәртиби, открытое письмо – ашық хат, начальная школа – басланғыш мектеп* и др. [14, с. 48].

В последующие годы заимствования в языке иноязычных слов путём калькирования постепенно стабилизировалось. Возникли различные формы восприятия в каракалпакский язык словосочетаний русского языка путём калькирования.

1. Словосочетания русского языка в каракалпакском языке передаются полностью: *средняя школа – орта мектеп, члены предложения – гәп ағзалары, заработная плата – мийнет ҳақы* и др.

2. Одна часть словосочетаний передаётся на русском, другая часть на каракалпакском языке: *членский билет – ағзалық билет,*

абсолютная истина – абсолют шынлық, гуманитарные науки – гуманитар илимлер и др.

3. Значение одного русского слова в каракалпакском языке передаётся двумя словами: *изобретатель – ойлап табыўшы, целина – тың жер, оригинал – түп нұсқа*.

4. Передача значения двух слов тремя словами каракалпакского языка: *сберегательная касса – аманат сақлау кассасы, продовольственные товары – азық-аўқат товарлары*.

Семантическое калькирование является одним из важных источников обогащения лексики современного каракалпакского языка. Сущность лексической системы определяется её взаимодействием с внеязыковой действительностью. Поэтому неизбежна историческая изменчивость лексики любого языка во всех ее составляющих частях. Д.Н. Шмелев называет три основных принципа лексико-семантических изменений, происходящих в языке: «Во-первых, изменения в словарном составе вызываются изменениями в реальной действительности, то есть изменениями предметов и явлений (также появлением или исчезновением их), для обозначения которых служат те или иные слова. Во-вторых, эти изменения обуславливаются изменениями, происходящими в составе носителей языка. В-третьих, источником лексико-семантических изменений могут явиться какие-то условия употребления самого языка, какие-то внутренние языковые причины» [15, с. 55].

На основе указанных причин были определены основные факторы появления семантического калькирования в каракалпакском языке:

1. Изменения в явлениях внеязыковой действительности, к которым можно отнести современный научно-технический и общественный прогресс: *спутник – жолдас, лётчик-космонавт – космонавт-ушыўшы, невесомость – салмақсызлық, қорғаушы – защитник, адвокат, мектеп – школа, кесте – таблица, расписание, узор* и др.

2. После 20–30-х гг. XX столетия всеобщая грамотность носителей каракалпакского языка и колоссальный рост агитационных средств для широких масс (роль печатных изданий, радио, агитклубов), которые оказали огромное влияние на приобщение

населения к литературному языку и на усвоение новых значений слов.

3. Активное развитие общественной функции каракалпакского языка.

В современном каракалпакском языке в результате семантического калькирования многие слова продуктивно используются в новых своих значениях: *турмыс – жәмийет турмысы, аўыл турмысы; ошақ – билим ошағы, мәденият ошағы; ҳәрекет – фермерлик ҳәрекеті, ҳәрекет қәўипсизлиги; мийрас – мәдений мийрас, әдебий мийрас, ата-бабалар мийрасы; дөгерек – ҳәўескерлик дөгерігі; миннет – әскерий миннет, пухаралық миннет*.

Слово *кесте* употреблялось раньше в значении *узор, рисунок*, которое сочетается чаще всего с глаголом *тигиў (шить)*: *кесте тигиў – шить узорами, кестели орамал – платок с узорами*. Позже путем семантического калькирования это слово приобрело ряд смысловых значений: 1) *таблица: көбейтиў кестеси – таблица умножения, турнир кестеси – турнирная таблица*. 2) *расписание: ойын кестеси – расписание игр. Соның менен, университеттиң сабақ кестесинде жаңа пән пайда болды. – Итак, в расписании занятий университета появился новый предмет*.

Үй (дом) как и в русском, так и в каракалпакском языке имеет значение *жилое здание, помещение*. Под воздействием переводов из русского языка это слово тоже расширило свою сочетаемость и приобрело новое семантическое скалькированное значение в смысле «*учреждение для обслуживания культурно-бытовых нужд трудящихся или заведение, предприятие*». *Дослық үйі – Дом дружбы, мугаллимлер үйі – Дом учителей, саўда үйі – Дом торговли, дем алыс үйі – дом Отдыха, мәденият үйі – Дом культуры, балалар үйі – детский дом, жаслар үйі – Дом молодежи, «Ақ үй» – «Белый дом»*.

На основе всестороннего изучения русских заимствований путем калькирования в современном каракалпакском языке можно сделать следующие выводы.

Кальки – это новые слова и словосочетания, образованные полным или частичным использованием словообразовательных средств родного языка, под воздействием значения и структуры иноязычных слов или

словосочетаний в определенных исторических и социальных условиях межъязыковых контактов. Процесс калькирования – наиболее сложная и высшая форма заимствования слов, при которой, с одной стороны, образуются новые лексические единицы по модели, существующей в языке, из которого происходит заимствование, с другой стороны, путем семантического развития происходит обогащение существующих в заимствующем языке слов с новыми значениями. Конечно, это явление происходит под влиянием одного языка на другой. Следовательно, калькирование слов и словосочетаний является образованием новых лексических единиц по словообразовательному образцу другого языка, на основе собственного языкового материала, путём семантического развития. Развитие всякого национального языка и обогащение его словарного состава происходит под влиянием двух основных факторов. Во-первых, лексический состав национального языка развивается и обогащается за счёт собственных внутренних возможностей; во-вторых, в результате взаимодействия и взаимовлияния языков. Современное развитие каракалпакского национального языка интенсивно происходит через внутренние и внешние источники. В результате взаимодействия и взаимовлияния каракалпакского языка с русским языком словарный состав

каракалпакского языка обогатился новыми терминами, словами и словосочетаниями. Наряду с заимствованиями такие новые слова в каракалпакский язык входят и способом калькирования. В развитии и обогащении словарного состава каракалпакского языка заимствование слов способом калькирования имеет огромное значение. Слова, заимствованные таким способом, то есть кальки, являются неотъемлемой частью словарного состава каракалпакского языка. Заимствованные методом калькирования слова и словосочетания активно используются в словарном составе каракалпакского языка и во всех его терминологических системах. Из русского языка и через него из других языков в каракалпакский язык слова и словосочетания в основном заимствуются путём структурно-семантического и семантического калькирования. Семантическое калькирование является одним из важных источников обогащения словарного состава каракалпакского языка за счёт русского, при котором происходит не количественное, а качественное обогащение языка. Кальки охватывают почти всю систему лексики современного каракалпакского языка, их количество с каждым днем растёт, что и подчеркивает актуальность их изучения как в теоретическом, так и в практическом плане.

Список литературы

1. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. М., 1953. Ч. 2.
2. Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата, 1974.
3. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
4. Пономаренко Л.А. Калькирование как вид влияния одного языка на другой: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1965. 175 с.
5. Палий А.К. Калькирование как вид языкового влияния: дис. ... канд. филол. наук. Кишинев, 1980. 180 с.
6. Шанский Н.М. Лексические и фразеологические кальки в русском языке // Русский язык в школе. 1965. № 3. С. 28-35.
7. Ефремов Л.П. Лексическое и фразеологическое калькирование. Алма-Ата, 1960.
8. Басакаев Н.А. Современное состояние терминологии в языках народов СССР // Вопросы терминологии. М., 1961.
9. Ерманов К., Сатаров Ш. Грамматика. Морфология. М., 1936.
10. Басакаев Н.А. Каракалпакский язык. Кн. 2. Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1952.
11. Бекбергенов А. Словообразование в каракалпакском языке. Нукус, 1979.
12. Бекбергенов А. Классификация сложных слов в каракалпакском языке. Вопросы каракалпакского языка (научные статьи). Нукус, 1999.
13. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972.
14. Есемуратова Р. Октябрь и каракалпакская лексика. Нукус: Каракалпакстан, 1966.
15. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964. С. 55.

References

1. Bulakhovskiy L.A. *Vvedeniye v yazykoznanie* [Introduction to Language Studies]. Moscow, 1953, pt 2. (In Russian).
2. Efremov L.P. *Osnovy teorii leksicheskogo kal'kirovaniya* [Fundamentals of the Theory of Lexical Calquing]. Alma-Ata, 1974. (In Russian).
3. Shanskiy N.M. *Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu* [Essays on Russian Word Formation]. Moscow, 1968. (In Russian).
4. Ponomarenko L.A. *Kal'kirovaniye kak vid vliyaniya odnogo yazyka na drugoy: dis. ... kand. filol. nauk* [Calquing as a Form of Influence of One Language on Another. Cand. philol. sci. diss.]. Kiev, 1965, 175 p. (In Russian).
5. Paliy A.K. *Kal'kirovaniye kak vid yazykovogo vliyaniya: dis. ... kand. filol. nauk* [Calquing as a Form of Linguistic Influence. Cand. philol. sci. diss.]. Kishinev, 1980, 180 p. (In Russian).
6. Shanskiy N.M. *Leksicheskiye i frazeologicheskiye kal'ki v russkom yazyke* [Lexical and phraseological calque in Russian Language]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 1965, no. 3, pp. 28-35. (In Russian).
7. Efremov L.P. *Leksicheskoye i frazeologicheskoye kal'kirovaniye* [Lexical and Phraseological Calquing]. Alma-Ata, 1960. (In Russian).
8. Baskakov N.A. *Sovremennoye sostoyaniye terminologii v yazykakh narodov SSSR* [The current state of terminology in the languages of the peoples of the USSR]. *Voprosy terminologii* [Issues of Terminology]. Moscow, 1961. (In Russian).
9. Ermanov K., Satarov S. *Grammatika. Morfologiya* [Grammar. Morphology]. Moscow, 1936. (In Russian).
10. Baskakov N.A. *Karakalpakskiy yazyk. Kn. 2. Fonetika i morfologiya* [Karakalpak Language. Bk 2. Phonetics and Morphology]. Moscow, Academy of Sciences of USSR Publ., 1952. (In Russian).
11. Bekbergenov A. *Slovoobrazovaniye v karakalpakskom yazyke* [Word Formation in Karakalpak Language]. Nukus, 1979. (In Russian).
12. Bekbergenov A. *Klassifikatsiya slozhnykh slov v karakalpakskom yazyke. Voprosy karakalpakskogo yazyka (nauchnyye stat'i)* [Classification of Compound Words in the Karakalpak Language. Issues of the Karakalpak Language (Scientific Articles)]. Nukus, 1999. (In Russian).
13. Shanskiy N.M. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the Modern Russian Language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1972. (In Russian).
14. Esemuratova R. *Oktyabr' i karakalpakskaya leksika* [October and Karakalpak Vocabulary]. Nukus, Karakalpakstan Publ., 1966. (In Russian).
15. Shmelev D.N. *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka* [Essays on the Semasiology of the Russian Language]. Moscow, 1964. p. 55. (In Russian).

Информация об авторе

Каримходжаев Ниятбай Шарипович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языков. Ташкентский государственный аграрный университет, Нукусский филиал, г. Нукус, Республика Каракалпакстан, Республика Узбекистан. E-mail: karimxodjaev-nietbay@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, анализ литературы, классификация калек с русского в каракалпакский язык, анализ полных калек и полукалек.

Поступила в редакцию 09.01.2020 г.
Поступила после рецензирования 25.01.2020 г.
Повторное рецензирование 02.03.2020 г.
Принята к публикации 03.03.2020 г.

Information about the author

Nietbay S. Karimkhodjaev, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Languages Department. Nukus Branch of the Tashkent State Agrarian University, Nukus, Republic of Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan. E-mail: karimxodjaev-nietbay@mail.ru

Contribution: study idea, literature analysis, calques from Russian to Karakalpak language classification, full and semi calques analysis.

Received 9 January 2020
Reviewed 25 January 2020
Second peer review round 20 March 2020
Accepted for press 3 March 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-336-345
УДК 811.111-26

Структурно-семантические характеристики музыкальных видео, содержащих хореографический компонент

Юрий Евгеньевич ПЛОТНИЦКИЙ

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва»
443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1155-5928>, e-mail: ssau@ssau.ru

Structural and semantic characteristics of music videos, containing a choreographic component

Yuriy E. PLOTNITSKIY

Samara National Research University
34 Moskovskoye Rte., Samara 443086, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1155-5928>, e-mail: ssau@ssau.ru

Аннотация. Рассмотрены специфические особенности музыкальных видео, содержащие танцевальный компонент. Проанализированы различные точки зрения на проблему телесности и её значимость для понимания идейно-ценностного уровня песенного текста, а также специфические свойства современного танца в плане его воздействия на аудиторию. Дается общая характеристика использованного материала, куда вошли 20 видеоклипов различных музыкальных стилей. Далее подробно разбираются видео, в которых танцевальный видеоряд служит целям иллюстративности, символически передает концептуальный смысл лирики песни либо находится в контрастивных отношениях с текстом. Также выявлены случаи выполнения визуальным танцевальным видеорядом комплементарной функции на уровне привнесения дополнительных семантических аспектов в содержание текста, и функции фабулизации, где визуальный компонент характеризуется абсолютной новизной по отношению к вербальному компоненту. Проанализированы такие параметры, как корреляция между вербальным и визуальным компонентами, функции танцевального видеоряда и специфика передачи концептуальной информации средствами танца.

Ключевые слова: песенный дискурс; визуальный компонент; вербальный компонент; танцевальный видеоряд; телесность; песенная лирика

Для цитирования: Плотницкий Ю.Е. Структурно-семантические характеристики музыкальных видео, содержащих хореографический компонент // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 336-345. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-336-345

Abstract. The paper studies specific characteristics of the music videos containing a choreographic component. Different viewpoints on the notion of corporality have been analysed and its significance for understanding conceptual and axiological aspects of the song text, as well as specific features of contemporary dance from the angle of its influence on the audience. Further we give a general description of the study material, which includes 20 music videos in different styles. Then the researcher gives detailed analysis of the videos in which the choreographic visual component carries out the function of illustration, symbolically conveys the conceptual meaning of the song lyrics or is in the contrast relations with it. The research has also revealed the cases of visual choreographic component performing the complementary function by way of adding extra semantic aspects to the meaning of the song, as well as the function that can be called “providing a storyline”, where the visual component is characterised by absolute novelty in relation to the verbal component or the song lyrics. Such parameters as correlation between the verbal and the visual components of a music video, functions of the choreographic visual component and the specifics

of conveying conceptual information by means of dance movements in a music video have been investigated.

Keywords: song discourse; visual component; verbal component; dancing visuals; corporality; song lyrics

For citation: Plotnitskiy Y.E. Strukturno-semanticheskiye kharakteristiki muzykal'nykh video, sodержashchikh khoreograficheskiy komponent [Structural and semantic characteristics of music videos, containing a cho-reographic component]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 336-345. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-336-345 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Не вызывает сомнения, на наш взгляд, тот факт, что песенный и кинематографический дискурс являются ведущими и наиболее влиятельными компонентами современной массовой культуры. В этой связи музыкальные видео (в русской традиции чаще именуемые «видеоклипами») совершенно обоснованно привлекают интерес исследователей из разных отраслей науки, ведь такой комплексный феномен, как музыкальное видео, включает в себя мелодический, вербальный и визуальный компоненты, и все они находятся во взаимодействии друг с другом.

Задачей данного исследования было проанализировать взаимодействие вербального и визуального компонентов тех музыкальных видео, которые содержат хореографический, или, проще говоря, танцевальный компонент. Наша рабочая гипотеза состояла в том, что включение танцевальных элементов в музыкальное видео, при его кажущейся логичности, всё же продиктовано не только соображениями о том, что пение традиционно, ещё с античности, да и в фольклорной традиции всегда сопровождалось танцевальными движениями. Такой традиционный подход характерен скорее для коммерческой популярной музыки, однако хореографические элементы встречаются и в музыкальных видео исполнителей, творчество которых не имеет ничего общего с коммерческой музыкальной индустрией. Нам представляется, что язык танцевальных движений, язык тела, может быть не только трансовым инструментом, помогающим «завести» публику, но и средством передачи смысла, то есть помогать решению задачи, изначально возложенной на вербальный компонент.

О важности аспекта телесности для восприятия говорит и современная философия. Например, французский философ М. Мерло-

Понти указывал на важность тела как «пограничной субстанции, отделяющей объективный мир и воспринимающего его субъекта» (цит. по: [1, с. 53]). Крайне важной и релевантной в контексте данного исследования представляется мысль российского философа В.А. Подороги о том, что непонимание некоего текста суть проблема телесности, то есть мы не можем войти в пространство этого текста: «Мы не понимаем текст потому, что не можем на первых порах установить с ним адекватную телесную коммуникацию, не можем войти в новое воображаемое пространство...» [2, с. 127]. Пусть речь в данном случае идёт о литературном тексте, это не отменяет того факта, что телесный аспект однозначно способствует более глубокому пониманию текста. Телесный компонент в определённом контексте является не менее значимым, чем рациональный и духовный. Как отмечает в своём исследовании М.В. Острый, «работы французских философов Нанси и Фуко отчасти снимают оппозицию телесного и духовного, тело становится ничуть не менее важной характеристикой субъекта, нежели разум или душа» [3, с. 4]. Таким образом, мы видим, что хореографический элемент визуального компонента музыкального видео имеет большую значимость и важность, чем просто телодвижения в такт музыке, и вполне может быть сопричастным передаче смысла уже в совокупности с вербальным компонентом. В этой связи мы позволим себе не согласиться с Ю.А. Гевленко, которая считает, что «перевод языка танца на язык слов практически невозможен» [4, с. 89]. Мы полагаем, во всяком случае, в рамках исследуемого нами материала, что танцевальный компонент поддаётся интерпретации и может участвовать, в качестве вспомогательного элемента, в передаче смысла, выражаемого вербальным компонентом песни. Разумеется, следует оговориться, что наш

случай особый, и вряд ли стоит полагать, что в ситуации отсутствия вербального компонента нам бы удалось интерпретировать танец с такой же степенью уверенности.

Танец изначально родственен музыке вообще и песне, в частности, на основании общности имманентно присущего им ритмического компонента, причём роль ритма не сводится к простому наведению транса. Он служит также облегчению восприятия мелодического элемента и общей гармонизации сознания и даже, по мнению О.Б. Буксиковой, «открытию органов духовного восприятия» [5, с. 75].

Исследователи современного танца, который в настоящее время может инкорпорировать, помимо чисто танцевальных, ещё и бытовые движения, элементы импровизации и так далее, подчёркивают ту мысль, что танец перестал быть чисто физической активностью и средством выражения эмоции, но превратился в «форму мышления и способ познания телом самого себя» [6, с. 18]. В плане осознания эффективности воздействия танца на зрителя, который в нашем случае является ещё и слушателем, и, возможно, отчасти в плане ответа на вопрос о том, для чего танец вводится в видеоряд музыкального видео, стоит привести очень интересное мнение, высказанное Н.В. Курюмовой, которая считает, что, в силу своей заразительности, телесное танцевальное движение «заставляет внешнего наблюдателя чувствовать подобное в своей мускулатуре» [7, с. 170]. Следует уточнить, что речь идёт, конечно, не о классическом, а о современном танце, который характеризуется большей свободой движений и выразительностью в передаче эмоций и чувств и допускает даже импровизацию в процессе исполнения. Современный танец эпохи постмодернизма делает упор на непосредственности, прозрачности передачи импульсов, чувств, мыслей и желаний самого человека. Как отмечает И.Е. Сироткина, «самое интересное в танце для экзистенциального взгляда – это внутренняя жизнь, субъективность человека, его желание, которое можно прочесть в несовершенных, но говорящих движениях» [8, с. 102]. Данная мысль важна в контексте настоящего исследования, поскольку в исследуемом материале имеются примеры именно такой трактовки танцеваль-

ных движений, которые выполняются не профессиональными танцорами, а самими музыкантами, о чём подробнее речь пойдёт ниже.

Итак, признавая тот факт, что танцевальные движения в рамках визуального компонента причастны передаче смысла песенного текста, мы видели свою задачу в том, чтобы выявить специфическую роль танцевальных движений, характер этих движений, и то, как танец, в какой бы форме он не был представлен в музыкальных видео, встраивается семантически в структуру видеоклипа на определённую песню. Наша гипотеза состояла в том, что танцевальные элементы, особенно в песнях, которые нельзя заподозрить в коммерческой ориентации, добавляют некие новые оттенки и нюансы в воздействие на аудиторию, по сравнению с традиционным видеорядом в силу особой значимости аспекта телесности для человеческого восприятия.

ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛА

В качестве материала данного исследования нами были использованы 20 музыкальных видео, содержащих танцевальные (хореографические) элементы в рамках визуального компонента. Эти танцевальные элементы очень разноплановы, от исполненных профессиональными балетными танцорами до ритмических движений, совершаемых самими исполнителями песен. Разумеется, мы исключили из рассмотрения те видеоклипы, где музыканты группы просто совершают движения в такт музыке с большей или меньшей степенью выразительности. Значительно отличаются и стили музыки, в которых исполнены песни: от коммерческой поп-музыки (Леди Гага) до альтернативного инди-рока (Том Йорк). Объединяет эти видео лишь тот факт, что танцевальные элементы, наряду с вербальным и мелодическим компонентом, в этих видео играют свою роль в передаче и донесении смысла песни до зрителя (слушателя). Поскольку эти элементы будут подробно проанализированы ниже, здесь мы ограничимся только общим замечанием о том, что хронологически они занимают разное количество экранного времени и могут занимать как передний план в кадре,

так и выполнять фоновую функцию на заднем плане. Следует отметить, что практически все музыкальные видео, которые были использованы нами, имеют значительную популярность на платформе Youtube и многомилионное число просмотров, чему однозначно способствовало наличие в них танцевальных элементов, то есть речь здесь идёт не о некоем нишевом феномене, а, наоборот, об очень влиятельном тренде в современной музыкальной культуре.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Самой простой и очевидной функцией, в которой может использоваться видеоряд, является, несомненно, иллюстративная, хотя то, как она используется, имеет в каждом конкретном случае свою определённую специфику. В случае с танцевальными (хореографическими) музыкальными видео эта специфика осложнена ещё и тем, что для иллюстрации того, о чём говорится в тексте песни, используется тело танцора либо певца или других участников группы. Когда мы говорим об иллюстративности, мы имеем в виду передачу посредством танцевальных движений каких-то деталей содержания текста песни. Рассмотрим в качестве примера видео к песне *Elephant Gun* группы *Beirut*. В лирике песни есть слова “*We drink tonight*”, и группа танцоров исполняет на протяжении песни танец, где присутствуют стилизованные «пьяные» элементы: танцоры шатаются из стороны в сторону, делают неверные движения, валятся на пол, снова встают и т. д. Этим функция танцевальных элементов в данном видео не исчерпывается, о чём подробнее речь пойдёт ниже. Здесь же мы можем отметить, что передача состояния алкогольного опьянения средствами танца, несомненно, носит более эстетичный характер, чем если бы это было показано буквально.

Ещё один интересный пример иллюстративности танцевальных движений мы встречаем в музыкальном видео песни *Lotus Flower* британской группы *Radiohead*. Лирика данной песни имеет высокую степень метафоричности и максимально приближена истинной поэзии, и в силу сложности для однозначной интерпретации смысл вряд ли подлежит иллюстрации, поэтому вокалист

группы Том Йорк, совершая ритмические движения под музыку, иллюстрирует буквальное значение некоторых слов: на глаголе *shrink* он приседает, глагол *cut off* иллюстрируется резкими «рубящими» движениями ладони, пропевая глагол *unfurl*, он разводит руки в стороны, а при слове *head* он показывает на свою голову. Понятно, что эти простые движения вряд ли помогают добраться до смысла текста, но они, как минимум, привносят элемент развлекательности и, возможно, создают ироническую дистанцию, до некоторой степени снимающую достаточно «тёмный» смысл данного текста. Видимо, Том Йорк принял решение сам выступить в роли танцора (и, надо признать, его движения очень изящны и отлично передают ритмическую организацию песни), руководствуясь каким-то интуитивным желанием сделать лирику песни ближе слушателю, хотя это наше субъективное мнение.

Танец, в силу его крайне обобщённого и символического характера, наиболее пригоден именно для символической передачи эмоционального и концептуального смысла песенной лирики, будь то главная мысль или какая-либо значимая деталь песенного текста. Именно по этой причине в большинстве (15 видео, или 75 % от общего числа) музыкальных видео нами выделена именно эта символическая функция танцевальных элементов в рамках видеоряда. Наименее интересными для анализа нам представляются те видео, где танцевальные движения имеют ярко выраженный эротический характер, и их задача состоит просто в том, чтобы подчеркнуть специфику отношений между лирическим героем и его девушкой. Таких видео всего два, один из них принадлежит знаменитой Леди Гага и называется “*Bad Romance*”, второй снят на песню группы *Wildways* под названием “*Faka Faka Yeah*”. Лирика обеих песен посвящена описанию нюансов любовного желания, поэтому полуобнажённые тела танцоров, совершающие соблазнительные движения, представляются вполне уместными, передавая таким способом в обобщённой символической форме эротические чувства.

Более интересным является видеоклип на песню “*Here It Goes Again*” группы *OK Go*, в лирике которой речь идёт о недоволь-

стве однообразием жизни и невозможностью взять её под контроль и изменить. Танцевальное решение выглядит вполне иронично: участники группы движутся по беговым дорожкам тренажёрного зала, перепрыгивая с одних на другие и снова возвращаясь, символически отображая эту невозможность справиться с монотонностью жизни, поскольку, как бы они ни пытались соскочить или переключиться на другой тренажёр, в конечном итоге всё сводится к движению по кругу.

Далее нам хотелось бы обратиться к музыкальному видео на песню “Weapon Of Choice” британского исполнителя Fatboy Slim. Главная мысль лирики этой песни состоит в том, что голос является идеальным инструментом для исполнителя, и пение даёт ему ощущение безграничной свободы. Видеоряд представляет танцующего в одиночестве актёра Кристофера Уокена, который в совершенно уникальной свободной импровизационной манере перемещается по лобби какого-то отеля, по лестницам и переходам, танцует на столе, в какой-то момент даже взмывает в воздух... Понятно, что идея свободы, которую даёт пение, символически передаётся свободными движениями и перемещениями танцующего актёра. Эта идея свободного владения своим телом, которую даёт танец, встречается не единожды в отобранном нами материале и, по всей видимости, является очень актуальной. Интересно также отметить аллюзию на книгу Фрэнка Херберта «Дюна», которую мы встречаем в лирике этой песни: “Walk without rhythm It won’t attract the worm...”. Хотя следует признать, что, вероятнее всего, это ирония, так как движения танцующего Кристофера Уокена вполне ритмичны, при всей их кажущейся спонтанности и импровизационности.

По контрасту с предыдущим музыкальным видео и лирикой песни, лирика песни “Helpless” группы Emarosa развивает идею несвободы и зависимости, которую иногда испытывают любящие и страдающие от любви люди. Основная мысль текста состоит в том, что лирический герой пытается удерживать девушку, считая её своей. Визуальный ряд показывает танцующую в нервной экзальтированной манере девушку, которая в ритме танца мечется по квартире, а вокалист, представляющий лирического героя, мани-

пулирует движениями пальцев тем, как она движется так, как будто бы она – марионетка. Символика в данном случае абсолютно прозрачна, поскольку жизненный опыт любого зрителя наверняка содержит любовные истории о неравных отношениях в любви, где один из партнёров, чаще женщина, оказывается в зависимом положении от мужчины и находится под его эмоциональным, а иногда, и физическим контролем. В этом музыкальном видео мы встречаем ещё и интересный случай интерференции театрального дискурса (кукольный театр марионеток), что не удивительно, поскольку взаимовлияние дискурсов, особенно таких влиятельных, как песенный, кинематографический и театральный, даже если это театр марионеток, является широко распространённым явлением в современной массовой культуре.

Несколько особняком в этой группе стоит музыкальное видео на песню “Islands” группы The XX. В лирике песни говорится о том, что лирический герой нашёл, после долгих поисков и скитаний, девушку своей мечты, и теперь ему нет больше нужды покидать её и продолжать свои странствия: “I am yours now So now I don’t ever have to leave I’ve been found now So now I’ll never explore”. Танцевальный видеоряд, однако, контрастирует в своей финальной части с этой любовной идиллией. Мы видим танцоров, мужчину и женщину, обнимающихся и целующихся на протяжении почти всей песни, но в финальной части девушка отказывается целоваться и обниматься и уходит, а молодой человек с несчастным выражением лица танцует в одиночестве. В этом случае можно говорить об отношениях контраста между вербальным и визуальным (танцевальным) рядом, причём визуальный ряд в символической форме, при наличии определённой иронической дистанции, призван дать нам понять, что любовные отношения не могут быть целью и смыслом существования, по крайней мере, для мужчины хотя бы потому, что счастье человека не может зависеть от присутствия или отсутствия в его жизни того, кого он любит. Счастье человека зависит только от него самого, а для мужчины ещё и в какой-то результативной деятельности, а не в тихом счастье в объятиях любимой.

Сходное визуальное решение используется в музыкальном видео на песню “A Change Of Heart” группы The 1975, где два танцора, юноша и девушка, одетые и загримированные как клоуны, сначала танцуют в паре на ярмарке среди аттракционов, а потом девушка убегает, а юноша остаётся один под дождём. Видеоряд лишь частично коррелирует с вербальным компонентом (лирикой), поскольку там идёт речь о взаимном разочаровании друг в друге лирического героя и предмета его страсти. Клоунские костюмы и ярмарочный антураж призваны продемонстрировать ироническую дистанцию по отношению к происходящему, что, как нетрудно заметить, достаточно часто встречается в песенном дискурсе. Хотелось бы также отметить, что танец, особенно парный, является очень удобным средством символического представления любовных отношений в целом и даже таких нюансов, как отсутствие понимания, конфликт и т. д. Думается, причина этого в общности компонента телесности, который присутствует в танце имманентно, а в песенном дискурсе является доминирующим в силу того, что подавляющее большинство песен имеют своим предметом нюансы и перипетии любовных отношений, которые также немыслимы без телесного компонента.

Среди примеров, подобранных нами в рамках этого исследования, есть одно музыкальное видео, видеоряд которого с большим трудом и очень условно можно отнести к танцевальным, однако не вызывает никакого сомнения то, что посредством этого квазитанцевального, если можно так выразиться, видеоряда автор в символической форме доносит аудитории основной посыл песни. Речь идёт о видеоклипе на песню “Loneliness” группы Odd Beholder. Основная идея лирики данной песни может быть выражена следующей цитатой: “Loneliness, you’re a friend That I hate the most”. Выраженное посредством оксюморона отношение лирического героя к чувству одиночества на визуальном уровне передаётся показом девушки в форме фехтовальщицы и со шпагой, которая ведёт «бой с тенью» в каком-то заброшенном здании, причём под ногами у неё грязь, и большую часть времени она не фехтует, а падает в грязь и мучительно пытается подняться. Такое выразительное визуальное решение

очень экспрессивно, пусть и без танцевальных движений, передаёт в символической форме тщетность усилий лирического героя справиться с чувством одиночества. Несмотря на то, что это трудно назвать танцем, это музыкальное видео очень эффективно подчёркивает то, что в некоторых случаях пластика, язык тела и движения могут не хуже, а зачастую лучше донести концептуальный смысл того или иного вербального сообщения.

Далее мы обратимся к музыкальному видео “Holding On to You” группы Twenty One Pilots, где лирический герой ведёт внутренний диалог в попытке взять свою жизнь под контроль перед лицом враждебной ему реальности. Группа современного танца символизирует это враждебное окружение, держа вокалиста за руки, не давая двигаться, окружая его со всех сторон... В лирике речь сначала идёт о контроле над телом: “I am taking over my body Back in control», а далее – о контроле над мыслями, в том числе о самоубийстве: “Time is slowing and it’s rolling still And the windowsill looks really nice...” Интересно, что параллельно с метафорическим выражением “Tie a noose around your mind” танцоры передают буквальный смысл метафоры, набрасывая на шею вокалиста веревку, что можно отчасти считать иллюстрацией буквального смысла фразы. В этом случае, как мы видим, видеоряд выполняет и символическую (основную), и иллюстративную (вспомогательную) функции. Сходным образом дело обстоит и в музыкальном видео на песню “Inhaler” группы Foals, где танцевальная группа сначала символически передаёт душевные метания и страдания лирического героя «изломанными» движениями в стиле «брейкданс», а при словах “So can you not go away If just for one day?” танцор простирает руки и совершает призывающие движения, обращённые, по всей видимости, к возлюбленной лирического героя, призывая её остаться.

Интересно отметить, что в рамках танцевального видеоряда используются не только элементы современного танца, но и, хотя и не столь часто, классический балет, хотя это использование имеет, разумеется, специфический характер. Рассмотрим в качестве примера музыкальное видео на песню “Runaway” Kanye West. В лирике этой песни,

которая, в традициях стиля «рэп», является весьма многословной и содержит обильные повторы и определённую долю общенной лексики, речь главным образом идёт о том, что лирический герой во всех аспектах жизни умудряется видеть прежде всего отрицательные черты: “And I always find Yeah I always find something wrong... I’m so gifted at finding what I don’t like the most”. Визуальная поддержка этого негативного взгляда на жизнь реализуется посредством группы танцоров классического балета, в пачках, однако в их движениях отсутствует синхронность и плавность, свойственная традиционному балету, и эти движения плохо коррелируют с музыкой. Более того, эти танцоры совершают свои па на фоне стены с облупившейся краской, что усиливает ощущение дисгармонии. И, в довершение всего, они далее пытаются выполнять движения эротического характера в стилистике современного танца. Однако, несмотря на то, что содержание этой песни не меняется в позитивную сторону на всём её протяжении, разрешение происходит на визуальном уровне: в последнем фрагменте движения танцоров всё-таки обретают плавность и гармоничность, таким образом склоняя аудиторию к более позитивному взгляду на мир. Здесь мы можем констатировать присутствие, помимо символической, ещё и элемента комплементарной функции в танцевальном видеоряде, поскольку он содержит элементы, дополняющие и обогащающие смысл песни.

Далее нами будет рассмотрена группа, включающая 3 музыкальных видео, в которых танцевальный видеоряд обладает чертами сходства, причём это сходство касается именно самой манеры или стиля современного танца, характеризующегося какой-то особой экспрессивностью и даже агрессивностью. Первым будет рассмотрен видеоклип на песню “The Middle” группы Son Little. Лирика песни достаточно философична, и речь здесь идёт не о любви, а о том, что в современном жестоком мире нелегко сохранить душу и не превратиться в зверя, о том, что душа лирического героя раздираема противоречиями, и он находится в ситуации выбора жизненного пути: “Living in the world, so cold, so crowded... won’t take much to wake the beast in you... And I can’t take no more sit-

ting in the middle...”. Видеоряд символически представляет эту внутреннюю борьбу в душе человека посредством очень выразительного танца юноши и девушки, причём их движения очень точно передают конфликт властного агрессивного мужского начала и податливого и уступающего женского. Этот танец можно также интерпретировать как метафорическую передачу борьбы тёмного и светлого в душе человека путём показа конфликта двух партнёров в любовных отношениях, где традиционно мужчине свойственно занимать сильную позицию, а женщине стремиться к поиску компромисса с целью сохранения отношений и уступать натиску мужчины.

Следующее видео с танцевальным видеорядом в такой же манере – клип на песню певицы Pink под названием “Try”, причём женскую партию в танце исполняет сама певица. Лирика песни посвящена теме любви и страданий, которые она причиняет, обману и необходимости его терпеть с целью сохранения отношений, здесь содержатся обвинения лирической героини в адрес её партнёра, но главная мысль песни всё же состоит в том, что следует пытаться, несмотря ни на что, сохранить отношения: “You’ve gotta get up and try and try and try...”. Движения двух танцоров очень наглядно передают характер этой ситуации противостояния и конфликта, где иногда любовь превращается в ненависть: мужчина совершает очень агрессивные движения, бросает женщину на пол, душит её, пинает, она тоже отвечает ему агрессией, но в конце они всё-таки сливаются в объятиях, и эта символика движений показывает нам, что конфликт преодолён, и любовь возобладала. Нам кажется, что в данном случае такой визуальный ряд не просто иллюстрирует, а практически становится единым целым с песней, создавая музыкально-танцевально-вербальное единство, причём главная мысль песни однозначно могла бы быть понята из символических и чрезвычайно выразительных, «говорящих» движений танцоров. Это лишь подтверждает мысль о том, что музыка и танец являются идеальными средствами выражения эмоций.

Последнее музыкальное видео в этой группе – клип на песню “Elastic Heart” американской певицы Sia. Здесь два танцора –

юная, но уже знаменитая после видео на песню “Chandelier” Мэдди Зиглер и голливудский актёр Шайа Лабаф – танцуют в той же экспрессивно-агрессивной манере внутри огромной клетки. В тексте песни лирическая героиня сетует на то, что, несмотря на кажущееся умение, не может справиться с любовью и обрести мир и покой в сердце: “Oh why can I not conquer love? And I might have thought that we were one. Wanted to fight this love without weapons...”. Танец девочки и мужчины символически передаёт борьбу и смятение в душе лирического героя, причём движения оставляют двойственное впечатление – враждебность, но и тяготение друг к другу. Этот танец можно интерпретировать как борьбу двух начал, тёмного и светлого, в душе человека, что часто имеет место в любовных отношениях, когда трудно провести черту между любовью и борьбой. Движения юной танцовщицы очень необычны и просто приковывают к себе взгляд, они символизируют активное, агрессивное начало; движения Шайа Лабафа скорее передают попытку приручить и взять под контроль эту агрессивность, не случайно девочка первой покидает клетку, в которой они танцуют, и пытается вытащить его. Одна из возможных трактовок состоит в том, что любовь предполагает некую открытость и уязвимость, и если просто закрыть своё сердце и надеяться на то, что чувства удастся контролировать, то этот контроль в один прекрасный момент даст сбой, либо человек просто просидит в клетке своей души всю жизнь и не познает счастья любви. В этом видео, пусть и не в явной форме, есть элемент развития, динамика, что в более эксплицитной форме присутствует в следующей, последней группе танцевальных видео, где функция танцевального видеоряда обозначена нами как фабулизация.

Музыкальное видео “Dance, Dance” группы Fall Out Boy представляет собой как раз случай так называемой фабулизации, где танцевальный видеоряд, помимо свойственной танцу функции передавать чувства и эмоции, представляет ещё и некую последовательность событий, простейшую фабулу, которая находится в определённой корреляции с лирикой песни. Текст песни передаёт мысли лирического героя в ситуации, когда

он влюблён в девушку, которая находится в отношениях с другим. Они танцуют, но его посещают горькие мысли о том, что дальше танцев и жалости с её стороны дело не зайдёт: “Dance, dance We’re falling apart to halftime... dance, this is the way they’d love If they knew how misery loved me”. Танцевальный видеоряд компенсирует эту грустную историю более позитивным развитием, в котором молодой человек, типичный «ботаник» и объект насмешек сверстников, приходит на школьные танцы одетым по последней моде, демонстрирует прекрасные танцевальные движения и получает заслуженное внимание со стороны прекрасного пола. Помимо фабулы, танцевальный видеоряд представляет ещё и новый смысл, обогащая содержание всего мелодико-вербально-визуального единства и делая его более позитивным. События визуального ряда призваны дать зрителю и слушателю понять, что нет смысла страдать по поводу отсутствия взаимности, лучше показать всем, что ты лучше, чем о тебе думает кто-то, и ситуация изменится в лучшую сторону. Эту функцию видеоряда можно назвать комплементарной, поскольку вербальный компонент дополняется в смысловом отношении некой новой идеей.

Два следующих видео тематически связаны с темой смерти. Первое из них, видео на песню “Helena” группы My Chemical Romance, показывает похороны девушки, где группа танцоров в готических костюмах и таком же макияже танцует в церкви у гроба девушки, делая призывные движения, обращённые к умершей, вследствие чего та встаёт из гроба, танцует вместе с ними некоторое время, а потом снова ложится в гроб. Песня посвящена умершей бабушке вокалиста группы, которая, судя по тексту, была полна жизненной энергии и щедро делилась ею с окружающими: “We are so far from you Burning on like a match you’ll strike to incinerate The lives of everyone you know...”. Эта короткая история с воскрешением на некоторое время из мёртвых, при всей её стилизованности в духе готически-вампирических фильмов и танцевальным компонентом, в очень яркой форме передаёт не столько горечь утраты от потери близкого человека, сколько в символической форме выражает

особенности характера умершей. В этом видео, помимо фабульного компонента, присутствует элемент иллюстративности, а танцевальный видеоряд очень выразительно, на контрасте (энергичный танец – покойник в гробу) заставляет зрителя воспринимать эту ситуацию чисто условно, превращая трагедию в шоу.

Последнее видео снято на песню “Never Catch Me” группы Flying Lotus. Лирика песни достаточно протяжённая, и её главная мысль состоит в том, что лирический герой хочет испытать жизнь во всей её полноте, не боясь смерти, и чувствовать свободу. На визуальном уровне эта идея реализуется посредством истории о похоронах двух детей, мальчика и девочки, которые во время исполнения обряда в церкви встают из своих гробов, танцуя, выбираются из церкви, так же в ритме танца садятся в катафалк и уезжают на нём. В этом случае снова похоронная служба есть условность, помогающая передать мысль о том, что смерть есть просто часть этой жизни, а танец двух неожиданно воскресших улыбающихся танцующих детей символически передаёт чувство радости жизни и отрицание смерти. Оба последних видео, объединяющие такие трудно совместимые вещи, как танец, традиционно ассоциирующийся с радостью, и похороны, путём контраста, с привлечением танца и фабулизации, на наш взгляд, представляют очень интересные примеры того, как успешно могут взаимодействовать песня, танец и кинофрагмент, что подтверждает мысль о взаимовлиянии и взаимодействии дискурсов.

ВЫВОДЫ ПО РАБОТЕ

Танцевальный видеоряд очень органично вписывается в вербально-мелодическое единство песни, поскольку, как и лирика песни, немислим без музыкально-ритми-

ческой основы. Танцевальный видеоряд в видеоклипе, пожалуй, воспринимается наиболее адекватно и естественно в коммерческой популярной музыке, одной из основных функций которой является развлекательная.

Рассмотренные примеры музыкальных видео позволяют сделать вывод о том, что, помимо передачи чувств и эмоций, танцевальный видеоряд способен сообщать и концептуальную информацию, дополняя таким образом идейно-смысловое содержание песни.

Помимо передачи разных оттенков и нюансов любовных отношений и переживаний, танцевальный видеоряд может служить передаче в символической форме концепта «свобода» (особенно стили современного танца).

В плане взаимодействия с другими типами дискурса мы можем отметить влияние театрального и кинематографического дискурсов.

Сольные танцевальные номера обычно передают личные переживания лирического героя, парные танцы отражают нюансы либо взаимоотношений партнёров, либо борьбу противоположных начал в душе лирического героя; танцевальная группа символически представляет враждебные лирическому герою внутренние либо внешние силы.

В целом, танцевальный видеоряд сохраняет функции обычного видеоряда, а именно иллюстративную, символическую, комплементарную функцию и функцию фабулизации, но с присущей языку танца тенденцией к символической передаче смыслов. В этом смысле вряд ли стоит говорить о прямой корреляции между вербальным и визуальным компонентами.

И, разумеется, нельзя не отметить особую экспрессивность телесного плана, свойственную танцу, которая придаёт особую притягательность музыкальным видео с танцевальным видеорядом.

Список литературы

1. Вдовина И.С. М. Мерло-Понти: философия плоти и проблема социального // История философии. М.: Институт философии РАН, 2008. № 13. С. 49-68.
2. Подорога В.А. Человек без кожи // Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. М.: Институт философии РАН, 1995. С. 126-160.
3. Острый М.В. Проблема телесности в западном искусстве XX века: онтологический аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2007. 150 с.

4. Гевленко Ю.А. Семиотический анализ танца // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 87-89.
5. Буксикова О.Б. Исторические метаморфозы телесности в танцевальной культуре // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 3 (224). С. 74-79.
6. Матушкина М.В. Танец и мышление в немецкой философии искусства конца XX – начала XXI века // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 7. С. 17-20.
7. Курюмова Н.В. Современный танец как культурный микрокосм: телесные модели на рубеже модернистской/постмодернистской культур // Вестник Гуманитарного университета. Екатеринбург, 2014. № 1 (4). С. 165-176.
8. Сироткина И.Е. Желание vs биовласть: танцевальная революция XX века // Социология власти. М., 2017. Т. 29. № 2. С. 97-115.

References

1. Vdovina I.S. M. Merlo-Ponti: filosofiya ploti i problema sotsial'nogo [M. Merlo-Ponti: philosophy of the flesh and the problem of the social]. *Istoriya filosofii – History of Philosophy*, 2008, no. 13, pp. 49-68. (In Russian).
2. Podoroga V.A. Chelovek bez kozhi [Man without skin]. *Sotsial'naya filosofiya i filosofskaya antropologiya: Trudy i issledovaniya* [Social Philosophy and Philosophic Anthropology: Works and Researches]. Moscow, RAS Institute of Philosophy Publ., 1995, pp. 126-160. (In Russian).
3. Ostryy M.V. *Problema telesnosti v zapadnom iskusstve XX veka: ontologicheskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The Problem of Corporality in the Western Art of the 20th Century: Ontological Aspect. Cand. philos. sci. diss. abstr.]. Samara, 2007, 150 p. (In Russian).
4. Gevlenko Y.A. Semioticheskiy analiz tantsa [The semiotic analysis of dance]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2009, no. 320, pp. 87-89. (In Russian).
5. Buksikova O.B. Istoricheskiye metamorfozy telesnosti v tantseval'noy kul'ture [The historical metamorphoses of corporality in dance culture]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo – Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 2016, no. 3 (224), pp. 74-79. (In Russian).
6. Matushkiina M.V. Tanets i myshleniye v nemetskoy filosofii iskusstva kontsa XX – nachala XXI veka [Dance and way of thinking in German philosophy in late 20th – early 21st centuries]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 7, pp. 17-20. (In Russian).
7. Kuryumova N.V. Sovremennyy tanets kak kul'turnyy mikrokosm: telesnyye modeli na rubezhe modernistskoy/postmodernistskoy kul'tur [Contemporary dance as cultural microcosm: corporeal models on the threshold of modernist and postmodern cultures]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Humanitarian University], 2014, no. 1 (4), pp. 165-176. (In Russian).
8. Sirotkina I.E. Zhelaniye vs biovlasyt': tantseval'naya revolyutsiya XX veka [Desire vs biopower: dance revolution of the twentieth century]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*, 2017, vol. 29, no. 2, pp. 97-115. (In Russian).

Информация об авторе

Плотницкий Юрий Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и РКИ. Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация. E-mail: ssau@ssau.ru

Вклад в статью: концепция исследования, идея, общая концепция статьи, анализ литературы, анализ полученных результатов, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1155-5928>

Поступила в редакцию 05.02.2020 г.

Поступила после рецензирования 18.03.2020 г.

Принята к публикации 20.03.2020 г.

Information about the author

Yuriy E. Plotnitskiy, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language Department. Samara National Research University, Samara, Russian Federation. E-mail: ssau@ssau.ru

Contribution: study conception, idea, main study conception, literature analysis, obtained results analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1155-5928>

Received 5 February 2020

Reviewed 18 March 2020

Accepted for press 20 March 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-346-361
УДК 81'22+82+1+316

Лингво-поэтико-историко-философская высота высокой личности и многогранность таланта

Маханбет ДЖУСУПОВ

Узбекский государственный университет мировых языков
100138, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Кичик халка йули, Г9а, 21а
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2934-2333>, e-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

Linguistic, poetic, historical and philosophical eminence of an outstanding personality and mansidedness of a talent

Mahanbet DZHUSUPOV

Uzbek State University of World Languages
21a, Kichik Xalqa Yo'li St., G9a, Tashkent 100138, the Republic of Uzbekistan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2934-2333>, e-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема взаимосвязи Руси и Поля, поэзии, науки и политики в аспекте общечеловеческого понимания и в аспекте советской идеологии в сравнении с особенностями высокоразвитого капитализма, революционного (догматического) социализма и эволюционного социализма на основе содержания двух книг с одним названием «Олжас и Я», изданных в Москве в издательстве «Художественная литература» в 2016 и в 2018 гг., которые посвящены исследованию полиаспектной творческой деятельности поэта, учёного-лингвиста, историка, философа-мыслителя, дипломата, общественного и государственного деятеля Олжаса Омаровича Сулейменова. В книгах 167 статей (96 статей в первой книге; 71 статья во второй книге). Авторы работ высказывают свою точку зрения по многим вопросам, которыми занимался О.О. Сулейменов: по книге «Аз и Я»; по исследованиям в области истории языка (тюркология, славяноведение и др.), представленных и в других его книгах; по поэтическому творчеству; по дипломатической и политической деятельности, характеризующихся общечеловеческой направленностью, заботой о земле и человеке; по антиядерной деятельности по закрытию атомного испытательного полигона под Семипалатинском в Казахстане. Авторы статей с разных регионов мира: из Азии, Европы, Америки. Олжас Сулейменов во всех статьях оценивается как выдающаяся личность, великий поэт и учёный, способствовавший содержанием своей книги «Аз и Я» и содержанием своих выступлений на заседаниях Верховного Совета СССР и на других государственно-общественных форумах перерождению сознания людей в отношении догматизма в науке и политике СССР, которые привели к его распаду, хотя сам О.О. Сулейменов такой цели не ставил. Лингво-поэтико-историко-философский склад мышления, гениальный талант, билингвизм и полилингвизм, смелость ума и действий, общечеловеческие умозаключения выделяют О.О. Сулейменова как выдающегося поэта, учёного и мыслителя в современном мире, Прочеловека, способного предсказать будущее.

Ключевые слова: тюркославистика; поэт-учёный; дипломат-политик; транслингвизм; транскulturность

Для цитирования: Джусупов М. Лингво-поэтико-историко-философская высота высокой личности и многогранность таланта // Нефилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 346-361. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-346-361

Abstract. We consider the problem of mutual relationships between Rus and a Polovtsian Plain, poetry, science and politics in the aspect of universal comprehension and in the aspect of Soviet ideology in comparison with the features of well-developed capitalism, revolutionary (dogmatic) socialism and evolutionary socialism, based on the content of two books with the same title "Ol-

has and I”, which were published in Moscow in 2016 and in 2018 in the publishing house “Khu-dozhettvennaya literatura”. The books are devoted to the investigation of multi aspect creative activity of a poet, linguist, historian, philosopher, diplomat, public and state figure Olzhas Omarovich Suleymenov. The books consist of 167 articles (96 articles in the first book and 71 articles in the second). The authors of works express their points of view on many issues, which were investigated by O.O. Suleymenov, as in the book “Az and I”; on investigation in the field of language history (the study of Turkic languages, Slavic studies, etc.), which were also showed in his other books; on poetry; on diplomatic and political activities, that are characterized with universal orientation, concern for environment and human beings; on anti-nuclear activity in closing the nuclear test site near Semipalatinsk in Kazakhstan. Authors of articles are citizens from different regions of the world: from Asia, Europe, America. In all the articles mentioned above Olzhas Suleymenov is regarded as an outstanding person, a great poet and a scientist, who with the help of contents of his book “Az and I” and content of his performances at the meetings of the Supreme Soviet of the USSR and other state and public forums promoted regeneration of human consciousness towards dogmatism in science and politics of the USSR, which led to its collapse, although wasn’t O.O. Suleymenov’s intention. Linguistic, poetic, historical and philosophical way of thinking, brilliant talent, bilingualism and multilingualism, courage of mind and actions, universal inferences mark out Olzhas Suleymenov as a great poet, scientist and philosopher in the modern world, and a Pro-Human, who is able to predict the future.

Keywords: Turkic-Slavic studies; poet-scientist; diplomat-politician; translanguism; transculturality

For citation: Dzhusupov M. Lingvo-poetiko-istoriko-filosofskaya vysota vysokoy lichnosti i mnogogrannost’ talanta [Linguistic, poetic, historical and philosophical eminence of an outstanding personality and manysidedness of a talent]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 346-361. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-346-361 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем приступить к демонстрации нашего научного видения содержания двух книг с одним названием «Олжас и Я», мы остановимся на тех научных, общегуманитарных, общечеловеческих проблемах, которыми глубоко занимался и занимается Поэт, Учёный, Политик, Дипломат, Обществовед, Мыслитель – Олжас Омарович Сулейменов, независимо от языковых, национальных и культурных познавательных-ментальных различий [1–4].

Деятельность О.О. Сулейменова полиаспектная. Она касается многих социальных сфер современного общества и носит общечеловеческий характер, не имеющий географических, административных границ¹.

О.О. Сулейменов занимается и политикой, и дипломатией, и поэзией, и языковедческой наукой, и антиядерным движением и т. д. как в диахроническом, так и в синхроническом планах. Вся его полигранная творческая деятельность направлена на достижение одной большой цели – единого общече-

ловеческого понимания происхождения человека, языка, письма, современного состояния человека и общества как выхода из одного общего генетического лингвокультурного и лингвографического первоисточника.

ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ЗНАКИ-СИМВОЛЫ: ВАРИАНТЫ, ВАРИАЦИИ; АНТИЯДЕРНОЕ ДВИЖЕНИЕ

В конце XVIII века и в первое тридцатилетие XIX века Вильгельм фон Гумбольдт писал, что «различные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» [5; 6]. Во второй половине XX века и в первой четверти XXI века Олжас Сулейменов эту научную истину доказывает на анализе материала разных языков древности, носители которых одно и то же природное явление, один и тот же предмет видели по-разному, поэтому символично-графическое обозначение имело различие в нюансах начертания, в частности, или же обозначалось другим рисунком, в целом. О.О. Сулейменов констатирует, что всё это – результат смены географических условий, смены позиций просмотра и видения предмета, эволюция национально-культурных пред-

¹ Потёмкин А.П. Всем гражданам мира! URL: <https://euricaa.com/> (дата обращения: 15.10.2019).

ставлений, психообразов в сознании того или иного племени, этноса, народа. Именно поэтому разные народы в прошлом, а следовательно, и в настоящем, обозначают один и тот же предмет, природное явление разными графическими символами в схожих или несхожих цветовых тонах, в разных красках. Например, солнце в древности разными народами виделось по-разному (шумеры, древние тюрки, древние китайцы, древние японцы, майя и т. д.): солнце – круг; солнце – круг с тёмной точкой в середине; солнце – полностью красно-багровый круг; солнце квадратное (или четырехугольное); солнце четырехугольное с точкой или другим знаком в середине; солнце – круг и в середине крест; солнце – полукруг и в середине крест; солнце как наконечник стрелы, внутри знак, похожий на крест, и т. д. [1, с. 127-131].

В современных национальных государственных символах (герб, флаг и др.) ярко просматриваются результаты этого разного видения одного и того же предмета разными народами. Так, например, на государственном флаге Республики Казахстан изображены солнце и орёл. Солнце изображено кругом, от которого расходятся солнечные лучи (цвет жёлтый). Это традиционное казахское видение, представление солнца, его психообраз в сознании казахов и многих других тюркских народов.

В казахском языке есть слово *күншуақ*, которое состоит из двух корней: *күн* – солнце, *шуақ* – луч солнца (его синоним: *күннің нұры*). *Күншуақ* – это место, на которое падают лучи солнца, то есть не теневое место. Считается, что если после долгой зимы, холодной весны человек посидит на *күншуақе*, он не только прогреется, но и выздоровеет, если болеет. Поэтому в казахском языке есть выражение «*күншуақта отыр*» – «сиди на *күншуақе*», то есть сиди под ранними осенними или весенними лучами солнца, когда вокруг прохладно, а *күншуақ* будет тебя греть. Итак, казах солнце воспринимает не как огонь, а, прежде всего, как греющее явление или греющий предмет, дающий свет дня, и только потом видит его как горящий предмет, как огонь.

На государственном флаге Японии солнце представлено как красно-багровый круг,

то есть как огонь, как горящее явление, как горящий предмет.

Два восточных народа по-разному видят и по-разному графически символизируют один и тот же предмет (природное явление) – солнце.

Во всех графических представлениях солнца, его видениях и пониманиях как предмета и явления природы у всех народов мира наблюдается один общий древний смысл: первоисточник – горящий или светящийся, дарящий день и тепло божественный предмет, божественное явление, которое видится и обозначается по-разному.

Символично-графические обозначения солнца как результат первичных письменных и иероглифических (то есть рисуночных) творческих изысканий древнего человека и общества дошли до наших дней, потому что со временем некоторые из них оказываются в древних алфавитах [1; 7], а также и в современных алфавитах. Например, обозначение буквы <о> (фонема |o|) и в латинице, и в кириллице передаётся кругом, а следовательно, и в алфавитах народов современности, которые созданы на основе этих двух типов лингвографии.

Круг – это одно из первых символично-графических обозначений солнца. Итак, на наш взгляд, круг – одно из древних изображений солнца – присутствует и в современных разноязычных письмах.

Аналогичное заключение можно сделать и по другим древним изображениям солнца (и не только солнца). Так, современный лингвографический символ фонемы |с|, обозначающейся буквой <с> в латинице и в кириллице, – это полукруг, в древности – одно из изображений солнца, а в некоторых случаях и луны, так как луна не всегда полнокруглая, в дни неполнолуния она полукруглая. Итак, в современных алфавитах на основе латиницы и кириллицы (и не только) присутствуют древние обозначения солнца (не только солнца) или его символические фрагменты в целостности или в интерпретации: круг, полукруг, крест, наконечник стрелы, стрела без наконечника, то есть палочка (прямая линия вертикальная или горизонтальная) и т. д. Такие и другие символы (символические буквенные изображения) свидетельствуют о едином древнем первоисточнике письма и

слова, принадлежащего в прошлом и настоящем всему человечеству, то есть то, что ищет и находит, и не находит в своих языковедческих изысканиях междисциплинарного характера (язык, литература, история, философия, психология, изобразительное искусство и т. д.) Олжас Сулейменов.

**ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ:
АЗ И Я (КНИГА БЛАГОНАМЕРЕННОГО
ЧИТАТЕЛЯ); РЕАБИЛИТАЦИЯ
РЕПРЕССИРОВАННЫХ
(ДЕПОРТИРОВАННЫХ) НАРОДОВ**

Политическая и дипломатическая деятельность Олжаса Сулейменова характеризуется знаком смелости в высказываниях для решения проблем, которые, как правило, не оглашались, оставались закрытыми, запретными. Одной из таких запретных тем в СССР была тема реабилитации репрессированных народов. Никто об этом на уровне Верховного Совета СССР или на уровне ЦК КПСС не говорил. Первым этот вопрос поднял О.О. Сулейменов, вызвав на себя бурю недовольства со стороны руководителей страны.

Олжас Сулейменов к этой теме пришёл ещё в детстве, играя с детьми репрессированных народов (чеченцев, ингушей, карачаев, балкар, крымских татар и др.). В раннем поэтическом творчестве он пишет в стихах, что Казахстан превращён в лабораторию испытания народов, что казахская земля в этом не виновата, и просит, чтобы они простили его землю за то, что она вынуждена быть «лагерем».

Касаясь этой горькой правды в истории Советского Союза, народный поэт Карачаево-Черкесской Республики Б. Лайпанов пишет: «В июне 1989 года на первой сессии Верховного Совета СССР Олжас Сулейменов поставил вопрос ребром: «Нашу работу мы должны начать с вопроса реабилитации репрессированных народов. Не получив такого реабилитационного закона, не попросив прощения у народов, переживших депортацию, <...> у страны нет пути развития вперёд. Русские, грузины, казахи – это народы, которые сами хлебнули несчастья. Но народы, которых от мала до велика переселили со своей земли, познали беды вдвойне. Об этом мы должны открыто сказать от имени прави-

тельства посредством закона. Вот так началась подготовка закона, который сегодня известен нам всем как закон «О реабилитации репрессированных народов». Можем ли мы – один из народов, прошедших плен и переселение, – забыть эту человечность и мужество, которое проявил Олжас?» [11, с. 187].

Мужественные, порой героические поступки Олжаса Сулейменова с трибун больших съездов, форумов определенная часть исследователей связывает с его генетическим происхождением. Седьмой предок О. Сулейменова – известный в казахской истории Олжабай-батыр (бахадур, богатырь) руководил одним из крупных отрядов конницы (правое крыло) Абылай хана, сказал, что человек из его седьмого колена будет Білгір (знающим, учёным). Это предсказание Олжабай-батыра сохранилось в письменном (чагатайском) слого, дошло до Олжаса Сулейменова через академика Алкея Маргулана [12, с. 486]. Олжас Сулейменов стал не только Білгіром, но сохранил в себе великие качества гордости и героизма степного воина. Соединение этих двух качеств и сформировали его и как поэта, и как мыслителя, и как человека правды, пишущего и говорящего правду истории, правду современной жизни в истинном виде, независимо от идеологических запретов или идеологической неприемлемости его научных и идеолого-политических воззрений.

Выдающийся поэт, гуманист К. Симонов в августе 1975 г., после чтения «Аз и Я», написал небольшую статью «В поддержку поэта», которая опубликована в 2016 г. Поэт признает научную правду О. Сулейменова, представленную в книге, думает о его дальнейшей судьбе и предостерегает от возможных в будущем неприятностей.

Страна моя родимая,
Такие мы нерадивые,
Как будто ты не родимая,
Мы в поисках за правдою
Все где-то за Непрядвою,
За Калкой, за Каялой...
А рядом пруд стоялый,
Пруд кривды современной,
Вот так, брат Сулейменов!
Спасибо, что напомнили,
Дай бог, чтоб верно поняли! –

Не потащив на плаху
От имени Аллаха! [13, с. 290]

После публикации «Аз и Я» в 1975 г. и после его выступления о необходимости реабилитации репрессированных народов в 1989 г. и раньше, и после создания им антиядерного движения «Невада–Семей» у определённой части людей ещё в памяти был 1937 г., когда за такую книгу и за такие выступления «вели на плаху». Именно от этого и остерегает О. Сулейменова великий его брат по перу – поэт К. Симонов и просит бога, чтобы в верхах правильно поняли суть книги «Аз и Я».

О том, что в «Слове...» присутствовали тюркские слова, чувствовали многие исследователи поэмы. Но объяснить не могли по трём основным причинам:

1) непонятные слова (которые были тюркскими) искали в славянских языках, чтобы понять их смысл, но не находили;

2) непонятные слова не могли признать тюркскими в силу того, что, по их мнению, так не должно быть, или верили в «закрытость» темы... (тюркизмы в «Слове...»), как на последнюю инстанцию научной истины;

3) исследователи не были тюркославянскими и славянотюркскими билингвами.

В 1976 г. М.М. Ауэзов написал статью «Осененный выдохом вечности – словом» в защиту книги «Аз и Я», её автора, впервые опубликованную в 1996 г., в которой он пишет: «Перед нами – выдающееся произведение. О. Сулейменов предстаёт в ней в величии своего интеллекта, редчайшей культуры художественного и научного мышления, высоконравственного мировоззрения. Обострённое чувство справедливости и мужественная, бескомпромиссная борьба против «тупого попра́ния в сфере историко-философских наук» определяют его этическую позицию...» [14, с. 52]. В то время, когда книгу и автора оценивают только в негативе, М.М. Ауэзов определяет книгу как выдающееся произведение, а автора – как человека с величайшим интеллектом.

Выдающийся советский, российский поэт, прозаик, ученый С. Марков занимался историей языка. После бесед с О. Сулейменовым на основе билингвистической интуиции (так как с детства слышал казахскую

речь: Омск, Томск), в 1970 г. посвятил стихотворение Олжасу Сулейменову, которое называется «Карна и Жля». Эпиграф к стихотворению взят из «Слова о полку...»: «За ним кликну Карна и Жля, Поскочи по Русской земли...»

Я мерил жизнь (и этим горд!)
И на степной салтык;
Живя в стране трёх древних орд,
Я слышал их язык.
В бессмертном «Слове о полку»,
Как буйная трава,
Вросли в славянскую строку
Кыпчакские слова.
На них таинственный покров
Набросили века...
Я раскрываю тайну слов
Чужого языка!
Кыпчакским полчищам верна,
Поднявшись над бугром,
Огромная труба – Карна
Извергла медный гром.
От грома вздрогнула земля
И ринулись, звеня,
Жалын – желеу или Жля –
Завеса из огня.
Ещё напишет в добрый час
О пламенной строке
Мой юный друг – кыпчак Олжас
На русском языке! [15, с. 204-205]

Итак, еще за 5 лет до выхода книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я» С. Марков пишет такое стихотворение, в котором функционирование тюркизмов в «Слове о полку...» бескомпромиссно выражено в поэтических строках. У официальной науки в Советском Союзе была одна незыблемая позиция: тюркизмов в «Слове...» не может быть, потому что это славянский письменный памятник, а следовательно, тюркизмов в нём нет. Реальная картина истории взаимоотношения половцев (кыпчаков) и славян по версии официальной науки было или не было, неизвестно или малоизвестно, а если и было, то оно бесследно исчезло, и не следует это рассматривать как серьёзную научную проблему.

Герой Украины, лауреат Государственной премии СССР, поэт, политический деятель Б. Олейник признаёт не только функционирование тюркизмов в славянских языках, в письменных памятниках, но и генети-

ческое родство определённой части славян и тюрков.

В его статье об Олжасе Сулейменове «Величальная побратиму» это выражено в стихотворении «Общность». Лирический герой просыпается от страха и неожиданности, так как он во сне видел себя у могилы Чингисхана. Ему из-под земли слуховые миражи сказали, что полынь степная не раскрывает секрета, «где хан нашёл себе покой».

Общность

Олжасу Сулейменову

Внезапный ужас смёл меня с дивана,
когда во сне – яснее, чем в кино
увидел я могилу Чингисхана –
ту, что живущим видеть не дано.
Я огляделся: я стою в пустыне –
ни бугорка, ни знака, ни души.
И, вдруг, как слуховые миражи,
Из-под земли – слова... аж сердце стынет!
– Тебя не ум, а сердце привело
на эту в травах скрытую могилу.
Здесь столько душ, стремясь к успеху шло,
Но тем, кто верит схемам, а не богу,
на нет все их усилия свело.
Нет, ты не первый. Был один такой,
что здесь искал Чинзисову могилу.
Но и ему полынь не приоткрыла
секрет, где хан нашёл себе покой.
Я вспомнил имя гордое – Олжас,
и взгляд его, где отражаясь зримо,
по полю битвы, среди стрел и дыма,
на колеснице я летел, кружась.
И вот в пустыне, глядя во тьму веков,
где слово общих прадедов звучало,
мы прозреваем общее начало
в глазницах запорожских казаков.

[16, с. 220-221

(Перевод с украинского Н. Переяслова)]

Для официальной науки всё это поэзия. Олжас Сулейменов – тоже поэт. Руководство СССР и Академия наук жестко «разобрались» с Олжасом Сулейменовым. Но спасли личная защита руководителя Казахстана Д. Кунаева, его переговоры по этому вопросу лично с Л.И. Брежневым.

У Советского Союза, Академии наук в вопросе исследования великого «Слова о полку...» и по другим письменным памятникам славяноведения в основном была мононационально языковая, идеологическая и научная позиция.

Все исследователи творчества О. Сулейменова обязательно обращаются к книге «Аз и Я» и почти все «обвиняют» советскую партийную систему и Академию наук, которые неправильно поняли книгу или не хотели её правильно понимать.

Писатель, переводчик, председатель Союза русскоязычных писателей Израиля, в прошлом однокурсник О. Сулейменова по Литературному институту им. Горького в Москве – Д. Маркиш писал о высокой значимости книги «Аз и Я» и её автора, что «Будь на месте Олжаса русский человек, «свой» – такой скандал не разразился бы: ну, пожурили бы «оухальника», указали бы на ошибки... А тут половец, древний степной вражина, замахнулся на святое» [17, с. 201]. Далее Д. Маркиш продолжает, что суть дела в том, «что он первым осмелился сказать во весь голос: воевавшие с Древней Русью степные народы в полной мере обладали чувством чести, собственного достоинства и боевой отваги. Это утверждение в корне противоречило азам... пропаганды, ...что все без исключения воины Великой степи – отъявленные головорезы и бескультурные дикари. Вместе с тем эта пропаганда, разумеется, умалчивала, зачем русские князья искали себе невест в ханских ставках Степи, а тюркские наречия были... вторым языком на Руси. (Французский пришел потом, позже...)» [17, с. 202].

Как и многие другие авторы работ об О. Сулейменове, Д. Маркиш заключает, что если бы автор «Аз и Я» не был бы «...изначально поэтически мыслящим человеком», она «...не была бы написана. Или была бы совсем другой». «...Грозный резонанс... рассуждений кроется в творческой мощи автора, в его литературном даре. Не будь его – выстрел не был бы услышан» [17, с. 201-202].

Позиция Д. Маркиша, что для верхов О. Сулейменов был человеком из окраины (хоть и поэт), согласуется с мнением М. Тлостановой и др.

Таким образом, в отношении «Слова», «Аз и Я» и к его автору – О. Сулейменову, есть разные научные, общегуманитарные, литературоведческие, языковедческие мнения. В отношении книги «Аз и Я» О. Сулейменова, как правило, даётся высоконаучная,

высокогуманитарная оценка, за исключением мнения власти и официальной науки того времени.

Одной из нестандартных точек зрения в толковании «Слова» является научная позиция известного украинского поэта, переводчика, литературного критика, политического деятеля, дипломата Д. Павлычко и в целом многих украинских исследователей «Слова», которые определяют поэму как письменный памятник древнеукраинского языка, а не древнерусского.

Д. Павлычко в статье «Моё слово Олжасу» пишет, что «Поэзия Олжаса Сулейменова – глубинная, философская, лирическая, формировалась под знаком протеста, несогласия с казённым советским одописанием. ...Олжас Сулейменов привнёс не только в... советскую, но и в мировую философскую поэзию Дух Востока...» [18, с. 229]. Давая оценку книге «Аз и Я», он отмечает, что О.О. Сулейменов явился, прежде всего, как изумительный историк Киевской Руси, что его заслуга не только в том, что правильно прочитал и объяснил тёмные места «Слова», но и в том, что открыл историческую действительность того времени, когда многие киевские князья находились в родственных отношениях с половцами (тюрками). Д. Павлычко прямо говорит, что Олжас Сулейменов проложил дорогу историкам Украины и России к пониманию неоднозначной природы Московского княжества, что его слова «Тюркские включения придают речи «Слова» особый колорит и вкус...» – истина истины [18, с. 230].

Автор статьи пишет: «Жаль, Сулейменов не сказал, что «Слово...» насыщено современной украинской лексикой и многими видными учёными, филологами признано памятником древнеукраинского языка... Однако же он сказал, что «Слово...» – это чаша днепровской воды! Спасибо, дорогой Олжас!» [18, с. 230].

Д. Павлычко далее рассуждает о том, что, видимо, неотнесение О. Сулейменовым «Слова» к памятникам древнеукраинского языка помогло ему уйти от обвинения в украинском национализме, когда его обвиняли в казахском национализме» [18, с. 230].

Итак, «Слово...» порождало дискуссии не только в плане билингвистических (сла-

вянское, тюркское) особенностей, но по вопросу отнесения его то ли к русскому (по сложившейся традиции), то ли к украинскому памятнику письменной культуры.

Олжас Сулейменов к этому (второму) вопросу подходит как к памятнику славянской письменности, в большей степени оперируя материалом русского языка.

На наш взгляд, «Слово...» следует определить как славянский памятник, а внутри него как восточнославянский, одинаково относящийся и к русской, и к украинской, и к белорусской культуре, истории, языку и литературе.

Большая, серьёзная часть исследователей, политиков, поэтов, писателей, государственных деятелей, крупных журналистов бывшего СССР, Европы, Америки, Азии и постсоветского пространства пишут о том, что его работа «Аз и Я (Книга благонамеренного читателя)» [19] является одной из книг, подготовившей распад Советского Союза и уверенно включают её в список пяти основных книг, содержание которых, по их мнению, подготовило людские умы к согласию о возможности расформирования самой крупной, самой мощной Империи XX века – СССР.

Касаясь этой глобальной проблемы, известный журналист А. Мамедов в беседе (интервью) с литературоведом и прозаиком, доктором филологических наук, профессором Российского университета дружбы народов, профессором Российской академии народного хозяйства и Государственной службы при президенте Российской Федерации М. Тлостановой задаёт такой вопрос: «Как вы думаете, почему эта книга, в которой ничего не говорится о диссидентах, сталинских лагерях и психушках, безобидная книга поэта-интеллигента о «Слове» и его происхождении, вошла в знаменитую пятёрку книг, которые подготовили перестройку сознания советского человека перед горбачевскими реформами?» М. Тлостанова, подробно, широко и глубоко рассматривая проблему, отвечает серьёзными умозаключениями (даём в сокращении): «...Сулейменов...представитель местной колониальной интеллигенции, нерусский писатель советской империи, благосклонно принятый режимом, ...не выходил за рамки советской нацио-

нальной литературы, ...был воспитан на русской культуре, безоговорочно считавшейся в СССР образцом для всех остальных, ...не посягая на иерархию культурных ценностей, установленную в СССР. «Аз и Я» же представляла собой... фортель неповиновения, ...смысл которого совершенно чётко уловили власть и предержавшие благородные читатели, в которых эта книга пробуждала ген неповиновения, утверждения человеческого достоинства, право помнить собственную историю, культуру, язык, не сосланные на задворки мира, а вернувшиеся на своё законное место. Но у этой книги было ещё и глобальное измерение, тем более удивительное, если учесть обстоятельства железного занавеса и отсутствие доступа советских людей к мировым достижениям науки и искусства и т. д.» [20, с. 419-420].

Итак, было недоумение, возмущение: как этот окраинный из окраины появился в этой сфере?.. Как смеет тот, кого мы научили, трогать святая святых – «Слово...»? Да ещё трогать в своих тюркоязычных интересах. Ведь чего нет, того нет.

Олжас Сулейменов никогда не считал себя окраинным. Он всегда был на равных, а во многих вопросах превосходил «центральных». Это был не просто характер, не только традиционная гордость номада-казаха, но и, прежде всего, это были энциклопедические знания, которые он с гениальным интонационным, ритмическим, логическим блеском может изложить, довести до ума других (вложить в их умы).

В своём интервью М. Тлостанова далее говорит, что «наконец, и это может быть самое главное, «Аз и Я» прослеживает траекторию рождения нового «я», является своеобразной духовной автобиографией, в которой главный герой-автор-рассказчик проходит путь от попытки интеграции в господствующую традицию, от поначалу робкого требования признания своего участия в искажённой истории (в первой части книги) до гораздо более смелой и радикальной позиции переписывания уже всемирной истории ради вычленения в ней особой линии тюркских народов, культур, языков» [20, с. 418].

Рассуждения, аргументы, умозаключения М. Тлостановой – это правдивая правда о правде истории, которая изложена автором в

«Аз и Я», и доказательство того, что эта книга, независимо от того, думал об этом или не думал О. Сулейменов, действительно, перевернула представления многих граждан СССР о правде истории культуры и языковых взаимоотношений в аспекте полилингвокультурности и транскulturности толкования Поля и Руси, что должно найти своё отражение в той общественной, культурной и, самое главное, научной, исторической, филологической, философской жизни советского общества, в противовес устоявшимся неопозитивным европоцентрическим традициям, сформированным в сознаниях.

Мнение М. Тлостановой согласуется с мнением многих других исследователей и просто читателей «Аз и Я». Однако форма изложения (диалого-монологическая), лексическое богатство, семантико-стилистическая палитра, инновационность духовного сознания, широкая и высокая эрудиция автора выделяют в особый ряд её интервью-статью.

Именно эти качества привели М. Тлостанову к определению «Аз и Я» как фантазио-медитацию и как манифеста на историко-культурные темы. При этом, по её мнению, книга остаётся филологический, культурологической, научной и философской [20, с. 418].

Мы хотим высказать своё дискуссионное мнение по двум положениям, высказанным М. Тлостановой.

1. Обращаемся к фрагменту контекста «...от поначалу робкого требования признания своего участия в искажённой истории (в первой части книги)», то есть речь идёт о той части книги, в которой анализируется «Слово...». Наша точка зрения несколько иная. Мы считаем, что в словосочетании «робкого требования», вместо слова «робкого» желательно было бы использовать такие слова, как «неробкого», «аргументированного», «обоснованного». Ведь основной «научный скандал», буря эмоций и негодований, буря восхищений и молчаливое согласие и с первыми, и со вторыми, молчаливый нейтралитет в большей степени породила именно первая часть книги, посвящённая анализу «Слова...», так как на равные позиции со славянами, со славянским языком были выдвинуты тюрки, тюркские языки, что недопустимо было даже в социалистическом государстве, но с имперским взглядом на окружающий

живой и неживой мир, так как в сознании «генералов науки» (М. Тлостанова) были сформированы стереотипные психообразы с другими смысловыми содержаниями: нет тюркизмов в «Слове...». А оказалось, что есть, и не просто есть, не просто присутствуют, а полноценно функционируют, обогащая содержание, стилистику, объём смысловой палитры, формируя «Слово...» не монолингвистическим текстом, а билингвистическим текстом (славянская, тюркская) на славянском языке. Таким образом, не получается – чего нет – того и нет, а получается – что есть, то и есть. Такое реальное видение «Слова» позволяет нам сделать заключение о том, что обе части книги (о «Слове», о шумерах и тюрках), а не только вторая, являются смелыми и радикальными как с научных позиций, так и с позиции методики, семантики, стилистики изложения, искрометности мышления. В данном случае мы говорим в целом, а не в частностях. Безусловно, справедливым является то, что М. Тлостанова утверждает о второй части книги, что она касается уже всемирной истории и поэтому, на наш взгляд, она не представлялась для определённой части представителей славяноведения в целом и исследователей «Слова» в частности как «оскверняющая» их научные концепции.

2. Обратимся к следующему фрагменту контекста интервью-статьи М. Тлостановой: «С моей точки зрения, Сулейменов прекрасно знал, что делал, какой серьёзный подкоп под советскую идеологию, в том числе и научную, совершал. Но, живя в СССР в эпоху застоя, он понимал, что прямо говорить о том, что его волновало, было нельзя, поэтому выбрал беспроблемный приём – притворился непонимающим, якобы искренне недоумевающим: отчего это уважаемые академики не хотят видеть истину и пересматривать свои заскорузлые научные миры. Отсюда и лукавство, и хитрость трикстера, пронизывающие всю эту непростую книгу» [20, с. 419].

В целом мы согласны с выводами автора. Да, вся эта книга непростая. Да, содержание всей этой непростой книги нестандартное, нетрадиционно пронаучное, то есть она была, действительно, во многом не разделяющая позиции традиционных исследователей «Слова...» взаимосвязей шумеров и тюрков.

На наш взгляд, О.О. Сулейменов, создавая книгу, отдавал себе отчёт в плане анти-традиционности её научного содержания, методики исследования. Он создавал книгу с позиции нового видения проблемы, что дало и новые результаты научного поиска в плане билингвальности создателя «Слова» и билингвальности самого текста. Можно ли это называть подкопом под советскую идеологию в целом и под научную в частности? О. Сулейменов не планировал свою работу как антисоветскую, как подкоп. Он не был сторонником распада СССР. Он был за сохранение СССР, но в новой идеологической, экономической и другой интерпретации (об этом будет сказано ниже). Он не притворялся непонимающим, он не понимал позицию «генералов» науки, так как он всегда был в динамическом состоянии саморазвития, то есть он никогда не находился хоть малое, непродолжительное время в состоянии статики, что может привести исследователя к застою, а следовательно, к преданности тем идеям и стандартам, которые были ранее разработаны и даны обществу учёных как единственно правильные, никогда не подлежащие не только серьёзным изменениям, но даже и незначительным интерпретациям в рамках устоявшихся традиционных научных стандартов. Конечно же, не вся советская наука была такой, но в отношении изучения «Слова» и в отношении истории тюрков она была такой – стандартно-забетонированной.

На наш взгляд, в «Аз и Я» Олжас Сулейменов не лукавит, не хитрит. Лукавство и хитрость в науке не могут сделать произведение выдающимся, талантливым. Лукавство и хитрость в работе выпукло просматриваются, если не сегодня, то завтра. Книга не пронизана лукавством и хитростью: комплексный подход (язык, литература, история, философия и, конечно же, поэзия) по-своему формирует и содержание, и архитектуру книги, что по многим параметрам делает её нестандартной, такой, какая она есть, без лукавства и без хитрости. Казахскому национальному менталитету и в устной, и в письменной, да ещё в научной речи, совершенно неприемлемы лукавство и хитрость. Книга имеет прямую направленность.

Выдающийся поэт, гуманист К. Симонов отмечает, что книгу «Аз и Я» «прочёл не бы-

стро, за неделю. Эта книга быстро не читается», что по её лингвистической части не будет высказываться, так как «...не сведущ», но «по общим принципиальным вопросам...» готов принять участие на стороне книги и автора в предстоящих баталиях.

К. Симонов выделил следующие положения: 1) смелость ума; 2) блестящее двуязычие; 3) талантливость находок и догадок; 4) жёсткий и в то же время совестливый подход к истории и, что «самое главное, справедливый, отмеченный печатью национальной гордости и печатью национального самосознания, и печатью того взгляда на вещи, при котором интернационализм и историческая справедливость становятся синонимами... Книга ваша, ..., малость резковатая» [13, с. 289].

Конечно же, К. Симонов в своём высказывании констатирует то, что увидел в книге и осознал, и на передний план выдвигает смелость ума, талантливость, жёсткость и справедливость суждений, национальную гордость, национальное самосознание, интернационализм и историческую справедливость. Во всём этом поликомплексе научных воззрений лукавство и хитрость неприемлемы. Они бы испортили книгу. «Аз и Я» экспертами включена в знаменитую пятерку книг (стоит второй), подготовивших перестройку сознания советского человека (журнал «Проблемы коммунизма», США), потому что она, как справедливо и точно определяет М. Тлостанова, «пробуждала ген неповиновения...». Возможно, такой тезис несколько жестковатый, но он в целом соответствует содержанию, объёму информативности, силе эстетического, научно-историко-философского, лингвопоэтического и в целом филологического воздействия на читателя.

ПОЛИГРАННАЯ ФИЛОСОФИЯ ПОЭЗИИ ГОСТЯ ИЗ БУДУЩЕГО С ПЛАНЕТАРНЫМ СОЗНАНИЕМ

Поэтический феномен Олжаса Сулейменова – гениальный синтез поликультурных мыслей, выражающихся в тюркском, прежде всего, казахском видении и восприятии мира в транслингвальном и транскультурном русскоязычном оформлении, гениальный сплав полинациональных психообразов в сознании

поэта, с доминированием казахского и русского, которые и вместе, и отдельно функционируют в одном тексте, одной строфе, одной строке [21; 22].

Смотри, на кургане, где ветер поёт,
Где слышится долгий плач,
Вцепившись корнями в сердце моё,
Шатаясь, стоит карагач.

(О. Сулейменов)

Синтез национального и интернационального выводит О. Сулейменова и как Высокую Личность, и как Высокого Поэта на Высокую Мировую поэтическую арену [23–25].

.....
Нет Востока,
И Запада нет,
Нет у неба конца.
Нет Востока,
И Запада нет.
Два сына есть у отца,
Нет Востока,
И Запада нет,
Есть
Восход и закат,
Есть большое слово
ЗЕМЛЯ! [26, с. 30].

Это отрывок из поэмы «Земля, поклонись Человеку», содержание которого в полной мере демонстрирует поэта как Интерчеловека, думающего о судьбах человечества в прошлом, настоящем и будущем. Для человека и человечества главное не Восток и Запад, которые одинаково принадлежат каждому человеку, которые одинаково утром встречают, а вечером провожают на отдых каждого человека, независимо от того, где он живёт. Поэтому есть это большое слово Земля. Земля, которую надо беречь, заботиться о ней, мирно, без войн жить на ней, так как она одна для всех людей.

Известный поэт Т. Зульфикаров, дав высокую мировую оценку поэзии О. Сулейменова, пишет, что: «несколько десятков стихотворений Олжаса, несомненно, войдут в историю мировой поэзии (например, «Могила Абая» («Вблизи чингизских гор его могила». – *Уточнение М. Д.*) или «Волчица» («Волчата». – *Уточнение М. Д.*)» [27, с. 141].

Поэзия Олжаса Сулейменова получила Высокое признание в мире. Народный поэт

Карачаево-Черкесской Республики Б. Лайпанов пишет, что: «Десять поэтов, признанных самыми лучшими в мире, своё послание молодежи опубликовали в книге, которая вышла в Париже. Один из этих десяти – Олжас Сулейменов» [11, с. 186]. Этот мировой проект был осуществлён под эгидой ЮНЕСКО.

Говоря о поэзии О. Сулейменова, известный советский и российский певец, поэт, композитор, заслуженный деятель искусств России, народный артист России, лауреат Государственной премии РФ А. Градский пишет: «Аз и Я» моя настольная книга... Истинно талантливый, неординарный художник, конечно же, никуда не исчезает, даже после физического ухода. Сулейменов – выдающийся мастер слова, достойный сын своего народа, книги его будут обязательно востребованы будущими поколениями» [28, с. 116].

Поэзия О. Сулейменова – поэзия неожиданности, поэзия искромётности мышления и такого же словесного оформления, поэзия образности, метафоризации, с казахской речевой насыщенностью, с функционированием инофонии, иноинтонационности, иноритмики, иноразмера, вплетённых в русский стих, в русское стихосложение [29; 30], что делает его поэзию неповторимой, выпукло выделяющейся в строю высокой мировой поэзии.

Ты как мёд,
как вспомню – зубы ноют,
ты как шутка,
от которой воют,
я ничтожен, кто меня обидит!
Видел ад, теперь бы рай увидеть.

.....
А когда язык ломает зубы!
А когда глаза сжигают веки!
Как, скажи, мне брови не насупить,
глянуть –
и остаться человеком!
И лягушкой ночью не заплакать,
я люблю тебя,
как любят квакать,
как вдова – кричать,
как рыба – плавать,
я люблю тебя, как слабый –
славу,
как осёл – траву,
как солнце – небо.
Ты скупа, тебе прожить легко,

даже нищий дал мне лопот хлеба,
как дают ребёнку молоко.
Если б звался я, дурак, Хаямом,
если б я, проклятый, был Хафизом,
если б был я Маханбетом, я бы!..
Только все стихи уже написаны.
Так в горах любили и в степях,
так любили – и смеясь, и плача.
Разве можно полюбить иначе?
Я люблю тебя, как
я – тебя... [26, с. 112].

Это стихотворение называется «Ночные сравнения». Оно представлено в работе в неполном виде. Это высокий, глубокий и широкий образец истиной Высокой поэзии, построенный на тончайшем сплаве восточного и европейского (русского) восприятия и выражения великого чувства – чувства любви в образах и выражениях, порождающих глубинные чувства в душе читателя с тихой, но неудержимой радостью от того, что происходит внутренне прикосновение к душераздирающей (вывернутой наизнанку) любви. В центре стихотворения стоит человек с его неизмеримыми чувствами познания любви.

О. Сулейменов как поэт стал известным и знаменитым, можно сказать, в один день. В 1961 г. впервые в истории человечества человек летит в космос. Это был первый космонавт – Юрий Гагарин. О. Сулейменов работал корреспондентом газеты в Алматы. За день до этого его вызывает главный редактор и даёт задание написать стихотворение к первому полёту человека в космос. О. Сулейменов написал стихотворение, которое на следующий (в день полёта в космос) сбрасывают как листовки с самолёта над Алматы. Это стихотворение быстро перешло в знаменитую поэму – «Земля, поклонись Человеку».

О. Сулейменов мгновенно стал приглашаемым в разные города, республики, а также в зарубежные страны (США, Франция и т. д.), где он читал стихи о Ю. Гагарине, отрывки из поэмы, посвящённой покорению человеком космоса.

Поэма написана «залпом», одним махом. Поэма удивительно искромётная, удивительно человеколюбивая, заставляющая думать читателя о прошлом, настоящем, будущем судьбы земли, человека. Она инновационно общечеловеческая, патриотическая.

Мы –
 Всё, что дорого, величаем
 Твоим
 именем,
 Женщина.
 Родина – женщина,
 История – женщина,
 Честь,
 Отвага,
 Поэзия – женщина.
 Художник свободу рисует – женщиной,
 Трава, лужайка, погода – женщина.
 Небо – наполовину женственно,
 Даже мужественность
 Моя.
 Может быть,
 поэтому женщины
 У мужских изголовий стоят.
 Даже грусть и метель –
 Женщина.
 Слава, смерть и тревога –
 Женщина.
 Я люблю тебя, жизнь,
 Беспокойная жизнь,
 Потому, что ты –
 Верная женщина [26, с. 24. Отрывок].

Российский критик и литературовед А. Марченко статью об О. Сулейменове представила в заглавии «Гость из будущего» [31, с. 206-212], характеризуя поэта-мыслителя как Человека с Планетарным сознанием в пространстве времён и территорий. Эта мысль в нашей интерпретации озаглавила предпоследнюю часть настоящего исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Человек не выбирает время. Время выбирает человека, в котором он живёт, работает, создавая (или не создавая) блага для себя и для других, создавая (или не создавая) ценности, которые способны изменить жизнь общества в лучшую сторону – в сторону технического, гуманитарного прогресса. В человеческом обществе каждой эпохи есть личности создающие, изобретающие общечеловеческие ценности или способствующие их созданию. Такой Личностью во второй половине XX века и в первой четверти XXI века, по определению многих исследователей, является Поэт, Учёный, Дипломат, Политик, Мыслитель, Человековед – Олжас Омарович Сулейменов.

Полигранность феноменальности Олжаса Сулейменова общеизвестна¹. Он лауреат многих государственных и международных премий, орденов (СССР, Казахстан, Россия, Азербайджан, Япония, Кыргызстан, Франция, Турция и др.). Его книги переведены на многие языки мира. Его художественные, научные, исторические, общественно-политические взгляды, отражённые в его произведениях, высоко ценятся, порождают дискуссии историков, лингвистов, философов, литературоведов, политиков, дипломатов, государственных деятелей. Начав с поэзии и её продолжая, переходит в диахронию и синхронию языкознания, занимается проблемой репрессированных народов в истории СССР, руководит антиядерным движением, исследует сходства и различия общественно-политических формаций капитализма и социализма; аргументирует экономические и социальные возможности сочетания высокоразвитого капитализма и эволюционного социализма, доказывая, что социализм – это не ошибка XX века: ошибки в социалистическом государстве – это ошибки устроителей социализма (догматического социализма), а не социализма как общественно-экономической формации.

О. Сулейменов, начиная с «Аз и Я», занимается транслингвальными и транскультурными проблемами в истории человечества и письма. Он постоянно находится в состоянии поиска первоисточника человеческого языка, этимона слова, как древних явлений, одинаково принадлежащих всем народам мира, так как язык и письмо в своём происхождении (рождении) едины как первоисточники для современного человека и типа письма.

В «Слове...» он обнаружил тюркские слова и убедительно доказал, что тюрки (кыпчаки, то есть половцы) и славяне были близки друг другу, братались, женились, одинаково хорошо говорили на двух языках: тюркском и славянском. Тюркский компонент в истории славян официальная историческая и языковедческая наука закрывали, как закрывали кипящий котёл его прочной крышкой. О. Сулейменов эту крышку снял и

¹ Феномен Олжаса: сборник материалов, посвящённых творчеству О.О. Сулейменова. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 416 с.; Олжас и я. Книга вторая. М.: Худож. лит., 2018. 496 с.; Олжас и я. М.: Худож. лит., 2016. 448 с.

доказал, почему содержимое котла кипит и издаёт звуки на двух языках – славянском и тюркском.

Он знает всё: от Аз до Ятя,
Славян, шумеров, каганат,
Славянский князь кыпчакам в зятю,
Кыпчакский бек славянам – сват.
Читает стих по-чагатайски,
Озвучил шрифт с орхонских плит,
Он в «Слове...» смысл увидел тайный,
Хоть запрещал всем замполит.
В Олжасе трепет аргамакский
Копьём перо в его руке.
Он все идеи по-казахски
На вдохновенном языке.

(М. Джусупов)

Тематическая линия: народы мира, их языки и типы письма, древние их первоисточники, место тюрков, шумеров, славян в истории человечества – сквозная (универсальная) тема его научных изысканий.

Транслингвальность и транскulturность в истории человечества находятся в центре внимания его последующих книг «Тюрки в доистории», «Язык письма», «Пересекающиеся параллели». В 2013 г. и в 2014 г. дважды была издана (в двух разных издательствах) его книга «Код слова. Введение в универсальный этимологический словарь «1001 слово», которая продолжает линию поиска древнего первоисточника слова на материале анализа древних языков, наречий, диалектов, образцов письма в сравнении с аналогичным материалом современных живых языков, их лексического состава, алфавитов, национальных символов (герб, знамя и т. д.). Он шёл от тюркизмов в «Слове...» к коду слова и письма в целом в истории человечества.

Когда-то в «Слове...» вы узнали,
Наш древнетюркский элемент,

Теперь Вы пишете «Код слова...»

Универсальный аргумент.

(М. Джусупов)

Олжас Омарович Сулейменов, по определению многих выдающихся поэтов, писателей, государственных и общественных деятелей, учёных разных стран мира, Выдающийся, Великий Поэт, Учёный, Политик, Дипломат, Мыслитель современности, о чём свидетельствуют и формулировки названий их статей о нём и их содержание: «Великий поэт, писатель и мыслитель» (Р. Хасбулатов), «Творец и археолог слова» (Е. Сидоров), «Олжас – гордость тюркского мира» (М. Шаймиев), «Велик и могуч, как восточная мудрость» (И. Машбаш), «Гость из будущего» (А. Марченко), «Возмутитель спокойствия» (Ф. Искандер), «Этот живой феномен» (Ч. Гусейнов), «Человек другой эпохи» (Г. Бельгер), «Выдающаяся личность XX века» (В. Бондаренко), «Олжас. Универсальность таланта» (А. Гангнус), «Крупнейшая фигура новейшей истории» (Ч. Лаумулин), «Главной его мишенью был европоцентризм» (М. Тлостанов), «Таинственный батыр» (С. Шаргунов), «Карна и Жля» (С. Марков), «Великий сын Евразии» (А. Дугин), «Дни, создающие века» (М. Каноат) и др.

Высота полигранности Высокого таланта, Высота духа и Высота познаний – основа Про-Человечности Олжаса Сулейменова. И эта благородная Высота Человеколюбия, Поиска Правды, чтобы дойти до Истины в Пространстве Времени и Территории, рождает и формируют у Индивида и Общества Любовь и Веру, что Справедливость, Правда и Истина всегда были и в настоящем есть, и что есть Поэт, Учёный и Мыслитель, делающий их достоянием Человека и Общества.

Список литературы

1. Сулейменов О.О. Код слова. Введение в универсальный этимологический словарь «1001 слово». Алматы, 2014. 148 с.
2. Сулейменов О.О., Бахтикиреева У.М., Джусупов М.М., Валентинова О.И., Дихтяр С.В., Дубровина М.Э., Валикова О.А., Исмаилов Г.И. Код слова. Полилог // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 128-165.
3. Джусупов М. «Язык письма» или «Письмо – язык в графике» (одинаковое в разном и разное в одинаковом) // Полилингвальность и транскulturные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 422-444.
4. Преображенский С.Ю. О «Воображаемой филологии» О.О. Сулейменова // Полилингвальность и транскulturные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 406-409.

5. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияние на развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
7. Иванов В.В. От буквы и слога к иероглифу. Системы письма в пространстве и времени. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. 272 с.
8. Ахундова Э. Вселенная Олжаса // Олжас и Я. М.: Худож. лит., 2016. С. 60-65.
9. Фишер А. Поэт между двумя вселенными (пер. В. Толмачёва) // Олжас и Я. М.: Худож. лит., 2016. С. 337-340.
10. Рудальски И. Встречи в Польше // Олжас и Я. М.: Худож. лит., 2016. С. 282-285.
11. Лайпанов Б. Земля, поклонись человеку! (пер. А. Алиевой) // Олжас и Я. М.: Худож. лит., 2016. С. 186-192.
12. Шашкова Л. Под знаком Олжаса // Олжас и Я. Книга вторая. М.: Худож. лит., 2018. С. 483-491.
13. Симонов К. В поддержку поэта // Олжас и Я. М.: Худож. лит., 2016. С. 288-291.
14. Ауэзов М.М. Осенённый выдохом вечности – словом // Олжас и Я. Книга вторая. М.: Худож. лит., 2018. С. 52-61.
15. Марков С. Карна и Жля // Олжас и Я. М.: Худож. лит., 2016. С. 204-205.
16. Олейник Б. Величальная побратиму // Олжас и Я. М.: Худож. лит., 2016. С. 219-221.
17. Маркиш Д. Степной ветер легенды // Олжас и Я. М.: Худож. лит., 2016. С. 199-203.
18. Павлычко Д. Моё слово Олжасу // Олжас и Я. М.: Худож. лит., 2016. С. 229-233.
19. Сулейменов О.О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: «Жазушы», 1975. 304 с.
20. Глостанова М. Главной его мишенью был европоцентризм // Олжас и Я. Книга вторая. М.: Худож. лит., 2018. С. 415-436.
21. Джусупов Н.М. Транслингвальный и транскультурный аспекты стилистического выдвигания в художественном тексте (на материале поэзии О. Сулейменова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 3. С. 519-530.
22. Джусупов Н.М. Концентрация средств выдвигания в поэтическом тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 2. С. 379-387.
23. Джусупов М. Пятитомник «Русская поэзия 20 век» и русскоязычные поэты инофоны (на материале творчества О. Сулейменова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 4. С. 10-19.
24. Бахтикреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 39 с.
25. Бахтикреева У.М. Творческая билингвальная личность: (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: Изд-во «ЦБО» и «МИ», 2009. 282 с.
26. Сулейменов О.О. Определение берега. Избранные стихи и поэмы. Алма-Ата: Изд-во «Жазушы», 1976. 456 с.
27. Зулфикаров Т. Золотая колесница Олжаса Сулейменова // Олжас и Я. М.: Худож. лит., 2016. С. 141-143.
28. Градский А. «Аз и Я» – моя настольная книга // Олжас и Я. М.: Худож. лит., 2016. С. 116.
29. Ким Н.С. Эпидигматические отношения в языке и их реализация в русской художественной речи (на материале поэзии Олжаса Сулейменова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 2002. 24 с.
30. Сарсенбаева А. Анафора в поэзии О.О. Сулейменова (семантико-стилистический и лингвостатистический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2005. 26 с.
31. Марченко А. Гость из будущего // Олжас и Я. М.: Худож. лит., 2016. С. 206-213.

References

1. Suleymenov O.O. *Kod slova. Vvedeniye v universal'nyy etimologicheskij slovar' «1001 slovo»* [Word Code. Introduction to the Universal Etymological Dictionary]. Almaty, 2014, 148 p. (In Russian).
2. Suleymenov O.O., Bakhtikireyeva U.M., Dzhusupov M.M., Valentinova O.I., Dikhtyar S.V., Dubrovina M.E., Valikova O.A., Ismailov G.I. *Kod slova. Polilog* [Word code. Polylogue]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' – Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Problems Of Education: Languages and Speciality*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 128-165. (In Russian).
3. Dzhusupov M. «Yazyk pis'ma» ili «Pis'mo – yazyk v grafike» (odinakovoye v raznom i raznoye v odinakovom). *Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki – Polylinguality and Transcultural Practices*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 422-444. (In Russian).

4. Preobrazhenskiy S.Y. O «Voobrazhayemoy filologii» O.O. Suleymenova [On “Imaginary Philology” by O.O. Suleiminov]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki – Polylinguality and Transcultural Practices*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 406-409. (In Russian).
5. Gumboldt V. O razlichii stroyeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniya na razvitiye chelovechestva [The heterogeneity of language and its influence on the intellectual development of mankind]. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu – Selected Works on Linguistics*, Moscow, 1984. (In Russian).
6. Gumboldt V. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow, 1985. (In Russian).
7. Ivanov V.V. *Ot bukvy i sloga k iyeroglifu. Sistemy pis'ma v prostranstve i vremeni* [From Letter and Syllable to Hieroglyph. Script Systems in Place and Time]. Moscow, LRC Publ. House, 2016. 272 p. (In Russian).
8. Akhundova E. Vseennaya Olzhasa [Olzhas's universe]. *Olzhas i ya* [Olzhas and I]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2016, pp. 60-65. (In Russian).
9. Fishler A. Poet mezhdv dvumya vseennymi (perevod Valeriya Tolmacheva) [Poet between two universes (translated by Valeriya Tolmachev)]. *Olzhas i ya* [Olzhas and I]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2016, pp. 337-340. (In Russian).
10. Rudalski I. Vstrechi v Pol'she [Meetings in Poland]. *Olzhas i ya* [Olzhas and I]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2016, pp. 282-285. (In Russian).
11. Laypanov B. Zemlya, poklonis' cheloveku! (Perevod Aminy Aliyevoy) [Earth, bow to the human! (Translated by Amina Aliyeva)]. *Olzhas i ya* [Olzhas and I]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2016, pp. 186-192. (In Russian).
12. Shashkova L. Pod znakom Olzhasa [Under the sign of Olzhas]. *Olzhas i Ya. Kniga vtoraya*. [Olzhas and I. Book Two]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2018. pp. 483-491. (In Russian).
13. Simonov K. V podderzhku poeta [In support of the poet]. *Olzhas i ya* [Olzhas and I]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2016, pp. 288-291. (In Russian).
14. Auezov M.M. Osenennyy vydokhom vechnosti – slovom [Overshadowed by the eternity's exhalation – the word]. *Olzhas i Ya. Kniga vtoraya*. [Olzhas and I. Book Two]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2018, pp. 52-61. (In Russian).
15. Markov S. Karna i Zhlya. *Olzhas i ya* [Olzhas and I]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2016, pp. 204-205. (In Russian).
16. Oleynik B. Velichal'naya pobratimu [Magnificat to the sworn brother]. *Olzhas i ya* [Olzhas and I]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2016, pp. 219-221. (In Russian).
17. Markish D. Stepnoy veter legendy [Steppe wind of a legend]. *Olzhas i ya* [Olzhas and I]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2016, pp. 199-203. (In Russian).
18. Pavlychko D. Moye slovo Olzhasu [My word to Olzhas]. *Olzhas i ya* [Olzhas and I]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2016, pp. 229-233. (In Russian).
19. Suleymenov O.O. *Az i Ya. Kniga blagonamerennogo chitatatelya* [Az and I. A well-meaning reader's book]. Alma-Ata, “Zhazushy” Publ., 1975, 304 p.
20. Tlostanova M. Glavnyy ego mishcheniyu byl evropotsentrizm [His main target was Eurocentrism]. *Olzhas i Ya. Kniga vtoraya*. [Olzhas and I. Book Two]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2018. pp. 415-436. (In Russian).
21. Dzhusupov N.M. Translingval'nyy i transkul'turnyy aspekty stilisticheskogo vydvizheniya v khudozhestvennom tekste (na materiale poezii O. Suleymenova) [Translingual and transcultural aspects of stylistic foregrounding in the literary text (based on O. Suleymenov's poetry)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal Of Language Studies, Semiotics And Semantics*, 2017, no. 3, pp. 519-530. (In Russian).
22. Dzhusupov N.M. Kontsentratsiya sredstv vydvizheniya v poeticheskom tekste [Concentration of foregrounding devices in a poetic text]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal Of Language Studies, Semiotics And Semantics*, 2018, vol. 9, no. 2, pp. 379-387. (In Russian).
23. Dzhusupov M. Pyatitomnik «Russkaya poeziya 20 vek» i russkoyazychnyye poety inofony (na materiale tvorчества O. Suleymenova) [Five-volume edition “Russian poetry. XX century” and inophone Russian speaking poets (creative works by Olzhas Suleymenov)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal Of Language Studies, Semiotics And Semantics*, 2013, no. 4, pp. 10-19. (In Russian).
24. Bakhtikreyeva U.M. *Khudozhestvennyy bilingvizm i osobennosti russkogo khudozhestvennogo teksta pisatelya-bilingva: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Artistic Bilingualism and Features of the Russian Literary Text of a Bilingual Writer. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2005, 39 p. (In Russian).

25. Bakhtikireyeva U.M. *Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost': (osobennosti russkogo teksta avtora tyurkskogo proiskhozhdeniya)* [Creative Bilingual Personality: (Features of the Russian Text by the Author of Turkic Origin)]. Astana, "TsBO" i "MI" Publ., 2009, 282 p. (In Russian).
26. Suleymenov O.O. *Opredeleniye Berega. Izbrannyye Stikhi i Poemy* [The definition of the coast. Selected verses and poems]. Alma-Ata, "Zhazushy" Publ., 1976, 456 p. (In Russian).
27. Zulfikarov T. Zolotaya kolesnitsa Olzhasa Suleymenova [Olzhas Suleymenov's golden chariot]. *Olzhas i ya* [Olzhas and I]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2016, pp. 141-143. (In Russian).
28. Gradskiy A. «Az i Ya» moya nastol'naya kniga ["Az and I" my desk book]. *Olzhas i ya* [Olzhas and I]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2016, pp. 116. (In Russian).
29. Kim N.S. *Epidigmaticheskiye otnosheniya v yazyke i ikh realizatsiya v russkoy khudozhestvennoy rechi (na materiale poezii Olzhasa Suleymenova): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* [Epidigmatic Relations in Language and Their Implementation in Russian Artistic Speech (Based on the Poetry of Olzhas Suleimenov). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tashkent, 2002, 24 p. (In Russian).
30. Sarsenbayeva A. *Anafora v poezii O.O. Suleymenova (semantiko-stilisticheskiy i lingvostatisticheskiy aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Anaphora in O.O. Suleimenov's Poetry (Semantic, Stylistic, Linguistic and Statistical Aspects). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Almaty, 2005, 26 p. (In Russian).
31. Marchenko A. Gost' iz budushchego [Guest from the future]. *Olzhas i ya* [Olzhas and I]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2016, pp. 206-213. (In Russian).

Информация об авторе

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка, заслуженный профессор Узбекского государственного университета мировых языков. Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, работа с литературными источниками, анализ текстов, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2934-2333>

Поступила в редакцию 31.12.2019 г.

Поступила после рецензирования 16.01.2020 г.

Принята к публикации 11.02.2020 г.

Information about the author

Mahanbet Dzhusupov, Doctor of Philology, Professor, Professor of Modern Russian Language Department, Honored Professor of Uzbek State University of World Languages. Uzbek State University of World Languages, Tashkent, the Republic of Uzbekistan. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

Contribution: study conception, work with literature references, texts analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2934-2333>

Received 31 December 2019

Reviewed 16 January 2020

Accepted for press 11 February 2020

Репрезентация культурного образа «семья» персонажами русских сказок (на материале образов волка, лисы и зайца)

Кумба СИССЕ

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0411-5043>, e-mail: coumba89@outlook.com

Representation of the “family” cultural image by characters in Russian tales (based on images of a wolf, fox and hare)

Coumba CISSE

Voronezh State University
1 Universitetskaya Sq, Voronezh 394018, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0411-5043>, e-mail: coumba89@outlook.com

Аннотация. Рассмотрены русские народные сказки, персонажами которых являются волк, лиса и заяц. Обосновано, что в русских сказках ВОЛК, ЛИСА и ЗАЯЦ обладают репрезентативными качествами – они выступают в качестве репрезентанта человека, то есть являются вполне определёнными метафорическими репрезентантами стратегии поведения конкретного человека, его действий и поступков в семье. Широко представленные в фольклорно-этнографическом контексте образы этих животных отражают типичную схему поведения в семье, мышления и оценку любого человека с русским менталитетом. Подчёркивается, что корни русского фольклора глубоко и неразрывно связаны с его базовыми семейными ценностями, которые в фольклоре отражают образы животного мира, представленные в яркой и доступной художественной форме. Образы волка, лисы и зайца транслируются во множестве поколений, через фольклорный текст, приобщая и детей, и взрослых к собственным семейным базовым ценностям и укрепляя прочную гармоничную национально-культурную основу. Обосновывается, что в русских народных сказках отношения между волком и лисой выстраиваются с учётом гендерного фактора, что позволяет раскрыть схему поведения в отношениях между мужчиной и женщиной.

Ключевые слова: русский фольклор; образы животных; репрезентация; семейные ценности

Для цитирования: Сиссе Кумба. Репрезентация культурного образа «семья» персонажами русских сказок (на материале образов волка, лисы и зайца) // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 362-367. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-362-367

Abstract. The research considers Russian folk tales, the characters of which are a wolf, fox and hare. It is substantiated that in Russian tales, a WOLF, FOX and HARE have representative qualities – they serve as a representative of a person, that is, they are quite definite metaphorical representatives of a person's behavior strategy, actions and behavior in the family. Images of these animals, widely presented in the folklore and ethnographic context, reflect a typical pattern of behavior in the family, thinking and appreciation of any person with a Russian mentality. It is emphasized that the roots of Russian folklore are deeply and inextricably linked with its basic family values, which in folklore reflect the images of the animal world, presented in a bright and accessible artistic form. Images of a wolf, fox and hare are transmitted over many generations, through folklore texts, introducing both children and adults to the family's basic values and consolidating a strong harmonious national and cultural foundation. It is proved that in Russian folk tales, the relationship between a wolf and a fox is built taking into account the gender factor, which allows to reveal the pattern of behavior in the relationship between a man and a woman.

Keywords: Russian folklore; images of animals; representation; family values

For citation: *Cisse Coumba. Rezentatsiya kul'turnogo obraza «sem'ya» personazhami russkikh skazok (na materiale obrazov volka, lisy i zaytsa) [Representation of the “family” cultural image by characters in Russian tales (based on images of a wolf, fox and hare)]. Neofilologiya – Neophilology, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 362-367. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-362-367 (In Russian, Abstr. in Engl.)*

Стереотипы в сознании каждого народа имеют свою специфику, обусловленную национальными особенностями мышления того или иного народа. Многие стереотипные представления народа о животных находят отражение в сказках и служат сохранению и передаче культурной информации из поколения в поколение.

Сказку как элемент фольклора можно трактовать как совокупность коллективных знаний, идей и представлений о человеке, его взаимоотношениях с миром и о самом этом мире, получившую реализацию и закрепление в текстах. Фольклорное видение мира раскрывается в них через систему ценностей, отобранных и упорядоченных в соответствии с народной философией, особенностями народного мировосприятия и миропонимания.

Сказки учат детей с раннего детства тому, что хорошо или плохо, какова роль каждого члена семьи или общества, а также гендерным представлениям. Из сказок дети получают знания о том, что мальчики должны быть активными, решительными, смелыми и уметь постоять за себя, потому что они являются будущими отцами, а девушки должны быть нежными, любящими, умными, поскольку это будущие матери. В любой сказке есть элементы действительности. М. Горький обращал внимание на то, что «если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться»¹. Речь идёт о том, животные позволяют нам без объяснения понять характер главного героя, в сказке они становятся своего рода персонафикацией действий, и поэтому образы животных используются в сказке для репрезентации тех или иных качеств человека, таких как упрямство, сила, хитрость, слабость, доброта. Например, *лисой* называют хитрого человека, *глупого* и *жадного* человека приня-

то сравнивать с волком: «*Сытый волк смиреннее ненасытного человека*».

В данной работе представлена попытка проанализировать образы волка, лисы и зайца в русских народных сказках, способствующих отражению древнего родового уклада семьи. Материалом исследования послужило издание А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки» [1], частично были использованы «Русские заветные сказки».

Волк, лиса и заяц являются самыми популярными и главными персонажами русских народных сказок о диких животных. Ю.Ю. Мариничева приводит следующие данные о частотности появления тех или иных животных в качестве главных персонажей сказок: ЛИСА (около 50 % анализируемых текстов), ВОЛК (42 %), МЕДВЕДЬ (28 %), ЗАЯЦ (25 %) [2, с. 225]. Учёный подчёркивает, что животные в русских сказках «являются не только персонажами, но и вполне определёнными стратегиями поведения, действия и поступков конкретного человека, носящими имя лисы, волка и зайца [2, с. 223].

Слово *лиса*, по словарю В.И. Даля, имеет несколько значений и может выступать в качестве прозвища человека: Лиса – лукавый, хитрый человек [3, с. 254]. В этимологическом словаре М. Фасмера отмечены глагол «*лисить*» в значении «*лестить*» и прилагательное «*лисоватый*» в значении «*хитрый, лукавый*» [4, с. 500].

При описании внешних и внутренних характеристик человека происходит образное сравнение с животными. Происходит перенос «животное → человек», который отражает как положительные, так и отрицательные ассоциации. В основе таких ассоциаций лежит сходство с каким-либо качеством животного или свойственной ему особенностью, например, выделяется группа характеристики по признаку «внутренние качества человека». Структуру этой группы образуют лексемы, семантика которых связана с обозначением внутреннего мира человека: его

¹ Русское народное поэтическое творчество: хрестоматия для филолог. фак-тов пед. ин-тов / под ред. Н.И. Кравцова. М.: Просвещение, 1971. С. 13.

мышлением (ум, глупость), чувствами и эмоциями (храбрый, смелый, трусливый).

Человек на протяжении всей своей истории пытается отождествлять себя с каким-нибудь животным или, глядя на другого человека, находит сходство его с каким-нибудь животным. В результате этого человек наделяется определёнными качествами: умом или глупостью, трудолюбием или ленью, храбростью или трусостью, скромностью или самовосхвалением/хвастливостью, старательностью или халатностью по отношению к делу и т. п. [5, с. 9].

В русском языке трусливого и слабого человека принято сравнивать с зайцем: «труслив как заяц», человека старательного, прикладывающего все усилия для достижения цели, сравнивают с лисой. Человека, обладающего знаниями, определённым мастерством и опытом, принято шутливо называть «старым волком», «матёрым волком».

Важно отметить условность названия сказок о животных. Названия сказок несут информацию не только о самих животных как персонажах, но и сведения о человеческих характерах. Эти сказки описывают поведение животных, участвующих в конфликтах, которые ассоциируются с конфликтами между людьми и даже между социальными классами, то есть сказки о животных – это по сути сказки о людях, Н.М. Ведерникова подчёркивает, что «мир зверей» есть форма выражения мыслей и чувств человека, его взглядов на жизнь. «Говорящие животные, рассуждающие и ведущие себя, как люди, становятся поэтической условностью» [6, с. 71].

В сказках о животных речь идёт и об укладе семьи, так как семья является одним из фундаментальных институтов общества, придающим ему стабильность, демонстрирует тёплые и добрые взаимоотношения нескольких поколений.

В русской фольклористике принято считать, что антиподом лисы является волк, представленный как персонаж несчастный, бесхитростный, постоянно попадающий на хитрости лисы («Кто волком родился, тому лисой не бывает»; «Лиса семерых волков проведёт»); вечно голодный («Волк голодает, лиса – лакомка», «Голодный как волк», «Проголодался как волк»).

Между тем реальный волк обладает совсем не теми качествами, которые ему обычно приписываются. Этнографические наблюдения А.А. Меняйлова свидетельствуют о том, что волк обладает следующими качествами:

1) никогда на человека не нападает [7, с. 63];

2) необычайно умён и способен на многогодовые комбинации [7, с. 26];

3) чрезвычайно коллективное животное в рамках волчьей стаи, включающей сотни и тысячи семей на громадных территориях [7, с. 97].

Пытаясь ответить на вопрос, почему волк всегда поддаётся на хитрости лисы, видим, во-первых, волк в отношениях с лисой почти всегда простодушен, наивен и доверчив, жалостлив. Во-вторых, учитывая гендерный аспект толкования смысла отношения волка с лисой в русских народных сказках, поведение волка можно интерпретировать как предостережение русских мужчин от союзов с такими женщинами, как лиса.

Как известно, древний уклад семьи был устроен так, что главой семьи был исключительно мужчина, и все должны его уважать ради грамотного распоряжения трудовой силой всех членов семьи, глава семей следил за общественной и религиозной нравственностью своих родных. Женщины занимались воспитанием малышей и обихаживали мужчин. Церкви в то время требовали от женщин, чтобы они воспитывали в своих малышах, в первую очередь, уважение к старшим, послушание, а также терпение. Кроме этого, дети должны были во всём слушать мать и не перечить ей. Поэтому женщины не должны были доминировать над мужчинами. Отрицательные качества лисы в русских сказках как бы предостерегают мужчин от хитрых женщин, олицетворения злого и острого ума, разрушающего семейные отношения.

Слово «волк» относится к существительным мужского рода, то есть отражает образ мужчины, а слово «лиса» входит в разряд существительных женского рода, отражая образ женщины. Оба персонажа наделены антропоморфными признаками. Как мужчина жалеет женщину, так и волк жалеет лису. Лиса в сказках является выразителем соблазна, она может притвориться беззащитной

и слабой, чтобы обманывать других и манипулировать ими для достижения желаемого. По мнению В.Я. Проппа, лисичка слабая, но обманывает сильного и глупого волка и из всех бед выходит победительницей [8].

Так, в сказке «Лиса и волк» волк дважды поддаётся на обман лисы: когда она учит его, как ловить рыбу в проруби на собственный хвост, в результате чего хвост примёрз ко льду, и когда избитый бабами, с оторванным хвостом волк вынужден везти на себе попавшую в тесто лису, у которой, якобы, вылезли мозги, волк пожалел и довёл её. *«А волк ей навстречу: «Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!» – «Эх, куманёк, – говорит лисичка-сестричка, – у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь».* – *«И то правда, – говорит волк, – где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя довезу».* *Лисичка села ему на спину, он её и понёс. Вот лисичка-сестричка сидит, да потихоньку и говорит: «Битый небитого везёт, битый небитого везёт».* – *«Что ты, кумушка, говоришь?» – «Я, куманёк, говорю: битый битого везёт».* – *«Так, кумушка, так!»*

В сказке «Лиса-повитуха» лиса хитростью получила желаемый мёд, ещё и заставила волка признаться в том, чего он не делал. *«Ну, хорошо! – говорит лисица. – Давай ляжем на солнышке, у кого вытопится мёд, тот и виноват».* *Пошли, легли. Лисице не спится, а серый волк храпит во всю пасть. Глядь-поглядь, у кумы-то и показался медок; она нутко скорее перемазывать его на волка.* *«Кум, кум, – толкает волка, – это что? Вот кто съел!»* И волк повинился [1, с. 15-17].

В сказке «Лиса-повитуха» мы видим, как волк и лиса живут семьёй, где показан устойчивый уклад семьи, которая живёт в доме.

Эти две сказки ярко отражают отношения между волком и лисой. Волк верит словам лисы, а не очевидности неблагоприятных поступков, и во взаимоотношениях с лисцей он непременно попадает впросак, не потому что он глуп, а потому, что он просто любит и жалеет её.

Крайне интересно употребление лексемы КУМ и КУМА в этих сказках как обращение друг к другу. В словаре С.И. Ожегова слово «кум» имеет значение – «это крёстный отец ребёнка по отношению к его родителям и

крёстной матери этого же ребёнка (крестника)» [9, с. 1133]. Соответственно кума – это крёстная мать ребенка по отношению к его родителям и крёстному отцу крестника, то есть кум с кумой имеют духовную связь. Иными словами, персонажи волк и лиса имеют духовную связь.

Образ лисы в русских народных сказках намного интереснее образов других животных. Этот персонаж наделён человеческими чертами характера, о чём свидетельствует её рассудительность, лиса видит мир во всей его сложности, она стремится сразу к нескольким целям, изобретает множество стратегий поведения. Наблюдая за поведением лисы в сказках, человек видит себя.

Однако необходимо помнить, что главная функция сказок – воспитание, каждый образ животного имеет воспитывающее значение, и в сказках о животных абстрактное понятие о чертах характера народа конкретизируется через образы животных, поэтому лиса часто достигает желаемого и выходит сухой из воды, но она иногда тоже бывает наказана за свои хитрости, чтобы показать детям, что, с одной стороны, хитрость в жизни иногда нужна, а с другой стороны, что хитрых надо опасаться.

В сказке «Лиса, Заяц и Петух» лиса попросилась к зайцу в дом и его же из дома выгнала, потому что она знает, что заяц не может постоять за себя. В русских сказках сложился следующий образ зайца: это слабое существо, а слабого человека принято сравнивать с зайцем: «труслив как заяц».

Стереотипное представление о зайце связано также с проявлением любви и нежности, так как заяц не агрессивен, беззащитен, и он маленький. В словаре С.И. Ожегова отмечены уменьшительно-ласковые апеллятивы «зайка», «заинька», «зайчик», «зайчишка» [9]. Подобные слова частотно отражены в русских сказках в значении «маленький ребёнок, который не может защититься от врагов, поэтому боится каждого шороха». Именно поэтому остальные животные ему постоянно помогают, что нашло отражение в сказке «Лиса, Заяц и Петух».

В этой сказке за зайца заступаются другие звери, но прогнать лису смог только Петух. *«О чём, зайчик, плачешь?» – «Отстань, петух! Как мне не плакать? Была у меня из-*

бёнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала» [1, с. 27]. Отношение зайца с лисой – это отношение маленького ребёнка со злой и недостойной женщиной, у неё просто нет добрых чувств и помыслов.

Наблюдение за образом зайца и его поведением в народных русских сказках показывает, что заяц не уверен в себе, у него заниженная самооценка, он прячется от приближающейся опасности, он сильно дрожит и трясётся от страха, поэтому он спит с открытыми глазами: выражение «Спит, как заяц» – так говорят о том, у кого чуткий сон [10, с. 177-199].

Заветная мечта зайца – стать храбрым, поэтому он иногда выдает желаемое за действительное (хвастается, что никого не боится). См., например, сказки «Зайцы и лягушки», «Заяц-хваста» и др. Так, в сказке «Зайцы и лягушки» зайцы жалуются на свою жизнь, на то, что им приходится бояться и людей, и собак, и других животных. Чем в страхе жить и мучиться, они решили утопиться. Но, придя на озеро топиться, они увидели, что лягушки, испугавшись их, прыгнули в воду. Тогда зайцы передумали топиться, потому что поняли, что лягушкам приходится ещё хуже, так как они боятся даже зайцев [1, с. 27]. Этот сюжет лежит в основе пословицы, отмеченной Словарём В.И. Даля: «*Заяц от лисицы, а лягушка от зайца бежит*».

В сказке «Заяц-хваста» заяц хвастается, что он никого не боится, но потом действительно спас ворону от собак [1, с. 27], сравните существующее в русском языке выра-

жение «*Как (косой) заяц на пеньке*» – «рассхвастаться»).

Образы волка, лисы и зайца являются ключевыми культурными образами, сформированными русским фольклором на протяжении многих тысячелетий. Эти персонажи в русских сказках приобретают иносказательный характер, они говорят и действуют, как люди, и спроецированы на жизнь людей. Образ того или иного животного связан с образом конкретного человека по ассоциации с определёнными признаками, что и даёт основание использовать его переносное значение в формировании нравственности человека.

Таким образом, жанр сказки содержит образы, отражающие одну из форм восприятия сознанием животного мира через призму семейного быта, который служит своеобразным зеркалом национальных русских традиций, проверенных временем, отражением ориентированных моделей поведения мужчины и женщины в семье (волк – сильное животное, но в сказках он жалеет лицу как женщину).

Сюжеты анималистических сказок с образами животных волка, лисы и зайца – это свидетельство семейных отношений, когда муж должен жалеть жену, супруги должны понимать друг друга (сказка «Лиса-повитуха»), это воспитание в семье у ребёнка чувства побуждения уверенности в своих силах (сказка «Заяц-хваста»), это развитие социальных и эмоциональных навыков – воспитание чувства помощи людям, которые физически слабее тебя (сказка «Лиса, Заяц и Петух»).

Список литературы

1. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: в 3 т. Москва; Ленинград: Наука, 1984. 507 с.
2. *Мариничева Ю.Ю.* Русские сказки о животных: система персонажей // Антропологический форум: Online версия. СПб., 2011. № 15. С. 216-233.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989–1991.
4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986 Т. 2.
5. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Но-ринт, 2008. 1536 с.
6. *Ведерникова Н.М.* Русская народная сказка. М.: Наука, 1975. 135 с.
7. *Меняйлов А.А.* Смотрите, смотрите внимательно, о волки! М.: Крафт+, 2005. 480 с.
8. *Пропп В.Я.* Предисловие // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. С. III-XVI.
9. *Ожегов С.И., Шведова Н.* Словарь русского языка. М., 2009. 3423 с.
10. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Изд-во «Индрик», 1997. 912 с.

References

1. Afanasyev A.N. *Narodnyye russkiye skazki: v 3 t.* [Russian Folk Tales: in 3 vols.]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1984, 507 p. (In Russian).
2. Marinicheva Y.Y. Russkiye skazki o zhivotnykh: sistema personazhey [Russian animal tales: the system of characters]. *Antropologicheskii forum: Online versiya – Forum for Anthropology and Culture: Online*, 2011, no. 15, pp. 216–233. (In Russian).
3. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1989–1991, vol. 2. (In Russian).
4. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, 1986, vol. 2. (In Russian).
5. Kuznetsov S.A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2008, 1536 p. (In Russian).
6. Vedernikova N.M. *Russkaya narodnaya skazka* [The Russian Fairy Tale]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 135 p. (In Russian).
7. Menyaylov A.A. *Smotrite, smotrite внимател'но, о волки!* [Watch, Watch Carefully, Oh Wolves!]. Moscow, Kraft+ Publ., 2005, 480 p. (In Russian).
8. Propp V.Y. Predisloviye [Preface]. *Narodnyye russkiye skazki A.N. Afanasyeva: v 3 t.* [Afanasyev's Russian Folk Fairy Tales: in 3 vols.]. Moscow, State Publishing House for Literary Works, 1957, vol. 1, pp. III–XVI. (In Russian).
9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2009, 3423 p. (In Russian).
10. Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Symbolics of Animals in Slavic National Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 912 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сиссе Кумба, аспирант, кафедра славянской филологии. Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: coumba89@outlook.com

Вклад в статью: впервые рассмотрен вопрос об антропоцентричном рассмотрении животных – персонажей русских сказок – как отражение антропоцентризма во взгляде на древнюю славянскую семью как ещё родовую (добрачную) общину; поставлен вопрос о специфическом характере гендерности в глубоко антропоцентрическом фольклорном повествовании о животных; поставлен и вопрос о существенном различии в антропоцентризме русских сказок о животных и аналогичных по тематике сказок Западной Европы.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0411-5043>

Поступила в редакцию 22.10.2019 г.

Поступила после рецензирования 16.01.2020 г.

Принята к публикации 20.03.2020 г.

Information about the author

Coumba Cisse, Post-Graduate Student, Slavic Philology Department. Voronezh State University. Voronezh, Russian Federation. E-mail: coumba89@outlook.com

Contribution: the question of anthropocentric consideration of animals – characters of Russian fairy tales – as a reflection of anthropocentrism in the view on the ancient Slavic family as a generic (pre-marital) community is considered for the first time; the question about the specific nature of gender in a deeply anthropocentric folklore narrative about animals is raised; the question about a significant difference in the anthropocentrism of Russian fairy tales about animals and similar fairy tales in Western Europe is also raised.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0411-5043>

Received 22 October 2019

Reviewed 16 January 2020

Accepted for press 20 March 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-368-376
УДК 82-1

Дневник как литературный жанр

Жанат Хамаровна САЛХАНОВА, Арай Саяновна УТЕБЕКОВА

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4933-4824>, e-mail: Salkhanova.zhanat@mail.ru
e-mail: aray.utebekova@yahoo.com

Diary as a literary genre

Zhanat K. SALKHANOVA, Aray S. UTEBEKOVA

Al-Farabi Kazakh National University
71 al-Farabi Ave, Almaty 050040, Republic of Kazakhstan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4933-4824>, e-mail: Salkhanova.zhanat@mail.ru
e-mail: aray.utebekova@yahoo.com

Аннотация. Рассмотрена специфика дневника как жанра литературы. Представлена попытка разобраться в жанровой природе дневника и выявить характерные признаки его повествовательной структуры. Обращаясь к дневниковым записям Бахыта Каирбекова, проанализированы подвиды дневника как жанра и поставлен вопрос об интертекстуальной специфике дневников поэта. Выявлены такие характерные признаки повествовательной структуры дневников, как хронологичность, датированность, афористичность, диалогичность, оценочность. Доказано, что специфическая форма дневника является одной из особенностей идиостиля творческой личности, реализующей свои способности в различных сферах творчества. Установлено, что дневниковая форма записи характеризуется рядом особенностей, которые могут быть реализованы в большей или меньшей степени в каждом дневнике: 1) периодичность, регулярность ведения записей; 2) связь записей с текущими, а не с давно прошедшими событиями; 3) спонтанный характер записей; 4) литературная необработанность записей; 5) безадресность или неопределённость адресата; 6) интимный и поэтому искренний, частный характер записей.

Ключевые слова: жанр; литературный дневник; типология дневников; хронологичность; интертекстуальность; афористичность; оценочность

Для цитирования: Салханова Ж.Х., Утебекова А.С. Дневник как литературный жанр // Нефилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 368-376. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-368-376

Abstract. The specifics of the diary as a genre of literature is considered. An attempt is made to understand the genre nature of the diary and identify the characteristic features of its narrative structure. Turning to the diary entries of Bakhyt Kairbekov, we analyze the subspecies of the diary as a genre and pose the question of the intertextual specifics of the poet's diaries. We reveal such characteristic features of the narrative structure of diaries as chronology, dating, aphorism, dialogics, evaluation. It is proved that the specific form of the diary is one of the individual style of a artistic person who realizes his abilities in various fields of artistic work. We establish that the diary form of writing is characterized by a number of features that can be implemented to a greater or lesser extent in each diary: 1) the frequency, regularity of recordings; 2) the relationship of records with current, and not with long-past events; 3) the spontaneous nature of the records; 4) literary rawness of records; 5) addresslessness or uncertainty of the addressee; 6) the intimate and therefore sincere, private nature of the notes.

Keywords: genre; literary diary; typology of diaries; chronology; intertextuality; aphorism; evaluation

For citation: Salkhanova Z.K., Utebekova A.S. Dnevnik kak literaturnyy zhanr [Diary as a literary genre]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 368-376. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-368-376 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Дневник – древнейшая форма литературного творчества, своеобразный «диалог с самим собой». История дневниковой формы повествования есть история её изменения в авторском и читательском сознании – от представления о дневнике как о подневных автобиографических записях реальных лиц до понимания дневниковой формы как художественной формы высказывания. Подневные записи могут содержать обобщения, размышления, заметки о прочитанных книгах, газетных новостях, погоде и т. д. Часто ведение их продиктовано желанием автора дневниковых записей проследить собственное духовное развитие; дневник также служит средством самовоспитания и самоорганизации.

Дневник как литературное произведение в форме повседневных записей писателя, современных описываемым событиям, проник в литературный дискурс из реальной жизни. В дневнике обычно фиксируются только что случившиеся и пережитые события. Он пишется, обычно, для себя и не рассчитан на публичное восприятие, что сообщает ему особую подлинность и достоверность. Как внелитературный жанр дневник отличают предельная искренность, откровенность высказывания. Возникновение дневника как литературной формы было обусловлено несколькими факторами, главным из которых было стремление писателей представить внутренний мир личности через документально обоснованный текст, организованный по принципу собрания достоверных свидетельств и фактов жизни отдельного человека. Следствием этого было использование писателями формы бытового дневника и ряда других документальных текстов.

Писательские дневники – это записи, имеющие форму подневных, ведущиеся на протяжении некоторого времени. В них наблюдаются внешние признаки дневникового повествования – датированность, периодичность ведения; автором приводятся документальные свидетельства, разговоры людей,

выдержки из писем, собственные наблюдения; мало описаний внутренних переживаний, то есть преобладает фиксация внешних событий. В отличие от бытового, автор литературного дневника мало пишет о себе, при этом отмечает всё, что впоследствии может, по его мнению, представлять исторический интерес, либо отбирает отдельные факты и детали, которые в совокупности своей создают художественное единство.

Как правило, дневник писателя публицистичен и зачастую полемичен по отношению к описываемой действительности, то есть подчинён определённой авторской идее. Этой цели служат приводимые автором документальные свидетельства, фрагменты разговоров людей, выдержки из писем, собственные наблюдения. И в этом плане следует отметить сближение дневника писателя с такими жанрами публицистики, как очерк, памфлет, эссе. В отличие от бытового, в дневнике писателя обязательно присутствует оценочное начало; время в нём представляет собой в большей степени условную категорию, так как события здесь подчинены авторскому замыслу.

Исследователями неоднократно предпринимались попытки разработать классификацию дневников, но анализ показывает, что подобного рода попытки учитывают различные особенности дневника: содержательные, формальные, жанровые и др. Универсальной классификации не существует, поскольку дневник представляет собой пограничный жанр, который может рассматриваться в отдельных случаях как литературный или нелитературный текст. В этой связи актуальность проблемы, связанной со спецификой дневника как формы творчества, очевидна.

Обратимся к истории дневника как специфической формы творчества. Жанр дневника – один из древнейших жанров в литературе, первые сведения о котором восходят к истокам письменности. Развитие дневниковых записей началось с X века: «хождения», путешествия, путевые очерки, автобиографические записи, которые ещё трудно отде-

лить от публицистики и летописного повествования, например, сочинение Андрея Курбского «История о великом князе Московском...». С XIII по XIX век в России начинается издание записных книжек и дневников, дорожных заметок, например, «Из старой записной книжки» П. Вяземского. Исследователи отмечают, что реальные дневники, впервые получившие широкое распространение в Англии XVII века, могут рассматриваться как род исторических, историко-биографических или историко-культурных документов: например, судовой дневник мореплавателя Дж. Кука, лицейский дневник декабриста В.К. Кюхельбекера, дневник цензора А.В. Никитенко, публициста А.С. Суворина, многочисленные писательские дневники – В. Скотта, Т.Г. Шевченко, Л.Н. Толстого и других авторов [1, с. 265; 2, с. 125; 3, с. 154].

С XIX века, благодаря использованию писателями фрагментарной формы письма, дневниковая форма повествования получает широкое распространение в литературном процессе. Так, примером такого дневника является дневник Печорина в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». В романе дневник не только способ авторской характеристики и форма самовысказывания героя, но и предмет изображения человеческой души. Здесь дневник – это, в первую очередь, приём психологического изображения героя. В романе сам жанр дневника подвергается анализу. Он как бы раздваивается и теряет свою ценностно-смысловую бесспорность: дневник вводит нас в сложный мир Печорина, заставляет поверить в неподдельность его душевных движений. Вопрос о сущности дневника как жанра вырастает здесь в серьёзную общественно-нравственную проблему. С одной стороны, дневник даёт возможность сочетания анализа и самоанализа, служит и сохранению памяти о случившемся и передуманном. Но, с другой стороны, дневник ведёт к духовной разрозненности – герой втайне казнит окружающих скрытым от них словом дневника. В форме дневника пишутся целые произведения. Так, «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя являются таким произведением, когда в форме дневника отражаются личные воспоминания и впечатления автора, знавшего быт и психологию петербургских чиновников [4, с. 36].

К настоящему времени дневник остаётся «пограничным» жанром, которому присущи некая «двойственность», жанровая неопределённость. В зависимости от того, кто является автором дневника и как образ автора представлен в тексте, выделяются: 1) чисто литературные, целиком вымышленные дневники; 2) дневники писателей либо заранее предназначенные для публикации, либо ведущиеся для себя; 3) дневники обыкновенных людей, представляющие собой просто датированные записи о различных волновавших автора чувствах и событиях.

В большинстве случаев дневники изучались литературоведами в качестве ценных источников информации о жизненном и творческом пути писателей. С лингвистической точки зрения, жанрообразующие признаки дневника недостаточно изучены. В справочной литературе даётся такое определение: «Дневник – форма повествования, ведущегося от первого лица в виде подневных записей. Обычно такие записи не ретроспективны – они современны описываемым событиям. Наиболее определённо дневники выступают как жанровая разновидность художественной прозы и как автобиографические записи реальных лиц» [5, с. 395].

Исследователи выделяют следующие типы дневников: личные, историко-публицистические, литературно-публицистические, мемуарные, духовные, дорожные и интимно-эротические. Это типология, основанная на содержательной составляющей дневников [6, с. 78-79].

В классификации М.Ю. Михеева учитывается не только содержательный, но и формальный компонент. Исследователь выделяет следующие типы дневниковых записей: 1) список текущих дел (ежедневник, блокнот, телефонная книжка); 2) регулярная фиксация, необходимая для порядка или «для истории», того, что произошло за истекший период (вахтенный журнал, адрес-календарь или книга записей актов гражданского состояния); 3) записные книжки (первичный текст, который пишется для себя); 4) собственнодневник (вторичный текст, включает только существенное, предназначен обычно для печати) [7, с. 163; 8, с. 192].

Дневник, как и мемуары, и исповедь, и подобные речезанровые формы, обладает

очень важным свойством самоорганизации. Языковая личность автора, выражая себя предельно субъективно, будучи не связанной рамками условностей, предоставляет самой себе абсолютное право на свободу самовыражения. Возникает состояние амбивалентного парадокса: на первый взгляд, дневник – это предельно удобная форма для абсолютной субъективности, проявления Его в организации текста. Но, с другой стороны, в пространстве дневника возникает двойник этого Его, который действует по своим законам. Этот двойник – внутреннее «я» автора дневника. Если, следуя В.М. Головки, дифференцировать категории «автор» и «автор-повествователь», то в жанре дневника возникают все условия для того, чтобы таким образом разделить непосредственного «автора» текста и «автора-повествователя» [9, с. 112].

В этой связи вызывает интерес вопрос о том, каким образом языковая личность писателя проявляется в дневниковых записях, и как это связано с идиостилем автора – творца художественных произведений?

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В поисках ответа на поставленный вопрос и с целью выявления жанровых особенностей дневника мы обратились к произведениям казахстанского поэта Бахыта Каирбекова. Творчество Б. Каирбекова многогранно, поскольку он известен как поэт, публицист, эссеист, переводчик, сценарист, режиссёр, автор не только поэтических сборников, но и документально-художественных фильмов. Широта и разнообразие творческих интересов автора не могли не отразиться на поэтическом идиостиле, в том числе жанровой специфике произведений.

Обратимся к книге Б. Каирбекова «Части целого. Избранное в 2-х томах. Стихи и проза». Книга имеет подзаголовок «Стихи и проза», автор обозначает жанровые особенности включённых в сборник произведений: стихотворения, эссе, сценарии, переводы, дневниковые записи. И если жанровая природа поэтических произведений, переводов и эссе достаточно чётко выражена, то специфика дневников с точки зрения содержательных и формальных признаков менее ясна, требует анализа, уточнения, определения места дан-

ной формы выражения авторского «я» в контексте его творчества.

Дневники поэта Б. Каирбекова – это яркий пример дневника писателя, сочетающий в себе признаки нескольких первичных жанров: это и запись текущих событий, и регулярная фиксация происходящих в природе и в обществе изменений, и размышления на философские темы, и осмысление себя как писателя и своего творческого метода; здесь есть и фактографические записи, близкие репортажу, и небольшие, но ёмкие высказывания афористического типа, и целые публицистические эссе. И все это разнообразие связывается единой формой дневника, которому как контаминированному жанру свойственна фрагментарность, политематичность, ассоциативные переходы от одной мысли к другой, и сквозными, пронизывающими всё пространство «Дневников» темами. Одним из концептов, структурирующих пространство «Дневников», становится концепт «творчество», репрезентируемый в соответствии с жанровыми особенностями. Литературный дневник Б. Каирбекова является информативно-аналитическим жанром, которому, помимо ведущего замысла – информативного, свойственен аналитический характер в виде философских и оценочных размышлений.

Коммуникативная цель «дневника» – это, с одной стороны, изложить информацию о событиях реальной жизни, а с другой стороны, осмыслить эту информацию, проанализировать и, сопоставив её с принятой шкалой ценностей, оценить, что вытекает из свойств человеческого мышления, ведь «отражение мира человеком совершается в виде познания и оценки». Размышляя о замысле «дневника», Б.Г. Каирбеков отмечает: «Я всегда хотел, мечтал писать дневник, не раз начинал его... Где эти страницы? Всегда пугала откровенность и игра (невольная) перед будущим читателем его. Теперь я понял: игра есть всегда, это – быть может, смысл жизни: без зрителя нет актера, без читателя – нет писателя, без любимой – нет жизни, поэзии, искусства, без смерти – нет солнца, ощущения жизни и т. д. Без Ничего – нет ощущения Всего» [10, с. 115].

Книга Б. Каирбекова «Части целого. Избранное в 2-х томах. Стихи и проза» включает произведения из сборников стихов, напи-

санных в разное время: «Вишнёвый сад» (1972–1985), «Родные травы» (1971–1978), «Глагол жить» (1982), «Пленники ночи» (1986) и др. Автор выделяет в книге специальные разделы, названные «Полночные страницы. Фрагменты дневника» (1982), «Начало хронологии. Части целого. Фрагменты дневника» (1986–1989). То есть литературные тексты перемежаются дневниковыми записями, отражающими мысли и чувства, мироощущения автора. При всём разнообразии записей, сделанных во «фрагментах дневника», выявляются специфические признаки текста.

Во-первых, записи датируются, охват времени достаточно определён: 1982–1989 гг. Автор указывает точные даты, например, 21.01.82, 17.09.83, 15.01.86, 01.11.86, 09.01.87, 04–09.87 и т. д. Особенность заключается в прерывистости записей, автор обращается к дневнику не регулярно, но очень осознанно: «Всё вспоминается. То, что казалось, может, никогда не кончится, тоже стало воспоминанием и, любопытно, что я об этом знал и помнил, и думал о том, что же именно вспомнится потом, а теперь кажется, что я могу вспомнить всё до мельчайших подробностей» [10, с. 141].

Разнообразные по замыслу и языковому воплощению высказывания объединяет форма датированных записей, а также то, что всё входящее в пространство «дневника» мыслится в актуальном хронотопе, в ближайшем настоящем (в отличие от мемуаров, имеющих ретроспективный характер). Информативная интенция автора дневника выражается в однотипных коротких записях, фиксирующих происходящее вокруг. В процессе анализа текстов речевого жанра дневника выявляется их специфика. Дневник обладает жанровыми закономерностями и устойчивыми структурными элементами, свойственными только ему. Именно это позволяет отличать дневник от других жанров.

Во-вторых, автор описывает реальные случаи из собственной жизни, воспоминания об отдельных, важных для него эпизодах; планируемые события и отчёты о выполненной работе. Здесь рядом с автором мы видим друзей и коллег: В. Бадикова, А. Арцишевского, С. Азимова, О. Постникова, С. Шутова и др. В данном случае достоверность днев-

никовых записей не вызывает сомнений, мы словно оказываемся в близком окружении автора, становимся невольными «свидетелями» зарождения, становления и реализации творческих идей: «Родилась идея написать сценарий по «Маленькому принцу» Экзюпери. Пока не знаю, будет ли он мультиком или ещё чем-то. Назвать «Когда он был маленьким». Несколько цитат из неё: Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше...» [10, с. 146].

Дневники, равно как и воспоминания, и исторические источники, являются ценным документом времени для исследователей, так как все описываемые события происходили в действительности, а все персонажи – реальные люди. Разница между дневником и воспоминаниями заключается в том, что при написании воспоминаний автор владеет уже всем материалом и может отбирать только существенную информацию, а автор дневника улавливает лишь ряд моментов, когда ещё не известно, каким будет следующий. В этом отношении дневники ближе к письмам, особенно к регулярной переписке. Как и в письмах, в дневниках сообщается о текущем, материал не отбирается, и новости записываются по горячим следам, без ретушированной оценки людей, событий. Однако между письмом и дневниковой записью есть существенная разница. Письмо рассчитано на чужое восприятие, а дневник пишется для себя и зачастую носит более искренний, честный характер.

В-третьих, значительное место в дневниковых записях занимают размышления и комментарии автора о творчестве, прочитанных книгах, общении с коллегами. Автор часто цитирует писателей, философов, учёных, обращается к истории. Особенность заключается в сочетании монологической и диалогической формы повествовательной структуры дневника. Автор вступает в «заочный» диалог с Л. Гумилевым, И. Шоу, Ж. Ренаром, Ф. Розинером, Л. Розенблюмом, Е. Завадским, Н. Фёдоровым, А. Чанышевым и другими известными людьми, чьи мысли настолько ему близки, что помогают понять собственные мироощущения: «Бессмертно человеческое отношение ко всему. Душа – этноним человечества. Платонов «Джан»,

Тарковский «Сталкер»... Весь Шекспир – мир отношений. Только не равнодушие – источник, питающий фашизм, культ личности, массовый психоз. «Конформист» Моравиа, «Мефистофель» К. Манна, «Змеиное яйцо» Бергмана. Отношение доброе, душевное рождается в общении людей, в общности с природой, с космосом. Тогда человек растёт и вырастает из себя, как из семени – вжившегося в почву, в отношения Земли» [10, с. 123].

В-четвёртых, открытая интертекстуальность дневниковых записей придаёт весомость размышлениям автора, ведь в качестве «единомышленников» он избирает авторитетнейших «собеседников» творческого диалога о поэзии и искусстве, дружбе и любви, жизни и смерти, предназначении человека, поэта, представителя своего народа, своей ментальности, культуры, и в то же время человека мира: «Цитат так много. Переписывая их, как бы становишься сопричастным к ним, т. е. – соавтором, еще точнее – сочувствующим. Так оно и есть в тысячной доле. Уровень их по инерции продолжает поддерживать тебя некоторое пространство текста, уже твоего. Мне кажется, что это незаметно, едва-едва, но медленно делает своё верное дело – оттачивает птичье (ещё грубое) перо, которое может стать пером летописца» [10, с. 161].

В-пятых, на страницах дневника автор нередко обращается к историческим документам, например, к истории кипчаков и кимаков, обитавших на берегах Иртыша. Прежде чем писать сценарий к фильму, автор обращается к истории создания легенды о Козы корпеш и Баян сулу. Историзм даёт возможность глубокому проникновению и постижению тематики произведений, усиливает реализм событий, придаёт фундаментальность творческим поискам сценариста и режиссёра. Автор замечает: «Историческая этнография и фольклор – вот чем я занялся бы с удовольствием и посвятил этому жизнь. Этим занимались Пушкин и Чокан, Абай и Мухтар Ауэзов» [10, с. 183].

В-шестых, значительная часть дневника посвящена кинематографическим интересам автора. Здесь и фрагменты сценариев, и комментарии к просмотренным фильмам, и размышления об искусстве кино: «Смотрел Бергмана «Осеннюю сонату». Больно. Похоже на меня. Эгоизм. Право на эгоизм творче-

ского человека. Творческий человек подчиняет себя искусству, живёт в замкнутом кругу чувств. Ему необходима эта концентрация чувств, потому что чувства (душа) – это жизнь. Экономия чувств ведёт к одиночеству» [10, с. 126].

Ещё пример: «Придумал начало сценария: Ровная плоскость степи. Взгляд медленно движется, следует за ней. Ровная желтизна выгорающей низкорослой травы. Если приглядеться – ящерица дремлет у норки. Неслышно, неспеша пробирается меж звездами – пучками травы паук. Он кажется крупным, невольно вырастая в глазах. Кажется: он один, кто возвышается над степью. Но взгляд уходит вверх – в голубое небо – безоблачное и огромное» [10, с. 129].

В-седьмых, в различных фрагментах дневника «разбросаны» оценочные высказывания автора, при этом оценочность беспристрастная, объективная, честная, особенно по отношению к себе. Дневник как хронология событий своей жизни предусматривает подведение итогов особенно в переходные периоды – в конце месяца, года, десятилетия: «Год на исходе. Неужели с каждым годом всё труднее и труднее ловить и чувствовать дыхание поэзии – этого бесшумного, всеочищающего ветра, несущего собой прохладу юности, свежесть воспоминаний, прозревание души и тела, щедрую всеильную власть над глупостью и равнодушием?» [10, с. 168].

В-восьмых, афористичность высказываний дневника Б. Каирбекова демонстрирует стремление автора сформулировать некие универсальные правила жизни, извлечь уроки из прошлого, оценить настоящее, продумать будущее: «Наследственность, окружение, случайность – вот три вещи, управляющие нашей судьбой» (Акутагава). «Если ты потерял целый день, скажи об этом вслух, и он уже не будет потерянным» (Ренар). «А что может быть прекраснее, чем небо, охватывающее всё, что прекрасно?» (Коперник). «Гений – это привычка, которую кое-кто усваивает» (Валери). «Хрустальный шар – вот всё, что я хочу! Чтоб был передо мной большой хрустальный шар, когда я думаю о людях» ((Розинер). Поэт Б. Каирбеков задаётся вопросом, что же победит: «Желание выжить или желание жить?» Пожалуй, именно эта

фраза воспринимается как ключевой афоризм дневниковых записей автора [10, с. 168].

В-девятых, дневниковые записи, написанные в прозаической форме, вдруг перебегаются стихотворными строками, возникающими в моменты вдохновения. Такое сочетание прозы и поэзии, проникновенные стихи, сопровождающие размышления поэта, усиливают искренность его мыслей и ощущений, эмоциональный фон книги:

Поэтом слыть – приятнейшая лесть.
Поэтом быть – обманчивая честь.

Поэтом слыть – почёт и уважение.
Поэтом быть – немое унижение.

Когда слова, как в мутном киселе,
Пропахли кухней, домом и заботой,

Когда вся нудная и трудная работа –
Всего лишь стих о теле и тепле...

Когда ж слова в борении соседства
Живут в строке – страдая и любя,

И удивительное детство
Рождают в муках из себя, –

Тогда поэтом слыть – уже не важно,
Тогда поэтом быть – отважно!

Поэтом слыть – дурманящая лесть.
Поэтом быть – хула и честь [10, с. 143].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя вышеизложенное, сформулируем выводы о жанре дневника, который, приобретая различные черты в ходе эволюции, на современном этапе характеризуется нами следующим образом: «Дневник – жанр мемуарной литературы, для которого характерна форма повествования от первого лица, ведущегося в виде повседневных, обычно датированных, синхронных с точки зрения системы отражения действительности, записей».

Дневниковая форма записи характеризуется рядом особенностей, которые могут быть реализованы в большей или меньшей степени в каждом дневнике: 1) периодичность, регулярность ведения записей; 2) связь записей с текущими, а не с давно прошедшими событиями; 3) спонтанный характер записей;

4) литературная необработанность записей; 5) безадресность или неопределённость адресата; 6) интимный и поэтому искренний, частный характер записей.

Дневники поэта, публициста, режиссёра Бахыта Каирбекова можно разделить на три подвида по формальным и содержательным признакам, времени и характеру их написания:

1) «подневные» дневники, фиксирующие события в хронологическом порядке, – датированность и синхроничность определяют жанровую природу дневниковых записей;

2) дневники, составленные уже после событий по каким-то разрозненным записям и воспоминаниям, аналитический характер записей является здесь преобладающим;

3) гибридные формы дневника-эссе, в котором автор широко использует фрагменты из историко-документальной, публицистической и художественной литературы, афоризмы и цитаты, созвучные его собственным размышлениям на ту или иную тему, интертекстуальность здесь выступает как специфическая особенность дневника поэта.

Отметим, что речевой жанр дневника Б. Каирбекова характеризуется, прежде всего, предельной открытостью интимизации, её произвольной диалогичностью. Речевое пространство художественного дневника как жанра отличается незащищённостью и хрупкостью, поскольку в узусе любое окказионально-авторское речевое движение сталкивается с нормативно-условным каноном. Ещё одним явным отличием дневника как такового от литературного текста можно считать свободную, неопределённую в стилистическом и семантическом плане манеру письма в дневнике. Художественные произведения выверены автором. Личные же записи – непосредственны, что естественно. События носят спонтанный характер и совершаются с разной степенью регулярности.

Процесс ведения дневника отличается особенностями пространственно-временной организации текста и особенностями отбора материала. Дневники поэта обладают рядом таких устойчивых признаков, как изложение от первого лица, фактографичность, хроникальность, датированность, эмоциональная насыщенность, синхронность, оценочность. Дневниковые записи также имеют ряд лексических особенностей: наличие реальных

топонимов, имён реальных людей, названий книг, фильмов, спектаклей, большое количество оценочной лексики, фрагментов из художественных, публицистических текстов. Интертекстуальность и тематическое разно-

образие дневников Б. Каирбекова отражают многообразную деятельность творческой личности: поэта, переводчика, критика, сценариста, режиссёра.

Список литературы

1. Тамарченко Н.Д. Теоретическая поэтика. М., 2001.
2. Тюпа В.И. Аналитика художественного. Введение в литературный анализ. М., 2011.
3. Lejeune Ph., Bogaert C. *Le Journal Intime: Histoire et Anthologie*. P.: Textuel, 2006.
4. Солганик Г.Я. Стилистика текста. М.: Флинта, 2006.
5. Чудакова М.О. Краткая литературная энциклопедия. М., 2003.
6. Луцевич Л.Ф. Христианство в литературе. М., 2003.
7. Михеев М.Ю. Александр Гладков. Дневник. 1975 год. М.: Нева, 2001. № 5.
8. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст. М.: Водолей Publishers, 2007.
9. Головкин В.М. Онтология понимания литературного жанра. Ставрополь: Мысль, 2011.
10. Каирбеков Б.Г. Части целого. Избранное в 2-х томах. Стихи и проза. Алматы, 1998.

References

1. Tamarchenko N.D. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical Poetics]. Moscow, 2001. (In Russian).
2. Tyupa V.I. *Analitika khudozhestvennogo. Vvedeniye v literaturnyy analiz* [Art Analytics. Introduction to Literature Analysis]. Moscow, 2011. (In Russian).
3. Lejeune P., Bogaert C. *Le Journal Intime: Histoire et Anthologie*. Paris, Textuel Publ., 2006. (In French).
4. Solganik G.Y. *Stilistika teksta* [Text Style]. Moscow, Flinta Publ., 2006. (In Russian).
5. Chudakova M.O. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Encyclopedia of Literature]. Moscow, 2003. (In Russian).
6. Lutsevich L.F. *Khristianstvo v literature* [Christianity in Literature]. Moscow, 2003. (In Russian).
7. Mikheyev M.Y. *Aleksandr Gladkov. Dnevnik. 1975 god* [Alexander Gladkov. Diary. 1975 Year]. Moscow, Neva Publ., 2001, no. 5. (In Russian).
8. Mikheyev M.Y. *Dnevnik kak ego-tekst* [Diary as an Ego Text]. Moscow, Vodoley Publ., 2007. (In Russian).
9. Golovko V.M. *Ontologiya ponimaniya literaturnogo zhanra* [Ontology of Understanding the Literary Genre]. Stavropol, Mysl' Publ., 2011. (In Russian).
10. Kairbekov B.G. *Chasti tselogo. Izbrannoye v 2-kh tomakh. Stikhi i proza* [Parts of the Whole. Collected Works in 2 Volumes. Poems and Prose]. Almaty, 1998. (In Russian).

Информация об авторах

Салханова Жанат Хамаровна, доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: Salkhanova.zhanat@mail.ru

Вклад в статью: идея, анализ дневников, сравнение типов дневников, написание и редактирование статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4933-4824>

Information about the authors

Zhanat K. Salkhanova, Doctor of Pedagogy, Candidate of Philology, Professor, Professor of Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: Salkhanova.zhanat@mail.ru

Contribution: idea, diaries analysis, diary types comparison, manuscript drafting and editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4933-4824>

Утебекова Арай Саяновна, магистрант, кафедра русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: aray.utebekova@yahoo.com

Вклад в статью: изучение дневниковых записей Бахыта Каирбекова, выявление характерных признаков повествовательной структуры дневников, написание статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Салханова Жанат Хамаровна
E-mail: Salkhanova.zhanat@mail.ru

Поступила в редакцию 17.12.2019 г.
Поступила после рецензирования 22.01.2020 г.
Принята к публикации 11.02.2020 г.

Aray S. Utebekova, Master's Degree Student, Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: aray.utebekova@yahoo.com

Contribution: study of Bakhyt Kairbekov's diaries, characteristic features of the diaries' narrative structure identification, manuscript drafting.

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Zhanat K. Salkhanova
E-mail: Salkhanova.zhanat@mail.ru

Received 17 December 2019
Reviewed 22 January 2020
Accepted for press 11 February 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-377-384
УДК 882

Вокруг «мистерии вечной гибели и вечного спасения»: Нравственно-философская «спираль» Ю.В. Бондарева

Людмила Евгеньевна ХВОРОВА¹, Лили ЦЗИНЬ^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>, e-mail: xworowa.mila@yandex.ru

²Биньхайский институт внешних дел, политологии и правоведения
при Тяньцзиньском университете иностранных языков
300072, Китайская Народная Республика, г. Тяньцзинь, Мачанг Роуд, 117
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>, e-mail: Jinlili8361450@126.com

Around the “mystery of eternal destruction and eternal salvation”: The moral and philosophical “spiral” by Y.V. Bondarev

Liudmila E. KHVOROVA¹, Lili JIN^{1,2}

¹Derzhavin Tambov State University
33 Internationalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>, e-mail: xworowa.mila@yandex.ru

²Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law
of Tianjin Foreign Studies University
117 MaChang Rd, Tianjin 300072, People's Republic of China
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>, e-mail: Jinlili8361450@126.com

Аннотация. Речь идёт о специфической «бондаревской» особенности исследования человеческих характеров в целостном поэтико-философском пространстве его произведений о войне, о позиции автора, его манере художественного мышления, о формировании собственного, индивидуально-авторского мировоззрения, основанного на глубоких традициях русской классической художественно-философской мысли, восходящей к произведениям А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Представлены «штрихи» к осмыслению так называемой бондаревской «спирали», формулируются её основные особенности. В аспекте духовно-культурной парадигмы осмысливается поведение некоторых героев Ю.В. Бондарева в ситуации, обозначенной им как «или-или», восходящей к традиционной русской духовной коллизии «вечной гибели или вечного спасения».

Ключевые слова: нравственно-философская спираль; отечественная традиция; соборность; отъединенность; генезис подвига; мир – война

Для цитирования: Хворова Л.Е., Цзинь Лили. Вокруг «мистерии вечной гибели и вечного спасения»: Нравственно-философская «спираль» Ю.В. Бондарева // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 377-384. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-377-384

Abstract. The research deals with a specific “Bondarev’s” feature of the human characters study in holistic poetical and philosophical space of his works about war, the author’s position, his manner of artistic thinking, the formation of his own, individual author’s worldview, which is based on deep traditions of Russian classical artistic and philosophical thought, outgoing to the works of A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy. The “touches” of understanding of the so-called Bondarev’s “spiral” are presented, its main features are formulated. In the aspect of the spiritual and cultural paradigm, the behavior of some Y.V. Bondarev’s heroes is conceptualized in a situation designated by him as “either-or”, dating back to traditional Russian spiritual conflict of “eternal destruction or eternal salvation”.

Keywords: moral and philosophical spiral; domestic tradition; sobornost; isolation; genesis of feat; peace – war

For citation: Khvorova L.E., Jin Lili. Vokrug «misterii vechnoy gibeli i vechного спасeniya»: Nравstvenno-filosofskaya «spiral'» Y.V. Bondareva [Around the “mystery of eternal destruction and eternal salvation”: The moral and philosophical “spiral” by Y.V. Bondarev]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 377-384. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-377-384 (In Russian, Abstr. in Engl.)

75-летию Победы советского народа
в Великой Отечественной войне
посвящается

На всю оставшуюся жизнь
Запомним братство фронтовое,
Как завещание святое...

П. Фоменко, Б. Вахтин

В литературе о Ю.В. Бондареве замечено, что в разработке проблем и в изображении характеров в своих произведениях писатель движется как бы по спирали (см., к примеру, [1]). Причём ему не так важно, центральные это или второстепенные персонажи. Однако всё же некоторые советские критики обвиняли его в повторах, аргументируя свои выводы тем, что у истинного писателя так не должно быть. Но, спустя годы и десятилетия, когда его творчество постепенно сложилось в целостную, многоуровневую систему, и теперь его уже можно осмыслить именно в таком ключе, следует с уверенностью утверждать, что это не «прямая» повторяемость, а именно «спираль» – исследование доминантных духовно-нравственных проблем человеческого характера с постепенным усложнением, напряжением, порою предельным психологическим «сжатием-накалом» в аспекте лучших традиций отечественной классики, сквозь личный, уникальный, своеобразный синтез – переплетение художественного и реального хронотопов: проза писателя о войне создавалась в течение многих десятилетий, начиная с 1950-х гг. Да и можно утверждать, что военная тема так и не ушла из художественной памяти легендарного фронтовика-писателя, продолжающего работать и в настоящее время.

О своём писательском кредо Ю.В. Бондарев часто в тех или иных вариантах говорил, что «...остался самым собой в понимании человека, поставленного на грань «или-или» в момент самой высокой и тяжёлой проверки на человечность» [2, т. 6, с. 109], поскольку сохранились вечными и неизменяемыми такие понятия, как честь, долг, благородство, соборность – в глубинах русского

национального менталитета. «Спираль» Бондарева очевидна в сторону усложнения характеров, скажем, от капитана Ермакова («Батальоны просят огня», 1957) к Новикову («Последние залпы», 1959). Таких примеров можно привести множество, в том числе и в движении от раннего к более позднему творчеству.

Не будет преувеличением констатация, что знаменитое бондаревское «или-или» имеет глубокие нравственно-философские корни и восходит – без преувеличения – к сакральным поискам Ф.М. Достоевского вокруг «мистерии вечной гибели и вечного спасения» (Г. Померанц).

Практически через все произведения Ю.В. Бондарева, так или иначе связанные с войной, прямо или опосредованно осмыслиется вопрос: как добиться (или возможно было бы добиться) военных успехов с меньшими потерями. После победы советское военное руководство часто упрекали в том, что мирная жизнь была завоёвана ценою огромных жертв. Нередко эти упреки слышались и по сей день. Однако следует подчеркнуть, что подобного рода трагическая ситуация (а она, в самом деле, трагическая) не может быть, тем не менее, однолинейной: она обусловлена целой системой проблем как социально-исторического, так и индивидуально-личностного характера. Но следует отметить и её «духовную» составляющую. Ф.М. Достоевский полагал, что война может быть и лекарством для человечества [3, с. 111], оговариваясь при этом, что речь, безусловно, идёт об *освободительной, праведной* войне, и только о ней; подъём духа воюющей нации может дать повод не к объединению людей. В рассматриваемом нами варианте с романами Ю.В. Бондарева это как раз была именно такая война – священная, защитная, освободительная. Именно поэтому, отлично от противника, советские воины в Великую Отечественную войну очень часто сражались, так сказать, «сердцем», не раздумывая над тем или иным поступком, а бросаясь в самое

пекло, как часто говорили простые солдаты в такой ситуации – «без башки». Именно это рождало примеры массового героизма. На данную тему Ю.В. Бондарев много прямо и опосредованно рассуждает на страницах своих художественных и публицистических творений на протяжении всего творческого пути. Другими словами, многочисленные потери, имевшие место в процессе той страшной войны, – далеко не всегда результат тех или иных негативных, непродуманных конкретных поступков военачальников. В генезисе подвига как отдельного человека, так и народа в целом не может лежать рационально-выверенный расчёт; это прежде всего импульсивно-мгновенный порыв, рождённый синтезом чувств, возникающих в условиях экстремальных, но обязательно праведных, рождённых логикой именно войны справедливой. В основе таких чувств скрывается позитивная энергия любви: «Любовь не может заключаться в себе самой, ибо основное свойство её – потребность изливаться на кого-нибудь и на что-нибудь» [4, с. 15].

Проблемы добра и зла, жестокости на войне углубляются в произведениях конца 1970-х – начала 1980-х гг. Многоаспектная усложнённая представлена уже в заглавии кульминационного бондаревского романа «Выбор» (1981). Выбор в его творчестве – это глубокая нравственно-философская, ключевая проблема всех художественных размышлений в рамках тематической смычки «мир–война». На это обращали внимание многие исследователи творчества писателя разных поколений. Исходя из такой постановки вопроса, писатель со временем в процессе становления своей художественной зрелости всё более усложняет человеческие характеры, проверяя их уже не только в ситуации войны, но и в философской связке «война и мир». Поэтому помимо прочих аргументов данное обстоятельство также свидетельствует о том, что характеры Ю.В. Бондарева трудно воспринимать только в рамках ведущего метода советского литературоведения – социалистического реализма. Эту особенность подчеркивал и сам автор: «Литература стала пристальнее исследовать то, что и должна исследовать, – комплекс поступков или импульсов порой непостижимых человеческих эмоций, анализируя в человеке

добро и зло, любовь и ненависть, страх и освобождение от страха... Эти категории, слава Богу, перестали быть только назывными, заданными для геометрического разделения персонажей на «положительных» и «отрицательных». Возникла иная измерительная категория – человечность» [2, т. 6, с. 61].

Размышляя в этой плоскости, Ю.В. Бондарев имел в виду современную ему литературу советского периода, её сложный, мучительный путь избавления, освобождения в том числе и от назойливо навязываемых сентенций критических постулатов многочисленных литературных группировок, заявивших о себе в первые десятилетия Советской власти, которые искоренялись мучительно сложно, несмотря на принятые меры в рамках Первого Всесоюзного съезда советских писателей в 1934 г. В одной из статей мы подчёркивали, что творчество Ю.В. Бондарева всегда выходило за рамки так называемой «гипертрофированной социальности» [5]. Следует также отметить, что размышления писателя сравнимы с традиционными русскими классическими примерами, скажем, с толстовскими («пути исканий» князя Андрея или Пьера Безухова в ситуации «мир и война» в романе «Война и мир»). Автору XX столетия, как и его выдающемуся предшественнику Л.Н. Толстому, такому же участнику военных событий, важно показать, говоря словами О. Михайлова, «какие человеческие черты появились в <...> характере в <...> драматический момент» [6, с. 46]. Исследователь комментирует ситуацию с полковником Иверзевым («Батальоны просят огня»), живописует его душевные муки, которые стали итогом выстраданных поступков, облегчающих участь личного состава батальонов. Другими словами, в этом характере, как и в случае с иными героями Л.Н. Толстого, происходят очень важные перемены, которые даются им невероятно тяжело. Видимо, становление, формирование личностных качеств в экстремальных (военных) условиях помогали и Л.Н. Толстому, и Ю.В. Бондареву более глубоко осмыслить и воспроизводить человеческие характеры.

Рассказывая о полковнике Иверзеве в критический момент, писатель XX века акцентирует внимание читателей на таких деталях его портрета, как «ослабевший голос»,

«закрытые глаза» (которые ранее описывались как «холодные синие» «с льдистым блеском»), «задрожавшая щека», «срывающийся шёпот». Он устраивает мучительную нравственно-психологическую проверку своему герою, постепенно подводя его в итоге к духовно-справедливому выбору. Портретная характеристика в данном случае отнюдь не статична, а подчеркнута назойливо повторяющимися глаголами: «глухо проговорил», «с трудом приподнялся», «повторил... откинувшись на сиденье», «закрыв глаза». И все это для того, чтобы вымученно, опять-таки – повторяя, в конце концов произнести: «Если бы я мог... Если бы я мог...» (здесь и далее выделено нами. – Л. Х., Л. Ц.) [2, т. 1, с. 212].

В системе размышлений Ю.В. Бондарева оказываются многие детали, которые рождает именно военная обстановка. Герои «Батальонов...» как бы продолжают своё развитие в иных, более сложных персонажах романа «Горячий снег» (1970). Для автора очень важна проблема, которую можно осмыслить в рамках традиционной соборности как основополагающей категории русской религиозно-философской мысли: героизм, идущий от сердца, и героизм (?), рождённый эгоистическими соображениями. Здесь уместно вспомнить поведение лейтенанта Дроздовского. Ему желательно продемонстрировать себя перед генералом Бессоновым с «выгодной» стороны. Причём выгода в данном случае не материальная, а «духовная»: Дроздовский мечтает о подвиге. Кажется, что же здесь предосудительного? Но возможна ли вообще *духовная* выгода? Однако в том и тонкость авторских размышлений: «героизм» Дроздовского индивидуалистичен, эгоистичен. Прежде всего его волнуют не судьбы фронтовых товарищей, а собственное эгоистическое устремление. Битва под Сталинградом для Дроздовского – это возможность удовлетворения его юношеского тщеславия. Начальная ситуация личностного «выбора» («или-или») пока ещё на низшем витке «спирали» – в единичной ситуации – представлена в его характере достаточно просто и категорично, как он сам и заявляет генералу Бессонову: «Мы будем здесь до последнего <...>. Хочу заверить Вас, что артиллеристы первой батареи не пожалеют жизни и оправдают оказанное им доверие! Мы готовы умереть!» [2, т. 2, с. 295].

Автор пристально наблюдает за своим героем, комментируя нотки недопустимого индивидуализма в его неокрепшей душе: «Он давно и прочно внушил себе, что первый бой многое будет значить в его судьбе или станет для него последним» [2, т. 2, с. 296]. Уже в этом, раннем романе писатель обнаруживает выдающийся талант художника-словесника. «Любимец командиров-строевиков» с «властным выражением тонкого, бледного лица», Дроздовский, скажем так, любил себя – «играл» «крепкими мускулами гимнаста, ходил на виду у солдат и, наклоняясь, молча и энергично растирался снегом». И далее через необходимый автору повтор следует важное резюме, подчеркивающее игровое-показательное поведение лейтенанта: «и в том, как он умывался и растирался пригоршнями снега, было что-то «демонстративно-упорное» [2, т. 2, с. 173].

Такой способ подачи портретных характеристик персонажей – в традициях русской классики. В частности, позволим себе привести в чем-то схожий психологический рисунок портрета Анны Карениной, где Л.Н. Толстой, настойчиво повторяя нужные ему детали, затем завершает фрагмент портретной характеристики похожим резюме. Как и Дроздовский, Анна на балу явно (неважно – сознательно или несознательно) *прельщает* Вронского и окружающих (в частности, Кити), *понимает*, что на неё обращают внимание, как бы *демонстрирует* свое чёрное платье (цвет также имеет здесь ключевое значение – у Ю.В. Бондарева акцент делается на белом снеге, возможно, намеренно, ведь снег – ключевой элемент заглавия: он в романе «Горячий»). В данном же случае очевиден резко контрастирующий антоним: «белый снег – холодный, как и облик и характер лейтенанта Дроздовского). Л.Н. Толстой играет повторами и другими языковыми конструкциями, создающими некоторую загадочность: «Какая-то сверхъестественная сила притягивала глаза Кити к лицу Анны. Она была прелестна в своём простом чёрном платье, прелестны были её полные руки с браслетами, прелестна твёрдая шея с ниткой жемчуга, прелестны вьющиеся волосы расстроившейся причёски, прелестны грациозные лёгкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своём оживлении; но было что-то

ужасное и жестокое в её прелести» [7, с. 98-99]. Обратим внимание, что и Л.Н. Толстой, и Ю.В. Бондарев, *как бы* «забывая» о душе, в данном случае подчеркивают телесные достоинства, обычно привлекательные в женщине (шея, причёска, грациозные движения рук и ног) и в мужчине (гибкий торс, крепкие мускулы), но резюме, повторяем, подано предельно категорично и намекает как на ключевые черты характера, на дальнейшее трагическое развитие ситуации, так и на оттенки личного отношения писателей к своим героям: *«было что-то ужасное и жестокое в её прелести» (Анна); «было что-то демонстративно-упорное» (Дроздовский)*.

Схожие черты в сравнении с Дроздовским в отдельных деталях можно припомнить и в Андрее Болконском, стремившемся к красивой славе на начальном этапе своего духовного восхождения. Позже по-своему, в духовном плане, Дроздовский «наказан» за своё жестокое отношение к людям. Любопытно проследить, что непреложная жизненная истина, что за всё сделанное, сотворённое, как хорошее, так и скверное, приходится рано или поздно расплачиваться, решается обоими писателями в христианской плоскости. Если Иверзев наказан Провидением гибелью вверенных ему батальонов (именно по этому поводу он и произносит выше приведённые мучительные слова), то «сверхнаказание», даденное Дроздовскому – это гибель Зои Елагиной, близкой ему девушки. Опустошён после тяжёлого ранения и толстовский князь Андрей, также испытавший потерю жены и глубоко разочарованный в личных индивидуалистических порывах.

Давно замечено, что в романе «Горячий снег» на протяжении всего сюжета очевидно противопоставление Кузнецова и Дроздовского. Дроздовскому хочется командовать и своим товарищем по училищу: «Кузнецов... Запомни! В батарее я команду. Я!.. Только я! Здесь не училище! Кончилось панибратство» [2, т. 2, с. 218]. Он убеждён, что дружеских отношений с подчинёнными у командира быть не может. То есть лейтенант Дроздовский проявляет откровенно чуждые, противоположные соборному способу поведения оттенки своего характера, заложенные в глупинах его души.

«Отъединенность» (качество, противоположное соборности, как обозначал его Ф.М. Достоевский) Дроздовского постоянно подчёркивается в тексте романа через образно-поэтический спектр приёмов. Так, потерю связи со своими подчинёнными Ю.В. Бондарев изображает через интересный, скажем так, портретно-интерьерный антураж. По ходу сражения он фактически утрачивает связь не только со своими подчинёнными, но и вообще с окружающими его людьми. Дроздовского автор удаляет от всех. В заключительной, финальной сцене оставшиеся в живых бойцы всего лишь за сутки кровопролитного и напряжённого сражения становятся фактически братьями и символически собираются вокруг котелка. Обыкновенный фронтовой котелок вырастает до размеров «образа-символа», становится как бы «соборным» выражением фронтового братства: ведь в условиях войны это тот сакральный предмет, который давал людям пищу, тепло, а значит – жизнь. Вспоминается старец Зосима Достоевского со своим известным высказыванием («Братья Карамазовы»): «Были бы братья, будет и братство». Так вот, в экстремальных, героико-трагических условиях «братство» родилось фактически за какие-нибудь сутки.

Отчуждённость Дроздовского, его отпадение от «соборного» братства автор акцентирует и через привычные для его творческого почерка уже и в этот, относительно ранний период, портретные детали, которые передают сложный психологический надлом этого персонажа: он шёл «совершенно непохожий на того стройного, подтянутого комбата; ему, видимо, стоило огромных усилий подбежать к генералу и ещё с прежней легкостью кинуть руку к виску, доложить; шёл он разбито-вялой, расслабленной походкой, опустив голову, согнув плечи, ни разу не взглянув в направлении орудия, точно не было вокруг никого» [2, т. 2, с. 525]. По меткому замечанию сержанта Нечаева, «Идёт, вроде слепой» [2, т. 2, с. 525]. Данное резюме наблюдательного сержанта символично; автор как раз стремится подчеркнуть опасную отъединённость своего героя, которая не может не завести его в безысходный духовный тупик. Развитие этого ещё более трагического витка «спирали» со всей очевидностью и

бескомпромиссностью будет продемонстрировано писателем позже, в характере Ильи Рамзина в момент его, рамзинского «или-или» («Выбор»).

Для воспроизведения личностных качеств лейтенанта Кузнецова автор находит иные поэтические средства, нежели для Дроздовского. Он *вспоминает* своих близких, размышляет о своём детстве, о тех, кого он оставил дома, то есть о самых родных и самых дорогих его сердцу людях. Ю.В. Бондарев иллюстрирует нужные ему ключевые мысли, как это всегда было принято в русской классике – разными поэтико-выразительными способами: через детали портретных характеристик, глубокие философско-психологические мотивы, размышления, выраженные посредством разного рода ретроспекций и ассоциаций, наконец, значимыми композиционными построениями. Так, очень важно, что начинается роман фактически с упоминания именно этого героя. В представлении этого персонажа читателям автору явно недостаточно акцентирования деталей походки или цвета глаз; он сразу же, без всяких предварительных подходов, подаёт сложнейшую поэтико-философскую картину чувств лейтенанта. Знакомый ещё с пушкинских открытий метелью – «безысходный» пейзаж, предвосхищающий трагические, но «очищающие» события, созвучен его мучительным переживаниям и предчувствиям. Сквозь метельные вихри совсем скоро выразившиеся в небывалый и ни с чем не сравнимый по своему накалу «апокалипсис» – Сталинградскую битву – «Паровоз с диким, раздирающим метель рёвом гнал эшелон в ночных полях, в белой, несущейся со всех сторон мути, и в гремучей темноте вагона, сквозь мёрзлый визг колес, сквозь тревожные всхлипы, бормотание во сне солдат был слышен этот непрерывно предупреждающий кого-то рёв паровоза» – Кузнецов думает только об одном: о матери. Уже в первых, начальных абзацах повествования это подчёркивается автором настойчиво – лейтмотивно. Так он словно бы «обрушивает» на читателя уже с самого начала всё самое сокровенное: «Значит, я долго не увижу мать, – съёживаясь от холода, подумал Кузнецов, – нас провезли мимо...»; // «И не было надежды увидеть мать, а он совсем недавно почти не

сомневался, что их повезут на запад через Москву»; // «Я напишу ей, – с внезапно обострившимся чувством одиночества подумал Кузнецов, – и всё объясню. Ведь мы не виделись девять месяцев...» [2, т. 2, с. 165-166]. Со всей очевидностью контрастируется в авторских комментариях внезапное, но долгожданное, такое желанное освобождение от этого противоестественного и назойливого для Кузнецова чувства, когда, наконец, во время боя, «ударил соседние батареи»: он ощутил «сумасшедший восторг разрушенного одиночества» [2, т. 2, с. 316].

В противоположность Дроздовскому, который затаил в своём сердце жестокую обиду на погибших родителей, оказавшихся виноватыми перед ним уже самим фактом своей смерти, для Кузнецова «обострившееся чувство одиночества» и осознание того, что он, возможно, уже никогда не сможет увидеть свою мать – явление не просто ненормальное, а глубоко – трагическое, страшное, неестественное. Естественное же для него – совсем иное – постоянно присутствующие в нём мысли о матери, самом дорогом человеке – то самое тёплое, сокровенное, что спрятано в глубинных тайниках его души. Обретение же фронтового братства, соборного единства для Кузнецова – сокровенный и желанный подарок «возвращения к самому себе». Для Всевышнего, как известно, нет мёртвых, и это удивительным образом прочувствовано в авторском комментарии, когда, казалось бы, уже никого не осталось в живых, но, тем не менее, люди продолжали наносить удары по отступающему противнику: «То, что считалось мёртвым, уничтоженным, начинало слабо шевелиться, подавать признаки жизни, и невозможно было вообразить, как сохранилась эта жизнь» [2, т. 2, с. 509]. Некий, скажем так, «мгновенный психологический бумеранг» от мёртвого к живому, чудесное сплетение личных судеб в единое-целое фронтовое братство, соединение живых и мёртвых в спасительно-соборное товарищество – одна из ключевых причин победы в наисложнейшем и невероятно трагическом по своему накалу Сталинградском сражении, художественно воспроизведённом в романе «Горячий снег».

Нравственно-философская «спираль» Ю.В. Бондарева в дальнейшем ещё осущест-

вит свои сложнейшие, трагические витки и обострится до крайних и невыносимых пределов сжатия в сложнейших характерах Вадима Никитина («Берег»), Ильи Рамзина, Владимира Васильева («Выбор»), где их отношения с самыми близкими дойдут, кажется, до предельной черты, всё очевиднее уво-

дя автора от порою навязчивого спецификой его современности искусственного и в чем-то опасного, пагубного, разрушающего сознание и душу деления героев и людей вообще на так называемых «положительных» и «отрицательных».

Список литературы

1. Шкурят Л.С. Ю.В. Бондарев: творческая эволюция писателя. Липецк: Изд-во Липецк. гос. пед. ун-та, 2016. 364 с.
2. Бондарев Ю.В. Выбор // Бондарев Ю.В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1984–1986.
3. Митрополит Антоний (Храповицкий). Пастырское учение идей и жизни по сочинениям Ф.М. Достоевского // Ф.М. Достоевский и православие. М., 1997. 320 с.
4. Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. Дух, душа и тело. М.: ТЕРИРЕМ, 2016. 180 с.
5. Хворова Л.Е., Цзинь Лили. Маска: к проблеме метафизической субстанциональности (роман Ю.В. Бондарева «Выбор» и специфика его экранизации) // Неофилология. 2019. Т. 5. № 20. С. 510–517. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-510-517
6. Михайлов О. Юрий Бондарев. М., 1976. 136 с.
7. Толстой Л.Н. Анна Каренина: роман в восьми частях. М.: Худож. лит., 1985. 766 с.

References

1. Shkurat L.S. Y.V. Bondarev: *tvorcheskaya evolyutsiya pisatelya* [Y.V. Bondarev: the Creative Evolution of the Writer]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Publ., 2016, 364 p. (In Russian).
2. Bondarev Y.V. Vybor [Choice]. In: Bondarev Y.V. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Bondarev Y.V. Collection of works: in 6 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1984–1986. (In Russian).
3. Metropolitan Antony (Khrapovitsky). Pastyrskoye ucheniye idey i zhizni po sochineniyam F.M. Dostoevskogo [Pastoral Teaching of Ideas and Life Based on the Works of F.M. Dostoevsky]. F.M. Dostoyevskiy i pravoslaviye [F.M. Dostoevsky and Orthodoxy]. Moscow, 1997, 320 p. (In Russian).
4. Archbishop Luka Voyno-Yasensky. *Dukh, dusha i telo* [Spirit, Soul and Body]. Moscow, TERIREM Publ., 2016, 180 p. (In Russian).
5. Khvorova L.E., Jin Lili. Maska: k probleme metafizicheskoy substantsional'nosti (roman Y.V. Bondareva «Vybor» i spetsifika ego ekranizatsii) [Mask: to the issue of metaphysical substantiality (Y.V. Bondarev's novel "Choice" and its adaptation specifics)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 510–517. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-510-517. (In Russian).
6. Mikhaylov O. *Yuriy Bondarev* [Yuri Bondarev]. Moscow, 1976, 136 p. (In Russian).
7. Tolstoy L.N. *Anna Karenina: roman v vos'mi chastyakh* [Anna Karenina: Novel in Eight Parts]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1985, 766 p. (In Russian).

Информация об авторах

Хворова Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция, идея, анализ художественного текста, написание части текста статьи, редактирование.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>

Information about the authors

Liudmila E. Khvorova, Doctor of Philology, Professor, Deputy Head of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Contribution: main conception, idea, literary texts analysis, part of manuscript text drafting, editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>

Цзинь Лили, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; аспирант. Бинхайский институт внешних дел, политологии и правоправедения при Тяньцзиньском университете иностранных языков, г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика. E-mail: Jinlili8361450@126.com

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, изучение источника, анализ исторических литературных источников, написание части текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Хворова Людмила Евгеньевна
E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.12.2019 г.
Поступила после рецензирования 17.02.2020 г.
Принята к публикации 03.03.2020 г.

Lili Jin, Post-Graduate Student, Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; Post-Graduate Student. Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, People's Republic of China. E-mail: Jinlili8361450@126.com

Contribution: literature search and analysis, source study, historical literature references analysis, part of manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Ludmila E. Khvorova
E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Received 26 December 2019
Reviewed 17 February 2020
Accepted for press 3 March 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-385-392
УДК 821.161.1

Полифоническая соборность точек зрения в «поэтике композиции» Б.А. Успенского

Юеэ ГУАНЬ

Нанкинский педагогический университет, Институт иностранных языков
г. Нанкин, Китайская Народная Республика
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9821-1030>, e-mail: gye_1970@126.com

Polyphonic collegiality of points of view in the “poetic composition” by B.A. Uspenskiy

Yuee GUAN

Nanjing Normal University
Nanjing, People's Republic of China
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9821-1030>, e-mail: gye_1970@126.com

Аннотация. Рассмотрены проблемы композиции художественного текста на материале художественных текстов Б.А. Успенского. Доказано, что в качестве композиционной возможности в построении произведения могут выступать одна или множество точек зрения, с которых ведётся повествование в художественном произведении, на понятие «полифоническая соборность», то есть находит выражение как «внутренняя» (по отношению к произведению), так и «внешняя» точки зрения на то, как понимается и определяется точка зрения о соборности в самом тексте. Соборность является одной из основных характеристик русского национального духа, которая оказывает глубокое влияние не только на творческие мысли русских писателей, но и на мышление русских теоретиков при построении литературных теорий. Обосновывается, что поэтика композиции Б.А. Успенского является продолжением и развитием теории М.М. Бахтина, что полифония М.М. Бахтина является только одной из составляющих во взаимоотношениях различных точек зрения в идеологическом плане. В понимании Б.А. Успенского, композиция художественного текста представляет собой многомерное пространственное «свободное и органическое единство», состоящее из многоплановых точек зрения, обладающих как своей относительной независимостью, так и взаимосвязанных между собой.

Ключевые слова: полифоническая соборность; точка зрения; поэтика композиции; единство во множестве

Благодарности: Работа выполнена в рамках проекта Китайского государственного фонда по общественным наукам «Изучение теории о поэтике композиции Б.А. Успенского и его методологии критики».

Для цитирования: Гуань Юеэ. Полифоническая соборность точек зрения в «поэтике композиции» Б.А. Успенского // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 385-392. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-385-392

Abstract. We consider the problems of composing a literary text based on the material of texts by B.A. Uspenskiy. It is proved that as a compositional possibility in the formation of a work can be elicit one or many points of view from which the narration in the literary work is conducted on the concept of “polyphonic collegiality”, in the other words, it finds expression both “internal” (with respect to the work) and “external” points of view on how the point of view of collegiality in the text is understood and determined. Collegiality is one of the main characteristics of the Russian national spirit, which has a telling impact not only on the creative thoughts of Russian writers, but also on the thinking of Russian theorists in the construction of literary theories. It is justified that the poetics of B.A. Uspenskiy's composition is a continuation and development of M.M. Bakhtin's

theory, that M.M. Bakhtin's polyphony is only one of the components in the relation of various points of view in ideological terms. According to B.A. Uspenskiy, the composition of literary text is a multidimensional spatial "free and organic unity", consisting of multifaceted points of view, possessing both their relative independence and interconnected among themselves.

Keywords: polyphonic collegiality; point of view; poetics of composition; unity in the multitude

Acknowledgment: The work is carried out as part of the project of the Chinese State Social Science Foundation "The study of the theory of composition poetics B.A. Uspensky and his methodology of criticism".

For citation: Guan Yuee. Polifonicheskaya sobornost' tochek zreniya v «poetike kompozitsii» B.A. Uspenskogo [Polyphonic collegiality of points of view in the "poetic composition" by B.A. Uspenskiy]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 385-392. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-385-392 (In Russian, Abstr. in Engl.)

С начала 90-х гг. XX века после распада бывшего СССР в России активно восстанавливается и развивается религиозно-культурное просвещение. Всё больше и больше учёных России и Китая уделяют внимание отношению между русской литературой и православием, являющимся основной частью русской религиозной культуры. В центре внимания учёных находится рассмотрение влияния православных идей на самих писателей, на воплощение в произведениях их религиозных взглядов и точек зрения персонажей.

Ещё с того времени, как в 988 году князь киевской Руси Владимир принял крещение и провозгласил византийское христианство (православие) государственной религией, православие непрерывно оказывает на русскую литературу доминантное влияние. Православие оказало сильное влияние на формирование русского самосознания и русской культуры.

Обратимся к понятию одной из главных идей православной философии – соборности, на что в своё время обратил внимание Б.А. Успенский в своей книге «Поэтика композиции».

Не имеющее аналогов в других языках, термин «соборность» был впервые введён в XIX веке русским философом А.С. Хомяковым в значении «единство во множестве» и активно использовался славянофилами. Слово «соборность» связано со словами «сбор», «собрание», «соборный». В понимании А.С. Хомякова, соборность – это некий образ «идеального соотношения индивидуального и коллективного», «сочетание свободы и единства многих людей» на основе общих интересов [1, с. 157-159]. «Это органически

внутреннее единение людей на основе свободно осознанного качественного отношения («любви») по общности духа» [2, с. 71]. А.С. Хомяков утверждал, что славянские первоучители «остановились на слове соборный, собор выражает идею собрания не только в смысле проявленного видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею единства во множестве» [3, с. 325], то есть учёный пытался совместить собственно социальный и церковный аспекты, единство любви и свободы [4, с. 49].

Впоследствии этот термин получил богословское истолкование и стал применяться как к церковной общине, так и к обществу как таковому, в связи с чем появляется универсальный философский принцип соборности – всеединство в сфере общественного бытия, идеал устройства общества, бытия, равновесие в соотношении «личность – общество».

Ключевая идея всеединства волновала многих русских мыслителей, которые выдвигали идеи «всеединства», «соборного сознания», «соборного духа» (В.С. Соловьёв, С.Н. Трубецкой, С.Л. Франк).

Итак, категория соборности является одной из самых важных концепций в формировании русского национального духа. Понятие «соборность» сопряжено с суровой русской природой и географической средой, со сложностью геополитического положения, с регулированием целой системы норм поведения и выживания.

Уже на самых ранних этапах становления русского этноса сформировался принцип общности, выражающийся в коллективном

характере труда, взаимопомощи и поддержке. Русский человек идентифицировал себя на фоне общины, осознавал себя не отдельной личностью, а частицей целого, которая вне этого целого существовать не может. Это была почва, на которой формировался русский дух.

В «Философии истории» Гегель отметил: «Ведь пробуждающееся сознание сперва является только в природе, и всякое его развитие является рефлексией духа в себе в противоположность естественной непосредственности» [5, 第82□]. В русской истории общинные отношения пронизывали все сферы жизни русского человека. По сути, община – это добровольное и высшее единство множественностей.

А.С. Хомяков представлял реальную сельскую общину как прообраз идеальной соборности [6, с. 92]. Его мнение разделял Ю.Ф. Самарин, считая, что «социальная и общинная жизнь Древней Руси представляла собой воплощение принципа соборности» [4, с. 50].

Из вышесказанного следует, что в русской философии термин «соборность» означает свободное духовное единение людей как в церковной («отражает суть православной веры русского народа, то есть гармоничный духовный организм изнутри» [7, 第75□]), так и в мирской жизни.

После крещения Руси основные идеи православия и обыденная среда общины взаимно дополняют друг друга. Заостряется внимание на равноправии, единстве и целостности, способствуют формированию и усовершенствованию идеи соборности – сущности русского национального духа [8].

Несмотря на то, что русская община уже ушла в прошлое, дух общинной соборности всё ещё прекрасно сохраняется в православных идеях и в повседневной жизни россиян, определяя особенности русского менталитета [2, с. 71].

Теперь это понятие стало трактоваться значительно шире, охватывая весь уклад жизни, комплекс морально-этических норм сообщества. В этом случае суть этого понятия заключается в том, что единое целое существует в самостоятельных индивидуальностях и сосуществует во множестве.

Своеобразие национальной культуры формирует совокупность традиционно-бытовых особенностей материальной и духовной культуры, сложившихся в прошлом. Литературное творчество русского писателя отражает остатки в нём древней соборности и её высшего проявления, а также в оценке их творчества литературными критиками и теоретиками в области литературы.

Обращает на себя внимание тот факт, что идею соборности ярко отразил Ф.М. Достоевский, который считал, что индивидуализм и всеобщность равноценны. Создатель теории полифонического романа М.М. Бахтин, который ввёл в научный обиход понятие «полифония в литературоведении», не специально рассматривал категорию соборности при изучении поэтики автора ни в одном из двух изданий своей знаменитой книги «Проблемы поэтики Достоевского», но считал, что «православный код поэтики Ф.М. Достоевского столь очевиден» [9, с. 130]. М.М. Бахтин подчёркивал, что М.Ф. Достоевский обладал особым художественным мышлением: «Он создал, по нашему убеждению, совершенно новый тип художественного мышления, который мы условно назвали полифоническим» [10, с. 5]. М.М. Бахтин показал, как полифонический тип художественного мышления воплощается в произведениях Ф.М. Достоевского. «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского. Не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развёртывается в его произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их миром сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события» [10, с. 9].

Теория М.М. Бахтина о полифонической структуре романов Ф.М. Достоевского соответствует главной идее соборности. Г.Я. Миненков объяснил, что «все члены Церкви органически, а не внешне соединены друг с другом, но внутри этого единства каждая личность сохраняет свою индивидуальность и свободу» [8, с. 630]. В романах Ф.М. Достоевского соборность проявляется в гармоничном полифоническом единстве, состоя-

щем из самостоятельных и неслиянных равноправных голосов и сознаний многих лиц, в том числе и голос автора.

М.М. Бахтин подчёркивал, что «объективная сложность, противоречивость и многоголосность эпохи Достоевского, положение разночинца и социального скитальца, глубочайшая биографическая и внутренняя причастность объективной многоплановости жизни и, наконец, дар видеть мир во взаимодействии и сосуществовании – всё это образовало ту почву, на которой вырос полифонический роман Достоевского» [10, с. 48]. Но последний фактор, формирующий творческую почву полифонических романов Ф.М. Достоевского, то есть особый приём наблюдения мира, думается, нельзя просто свести к дару писателя, поскольку создание текста невольно включает и другие факторы, в частности, отпечатки исторической культуры.

Полифонические романы по своеобразной художественной форме не только отражают творческую личность самого писателя, но и содержат в себе ряд социально-культурных сведений об эпохе Ф.М. Достоевского, о православной вере русского народа. Одна из идеологических основ творчества Ф.М. Достоевского – это его русская душа, его православное мировоззрение.

Структура художественного текста является важным приёмом познания и выражения окружающего мира писателем в своём творчестве и проявлением глубокого мышления самого писателя. Создавая теорию полифонических романов, М.М. Бахтин не только раскрыл нам многоголосность в творчестве Ф.М. Достоевского, но и косвенным путём просветил читателей в том, что основная идея соборности православно-культурной традиции воздействовала на творческие замыслы Ф.М. Достоевского. Считаем, что именно под воздействием православно-культурной традиции М.М. Бахтин заметил особый многоголосый творческий стиль Ф.М. Достоевского, под пером которого идея соборности нашла яркое воплощение.

Теория полифонических романов оказывала очевидное воздействие и на Б.А. Успенского, что нашло отражение в его работе «Поэтика композиции» (1970), посвящённой анализу структуры художественного текста. Б.А. Успенский разделял мысли М.М. Бахти-

на о полифонических романах, что отражено в исследованиях В.Н. Волошинова и В.В. Виноградова. Учёные смело выдвинули свою теорию о многомерных повествовательных точках зрения и предложили новый стереоскопический путь для эстетической критики художественного текста. Эта критическая теория не только расширяла теорию М.М. Бахтина о полифонических романах, но и обогатила идею православной соборности.

Б.А. Успенский считал, что проблема точек зрения «представляется центральной проблемой композиции произведения искусства – объединяющей самые различные виды искусства» и «имеет отношение ко всем видам искусства, непосредственно связанным с семантикой, – например, таким, как художественная литература...» [11, с. 10]. В работе «Поэтика композиции» структурно-семиотический подход проявляется в чёткой концепции «точек зрения» как основного структурообразующего фактора композиции художественного произведения. Б.А. Успенский творчески выбрал точку зрения, уже широко представленную в области нарратологии как исходный пункт в своём исследовании структуры художественного текста. Учитывая разные подходы к пониманию точек зрения, он отметил, что структура художественного текста может рассматриваться в таких планах, как «план идеологии», «план фразеологии», «план пространственно-временной характеристики», «план психологии». При этом данный перечень планов не является ни исчерпывающим, ни претендующим на абсолютный характер. «Можно считать, что различные подходы к вычленению точек зрения в художественном произведении соответствуют различным уровням анализа структуры этого произведения. Иначе говоря, в соответствии с различными подходами к выявлению и фиксации точек зрения в художественном произведении возможны и разные методы описания его структуры; таким образом, на разных уровнях описания могут быть вычленены структуры одного и того же произведения, которые, вообще говоря, необязательно должны совпасть друг с другом» [11, с. 19]. Из этого следует, что, по мнению Б.А. Успенского, структурное целое художественного текста состоит из структур разных планов точек зрения.

При этом на каждом уровне существуют разные точки зрения одного и того же плана. Например, на идеологическом (оценочном) уровне автор в произведении может оценивать и идеологически воспринимать изображаемый им мир с разных точек зрения: 1) с точки зрения самого автора, явно или неявно представленной в произведении, 2) с точки зрения рассказчика, не совпадающего с автором, 3) с точки зрения какого-либо из действующих лиц.

«Если различные точки зрения не подчинены одна другой, но даются как равноправные, то перед нами произведение полифоническое» [11, с. 25]. «Таким образом, полифония представляет собой случай проявления точек зрения в плане идеологии» [11, с. 26]. Иными словами, по поэтике композиции Б.А. Успенского в плане идеологии явление полифонии возникает обычно при следующих трёх условиях: 1) существуют в произведении несколько независимых точек зрения; 2) данные точки зрения должны принадлежать непосредственно участникам повествуемого события (действия), и в то же время нет абстрактной идеологической позиции, то есть вне личности какого-то героя; 3) эти точки зрения представляются прежде всего как идеологически ценностные и проявляются в том, как тот или иной герой оценивает окружающую его действительность. Отсюда очевидно, что, по мнению Б.А. Успенского, полифония М.М. Бахтина является проявлением только одной ситуации из взаимоотношений различных точек зрения в идеологическом плане.

В полифонической теории М.М. Бахтина трактуется многоголосие в художественном тексте как диалог мыслей различных героев, но такой диалог происходит только в пространственной сфере идеологических точек зрения, то есть на одном и том же уровне. Однако в любом из упомянутых Б.А. Успенским планов точек зрения отмечается диалог различных точек зрения, не только в плане идеологии.

Например, «в плане фразеологии, когда автор описывает разных героев различным языком или вообще использует в том или ином виде элементы чужой или замешанной речи при описании; при этом автор может описывать одно действующее лицо с точки

зрения другого действующего лица (того же произведения), использовать свою собственную точку зрения или же прибегать к точке зрения какого-то третьего наблюдателя (не являющегося ни автором, ни непосредственным участником действия) и т. д. и т. п.» [11, с. 36].

Итак, среди ряда свидетелей описываемых событий каждый из них даёт собственное описание тех или иных фактов в виде монологической прямой речи. Между тем совокупность монологов, различающихся своей речевой характеристикой, естественно, будет формировать полифонический диалог. «При этом сами факты, описываемые разными людьми, могут совпадать или пересекаться, определённым образом дополняя друг друга, эти люди могут находиться в тех или иных отношениях и, соответственно, описывать непосредственно друг друга и т. д. и т. п.» [11, с. 37].

Таким образом, в поэтике композиции Б.А. Успенского полифония в плане фразеологии формируется на основе характеристики речевых выражений свидетелей описываемых событий, в том числе может быть сам автор, герои произведения, то есть непосредственные участники повествуемого события, тот или иной посторонний наблюдатель и т. п., характеризующиеся индивидуальным отбором языковых и речевых средств с определённой целью общения, их социального положения, полученного образования, возраста и т. п.

В плане пространственно-временной характеристики тоже существуют определённые случаи их фиксации относительно описываемого события к описывающему субъекту (автору). Например, случаи фиксации авторской точки зрения в трёхмерном пространстве могут быть совпадением пространственных позиций повествователя и персонажа и отсутствием совпадения пространственной позиции автора с позицией персонажа.

Последний включает в себя последовательный обзор, случаи использования движущейся позиции наблюдателя, общую (всех охватывающую) точку зрения, то есть точку зрения «птичьего полёта» и немую сцену. Во временном плане «повествователь может менять свои позиции, последовательно становясь на точку зрения то одного, то другого

персонажа; в то же время повествователь может использовать и свою собственную временную позицию. В этом случае при повествовании используется собственно авторское время, которое не совпадает с индивидуальным временем какого-либо действующего лица» [11, с. 116]. Отсюда следует: «Различные возможности сочетания авторской позиции с позицией персонажей в произведении определяют возможные способы усложнения композиционной структуры» [11, с. 116].

«В плане психологии автор может вести описание со ссылкой на то или иное индивидуальное сознание, то есть использовать какую-то заведомо субъективную точку зрения, — или же описывать события по возможности объективно. Иначе говоря, он может оперировать данными какого-то восприятия (или нескольких восприятий) или же известными ему фактами» [11, с. 138]. Итак, по отношению к описываемому лицу в плане психологии существуют два типа описания поведения: внешняя и внутренняя точки зрения. Противопоставление внешних и внутренних точек зрения фактически имеет общий характер, то есть в принципе различия внешней и внутренней точек зрения при повествовании могут проявляться в каждом из рассмотренных выше планов. Заметим, что в работе «Поэтика композиции» говорится и о построении конструкции текста, в котором может присутствовать точка зрения читателя вне текста.

При использовании композиционных возможностей, конечно, имеет место случай, когда точки зрения, вычленяемые на различных уровнях анализа одного и того же произведения, совпадают между собой и совпадают композиционные структуры этого произведения, устанавливаемые на разных уровнях, но такой случай чрезвычайно редкий. Когда различные точки зрения, вычленяемые на разных уровнях при анализе произведения, не совпадают, то соответственно композиция такого произведения характеризуется совмещением нескольких композиционных структур. «При этом точки зрения, используемые при повествовании, могут вступать друг с другом как в синтагматические, так и в парадигматические отношения» [11, с. 182-183]. Следовательно, в такой сложной ком-

позиционной структуре проявляется соборность.

Взгляд Б.А. Успенского на целостную структуру художественного текста в принципе отражает присутствие разных многоплановых точек зрения на одном уровне и существование разного типа подструктуры разных точек зрения. Между точками зрения имеются различительные признаки, и каждый план точек зрения располагает своим самостоятельным значением. В то же время на каждом различительном уровне проявляется противопоставление внешних и внутренних точек зрения. Иными словами, в художественном тексте диалоговая структура существует не только среди различных точек зрения одного и того же уровня, но и между различными точками зрения нескольких планов, обладающих многомерными различительными признаками.

В понимании Б.А. Успенского, композиция художественного текста представляет собой многомерное пространственное «свободное и органическое единство», состоящее из многоплановых точек зрения, обладающих как своей относительной независимостью, так и взаимосвязью и взаимопроникновением между собой.

Б.А. Успенский, используя примеры из художественных произведений известных писателей, проанализировал точки зрения на разных уровнях в поэтике композиции как взаимоотношение между различными точками зрения в тексте, подчёркивая их эффективность, вызванную взаимодействием точек зрения. Эта теория является единством во множестве, сочетающим целостность и конкретное воплощение соборности как культурного духа и образа мышления русского народа.

Таким образом, в своей книге «Поэтика композиции» Б.А. Успенский разделяет полифоническую идею и использование метода исследования М.М. Бахтина, расширяет исследование конструкции художественного произведения от двухмерной плоскости к многомерной, обобщает и углубляет теорию художественной критики по отношению к сосуществованию гармонии между многообразием и единством, развивает основную концепцию о ценностях русского народа — идею соборности.

Список литературы

1. Хоружий С.С. Алексей Хомяков: учение о соборности и церкви // Богословские труды. Сборник 37. М.: Издательский совет русской православной церкви, 2002.
2. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... СПб.: Златоуст, 2015.
3. Хомяков А.С. Письмо к редактору «L'Union Chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный» по поводу речи отца Гагарина, иезуита // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: в 8 т. М.: Университетская типография, 1886. Т. 2. С. 319-328.
4. Лосский Н.О. История русской философии. СПб.: Азбука, 2018.
5. 黑格□. □史哲学. 上海: 上海□店出版社, 2001.
6. Горелов А.А. А.С. Хомяков: учение о соборности и русская община // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 2. С. 78-97.
7. □杰. 陀思妥耶夫斯基小□□作□□的“聚和性”. 《外国文学研究》. 2010. № 5. С. 73-78.
8. Миненков Г.Я. Соборность // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 630.
9. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995.
10. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, 2017.
11. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.

References

1. Khoruzhiy S.S. Aleksey Khomyakov: ucheniye o sobornosti i tserkvi [A.S. Khomyakov: Doctrine on Collegiality and Church]. *Bogoslovskiye trudy. Sbornik 37 – Theological Works. Collection of 37*. Moscow, Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2002. (In Russian).
2. Kolesov V.V. *Zhizn' proiskhodit ot slova...* [Life Begins with the Word...]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2015. (In Russian).
3. Khomyakov A.S. *Pis'mo k redaktoru «L'Union Chretienne» o znachenii slov «kafolicheskii» i «sobornyy» po povodu rechi ottsa Gagarina, iyezuita* [Letter to the Editor of L'Union Chretienne on the Meaning of the Words "Catholic" and "Conciliar" Regarding the Speech of Father Gagarin, the Jesuit]. In: *Khomyakov A.S. Polnoye sobraniye sochineniy: v 8 t.* M.: Universitetskaya tipografiya [Khomyakov A.S. Full composition of writings: in 8 vols.], 1886, vol. 2, pp. 319-328. (In Russian).
4. Losskiy N.O. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2018. (In Russian).
5. 黑格□. □史哲学. 上海: 上海□店出版社, 2001. (In Chinese).
6. Gorelov A.A. A.S. Khomyakov: ucheniye o sobornosti i russkaya obshchina [A.S. Khomyakov: Doctrine on "Sobornost" (Collegiality) and Russian Community]. *Znanie. Ponomanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*, 2017, no. 2. pp. 78-97. (In Russian).
7. □杰. 陀思妥耶夫斯基小□□作□□的“聚和性”. 《外国文学研究》, 2010, no. 5, pp. 73-78. (In Chinese).
8. Minenkov G.Y. Sobornost' [Collegiality]. *Noveyshiy filosofskiy slovar'* [The Newest Philosophical Dictionary]. Minsk, V.M. Skakun Publ., 1998, p. 630. (In Russian).
9. Esaulov I.A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [Collegiality category in Russian Literature]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. (In Russian).
10. Bakhtin M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2017. (In Russian).
11. Uspenskiy B.A. *Poetika kompozitsii* [A Poetics of Composition]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000, 348 p. (In Russian).

Информация об авторе

Гуань Юеэ, доцент кафедры русского языка и литературы, Институт иностранных языков. Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика. E-mail: gye_1970@126.com

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, анализ художественных текстов, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9821-1030>

Поступила в редакцию 15.01.2020 г.

Поступила после рецензирования 11.03.2020 г.

Принята к публикации 20.03.2020 г.

Information about the author

Yuee Guan, Associate Professor of Russian Language and Literature Department, University of the Foreign Languages. Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China. E-mail: gye_1970@126.com

Contribution: study idea, general concept of study, analysis of literary texts, manuscript drafting

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9821-1030>

Received 15 January 2020

Reviewed 11 March 2020

Accepted for press 20 March 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-393-403

УДК 008.811.124:811.111

Английский язык и тренды англоязычных стран в глобальных процессах межкультурного и межъязыкового взаимодействия в России

Алла Эдуардовна МИХИНА

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Российская Федерация, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8064-441X>, e-mail: allapersona@mail.ru

The English language and trends of English-speaking countries in the global processes of crosscultural and interlinguistic interaction in Russia

Alla E. MIKHINA

Transbaikal State University
30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Transbaikal Region, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8064-441X>, e-mail: allapersona@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен феномен глобальных процессов, происходящих вследствие растущей популярности английского языка в российской действительности и лингвокультуре. Используя метод изучения лингвистического ландшафта, проанализировано проникновение элементов культуры англоязычных стран, их отражение в медиа-ландшафте и в культуре повседневности на территории России на примере восточных регионов страны. Для исследования контакта языков на предмет межкультурного и межъязыкового взаимодействия принимались во внимание языки народов определённой территории России и иностранные языки. В результате наблюдений и анализа полученного фактического материала лингвопейзажа восточных городов России было установлено, что во взаимовлиянии языков и культур присутствует тенденция доминирования английского языка и трендов англоязычных государств. Находит дополнительное подтверждение феномен глокальности английского языка, на исследуемых территориях наблюдается уникальное сочетание глобального и локального – так называемый глокальный английский, учитывающий национальные и территориальные особенности. Кроме межъязыкового, выявлены контакты межкультурного взаимодействия, описаны случаи проникновения элементов западных культур и обычаев. Вследствие тенденций глобализации за короткое время западные культурные традиции оказались включены, встроены в российскую реальность (способы проведения различных мероприятий, праздников, особенности проведения досуга, правил ведения бизнеса или торговли). Для доказательства глобальности происходящих процессов приведены иллюстративные примеры данных явлений из регионов (Прибайкалье, Забайкалье), максимально удалённых от европейских и англоязычных стран.

Ключевые слова: английский язык; гибридизация; глобальные процессы; глобанглизация; глокальность; лингволандшафт

Для цитирования: Михина А.Э. Английский язык и тренды англоязычных стран в глобальных процессах межкультурного и межъязыкового взаимодействия в России // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 393-403. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-393-403

Abstract. We consider the phenomenon of global processes arising as a result of the English language popularity growing in Russian reality and linguoculture. Using the studying the linguistic landscape method, the penetration of English-speaking countries' cultural elements into media landscape and everyday life in the Far East of Russia is analyzed. To study the contact of the languages on the subject of crosscultural and interlinguistic interaction, the languages of the peoples

of a certain territory of Russia and foreign languages are taken into account. As a result of the observations and analysis of the linguistic landscape obtained factual material in Russia's eastern cities, the study proves the interaction of languages and cultures, shows the tendency of the English language dominance and the trends of the English-speaking countries. Moreover, the phenomenon of the Glocal English has been observed and confirmed by the unique combination of the global and local in the studied territories, while national and territorial (ethnic) peculiarities are taken into account. In addition to interlanguage, the crosscultural interaction have been studied, namely, the elements of western cultures and customs are investigated. Due to globalization a lot of western cultural and business traditions have been incorporated into the Russian reality (ways of spending free time, holding events, holidays, ways of running business or trade). To prove the global character of the current trends, the study provides the examples of these phenomena in the remote regions from the European and English-speaking countries – in the Far East of Russia (Baikal and Transbaikalian Territory).

Keywords: English language; hybridization; global processes; global englishization; glocalization; linguistic landscape

For citation: Mikhina A.E. Angliyskiy yazyk i trendy angloyazychnykh stran v global'nykh protsessakh mezhkul'turnogo i mezh'yazykovogo vzaimodeystviya v Rossii [The English language and trends of English-speaking countries in the global processes of crosscultural and interlinguistic interaction in Russia]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 393-403. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-393-403 (In Russian, Abstr. in Engl.)

При осмыслении изменений, происходящих во многих сферах на современном этапе развития общества, на первый план выходит доминирующая общемировая тенденция глобализации, подразумевающая охват мироустройства различными сетями экономических, политических, социальных коммуникаций, превращающих миропространство в единую зону взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения этого разнообразия. Культурные связи, интеграция, взаимодействие в различных сферах жизни невозможны без использования языка межнационального общения. Можно заметить, что в таком взаимовлиянии присутствует однобокая тенденция в доминировании английского языка и трендов англоязычных государств. «В связи с этим возникают вопросы о том, насколько такие влияния глобальны, существенны и представляют ли опасность в плане самоидентичности определённым территориям и народностям либо они являются естественным процессом глобализации, параллельным к локальному повседневному, и не могут вытеснить или заместить национальное в полной мере» [1, с. 67].

Нами приведены факты межкультурного и межъязыкового взаимодействия, осуществляемые через некоторые аспекты культуры англоязычного мира и через английский язык как посредник глобализации, анализируется проявление феномена языковой и культур-

ной гибридизации, глобализации в регионах Прибайкалья и Забайкалья, хотя подобные тенденции характерны для любого российского города [2; 3]. Территория Сибири и Забайкалья выбрана с целью показать, насколько распространены тенденции глобализации в регионах, максимально удалённых от европейских и англоязычных стран.

Для изучения отражения языковых процессов в городском пространстве, в общественных местах, применяется сравнительно новый метод анализа лингвистического ландшафта (термин Р. Backhaus) [4; 5]. В языковом ландшафте российских территорий представлены объекты городской среды и пространства повседневности в виде вывесок, надписей, объявлений, плакатов, наклеек, баннеров, рекламы, указателей и пр. Данные лингвоартефакты (термин наш) [6] содержат иноязычные надписи и демонстрируют взаимопроникновение, контакт языков и культур. Фактом своего существования они фиксируют и удостоверяют глобализационные процессы инкорпорации английского языка и культуры англоязычного мира, которыми являются:

- а) языковая гибридизация;
- б) социокультурная гибридизация;
- в) глобанглизация.

Под языковой гибридизацией понимается взаимопроникновение, контакт, синтез языков (на территории Дальневосточного

федерального округа, например, английско-го, русского и бурятского), проявляющийся в речевой и языковой сферах в устных и письменных текстах с разной степенью интенсивности и на разных уровнях (графическом, лексическом, морфологическом, лингвистическом и экстралингвистическом [7]). Под социокультурной гибридизацией понимается взаимопроникновение и сочетание разных культур, принятие элементов другой культуры, способов времяпрепровождения, досуга, моды, дизайна и пр. Под глобанглизацией, вслед за В.В. Кабакчи, понимается процесс увеличения влияния английского языка, признание английского языка языком глобального общения [8; 9, с. 86; 10–12].

В качестве фиксации случаев вестернизации, проникновения англоязычной культуры и внедрения способов времяпрепровождения на западный манер в России приведём примеры заведений (см. фото 1–10), появляющихся в большом количестве на удалённых от европейских стран территориях, таких как Прибайкалье (город Иркутск) и Забайкалье (город Чита, ныне Дальневосточный федеральный округ). К таким заведениям, отражающим культурную специфику

(лингвокультурный субстрат) рассматриваемых территорий, относятся различные:

- пабы,
- спа-салоны,
- гастроним-холлы,
- шоу-румы,
- фитнес-центры.

На плакатах, баннерах, вывесках содержатся приглашения на/в:

- *rep-пати*,
- *пати-бары*,
- *ланчи*,
- *бизнес-ланчи*,
- *квесты*.

Данные лингвоартефакты своим появлением в настоящем удостоверяют тот факт, что ещё пару-тройку десятилетий назад всё это (пабы, ланчи, пати, квесты и пр.) не было свойственно российской культуре, быту и способам проведения досуга, тем более в глубинке. Теперь же, кроме «обычных» пивных пабов, в качестве самых новых веяний появляются *гастро-пабы*. Образцы лингво-ландшафта в городах Чита и Иркутск, демонстрирующие тенденции глобализации и вестернизации, представлены на фото 1–10.

Фото 1. Гастроним ХОЛЛ

Фото 3. Showroom Desire

Фото 2. Spring Rap Party

Фото 4. Шоу-рум

Фото 5. ShowRoom

Фото 8. Party Bar МясоЕд

Фото 6. Irish Pub Ирландский Паб

Фото 9. Escape-квесты

Фото 7. Gastropub ГастроПаб

Фото 10. Fitness and Spa

Сегодня английский язык несёт в себе глобальные и локальные характеристики, так как служит глобальным и локальным нуждам. Следствием этого феномена явился термин «глокальный язык» – *a glocal language*. Термин ‘*glocal*’ является сращением слов ‘*global*’ и ‘*local*’, показывая, с одной стороны, открытость языка новым идеям, но с другой стороны, всё еще демонстрируя привязанность к определённой культуре, следуя призыву «думай глобально, действуй локально» – ‘*think globally, act locally*’ [13, р. 192]. «Глокальный язык» означает, что

глобальный английский язык «поддерживает» своих местных, локальных пользователей и обеспечивает их специфические языковые функции – помогает ярче выразить и сохранить этническую культуру, самобытность и самоидентичность [14, с. 32].

Действительно, анализ фактического и иллюстративного материала показал, что появляется уникальное сочетание глобального и локального, учитывающее национальные или территориальные особенности. В Забайкалье главным блюдом национальной кухни местного населения (бурят) являются буузы

(от бурятск. *буузы* – русск. *позы* – блюдо из теста с мясной начинкой), а также пользуется спросом лапша домашнего приготовления для лагмана (суп). В условиях глобализации это явилось источником лингвокреативности, сочетанием глобального и локального. Приведём примеры синтеза понятий (русский–английский–бурятский): «Бууза ROOM» (бурятск. нац. блюдо *бууза*, *буузы* – русск. *поза*, *позы*; *рум* от англ. *room* – комната); «ЛапшаBAR» – написание *бар* на английском; «Pub-Сибирь» («*Паб* – от лучших производителей *Сибири!*» – пабы – не свойственное заведение для сибирских территорий, возникло, главным образом, при процессах глобализации; сочетание английского и бурятского в названии кафе «Like_Буузы» («Люблю Буузы» от англ. *like* – нравится, любить). Образцы лингвокультурного субстрата рассматриваемых территорий представлены на фото 11–14.

В российской действительности английский язык используется для экзотизации и таинственности нейминга как брендингового приёма [10, с. 185]. В нижеследующих примерах показана глокальность английского языка, проявляющаяся в употреблении слов английского языка или латиницы и сохранении черт локальных пользователей, отраже-

нии их языковой или культурной специфики. Приём языковой гибридизации помогает выразить, сохранить или подчеркнуть этническую культуру, местные особенности. В городе Чита долгое время действовал ликёроводочный завод, который был реконструирован в торговый центр, сохранив привычное для местного населения название, но с вкраплением английского языка, демонстрируя лингвокреативность городского нейминга – LIKĖRKA Plaza (+ фудкорт *Likĕrka.food*). Для забайкальского говора характерной особенностью является употребление разговорной фразы «чо, каво» (Что, как дела?), которая представлена латиницей в названии кофейни в Чите: CHE KAVO (дополнительное значение слова «каво» как «кофе» просматривается через украинское «кава» – кофе). Гибридность языка (русский–английский) демонстрируется в вывесках, названиях заведений общественного питания, магазинов с продукцией для местного вида досуга: РыбоLOV (мы помогаем ловить рыбу...); хотдожная (хотдог + булочная); ШайRoom; The Хлеб, Булки & Кофе; ЗакусCity (закусочная + город). Иллюстрации описанного лингвокультурного субстрата представлены на фото 15–21.

Фото 11. Кафе «Like_Буузы»

Фото 13. ЛапшаБар

Фото 12. Бууза Room

Фото 14. Pub Open – от производителей Сибири

Фото 15. Кофейня Che Kavo

Фото 18. Хотдожная

Фото 16. Фудкорт Likërka.food в ТРЦ "LIKËRKA"

Фото 19. Кофейня "The ХЛЕБ"

Фото 17. Магазин РыбоLOV

Фото 20. Закусочная "ЗакуСiТу"

Фото 21. ШайROOM

Вследствие тенденций глобализации за короткое время наша реальность оказалась неотделима от элементов западных культурных традиций в виде различных мероприятий, праздников, правил ведения бизнеса или торговли. Так, например, на территориях, весьма отдалённых от стран с англоязычной культурой, прижилось празднование Хэллоуина, Дня Святого Валентина, Дня Матери (Halloween's Day, St. Valentine's Day, Mother's Day). Соответствующая атрибутика с надписями на английском языке размещается в общественном транспорте, на досках объявлений в образовательных учреждениях (в диапазоне детский сад – высшее учебное заведение), в продажу поступают открытки, наклейки, значки, воздушные шары, сладости с пожеланиями на английском языке, то

есть тематика и атрибутика данных мероприятий неразрывно связывается и ассоциируется с англоязычной культурой. Телеканалы, реклама, диджитал-менеджеры через социальные сети распространяют объявления, мемы, постеры часто с гибридным текстом (русский-английский языки). Русский праздник Масленица на постере сочетается с западной традицией подачи приветственного напитка – Welcome drink – и предложением русских блинов (Масленица, Welcome drink + Блины всем гостям), а также гибридное сочетание на этом же постере надписи «вход FREE», присутствуют беспереводные тексты на английском, но для носителей русского языка, с приглашением на вечеринки по случаю дня рождения, Хэллоуина (фото 22–24).

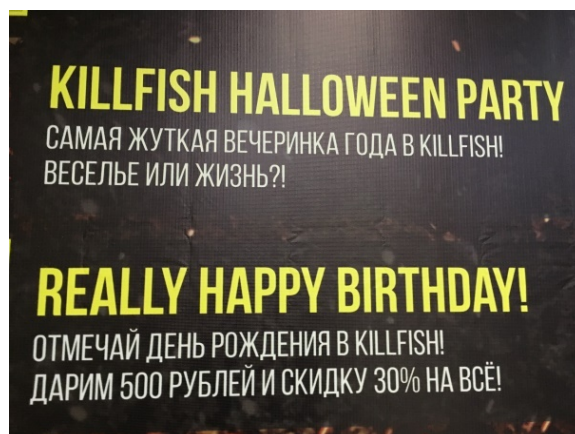

Фото 22. Halloween Party

Фото 23. Приглашение на Хэллоуин

Фото 24. Приглашение на Масленицу, Welcome drink + Блины

На примере культурного феномена «праздник Новый Год» можно наблюдать множественные проявления проникновения элементов западных культур и обычаев. В-первых, преобладание Санта Клауса против Деда Мороза, а порой и полное его вытеснение. В большинстве своём изображения на открытках, сувенирные фигурки, имеющиеся в продаже детали карнавального костюма демонстрируют именно признаки Санта Клауса: колпак вместо зимней отороченной мехом шапки, короткий сюртук вместо длинной шубы, ремень вместо кушака, сапоги вместо валенок, отсутствие посоха и рукавиц. Во-вторых, сладкие загнутые палочки-конфеты, носки со сладостями – это атрибуты, присущие зарубежным новогодним традициям. Третий признак – частое проигрывание мелодии Jingle Bells (музыкальные открытки, музыкальные игрушки, рекламные перебивки). В-четвёртых, наклейки Merry Christmas с веточкой омелы, растением, которое в России не распространено. Пятый признак – дизайн новогодней ёлки, устанавливаемой на площадях или в торговых центрах – вместо натуральной или искусственной, но с разлапистыми ветвями, она повсеместно заменена на стилизованную форму, почти гладкую, вытянутую вверх в виде треугольника.

Отдельным примером вестернизации рассматриваемых территорий является распространение влияния в бизнесе и торговле

транснациональных корпораций, несущих культуру питания, присущую США и другим англоязычным странам, в виде присутствия таких компаний, как МакДональдс (MacDonald's), МакБургер (McBurger), МастерКинг (MasterKing), Сабвей (Subway), БаскинРобинс (BaskinRobbins) и др. Однако вопросом американского культурного империализма задаются даже сами англичане. Потомственный английский антрополог Кейт Фокс частично соглашается, что мы живём в гомогенизированном мире «Макдональдсов», «где богатый ковёр, сотканный из самобытных, своеобразных культур, затирается всепожирающим потребительством под диктовку компаний «Найк», «Кока-кола», «Дисней» и других транснациональных капиталистических гигантов». Однако К. Фокс считает, что их влияние сильно преувеличено – точнее, неверно истолковано. «Следствием процесса глобализации стали главным образом рост национализма и трибализма, <...> возрождение стремления к этнической обособленности и сохранению самобытной культуры почти во всех уголках мира, в том числе и в так называемом Соединённом Королевстве. <...> То, что люди во всём мире хотят носить спортивную одежду фирмы «Найк» и пить кока-колу, вовсе не означает, что они меньше заинтересованы в сохранении самобытности своей культуры. Экономическое влияние крупных американских корпораций, возможно, и впрямь огромно и даже пагубно, но их

культурное влияние, пожалуй, менее значительно, что бы не думали по этому поводу они сами или их противники <...> В самой Великобритании, несмотря на влияние американской культуры, налицо гораздо больше фактов, свидетельствующих в пользу роста трибализации (прим. – процесс этнической консолидации), а не утраты самобытных национальных черт. Непохоже, чтобы американские безалкогольные напитки, продукты питания или фильмы как-то утомили пыл и боевой дух шотландских и валлийских националистов. Если уж на то пошло, этнические меньшинства в Великобритании всё более активно и отчаянно борются за сохранение своей самобытности, да и сами англичане тоже немало обеспокоены «кризисом идентичности» собственной культуры. В Англии наблюдается повальное увлечение идеями регионализма...» [15, с. 23-25].

Таким образом, описанные примеры иллюстрируют активное внедрение английского языка и некоторых элементов западной культуры в российскую действительность. Вышеприведённый фактический и иллюстративный материал из регионов (Прибайкалье, Забайкалье), максимально удалённых от европейских и англоязычных стран, доказывает глобальность происходящих тенденций. Фактом своего существования и востребованности обществом описанные явления повседневности и зафиксированные в публичных текстах (на вывесках, в рекламе, на указателях и т. п.) лингвистические феномены удостоверяют наличие гибридных языковых процессов в русском языке и бытовой культуре. Языковая и культурная гибридизация является доказательством глобальных процессов межкультурного и межъязыкового взаимодействия в России с преобладанием влияния английского языка и западной культуры.

Список литературы

1. *Михина А.Э.* Глобанглизация российского пространства трансграничья: лингвистический и культурный аспекты // Приграничный регион в историческом развитии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году единения рос. нации и 80-летию высш. пед. образования в Забайкалье: в 3 ч. / отв. ред. Е.В. Дроботушенко. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2018. Ч. 3. С. 67-70.
2. *Гураль С.К., Смокотин В.М.* Язык всемирного общения и языковая и культурная глобализация. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vsemirnogo-obscheniya-i-yazykovaya-i-kulturnaya-globalizatsiya/viewer> (дата обращения: 05.11.2018).
3. *Кирилина А.В.* Описание лингвистического ландшафта как новый междисциплинарный метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник Тверского государственного университета № 24. Серия: Филология. Тверь, 2013. Вып. 5. С. 159-168.
4. *Backhaus P.* Signs of multilingualism in Tokyo – a diachronic look at the linguistic landscape // International Journal of the Sociology of Language. 2005. Vol. 2005. Issue 175-176. P. 103-121.
5. *Backhaus Pr.* Linguistic landscape. A comparative study of urban multilingualism in Tokyo // Multilingual Matters. New York; Ontario; Clevedon, 2007. № 136. 158 p.
6. *Михина А.Э.* Лингво-артефакты медиапространства: интерпретация текста в условиях лингвистического ландшафта // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы 10 Междунар. науч. конф. / отв. ред. О.Л. Абросимова. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2017. 311 с.
7. *Михина А.Э., Воронченко Т.В.* Диалог культур: английский язык в повседневной среде российского города // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 9 (88). С. 73.
8. *Кабакчи В.В.* Глобализация, «глобанглизация» и вторая волна билингвизма в России // Университетское переводоведение: материалы 11 Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения». СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2011. С. 177-186.
9. *Кабакчи В.В.* Язык мой, камо грядеши? Глобализация, «глобанглизация» и межкультурная коммуникация // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. СПб.: СПбГУЭФ, 2009. С. 78-89.
10. *Чистова Е.В.* Глобанглизация в аспекте лингвистической экологии (англо-русско-китайские параллели) // Экология языка и коммуникативная практика. Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2014. № 1. С. 182-196.
11. *Смокотин В.М., Петрова Г.И.* Естественные языки в межъязыковой и межкультурной коммуникации // Язык и культура: сб. ст. 27 Междунар. науч. конф. Томск: Изд. дом ТГУ, 2017. С. 150-154.

12. Юзефович Н.Г. Лингвокультурный субстрат в англоязычном межкультурном общении в эпоху глобализации // INTER-CULTUR@L-NET. Вып. 11/2012. Евразийский лингвистический университет. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/48/> (дата обращения: 29.12.2019).
13. Pakir Anne. Bilingual education with English as an official language. Sociolinguistic implications // Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 1999 / ed. by J.E. Alatis, Ai-Hui Tan. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2001. P. 341-349. Reprinted: World Englishes: Critical Concepts in Linguistics / ed. by Kingsley Bolton and Braj B. Kachru. London; New York: Routledge, 2006. Vol. 6. P. 186-195.
14. Прошина З.Г. Основные положения и спорные проблемы теории вариантности английского языка. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 189 с.
15. Фокс К. Англия и англичане. То, о чём умалчивают путеводители / пер. с англ. И.П. Новоселецкой. М.: РИПОЛ классик, 2012. 512 с.

References

1. Mikhina A.E. Globanglizatsiya rossiyskogo prostranstva transgranich'ya: lingvisticheskiy i kul'turnyy aspekty [The globanglization of the Russian transborder region: linguistic and cultural issues]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchënoy Godu edineniya rossiyskoy natsii i 80-letiyu vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v Zabaykal'ye «Prigranichnyy region v istoricheskom razvitiy»*: v 3 ch. [Proceedings of the International Scientific-Practical Conference Dedicated to the Year of Unity of the Russian Nation and to the 80th Anniversary of the Higher Pedagogical Education in Transbaikalia "Historical Development of the Border Region": in 3 pts]. Chita, Transbaikalian State University Publ., 2018, pt 3, pp. 67-70. (In Russian).
2. Gural S.K., Smokotin V.M. Yazyk vseirnogo obshcheniya i yazykovaya i kul'turnaya globalizatsiya [The Language of Worldwide Communication and Linguistic and Cultural Globalization]. (In Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vseirnogo-obscheniya-i-yazykovaya-i-kulturnaya-globalizatsiya/viewer> (accessed 05.11.2018).
3. Kirilina A.V. Opisaniye lingvisticheskogo landshafta kak novyy mezhdistsiplinarnyy metod issledovaniya yazyka v epokhu globalizatsii [The description of the linguistic landscape as a new method of language research in the age of globalization]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta № 24. Seriya: Filologiya – Bulletin of the Tver State University No. 24. Series: Philology*, 2013, no. 5, pp. 159-168. (In Russian).
4. Backhaus P. Signs of multilingualism in Tokyo – a diachronic look at the linguistic landscape. *International Journal of the Sociology of Language*, 2005, vol. 2005, no. 175-176, pp. 103-121.
5. Backhaus Pr. Linguistic landscape. A comparative study of urban multilingualism in Tokio. *Multilingual Matters*. New York, Ontario, Clevedon, 2007, no. 136, 158 p.
6. Mikhina A.E. Lingvo-artefakty mediaprostranstva: interpretatsiya teksta v usloviyakh lingvisticheskogo landshafta [Lingvo-artefacts in media: the interpretation of the text under linguistic landscape]. *Materialy 10 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Interpretatsiya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskyy aspekty»* [Proceedings of the 10th International Scientific Conference "Text Interpretation: Linguistic, Literary and Methodological Aspects"]. Chita, Transbaikalian State University Publ., 2017, 311 p. (In Russian).
7. Mikhina A.E., Voronchenko T.V. Dialog kul'tur: angliyskiy yazyk v povsednevnoy srede rossiyskogo goroda [Dialogue of cultures: the English language in the everyday environment of Russian cities]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Transbaikalian State University Journal*, 2012, no. 9 (88), p. 73. (In Russian).
8. Kabakchi V.V. Globalizatsiya, «globanglizatsiya» i vtoraya volna bilingvizma v Rossii [Globalization, "globanglization" and the second wave of bilingualism in Russia]. *Materialy 11 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po perevodovedeniyu «Fedorovskiye chteniya» «Universitetskoye perevodovedeniye»* [Proceedings of the 11th International Scientific Conference on Translation Studies "Fedorov Readings" "University's Translation Studies"]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2011, pp. 177-186. (In Russian).
9. Kabakchi V.V. Yazyk moy, kamo gryadeshi? Globalizatsiya, «globanglizatsiya» i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [My language, quo vadis? Globalization, "Englishization" and intercultural communication]. *Yazyk v paradigmakh gumanitarnogo znaniya: XXI vek* [Language in the Humanitarian Science Paradigms: 21st century]. St. Petersburg, Saint Petersburg University of Economics Publ., 2009, pp. 78-89. (In Russian).
10. Chistova E.V. Globanglizatsiya v aspekte lingvisticheskoy ekologii (anglo-russko-kitayskiye paralleli) [Englishization in the aspect of sociolinguistics (English-Russian-Chinese parallels)]. *Ekologiya yazyka i kom-*

- munikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2014, no. 1, pp. 182-196. (In Russian).
11. Smokotin V.M., Petrova G.I. Estestvennyye yazyki v mezh'yazykovoy i mezhkul'turnoy kommunikatsii [Interlingual and cross-cultural communication during the period of globalization]. *Sbornik statey 27 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Yazyk i kul'tura»* [Proceedings of the 27th International Scientific Conference "Language and Culture"]. Tomsk, Tomsk State University Publishing House, 2017, pp. 150-154. (In Russian).
 12. Yuzefovich N.G. Lingvokul'turnyy substrat v angloyazychnom mezhkul'turnom obshchenii v epokhu globalizatsii [Linguacultural substrate in English intercultural communication in the epoch of globalization]. *INTER-CULTUR@L-NET*, Issue 11/2012, Eurasian Linguistics University. (In Russian). Available at: <http://www.my-luni.ru/journal/courses/48/> (accessed 29.12.2019).
 13. Pakir Anne. Bilingual education with English as an official language. Sociolinguistic implications. In: J.E. Alatis, Ai-Hui Tan (eds.). *Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 1999*. Washington, D.C., Georgetown University Press, 2001, pp. 341-349. Reprinted: *World Englishes: Critical Concepts in Linguistics*. London, New York, Routledge Publ., 2006, vol. 6, pp. 186-195.
 14. Proshina Z.G. *Osnovnyye polozheniya i spornyye problemy teorii variantnosti angliyskogo yazyka* [The Main Provisions and Controversial Problems of the Theory of Variance of the English Language]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ., 2015, 189 p. (In Russian).
 15. Foks K. *Angliya i anglichane. To, o chem umalchivayut putevoditeli* [England and the English. What Guidebooks are Silent About]. Moscow, RIPOl classic Publishing Group, 2012, 512 p. (In Russian).

Информация об авторе

Михина Алла Эдуардовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков. Забайкальский государственный университет, г. Чита, Забайкальский край, Российская Федерация. E-mail: allapersona@mail.ru

Вклад в статью: идея, анализ литературы, наблюдение и анализ полученного фактического материала, подготовка иллюстраций, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8064-441X>

Поступила в редакцию 10.01.2020 г.

Поступила после рецензирования 21.02.2020 г.

Принята к публикации 03.03.2020 г.

Information about the author

Alla E. Mikhina, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Language Department. Transbaikal State University, Chita, Transbaikal Region, Russian Federation. E-mail: allapersona@mail.ru

Contribution: idea, literature analysis, observation and received factual material analysis, illustrations preparation, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8064-441X>

Received 10 January 2020

Reviewed 21 February 2020

Accepted for press 3 March 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-404-416
УДК 811.161.1

К вопросу о деловом дискурсе в полиязычном пространстве Казахстана

Мурат Абдинагиевич САРСЕНОВ, Айнакуль Бектасовна ТУМАНОВА

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-1765>, e-mail: murat_kz_20@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>, e-mail: a.tumanova@inbox.ru

On the issue of business discourse in the multilingual space of Kazakhstan

Murat Abdinagievich SARSENOV, Ainakul Bektasovna TUMANOVA

Al-Farabi Kazakh National University
71 al-Farabi Ave, Almaty 050040, Republic of Kazakhstan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-1765>, e-mail: murat_kz_20@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>, e-mail: a.tumanova@inbox.ru

Аннотация. Посвящено анализу делового дискурса, функционирующего в полиязычном пространстве Казахстана, многонационального государства, где присутствует официальное двуязычие, и делопроизводство ведётся на двух языках: казахском и русском (Конституция Республики Казахстан, Закон о языках в Республике Казахстан). Особое внимание уделяется выявлению определённых языковых единиц и текстуальным особенностям, присутствующим в текстах данного дискурса. Начиная с 2007 г., вместе с процессом реализации национально-культурного проекта о триединстве языков в Республике Казахстан документация, деловое общение и обучение ведутся на трёх языках: казахском, русском и английском. Это в целом влияет на формирование языковой среды современного Казахстана – реальное деловое двуязычие невозможно без параллельного знания казахского и русского языков, казахского и английского языков. С учётом использованных методов описания, обобщения, систематизации и контекстного анализа деловых текстов делается попытка изучения лингвистических особенностей делового дискурса как одного из наиболее важных типов речевого общения на настоящий момент, которому в меньшей степени не свойственен личностный компонент. Анализу подвергаются текст приказа «Об утверждении типовых учебных программ военных учебных заведений, подведомственных Министерству обороны Республики Казахстан» и разделы текста «Типовые учебные программы военных учебных заведений, подведомственных Министерству обороны Республики Казахстан по группе специальностей технического и профессионального образования «Военное дело и безопасность».

Ключевые слова: официально-деловой стиль/дискурс; деловой дискурс; официальное двуязычие; полиязычие; военные документы

Для цитирования: Сарсенов М.А., Туманова А.Б. К вопросу о деловом дискурсе в полиязычном пространстве Казахстана // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 404-416. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-404-416

Abstract. The work is devoted to the analysis of business discourse operating in the multilingual space of Kazakhstan, a multinational state where official bilingualism is present, and paperwork is conducted in two languages: Kazakh and Russian (Constitution of the Republic of Kazakhstan, Law on Languages in the Republic of Kazakhstan). Particular attention is paid to the identification of certain language units and the textual features presented in the texts of this discourse. Since 2007, along with the process of implementing the national and cultural project on the trinity of languages in the Republic of Kazakhstan, documentation, business communication and training are conducted in three languages: Kazakh, Russian and English. This generally affects the forma-

tion of the language environment of modern Kazakhstan – real business bilingualism is impossible without a parallel knowledge of the Kazakh and Russian languages, Kazakh and English. Taking into account the used methods of description, generalization, systematization and business texts contextual analysis, we make an attempt to study the linguistic features of business discourse as one of the most important types of verbal communication at the moment, which is not characterized by a personality component. We analyze the text of the order “On the Approval of Typical Curricula of Military Educational Institutions Subordinate to the Ministry of Defense of the Republic of Kazakhstan” and the sections of the text “Typical Curriculum of Military Educational Institutions Subordinate to the Ministry of Defense of the Republic of Kazakhstan for the Technical and Vocational Education Specialties Group “Military Science and Security”.

Keywords: official business style/discourse; business discourse; official bilingualism; multilingualism; military documents

For citation: Sarsenov M.A., Tumanova A.B. K voprosu o delovom diskurse v poliyazychnom prostranstve Kazakhstana [On the issue of business discourse in the multilingual space of Kazakhstan]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 404-416. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-404-416 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В современном делопроизводстве Республики Казахстан распространяются документы, исполненные на казахском и русском языках, русском и английском языках. Это наиболее удобная форма документооборота в нашей стране. Известно, что данные двуязычные формы пригодны только к бланочным документам, таким, как анкеты, дипломы, справки и т. п. В случае, если текст того или иного документа должен быть более расширенным, применение стандартных форм оказывается недостаточным. Поэтому реальное деловое двуязычие невозможно без параллельного знания казахского и русского языков, казахского и английского языков.

В полиязычном пространстве Казахстана (проживание в нём более 130 национальностей и функционирование различных иностранных компаний) в процессе формирования и поддержания важных деловых отношений как социально-культурного, так и производственного характера становится актуальным полноценное знание трёх языков: казахского как государственного, русского как межнационального, английского (или другого иностранного языка) как международного. Этому способствовали основные положения законодательных документов в республике: Конституции РК (1995, статья 7), Закона о языках в РК (1997, статья 5), Государственной программы по функционированию и развитию языков на 2001–2010 гг. (2001), национально-культурного проекта о триединстве языков в Казахстане (2007) и др.

Официальное двуязычие в полиязычном пространстве Казахстана predetermined on законодательной основе:

«Статья 7

1. В Республике Казахстан государственным является казахский язык.
2. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык.
3. Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана» (Конституция РК, 1995).

«Статья 5. Употребление русского языка

В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» (Закон о языках в РК, 1997).

В соответствии с этим делопроизводство осуществляется на казахском и русском языках. Кроме этого, в последние десятилетия во все актуальные сферы деятельности (образование, политика, культура, бизнес и др.) казахстанского общества повсеместно внедряется английский язык, что также повлияло на формирование делового общения и ведение деловых документов в новой языковой ситуации. В этой связи вопрос об определении специфики делового дискурса в Казахстане приобретает особую значимость.

Цель исследования продиктована актуальностью данного вопроса: рассмотреть глубоко и всесторонне особенности официально-делового стиля/дискурса в условиях

полиязычия Казахстана, в частности языка военных документов.

ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ/ДИСКУРС

Как известно, в терминологическом сочетании официально-деловой стиль/дискурс слово *деловой* связано с понятиями *дело, работа, служба, предприятие, учреждение* и т. п., точнее будет сказать – с *деловыми взаимоотношениями, служебными отношениями*. Так, в исследованиях учёных отмечается, что «к особенностям официально-делового дискурса относятся стабильность, традиционность и стандартизированность, поскольку сферой его применения являются деловые отношения между людьми, учреждениями и государствами» [1; 2, с. 224]. В данной статье мы используем в качестве синонимов термины «стиль» и «дискурс», признавая за ними наличие признака динамичности и общего функционального назначения – представлять официальное сообщение, точную передачу информации.

Согласно И.Р. Гальперину, основополагающими признаками при выделении подстилей являются предметно-тематические и прагматические характеристики. Он предлагает рассмотреть характеристики четырёх инвариантов официально-делового стиля, выделяя подстили в инвариантах, формирование которых обосновывает как специфичность их черт. Так, учёный выделяет следующие подстили, которые составляют официально-деловой стиль: стиль дипломатических документов; стиль бизнес-документов; стиль юридических документов; стиль военных документов [3; 4]. Обзор научной литературы позволяет сказать, что большинство исследователей выделяют следующие виды документов официально-делового стиля: дипломатические и законодательные; административно-канцелярские документы; военные документы; коммерческая корреспонденция. В нашем исследовании мы попытаемся выявить особенности языка военных документов.

Данный дискурс отличается от всех других стилей речи лексическими, морфологическими и синтаксическими особенностями и определёнными оборотами речи, удобными для ведения деловых бумаг, документов: на

лексическом уровне – в деловых текстах используются преимущественно слова и термины официально-деловой сферы; на морфологическом уровне – активно используются канцеляризмы и языковые клише, сложные предложения; на синтаксическом уровне – представляется прямой порядок слов в предложениях; главным образом используются сложные предложения и осложнённые предложения (см.: Д.Э. Розенталь, И.В. Голуб, М.Ю. Федосюк, Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Т.В. Анисимов, Е.Г. Гимпельсов, В.И. Максимов, Г.Я. Солганик, О.Я. Гойхман, Ю.В. Фоменко, Л.В. Рахманин и др.). Приведём более подробную характеристику черт делового дискурса.

Лексический состав официально-делового стиля представляется множеством языковых единиц с абстрактными значениями (например: *встреча, заявление, договор, кампания* и т. п.); отглагольными существительными (*проведение, порицание, решение, утверждение*); сложными союзами и устойчивыми словосочетаниями (*на основании ..., в соответствии с ..., исходя из ..., за счёт ..., по той причине, что ..., в силу ...*). Кроме того, широко используются термины и аббревиатуры, характерные для той или иной деловой сферы (экономика, юриспруденция, медицина, военное дело и др.), в которой часто термины употребляются без раскрытия их значений.

Характерной особенностью данного стиля/дискурса является и функционирование атрибутивно-именных словосочетаний типа: *обвинительный приговор, исполнительный лист, дисциплинарные взыскания, оправдательное заключение, установленный порядок, тяжкие телесные повреждения* и др.

В официально-деловом стиле частыми являются стандартные обороты речи, устойчивые по характеру, содержащие отыменные предлоги, указывающие на характер мотивировки действий типа: *в связи с указанием, пребыванием, распоряжением* (Министерства, руководства), *в порядке оказания технической помощи* и т. п. В языке служебных документов они выполняют ту же функцию, что и устойчивые сочетания типа: *принять к сведению, взять/брать во внимание, довести до сведения* и т. п.

Также следует отметить сугубо именной характер официально-делового стиля. Одно и

то же существительное в деловых текстах может повторяться даже в стоящих рядом предложениях и не заменяться местоимением. В разговорной речи или в художественном тексте подобное употребление квалифицировалось бы как тавтология. В официально-деловом же стиле такие повторы функционально обусловлены, так как с их помощью удается избежать неверных толкований [5, с. 152].

С процессом стандартизации деловой речи тесно связан и процесс фразеологизации её. Это можно проследить на примерах употребления в деловых документах разного типа вербономинантов – глагольно-именных словосочетаний [6]. Данные языковые средства в деловом языке становятся универсальным средством и часто используются вместо параллельных им собственно глагольных форм: *оказать помощь* (вместо помочь), *произвести ремонт* (вместо отремонтировать), *произвести расследование* (вместо расследовать) и др. Вербономинанты широко представлены в деловом языке в связи с тем, что во многих случаях их использование является обязательным: *допустить брак, совершить преступление, исполнять обязанности, занять должность, возложить ответственность* и т. п. Их значение может не совпадать со значением параллельных глаголов, например: сочетание *провести соревнование* не тождественно глаголу *соревноваться*. Вербономинанты не только называют действие, но и выражают определённые дополнительные смысловые оттенки, точно квалифицируют те или иные явления. Например, *совершить наезд* – терминологическое словосочетание, являющееся официальным наименованием определённого вида дорожных происшествий [6, с. 151]. При построении словосочетаний следует учитывать, что большинство слов в письменной речи употребляются только с одним словом или с ограниченной группой слов: приказ – *издаётся*, должностные оклады – *устанавливаются*, контроль – *возлагается на кого-либо или осуществляется*, выговор – *объявляется*, порицание – *выносится* и т. п.

Как известно, в рамках делового стиля/дискурса является обязательным использование канцеляризмов. Они ускоряют процесс составления документа, облегчают вос-

приятие текста делового, официального назначения; отличаются смысловой емкостью и шаблонностью применения; выступают как маркеры информации, специфичные для деловых бумаг.

В состав канцеляризмов входят и отглагольные существительные, среди них есть искусственные образования с суффиксами -ние (со значением процесса действия) и -тель (со значением действующего лица), которые используются преимущественно в юридических документах: *доказывание, доставление* (вещей), *отложение* (разбирательство дела), *неоказание* (помощи больному); *отчуждатель, выгодоприобретатель, причинитель* (вреда) и др.

К канцеляризмам по своей стилистической окраске близки фразовые речения – устойчивые словосочетания официально-канцелярского характера, которые применяются (как и канцеляризмы) в качестве стандартизированных названий разного рода мероприятий, их проведения, действий представителей власти, государственных учреждений, частных компаний, общественных организаций и др. Например: *организовать, провести мероприятие, принять меры, принять решение* (постановление), *оказать помощь, произвести награждение* (премирование) и т. п.

Изучение специальной научно-методической литературы по данному вопросу позволило нам обобщить важнейшие черты официально-делового стиля/дискурса. Сюда относят безличность выражения, семантическую замкнутость, точность, не допускающую инотолкования, предметную точность, особую официальность выражения и безэмоциональность, употребление канцеляризмов, языковых стереотипов (клише), преобладание пассивных форм выражения над активными, использование специальных предлогов, строгий порядок слов в предложении, словообразовательные особенности деловой речи (сложносокращенные слова, словосложения), особый синтаксис. Далее обратим внимание на язык военных документов.

Язык военных документов можно рассматривать как подстиль официально-делового стиля. Военному стилю в большой степени присущи особая номенклатура текста, обширное использование аббревиатур, условных символов и сокращений, которые, по

словам А.И. Гальперина, «преследуют не только цель достижения краткости, но и являются кодом» [4, с. 133].

Военные документы изобилуют специальной терминологией, относящейся как непосредственно к военному делу, так и к различным областям техники, которая используется в армии. Никакие нормы живой разговорной речи и, в частности, профессионализмы, которые часто выступают под термином «военный сленг» и которые очень широко используются в живом общении солдат между собой, не употребляются в официальных документах. Таким образом и здесь находит своё выражение разрыв, существующий между нормами литературно-письменной речи и живой разговорной речи [4; 7].

Значительно менее специализирован язык военных уставов. Это объясняется содержанием самого устава, определяющего характер взаимоотношений между военнослужащими, частями и соединениями, а также обязанности и права личного состава армии и т. п.

Как и другие разновидности делового стиля, слова в военных документах употребляются преимущественно в своих предметно-логических, словарных, значениях. Контекстуальные значения практически не используются во избежание неточностей и двусмысленности толкования. Исключением являются метафорические названия объектов военных действий – высот, рек и населённых пунктов, которым часто присваиваются различные условные обозначения, но эти метафоры воспринимаются как код и не несут в себе никакой эстетической нагрузки [7].

Что касается синтаксической организации высказывания, то в этом отношении язык военных приказов отличается от языка соответственно дипломатических и официальных документов. В военных приказах чаще всего встречаются простые предложения с инфинитивными, герундиальными и предложными оборотами. Редки сложноподчинённые предложения, имеющие в своём составе более чем одно придаточное предложение. Характерной особенностью синтаксиса военных документов является, в отличие от других разновидностей делового стиля, эллиптичность. Здесь часто опускаются мо-

дальные глаголы так же, как и другие члены предложения [7, с. 441].

Функциональная нагрузка, характеризующая военную сферу общения, определяет список требований к построению военного текста, характерный для научно-технического стиля языка: сжатость, чёткость и конкретность формулировок, использование узкоспециальных терминов, точность и ясность изложения, стройность построения, структурированность материала, четкое отграничение одной мысли от другой, легкость восприятия передаваемой информации за счёт наличия схем и иллюстраций.

Обозначить границы понятия *военный термин* очень сложно, так как сфера функционирования военной терминологии очень широка, и многие общеупотребительные термины приобретают в ней особое, более узкое значение. В.Н. Шевчук предлагает следующее определение понятия *военный термин*: «устойчивая единица синтетической или аналитической номинации, закреплённая за соответствующим понятием в понятийно-функциональной системе определённой сферы военной профессии в значении, регламентированном его дефиницией» [8, с. 8]. По данному факту Г.М. Стрелковский отмечает: «Если мы ограничимся лишь военным делом, то должны будем признать, что внутри этой обширной области существуют многие отрасли, которые можно рассматривать как различные самостоятельные области знания или деятельности. Поэтому нельзя говорить об общем понятии «военный термин», а следует различать термины тактические, организационные, военно-технические, термины, относящиеся к различным родам войск и видам вооружённых сил и т. д. Все это – различные области военного знания и деятельности, для каждой из которых характерна своя терминология. В пределах каждой из этих областей значение термина достаточно однозначно» [9, с. 83].

В настоящее время все основные документы Республики Казахстан издаются на трёх языках: казахском, русском и английском. Одним из самых важных документов в военном делопроизводстве является жанр приказа. Так, в Толковом словаре Д.Н. Ушакова даётся толкование термину «приказ», ориентированное в сферу военного дела.

Рассмотрим:

«ПРИКАЗ, приказа, муж.

1. Официальное распоряжение органа власти (войскового начальника, начальника учреждения), обращённое обычно к подчинённым и требующее выполнения определённых действий, соблюдения тех или иных правил или устанавливающее какой-нибудь порядок, положение. Приказ командующего армией. Приказ о наступлении. Приказ об обязательном ношении формы. Боевой приказ. Приказ по полку. Приказ по гарнизону. Зачислить в штат приказом» [10].

В современных лексикографических источниках и пособиях по делопроизводству приводится расширенное толкование (это охватывает не только одну сферу деятельности общества), что является правомерным. Например, у Н.К. Логиновой представлено следующее определение:

«Приказ – это правовой акт, который создаётся единолично руководителем организации (лицом, исполняющим его обязанности), в целях разрешения вопросов основной деятельности или по личному составу» [11].

Приказы выполняются на бланках организации, где обязательными реквизитами являются: наименование организации, название вида документа (ПРИКАЗ), дата (датой приказа является дата его подписания), регистрационный номер документа, место составления или издания, заголовок к тексту, текст, подпись, визы согласования документа (при необходимости). Данная часть приказов внутреннего пользования в РК составляется на двух языках (казахском и русском), а приказы специального, высокого уровня назначения, или выходящие за пределы страны составляются на трёх языках: государственном (казахском), межнациональном (русском) и английском (международном языках).

Изложим краткую характеристику структуры приказа, которая включает две обязательные части: констатирующая часть – в ней излагаются цели и причины издания приказа. Если приказ подготовлен на основании документов других документов, то указывают их реквизиты: наименование документа, наименование организации-автора, дату и регистрационный номер документа; распорядительная часть – начинается со

слова «ПРИКАЗЫВАЮ» (прописными буквами); излагается в повелительном наклонении (*утвердить, довести, выполнить, возложить* и т. п.); может состоять из нескольких пунктов.

В заключительной части документа указывается лицо (его статус/должность) издающего приказ с его подписью и печатью.

Поясняющие или дополняющие содержание документа материалы оформляются как **Приложения к приказу**, на которые в соответствующих пунктах распорядительной части приказа должна быть ссылка (как правило, «согласно приложению»). На первой странице приложения в правом верхнем углу проставляется отметка о Приложении (номер), указывается дата и номер приказа организации/официального лица.

Далее рассмотрим особенности языка (вариант русского языка) военных документов на примере Приказа Министра обороны Республики Казахстан – Н. Ермакбаева¹:

Қазақстан Республикасының Министрство обороны
Қорғаныс министрлігі Республики Казахстан

Приказ Министра обороны
Республики Казахстан
от 4 октября 2019 года № 792

Зарегистрирован в Министерстве
юстиции Республики Казахстан
10 октября 2019 года № 19458

Об утверждении типовых учебных программ военных учебных заведений, подведомственных Министерству обороны Республики Казахстан

В соответствии с подпунктом 7) статьи 5-1 Закона Республики Казахстан от 27 июля 2007 года «Об образовании»

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Утвердить типовые учебные программы:

1) военных учебных заведений, подведомственных Министерству обороны Республики Ка-

¹ Приказ Министра обороны Республики Казахстан от 04.10.2019 № 792. Об утверждении типовых учебных программ военных учебных заведений, подведомственных Министерству обороны Республики Казахстан. URL: <http://m.egov.kz> (дата обращения: 22.10.2019).

захстан по группе специальностей технического и профессионального образования «Военное дело и безопасность», согласно приложению 1 к настоящему приказу;

2) военных учебных заведений, подведомственных Министерству обороны Республики Казахстан по направлению подготовки высшего образования «Военное дело», согласно приложению 2 к настоящему приказу.

2. Департаменту военного образования и науки Министерства обороны Республики Казахстан в установленном законодательством Республики Казахстан порядке обеспечить:

1) государственную регистрацию настоящего приказа в Министерстве юстиции Республики Казахстан;

2) размещение настоящего приказа на интернет-ресурсе Министерства обороны Республики Казахстан после его первого официального опубликования;

3) направление сведений в Юридический департамент Министерства обороны Республики Казахстан об исполнении мероприятий, предусмотренных подпунктами 1) и 2) настоящего пункта в течение десяти календарных дней со дня государственной регистрации.

3. Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на заместителя Министра обороны Республики Казахстан, курирующего вопросы военного образования.

4. Настоящий приказ довести до должностных лиц в части, их касающейся.

5. Настоящий приказ вводится в действие по истечении десяти календарных дней после дня его первого официального опубликования.

**Министр обороны Республики Казахстан
генерал-майор Н. Ермекбаев**

В лексике приведённого приказа можно выделить такие пласты:

– общеупотребительные слова: вопросы, образование, учебные заведения, регистрация, интернет-ресурсы, день;

– термины: статья, Закон, приказ, типовые учебные программы, Министерство обо-

роны, «Военное дело и безопасность», Министр обороны, департамент военного образования, Юридический департамент;

– речевые клише: в соответствии, согласно приложению 1, согласно приложению 2, в течение, по истечении.

2. На уровне морфологии выделим:

– преобладание отглагольных существительных: утверждение, подготовка, размещение, опубликование, направление, исполнение, действие, контроль;

– существительные с абстрактным значением: образование, министерство, департамент, законодательство;

– предложно-падежные конструкции: по группе специальностей технического и профессионального образования, по направлению подготовки высшего образования «Военное дело», в установленном порядке, после его первого официального опубликования, со дня государственной регистрации;

– наличие глаголов неопределённой формы: утвердить, обеспечить, возложить, довести.

3. На уровне синтаксиса:

– предложения императивного характера, соответствуют жанру делового документа – приказу: ПРИКАЗЫВАЮ утвердить, обеспечить, возложить, довести;

– в предложениях используется такой порядок слов, характерный жанру приказа: утвердить типовые программы, контроль возложить, приказ вводится;

– по цели высказывания в приведённом отрывке все предложения повествовательные;

– каждый пункт приказа – предложение дополнительно осложнено однородными уточняющими оборотами (см: к пункту 1 представлено 2 подпункта, к пункту 2 – 3 подпункта).

Рассмотрим содержание типовых учебных программ по языкам и попытаемся выявить языковые особенности.

e.zap	Қазақстан Республикасының электронды нысандағы нормативтік құқықтық актілердің эталонды бақылау банкі Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан в электронном виде	Редакциялау күні 04.10.2019 Сақтау күні 22.10.2019 Дата редакции 04.10.2019 Дата скачивания 22.10.2019
-------	--	---

Приложение 1
к приказу Министра обороны
Республики Казахстан
от «4» октября 2019 года № 792

**Типовые учебные программы военных учебных заведений,
подведомственных Министерству обороны Республики Казахстан
по группе специальностей технического
и профессионального образования «Военное дело и безопасность»**

Раздел 1. Казахский язык.

Назначение дисциплины.

Дисциплина «Казахский язык» предназначена для обучения казахскому языку в целях формирования социально-гуманитарного мировоззрения в рамках реализации общенациональной идеи «Рухани жаңғыру».

Цель и задачи изучения дисциплины.

Целью изучения казахского языка является формирование у кадетов навыков грамотного письма на казахском языке, ознакомление кадетов с военными терминами с целью их практического применения, обучение будущих сержантов умению анализировать прочитанный текст, отрабатывать лексико-грамматический материал, обеспечивающий формирование правильной казахской речи, связанных с профессиональной лексикой, их использованием в сфере своей деятельности, сопоставлять грамматический материал казахского языка, составлять документы служебно-бытового назначения.

Задачи изучения дисциплины:

- 1) фонетические, лексико-грамматические явления в объёме, необходимом для ведения беседы и чтения литературы;
- 2) развивать специальной, военной, общественно-политической и бытовой и литературной лексику;
- 3) пересказывать кратко прочитанный текст, содержащий грамматический материал и военную лексику;
- 4) вести беседу на казахском языке в пределах изученной тематики;
- 5) вести двусторонний перевод;
- 6) понимать и использовать военные термины;
- 7) освоение общей военной терминологии;
- 8) усвоение военных терминов и словосочетаний, на их основе составление текстов по специальности;
- 9) развивать у кадетов внутреннюю мотивацию к изучению казахского языка;
- 10) совершенствование навыков обмена мыслями на казахском языке.

Компетенции обучающегося, формируемые в результате освоения дисциплины.

В результате освоения дисциплины «Казахский язык» у обучающихся формируются следующие общие и военно-профессиональные навыки:

- 1) способность взаимодействовать с представителями Вооружённых Сил различных стран в рамках Организации Объединённых Наций, миротворческих силах и других международных организациях;
- 2) способность ясно и аргументировано формулировать свои мысли на казахском языке в устной и письменной формах;
- 3) способность чтения и перевода документов с целью ознакомления современными техническими и технологическими инновациями;

- 4) способность восприятия на слух информации, навыков диалогической и монологической речи;
- 5) развития навыков последовательного изложения мыслей, а также информации при написании писем личного и делового характера.

Раздел 2. Русский язык.

Назначение дисциплины.

Назначением дисциплины является обеспечение формирования правильной речи, связанной с профессиональной лексикой, их использованием в сфере своей деятельности, сопоставлением грамматического материала русского и казахского языков, составлением документов служебно-бытового назначения.

Цель и задачи изучения дисциплины.

Целью преподавания русского языка является формирование у кадетов навыков грамотного письма на русском языке, ознакомление кадетов с военными терминами с целью их практического применения, обучение будущих сержантов умению анализировать прочитанный текст, отрабатывать лексико-грамматический материал.

Задачи изучения дисциплины.

- 1) фонетические, лексико-грамматические явления в объеме, необходимом для ведения беседы и чтения литературы;
- 2) развивать специальную, военную, общественно-политическую, бытовую и литературную лексику;
- 3) пересказывать кратко прочитанный текст, содержащий грамматический материал и военную лексику;
- 4) вести беседу на русском языке в пределах изученной тематики;
- 5) вести двусторонний перевод;
- 6) понимать и использовать военные термины;
- 7) освоение общей военной терминологии;
- 8) усвоение военных слов и словосочетаний, на их основе составление текстов по специальности;
- 9) развивать у кадетов внутреннюю мотивацию к изучению русского языка;
- 10) совершенствование навыков обмена мыслями на русском языке.

Компетенции обучающегося, формируемые в результате освоения дисциплины.

В результате освоения дисциплины «Русский язык» у обучающихся формируются следующие общие и военно-профессиональные навыки:

- 1) способность взаимодействовать с представителями Вооружённых Сил различных стран в рамках ООН, миротворческих сил и других международных организаций;
- 2) способность ясно и аргументировано формулировать свои мысли на русском языке в устной и письменной формах;
- 3) способность чтения и перевода документов с целью ознакомления с современными техническими и технологическими инновациями;
- 4) способность восприятия на слух информации, навыков диалогической и монологической речи;
- 5) развития навыков последовательного изложения мыслей, а также информации при написании писем личного и делового характера.

Тематический план дисциплин «Казахский язык», «Русский язык».

№ п/п	Номер и наименование темы
1	Тема 1. Знакомство
2	Тема 2. Команды для управления строем
3	Тема 3. Профессия военного. Мой гарнизон
4	Тема 4. Русский язык – язык межнационального общения
5	Тема 5. Маскировка
6	Тема 6. Военная форма одежды. Военные пословицы
7	Тема 7. Спорт и физическая подготовка
8	Тема 8. Инженерная подготовка
9	Тема 9. Моя родина – Казахстан
10	Тема 10. Разведка

11	Тема 11. Выдающиеся люди истории Казахстана
12	Тема 12. Вооружённые Силы Республики Казахстан
13	Тема 13. Основы военного искусства
14	Тема 14. Вооружение и военная техника
15	Тема 15. Общая тактика «Оборона»
16	Тема 16. Общая тактика «Наступление»
17	Тема 17. Военная топография
18	Тема 18. Исторические виды вооружения и техники
19	Тема 19. Боевая готовность
20	Тема 20. Огневая подготовка. Виды огня
21	Тема 21. Защита военнослужащих от оружия массового поражения
22	Тема 22. Организация связи между подразделениями

Раздел 3. Английский язык.

Назначение дисциплины.

Дисциплина «Английский язык» предназначена для обеспечения единства образовательного пространства на территории Республики Казахстан, в рамках профессионального образования, повышения исходного уровня владения английским языком, достигнутого на предыдущей ступени образования, и овладения кадетами необходимым и достаточным уровнем коммуникативной компетенций для решения социально-коммуникативных задач в различных областях бытовой, культурно-профессиональной и научной деятельности, а также для дальнейшего самообразования.

Цель и задачи изучения дисциплины:

Целью изучения дисциплины является обеспечение соответствующей подготовки и уровня знаний и умений в области английского языка, необходимых для последующего применения в профессиональной деятельности.

Задачи изучения дисциплины.

- 1) развитие и совершенствование коммуникативных умений в говорении, аудировании, чтении и письме;
- 2) систематизация и овладение новыми языковыми средствами в соответствии с предложенными темами;
- 3) развитие общих и специальных учебных умений, позволяющих совершенствовать учебную деятельность по овладению английским языком.

Компетенции обучающегося, формируемые в результате освоения дисциплины:

- 1) коммуникативная компетенция, включающая в себя языковую, речевую, лингвострановедческую и социолингвистическую компетенции. Данные компетенции необходимы для иноязычного общения в учебной, повседневной, профессиональной сферах и определяют социально-профессиональную мобильность кадетов в иноязычной сфере;
- 2) общекультурная компетенция, которая предполагает изучение кадетами круга вопросов, касающихся особенностей иностранной и общечеловеческой культуры и позволяет кадетам включиться в диалог культур;
- 3) учебно-познавательная компетенция, предполагающая наличие у кадетов знаний, умений, способностей, необходимых для адаптации и продуктивной деятельности в различных профессиональных сферах в условиях иноязычного общения;
- 4) компенсаторная компетенция, позволяющая кадетам развивать способности преодолевать дефицит своих иноязычных знаний, навыков и умений;
- 5) интеллектуально-личностная компетенция, развитие и воспитание способностей кадетов к самостоятельному и непрерывному изучению английского языка, дальнейшему самообразованию и использованию его в других областях знаний, личностному самоопределению кадетов в отношении их будущей профессии.

Тематический план дисциплины «Английский язык».

№ п/п	Номер и наименование темы
1	Тема 1. Знакомство
2	Тема 2. Моя семья
3	Тема 3. Профессия. Работа
4	Тема 4. Свободное время
5	Тема 5. Мой дом
6	Тема 6. Любимое занятие. Хобби
7	Тема 7. Великобритания и другие страны изучаемого языка
8	Тема 8. Национальные блюда. Еда и напитки
9	Тема 9. Моя родина – Казахстан
10	Тема 10. Нур-Султан – город будущего
11	Тема 11. Деятельность Организации Объединённых Наций
12	Тема 12. Вооружённые Силы Республики Казахстан
13	Тема 13. Основы военного искусства
14	Тема 14. Действия подразделения в условиях проведения учений
15	Тема 15. Полигон и его обеспечение
16	Тема 16. Стрелковое оружие и меры безопасности при обращении с ним
17	Тема 17. Спорт и физическая подготовка в армии
18	Тема 18. Вооружение и военная техника иностранных армий
19	Тема 19. Выживание в полевых условиях
20	Тема 20. Распределение времени и повседневный порядок. Распорядок дня
21	Тема 21. Военная топография
22	Тема 22. Военнопленные и обращение с ними
23	Тема 23. Карьера в армии
24	Тема 24. Общая тактика. Оборона
25	Тема 25. Общая тактика. Огонь и проведение маневров
26	Тема 26. Общая тактика. Оценка действий подразделения в бою
27	Тема 27. Общая тактика. Наступление
28	Тема 28. Общая тактика. Задачи подразделения в бою и их выполнение. Подведение итогов
29	Тема 29. Общая тактика. Действия в бою. Контакт с противником

ВЫВОДЫ

Внимательное изучение текста Приказа Министра обороны Республики Казахстан и разделов Типовых программ по специальности «Военное дело и безопасность»: 1. «Казахский язык», 2. «Русский язык», 3. «Английский язык» позволило нам сделать следующие выводы:

1) функционирование официального двуязычия на территории суверенного государства Казахстан отражается в оформлении деловых документов в обязательном порядке на казахском и русском языках в моментах фиксации документов официально-делового характера:

Казахстан Республикасының
Қорғаныс министрлігі

Министерство обороны
Республики Казахстан

и др.;

2) в документах, представленных на государственных сайтах:

Казахстан Республикасының электронды нысандағы нормативтік құқықтық актілердің эталонды бақылау банкі	Редакциялау күні 04.10.2019 Сақтау күні 22.10.2019
Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан в электронном виде	Дата редакции 04.10.2019 Дата скачивания 22.10.2019

3) официальность двуязычия имеет отражение в содержании цели и задач обучения казахскому и русскому языкам, в формулировках тематики занятий (22 темы) и компетенций (5);

4) более расширен и конкретизирован материал по английскому языку:

– по формированию компетенций (коммуникативная, общекультурная, учебно-познавательная компетенция, компенсаторная, интеллектуально-личностная компетенции);

– по тематике занятий (29 тем). Это в принципе закономерно и объясняется, на наш взгляд, статусом данных языков в РК, их функционированием на территории страны и уровнем владения;

5) в ходе анализа фактического материала выявлены:

– основной состав терминологических единиц военного дела: рапорт, доклад, команда, военный, гарнизон, маскировка, форма, учения, спорт, разведка, тактика, оборона, наступление, оружие, полигон, топография, маневры, военнопленные, карьера, подразделение;

– отглагольные существительные: подготовка, разведка, вооружение, защита, поражение, действие, обеспечение, выживание, выполнение, организация, взаимодействие, подведение итогов;

– устойчивые словосочетания: строевые команды, военная форма, физическая подготовка, инженерная подготовка, вооружённые силы, военное искусство, военная техника, полевые условия, военная топография, боевая готовность, огневая подготовка, оружие массового поражения;

б) особо следует отметить положительный факт, что терминологическая система военного стиля отражается в языковом сознании военного человека в полном объёме на трёх языках: казахском, русском, английском.

Таким образом, наши наблюдения и анализ позволил обозначить особенности делового дискурса в условиях полиязычия Казахстана. Считаем, что научные исследования в сфере официально-делового стиля на современном этапе развития РК имеют большие перспективы. Нами представлена попытка описать особенности языка военных документов на примере Приказа Министра обороны Республики Казахстан, подробное рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи.

Список литературы

1. *Ширяева Т.А.* К вопросу о статусе дискурса // Вестник ПГЛУ. 2006. № 3. С. 30-37.
2. *Шлепкина М.А.* Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе // Современная филология: материалы Междунар. заоч. науч. конф. / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. Уфа, 2011. 272 с.
3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Высш. шк., 1981. 210 с.
4. *Гальперин И.Р.* Стилистика английского языка. 3-е изд. М.: Высш. шк., 1981. 334 с.
5. *Разинкина Н.М.* Функциональная стилистика (на материале английского и русского языков). М.: Высш. шк., 2004. 271 с.
6. *Гусева О.Н.* Фразеология научной и деловой речи // Труды БГТУ. № 5. История, философия, филология. 2014. С. 150-152.
7. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1988. 458 с.
8. *Шевчук В.Н.* Военно-терминологическая система в статистике и динамике. М., 1985. 94 с.
9. *Стрелковский Г.М.* Теория и практика военного перевода: Немецкий язык. М.: Воениздат, 1979. 272 с.
10. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. М.: Сов. энцикл., 1935–1940. 1562 стб.
11. *Логинова Н.К.* Делопроизводство и корреспонденция. Екатеринбург: УрГЭУ, 2007. 71 с.

References

1. Shiryayeva T.A. K voprosu o statuse diskursa [On the status of discourse]. *Vestnik PGLU* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University], 2006, no. 3, pp. 30-37. (In Russian).
2. Shlepkina M.A. Delovoy diskurs kak institutsional'noye yavleniye. Rol' klishe v delovom diskurse [Business discourse as an institutional phenomenon. The role of cliches in business discourse]. In: Akhmetova G.D. (gen. ed.). *Materialy Mezhdunarodnoy zaочноy nauchnoy konferentsii «Sovremennaya filologiya»* [Proceedings of the International Distant Scientific Conference "Contemporary Philology"]. Ufa, 2011, 272 p. (In Russian).
3. Galperin I.R. *Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, 210 p. (In Russian).

4. Galperin I.R. *Stilistika angliyskogo yazyka* [Stylistics of English Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, 334 p. (In Russian).
5. Razinkina N.M. *Funktsional'naya stilistika (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [Functional Stylistics (Based on English and Russian Languages)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004, 271 p. (In Russian).
6. Guseva O.N. *Frazeologiya nauchnoy i delovoy rechi* [Phraseology of scientific and business speech]. *Trudy BGTU. № 5. Istoriya, filosofiya, filologiya* [Proceedings of Belarusian State Technological University. No. 5. History, Philosophy, Philology], 2014, pp. 150-152. (In Russian).
7. Galperin I.R. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on the Stylistics of the English Language]. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1988, 458 p. (In Russian).
8. Shevchuk V.N. *Voyenno-terminologicheskaya sistema v statistike i dinamike* [Military Terminological System in Statistics and Dynamics]. Moscow, 1985, 94 p. (In Russian).
9. Strelkovskiy G.M. *Teoriya i praktika voyennogo perevoda: Nemetskiy yazyk* [Theory and Practice of Military Translation: German Language]. Moscow, Voenizdat Publ., 1979, 272 p. (In Russian).
10. Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1935–1940, 1562 col. (In Russian).
11. Loginova N.K. *Deloproizvodstvo i korrespondentsiya* [Paperwork and Correspondence]. Yekaterinburg, Ural State University of Economics Publ., 2007, 71 p. (In Russian).

Информация об авторах

Сарсенов Мурат Абдинагевич, магистрант, кафедра русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: murat_kz_20@mail.ru

Вклад в статью: сбор и анализ теоретического и фактического материала, написание статьи, составление списка литературы.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-1765>

Туманова Айнакуль Бектасовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, научное консультирование, написание статьи, редактирование текста.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Туманова Айнакуль Бектасовна
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Поступила в редакцию 28.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 16.12.2019 г.
Принята к публикации 14.01.2020 г.

Information about the authors

Murat A. Sarsenov, Master's Degree Student, Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: murat_kz_20@mail.ru

Contribution: theoretical and factual material acquisition and analysis, manuscript drafting, references compilation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-1765>

Ainakul B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Contribution: main study conception, scientific consulting, manuscript drafting, manuscript text editing.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Ainakul B. Tumanova
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Received 28 October 2019
Reviewed 16 December 2019
Accepted for press 14 January 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-417-424
УДК 81-112.2

Литературный язык Петровской эпохи в научных трудах профессора Н.И. Гайнуллиной

Эльмира Радиковна КОГАЙ

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2273-1248>, e-mail: elmira_kogay@live.ru

Literary language of the Peter the Great's era in scientific works of professor N.I. Gainullina

Elmira R. KOGAY

Al-Farabi Kazakh National University
71 al-Farabi Ave., Almaty 050040, Republic of Kazakhstan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2273-1248>, e-mail: elmira_kogay@live.ru

Аннотация. Посвящено памяти профессора Надежды Ивановны Гайнуллиной. Цель – показать роль профессора Н.И. Гайнуллиной в вопросах изучения истории русского литературного языка. В центре научных интересов Н.И. Гайнуллиной был литературный язык Петровской эпохи. Её кандидатская диссертация и докторское исследование, статьи и монографии содержат глубокое осмысление роли и места Петра Великого в истории русского литературного языка. Н.И. Гайнуллина определила термин «творческая языковая личность» и ввела его в науку. Установила место, роль и значение эпистолярного жанра в истории русского литературного языка. Описала характер эволюции эпистолярного жанра под влиянием экстралингвистических и интралингвистических факторов. Доказано, что выводы, к которым приходит Н.И. Гайнуллина, имеют важное теоретическое и практическое значение. Результаты научной деятельности Н.И. Гайнуллиной отличаются новизной, теоретической и практической значимостью, востребованы в исследованиях по истории русского литературного языка.

Ключевые слова: Н.И. Гайнуллина; история русского литературного языка; языковая личность; Петр Великий; эпистолярный жанр; диахрония

Для цитирования: *Когай Э.Р.* Литературный язык Петровской эпохи в научных трудах профессора Н.И. Гайнуллиной // *Неофилология*. 2020. Т. 6, № 22. С. 417-424. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-417-424

Abstract. The study is dedicated to the memory of Professor Nadezhda Gainullina. The aim is to show the role of professor N. Gainullina in the study of the Russian literary language history. N. Gainullina's research interests focused on the literary language of the Peter the Great's era. Her Ph.D. thesis and doctoral research, articles and monographs contain a deep understanding of the role and place of Peter the Great in the history of the Russian literary language. N. Gainullina defined the term "creative linguistic personality" and introduced it into science. She established the place, role and significance of the epistolary genre in the history of the Russian literary language. She described the nature of the epistolary genre evolution under the influence of extra-linguistic and intralinguistic factors. It is approved that conclusions reached by N. Gainullina, have important theoretical value. The results of N. Gainullina's scientific activity differ because of their novelty, theoretical and practical relevance in researches on the history of the Russian literary language.

Keywords: N.I. Gainullina; history of the Russian literary language; linguistic personality; Peter the Great; epistolary genre; diachrony

For citation: Kogay E.R. Literaturnyy yazyk Petrovskoy epokhi v nauchnykh trudakh professora N.I. Gaynullinoy [Literary language of the Peter the Great's era in scientific works of professor N.I. Gainullina]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 417-424. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-417-424 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Прошёл год со дня, как ушла из жизни доктор филологических наук, профессор Надежда Ивановна Гайнуллина. Её имя неразрывно связано с Казахским национальным университетом им. аль-Фараби. Без неё трудно представить историю не только филологического факультета КазНУ, но и становление и развитие лингвистической мысли в Казахстане. Изучение русского языка в диахроническом аспекте во многом было заложено в нашей стране благодаря её таланту, профессионализму, широким познаниям в области истории русского языка, потрясающему трудолюбию, влюблённости в своё дело, в русское слово.

Сфера научных интересов Надежды Ивановны Гайнуллиной необычайно широка: история русского литературного языка, вопросы семантики, общей и исторической лексикологии, этимологии, фразеологии, лексикографии, лингвокультурологии. Главный научный интерес профессора Н.И. Гайнуллиной связан с исследованием языковой личности Петра Великого. Учёный считает, что в ней «отразились как общие закономерности развития русского литературного языка в конце XVII – первой трети XVIII века, когда начал складываться русский литературный язык национального типа, так и отдельные её особенности на уровне когнитивного и эмоционального, прагматического начала» [1, с. 67].

В 1973 г. Н.И. Гайнуллина защитила кандидатскую диссертацию «Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах Петра Великого» (к проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху) под руководством доцента А.Х. Мищенко. В 1996 г. – докторскую диссертацию «Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка». Ведущей организацией была кафедра русского языка Санкт-Петербургского государственного университета во главе с доктором филологических наук профессором В.В. Колесовым, который высоко оценил результаты докторского исследования.

Надежда Ивановна – автор монографий «Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века: историко-лингвистический аспект» (1995), «Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания)» (2003), «Заимствованная лексика в Петровскую эпоху. Проблема адаптации» (2008), многочисленных научных статей. Исследуя эпистолярный Петра I, она ввела в научный обиход и определила термин «творческая языковая личность». В монографии «Языковая личность Петра Великого» она пишет: «Дело в том, что в диахроническом, историческом аспекте дискурсивная продукция, особенно выдающейся личности, к какой мы, безусловно, относим Петра I, приобретает исключительную значимость для понимания как создателя текста – реальной языковой личности, так и эпохи, предоставившей ему имеющиеся в её распоряжении лингвистические средства. Однако не каждая языковая личность в состоянии одинаково распорядиться подобным арсеналом форм выражения, а только *творческая языковая личность*, природные способности которой помогают ей создать комбинацию структурных элементов языка и построить текст, отличный от текстовой (дискурсивной) продукции других носителей языка той же эпохи» [1, с. 68].

В монографии «Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века: историко-лингвистический аспект» профессором Н.И. Гайнуллиной были установлены место, роль и значение эпистолярного жанра в истории русского литературного языка, характер его эволюции под влиянием экстралингвистических и интралингвистических факторов. Учёный высказала и обосновала мысль о том, что «любой текст прошлого, в том числе и огромное письменное наследие Петра Великого, – это феномен культуры русского народа, запечатлевший определённый этап развития русского языка и потому представляющий категорию историческую» [2, с. 88]. По мнению исследователя, «тексты этого эпистоля-

рия, являющиеся репрезентаторами самой личности русского императора, выступают своеобразным связующим звеном между его создателем (адресантом) и получателем (адресатом)» [2, с. 88].

В результате тщательного анализа большого количества лингвистических фактов – эпистолярия Петра I, опубликованного в академических источниках XIX–XX веков, Н.И. Гайнуллиной был обоснован тезис о том, что один адресант имеет *двух* адресатов – синхронного и диахронического, что, безусловно, обнаруживает и разное восприятие ими подобного текста. Поясняя свою мысль, профессор Н.И. Гайнуллина утверждает: «Первая ситуация, *ретроспективно-синхронная*, характеризует участников письменной коммуникации как таких, которые обладают общей апперцепционной базой на вербально-семантическом и грамматическом уровне, общей пресуппозицией, позволяющей им свободно общаться между собой. Вторая ситуация – *диахронная*, или *диахроническая*, – отражает подобное соотношение между тем же адресантом (в нашем случае – Петром I), но адресатом-2 (носителем современного русского языка), при котором апперцепционная база коммуникантов полностью не совпадает в силу временного, диахронического разрыва и тех изменений, которые нашли отражение в речевой практике продуцента письменного текста прошлого и его современного адресата. Именно в последней ситуации герменевтика как наука об истолковании текста прошлого в отдельных его элементах приобретает ведущее значение, ибо диахронный адресат при восприятии и познании исторического текста чаще, в сравнении с ретроспективно-синхронным, ставит вопросы вроде: «Что я понял? Так ли я понял прочитанное?», чтобы читать подобные тексты так, «как их должны были читать современники» того или иного исторического текста» [2, с. 127].

Монография «Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания)» – логическое продолжение первой монографии. В ней профессор Н.И. Гайнуллина обращается к исследованию эпистолярия Петра Великого с позиций нового учения о языковой личности в современном языкознании, что позволило установить основные

лингвистические формы её репрезентации и роль отдельной языковой личности в истории русского литературного языка.

Анализируя переписку Петра Великого с учётом как языковых, так и экстралингвистических (культурно-исторических, социальных, психологических) факторов, она делает ряд теоретических выводов, в частности, ею было установлено, что, во-первых, эпистолярный жанр конца XVII – первой четверти XVIII века оказал влияние на процесс формирования нового качества русского литературного языка. В нём отразились многие тенденции, получившие дальнейшее развитие за пределами исследуемого периода. Особую роль при этом сыграла эпистолярная практика самого Петра Великого – главного реформатора своего времени.

Во-вторых, характерной особенностью переписки Петра Великого была многоадресность, определившая типологическое богатство и содержательную полифонию писем, в которой наиболее полно раскрылась языковая личность их создателя.

В-третьих, языковая личность Петра I представляет оригинальное явление в истории русской письменной культуры конца XVII – первой четверти XVIII века. Эта оригинальность проявляется на лингво-когнитивном и прагматическом уровнях.

В-четвёртых, в языковой личности Петра Великого на лингво-когнитивном уровне различные семантические трансформации лексических единиц происходили при воздействии его субъективированного тезауруса. Этим объясняется глубина и точность отражения действительности в его картине мира, предстающей в эпистолярной как *образная сеть*. Она отличается точным выбором многообразных вариантных возможностей русского языка первой четверти XVIII века.

В-пятых, образный, поэтический строй дискурса Петра I является не только образом «нового слога», «новой манеры» письма, но и даёт объективную возможность говорить о том, что он своей языковой политикой и языковой стратегией подготовил появление новой художественной литературы.

В-шестых, языковая личность Петра I предстает на страницах его эпистолярия как феномен культуры прошлого, отразивший сильное влияние прагматических установок,

вызванных различными социальными ролями его создателя. Из многообразия таких ролей доминирующей в его дискурсе выступает роль главы государства, определившая и основные лингвистические корреляты его коммуникативной деятельности в текстах писем. Они нашли выражение в таких типичных вербальных формах репрезентации, как *индивидуально-авторские афоризмы, императивность* тона эпистолярия, активное включение в лингвистическую организацию писем и бумаг *прецедентных текстов* и широкое использование *эпитетов*.

В-седьмых, указанные формы проявления прагматикона языковой личности Петра I отражают основные области его деятельности и выполняют в эпистолярии стилеобразующую функцию, свидетельствуя о высокой публицистичности писем и документов, вышедших из-под пера этой уникальной исторической личности.

В-восьмых, языковая личность Петра Великого, как она представлена на прагматическом уровне, есть непосредственное порождение совершенно определённых культурно-исторических условий его деятельности. Она даёт довольно полное представление об основных направлениях развития русского общества и их влиянии на коммуникативную деятельность носителей языка. В дискурсе Петра I отразилась новая тенденция к выработке новых стилистических норм построения текстов в условиях усилившегося процесса демократизации русского языка первой четверти XVIII века.

В-девятых, языковая практика Петра I как отражение новых ценностных установок и мотивов в условиях нарождавшейся русской нации оказала существенное влияние на дальнейшую судьбу русского литературного языка. Коммуникативная деятельность Петра Великого показывает, что русский литературный язык начального этапа его формирования как национального представлял уже сложившуюся систему вербальных средств, которая могла довольно свободно варьироваться в зависимости от жанра письменного памятника и субъективных возможностей конкретной языковой личности [1, с. 92-114].

Общий вывод, к которому приходит исследователь на основе тщательного анализа переписки Петра Великого, заключается в

том, что «эпистолярный жанр Петровской эпохи оказался на передовых позициях формирования новых национальных форм существования русского языка. Мобильный и динамичный, этот жанр, безусловно, сыграл прогрессивную, исторически значимую роль в развитии русского литературного языка в целом, так как в нём нашёл отражение и определённое закрепление в течение данной эпохи гармоничный синтез лучших традиций книжного языка с элементами живой разговорной речи, во многом уже в это время получавшей права литературности в лингвистической организации делового и бытового документа» [1, с. 114].

В историческом направлении выполнены и другие её труды, содержащие оригинальные идеи. К ним следует отнести такие работы, как: «Некоторые замечания о заимствованиях петровского времени» [3]; «Окказиональные слова иноязычного происхождения в лексической системе русского языка конца XVII – начала XVIII века» [4]; «О влиянии русского языка на варьирование заимствованных слов» [5]; «Словообразовательные неологизмы как коммуникативное средство в эпистолярном жанре» [6]; «Лексические варианты в статейных списках начала XVIII века» [7]; «Восток и его отражение в словарном составе русского языка Петровской эпохи» [8]; «К вопросу о языковой личности в истории русского литературного языка» [9]; «К истории исчезновения традиционного элемента челобития в зачине частного письма Петровской эпохи» [10]; «К истории развития словарного состава русского языка в преднациональный период»; «Пословицы, поговорки, устойчивые сочетания слов в дискурсе Петра Великого» [11]; «Языковая личность Петра Великого как факт диахронии» [12]; «О новом типе дискурса носителя русского языка на стыке XVII–XVIII вв.» [13]; «О смешанном характере русского языка и норме переходного периода» [14]; «О месте тюркских заимствований в лексической системе русского языка: ретроспективно-синхронный взгляд» [15]; «Субъективное начало как новая черта русской письменной культуры на стыке XVII–XVIII вв.» [16]; «Язык статейного списка П.А. Толстого в аспекте современной идеи евразийства» [17]; «Фольклорные мотивы в лингвистической

организации «женского» письма конца XVII – первой трети XVIII в.» [18] и др.

Работы профессора Н.И. Гайнуллиной по проблемам языковой личности в истории русского литературного языка, рассматриваемые на примере бумаг императора Петра Великого, получили известность и признание в филологических кругах. Её научные труды хорошо известны не только в Казахстане, но и в России, Кыргызстане, Украине, Узбекистане, Болгарии, Германии. Её идеи были подхвачены многочисленными учениками, занимающимися вопросами истории русского литературного языка, общей и исторической лексикологии, фразеологии, этимологии, лексикографии, теории языковой личности.

Научную работу она успешно совмещала с педагогической деятельностью. Накопленный за годы преподавания в университете богатый методический опыт работы нашёл отражение в учебниках и учебных пособиях: «Семантика русского слова» (1992), «Вопросы семасиологии в учебном процессе» (1992), «Лексикология русского языка (Социолингвистический аспект)» (1998), «Лексикология русского языка» (2003), «История русской грамматической мысли (Донациональный период)» (2004), «Очерки по истории русской грамматической мысли (XI – середина XVIII в.)» (2006).

За годы работы в университете ею было подготовлено шесть докторов наук. Так, в докторской диссертации Т.В. Шевяковой «Фразеология русского языка XVIII века» (2003) было предложено диахроническое исследование русской именной фразеологии, определена динамика развития фразеологической подсистемы на протяжении XVIII века.

В докторской диссертации Л.Т. Килевой «Становление категории наклонения славянского глагола» (2003) обоснована концепция происхождения грамматической категории наклонения, воссоздан фрагмент общей картины преобразования славянской глагольной системы в исторической перспективе.

Докторская диссертация В.С. Ли «Категория пропозитивности в современном русском языке (когнитивно-дискурсивный аспект)» (2005) выполнена в русле актуального для конца XX – начала XXI столетия направления синтаксической семантики. В исследовании пропозитивность рассмотрена и ин-

терпретирована как функционально-смысловая и формально-семиотическая категория.

В докторской диссертации А.Б. Тумановой «Языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва» (2008) предметом анализа служит категория модальности, модусных смыслов и их связь с ментальностью писателей-билингвов.

Докторская диссертация Л.Ю. Мирзоевой «Эволюция категории оценки в русском языке XVII–XIX веков» (2009) посвящена изучению происхождения, категориальной природы средств выражения персуазивной оценки, трансформации аксиологических представлений языковой личности с позиций диахронии в синхронии языка.

В докторской диссертации М.К. Пак «Общерусское слово (имя существительное)» (2010) предложено комплексное функционально-семантическое, лингвокультурологическое описание общерусских существительных, функционирующих в современных архангельских говорах.

С 1990 г. под руководством профессора Н.И. Гайнуллиной было подготовлено двенадцать кандидатских диссертаций. Проблематика их также разнообразна. Это вопросы пополнения словарного состава русского языка и освоения в нём новых иноязычных заимствований, явившихся реакцией на изменения в общественно-политической и культурной жизни реципиентов в 70–80 гг. XX века (О.А. Кононенко, 1990).

Вопрос об эволюции в употреблении славянизмов в рамках творчества отдельного автора (декабрист В.К. Кюхельбекер), в масштабах декабристской драматургии в целом (Ф.Н. Глинка, П.А. Катенин, В.К. Кюхельбекер) и в масштабах трагедии конца XVIII – первой трети XIX века (А.П. Сумароков, Я.Б. Княжнин, Ф.Н. Глинка, П.А. Катенин, В.К. Кюхельбекер, А.С. Пушкин) (П.А. Семенов, 1993).

Вопросы лингвистического описания активных процессов, происходящих в лексической системе русского языка 70–80-х гг. XX века (Д.С. Ташимханова, 1994).

Опыт изучения художественного творчества с позиций «человеческого фактора в языке». Рассмотрение метафоры как средства формирования индивидуально-авторской

картины мира Анатолия Кима (Э.Р. Когай, 1996).

Проблемы смысловой структуры художественного текста, имплицитности и способов её выявления, связанных с одним из основных направлений современной филологической науки, – учением о вертикальном контексте (Е.Ю. Крутова, 1998).

Проблемы исторической русистики, в частности, вопрос лингвистической организации текстов статейных списков как специфического жанра письменности прошлого, отразившего особенности становления русского литературного языка на ранних стадиях его формирования как национального (И.Ю. Юрицына, 2000).

Вопрос о формировании и функционировании категории просторечия в первой четверти XVIII века (Е.В. Тюкачева, 2001).

Вопрос о проявлении субъективного в форме модальности в русском языке на диахронической оси его развития на материале «Писем и бумаг императора Петра Великого» (Н.Е. Савчиц, 2002).

Проблема реконструкции языковой личности реального (биографического) носителя языка (Л.Н. Толстого), максимально свободного от элементов дискурса автора-повествователя в художественном тексте (О.Ф. Кучеренко, 2004).

Лингвокультурологическое, идеографическое, антропоцентрическое, этнолингвистическое описание фразеологии позднего

Средневековья (конец XIV – XVII век) (А.Б. Смагулова, 2006).

Социолингвистическое и лингвокультурологическое исследование активных процессов в современной русской лексике в нетрадиционных условиях смены культурно-исторических парадигм конца XX столетия (Е.В. Андрейченко, 2007).

Проблема витальности русской лексики, связанной с динамическими процессами в словарном составе языка на хронологическом отрезке XVIII–XX веков (С.А. Емельянов, 2010).

Большое место в профессиональной деятельности Надежды Ивановны Гайнуллиной занимала учебно-организационная работа. В течение пятнадцати лет, с 1989 по 2004 год, она заведовала кафедрой русской филологии Казахского национального университета им. аль-Фараби. В разные годы была руководителем авторского коллектива по составлению государственных стандартов высшего образования Республики Казахстан по филологическим специальностям. Работала в различных профессиональных организациях в качестве члена экспертного совета (1997–2001 гг.), ответственного секретаря научного журнала «Филологический сборник» (1976–1992 гг.), члена редколлегии журнала «Вестник КазНУ. Серия филологическая». Всю свою энергию, талант и широту жизненных интересов она воплощала в научной и общественной жизни.

Список литературы

1. Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). Алматы: Казах. ун-т, 2002. 126 с.
2. Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века: историко-лингвистический аспект. Алматы: Казах. ун-т, 1995. 276 с.
3. Гайнуллина Н.И. Некоторые замечания о заимствованиях петровского времени // Русское языкознание: сб. ст. Алма-Ата, 1969. Вып. 1. С. 103-110.
4. Гайнуллина Н.И. Окказиональные слова иноязычного происхождения в лексической системе русского языка конца XVII – начала XVIII века // Филологический сборник. Алма-Ата, 1973. Вып. 12. С. 105-110.
5. Гайнуллина Н.И. О влиянии русского языка на варьирование заимствованных слов // Вопросы русской филологии. Алма-Ата, 1978. С. 115-121.
6. Гайнуллина Н.И. Словообразовательные неологизмы как коммуникативное средство в эпистолярном жанре // Исследования по стилистике художественной речи: сб. науч. тр. Алма-Ата, 1985. С. 47-61.
7. Гайнуллина Н.И. Лексические варианты в статейных списках начала XVIII века // Образная структура текста: сб. науч. тр. Алма-Ата, 1987. С. 37-43.
8. Гайнуллина Н.И. Восток и его отражение в словарном составе русского языка Петровской эпохи // Восток–Запад: диалог культур: докл. Междунар. симпозиума. Алма-Ата, 1992. С. 145-147.

9. Гайнуллина Н.И. К вопросу о языковой личности в истории русского литературного языка // Семантика языковых единиц: докл. 5 Междунар. конф.: в 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 116-118.
10. Гайнуллина Н.И. К истории исчезновения традиционного элемента челобития в зачине частного письма Петровской эпохи // Вестник КазГУ. Серия филологическая. Алматы, 1997. № 6. С. 3-6.
11. Гайнуллина Н.И. Пословицы, поговорки, устойчивые сочетания слов в дискурсе Петра Великого // Фразеологизм и слово в системе языка: материалы Первых Жуковских чтений. Новгород, 1996. С. 49-51.
12. Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого как факт диахронии // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы Междунар. конгресса. М.: МГУ, 2001. С. 41.
13. Гайнуллина Н.И. О новом типе дискурса носителя русского языка на стыке XVII–XVIII вв. // Вестник КазНУ. Серия филологическая. Алматы, 2002. № 10 (61). С. 65-69.
14. Гайнуллина Н.И. О смешанном характере русского языка и норме переходного периода // Вестник КазНУ. Серия филологическая. Алматы, 2004. № 2 (74). С. 4-7.
15. Гайнуллина Н.И. О месте тюркских заимствований в лексической системе русского языка: ретроспективно-синхронный взгляд // Вестник КазНУ. Серия филологическая. Алматы, 2004. № 6 (78). С. 137-139.
16. Гайнуллина Н.И. Субъективное начало как новая черта русской письменной культуры на стыке XVII–XVIII вв. // Теоретические и методологические аспекты языкознания: материалы Междунар. науч. конф. Алматы, 2004. С. 198-205.
17. Гайнуллина Н.И. Язык статейного списка П.А. Толстого в аспекте современной идеи евразийства // Мир Евразии: история, современность, перспектива: тр. 5 Междунар. науч. форума. Астана, 2006. С. 285-287.
18. Гайнуллина Н.И. Фольклорные мотивы в лингвистической организации «женского» письма конца XVII – первой трети XVIII в. // Литература в контексте современности. Первые Багизбаевские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Алматы, 2009. С. 243-250.

References

1. Gainullina N.I. *Yazykovaya lichnost' Petra Velikogo* (Opyt diakhronicheskogo opisaniya) [Linguistic Personality of Peter the Great (Experience of diachronic description)]. Almaty, Kazakh University, 2002, 126 p. (In Russian).
2. Gainullina N.I. *Epistol'yarnoye naslediyе Petra Velikogo v istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII veka: istoriko-lingvisticheskiy aspekt* [Epistolary Heritage of Peter the Great in the History of the Russian Literary Language of the 18th Century: Historical and Linguistic Aspect]. Almaty, Kazakh University, 1995, 276 p. (In Russian).
3. Gainullina N.I. Nekotoryye zamechaniya o zaimstvovaniyakh petrovskogo vremeni [Some remarks on the borrowings of Peter's time]. *Russkoye yazykoznanіye* [Russian Linguistics]. Alma-Ata, 1969, Issue 1, pp. 103-110. (In Russian).
4. Gainullina N.I. Okkazional'nyye slova inoyazychnogo proiskhozhdeniya v leksicheskoy sisteme russkogo yazyka kontsa XVII – nachala XVIII veka [Occasional words of foreign origin in the lexical system of the Russian language of the late 17th – early 18th centuries]. *Filologicheskiy sbornik* [Philological Collection]. Alma-Ata, 1973, Issue 12, pp. 105-110. (In Russian).
5. Gainullina N.I. O vliyaniі russkogo yazyka na var'irovaniye zaimstvovannykh slov [On the influence of the Russian language on the variation of loan words]. *Voprosy russkoy filologii* [Questions of Russian Philology]. Alma-Ata, 1978, pp. 115-121. (In Russian).
6. Gainullina N.I. Slovoobrazovatel'nyye neologizmy kak kommunikativnoye sredstvo v epistol'yarnom zhanre [Word-formational neologisms as communication tool in epistolary genre]. *Issledovaniya po stilistike khudozhestvennoy rechi* [Studies in the Stylistics of Artistic Speech]. Alma-Ata, 1985, pp. 47-61. (In Russian).
7. Gainullina N.I. Leksicheskiye varianty v stateynykh spiskakh nachala XVIII veka [Lexical variant in article lists of the early 18th century]. *Obraznaya struktura teksta* [Figurative Structure of the Text]. Alma-Ata, 1987, pp. 37-43. (In Russian).
8. Gainullina N.I. Vostok i ego otrazhenіye v slovarnom sostave russkogo yazyka Petrovskoy epokhi [East and its reflection in the Russian language vocabulary of the Peter the Great's era]. *Doklady Mezhdunarodnogo simpozіuma «Vostok–Zapad: dialog kul'tur»* [Proceedings of the International Symposium “East–West: Dialogue of Cultures”]. Alma-Ata, 1992, pp. 145-147. (In Russian).
9. Gainullina N.I. K voprosu o yazykovoy lichnosti v istorii russkogo literaturnogo yazyka [On the issue of linguistic personality in history of Russian literary language]. *Doklady 5 Mezhdunarodnoy konferentsii*

- «Semantika yazykovykh edinit»: v 2 t. [Proceeding of the 5th International Conference “Semantics of Linguistic Units”: in 2 vols.]. Moscow, 1996, vol. 2, pp. 116-118. (In Russian).
10. Gainullina N.I. K istorii ischeznoveniia traditsionnogo elementa chelobitiia v zachine chastnogo pis'ma Petrovskoy epokhi [On the history of the disappearance of the traditional petition element in the beginning of a private letter of the Peter the Great's era]. *Vestnik KazGU. Seriya filologicheskaya – Bulletin of Kazakh State University. Philology*. Almaty, 1997, no. 6, pp. 3-6. (In Russian).
 11. Gainullina N.I. Poslovitsy, pogovorki, ustoychivyye sochetaniya slov v diskurse Petra Velikogo [Proverbs, sayings, stable word combinations in the discourse of Peter the Great]. *Materialy Pervykh Zhukovskikh chteniy «Frazologizm i slovo v sisteme yazyka»* [Proceedings of the First Zhukov Readings “Phraseologism and Word in the Language System”]. Novgorod, 1996, pp. 49-51. (In Russian).
 12. Gainullina N.I. Yazykovaya lichnost' Petra Velikogo kak fakt diakhronii [Linguistic personality of Peter the Great as a fact of diachrony]. *Trudy i materialy Mezhdunarodnogo Kongressa «Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost'»* [Proceedings of the International Congress “Russian Language: Historical Fates and Modernity”]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2001, pp. 41. (In Russian).
 13. Gainullina N.I. O novom tipe diskursa nositelya russkogo yazyka na styke XVII–XVIII vv. [On the new type of discourse of native Russian speaker at the junction of the 17th–18th centuries]. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya – Bulletin of Kazakh National University. Philology*. Almaty, 2002, no. 10 (61), pp. 65-69. (In Russian).
 14. Gainullina N.I. O smeshannom kharaktere russkogo yazyka i norme perekhodnogo perioda [On the mixed character of the Russian language and the norm of transition period]. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya – Bulletin of Kazakh National University. Philology*. Almaty, 2004, no. 2 (74), pp. 4-7. (In Russian).
 15. Gainullina N.I. O meste tyurkskikh zaimstvovaniy v leksicheskoy sisteme russkogo yazyka: retrospektivno-sinkhronnyy vzglyad [On the place of Turkic borrowings in the lexical system of the Russian language: a retrospective and synchronous view]. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya – Bulletin of Kazakh National University. Philology*. Almaty, 2004, no. 6 (78), pp. 137-139. (In Russian).
 16. Gainullina N.I. Sub'yektivnoye nachalo kak novaya cherta russkoy pis'mennoy kul'tury na styke XVII–XVIII vv. [Subjective beginning as a new feature of the Russian writing culture at the junction of the 17th–18th centuries]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Teoreticheskiye i metodologicheskiye aspekty yazykoznaniiya»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Theoretical and Methodological Aspects of the Language Studies”]. Almaty, 2004, pp. 198-205. (In Russian).
 17. Gainullina N.I. Yazyk stateynogo spiska P.A. Tolstogo v aspekte sovremennoy idei evraziystva [Language of the article list of P.A. Tolstoy in the aspect of the modern idea of Eurasianism]. *Trudy 5 Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma «Mir Evrazii: istoriya, sovremennost', perspektiva»* [Proceedings of the 5th International Scientific Forum “World of Eurasia: History, Modernity, Perspective”]. Astana, 2006, pp. 285-287. (In Russian).
 18. Gainullina N.I. Fol'klornyye motivy v lingvisticheskoy organizatsii «zhenskogo» pis'ma kontsa XVII – pervoy trety XVIII v. [Folklore motifs in the linguistic organization of “women's” writing of the late 17th – the first third of the 18th century]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Literatura v kontekste sovremennosti. Pervyye Bagizbayevskiy chteniya»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Literature in the Context of Modernity. The First Bagizbayev Readings”]. Almaty, 2009, pp. 243-250. (In Russian).

Информация об авторе

Когай Эльмира Радиковна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: elmira_kogay@live.ru

Вклад в статью: исследование творческого наследия профессора Н.И. Гайнуллиной, анализ научной литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2273-1248>

Поступила в редакцию 17.12.2019 г.
Поступила после рецензирования 14.02.2020 г.
Принята к публикации 03.03.2020 г.

Information about the author

Elmira R. Kogay, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: elmira_kogay@live.ru

Contribution: research of a creative heritage of professor N.I. Gainullina, scientific literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2273-1248>

Received 17 December 2019
Reviewed 14 February 2020
Accepted for press 3 March 2020

Предикация

Семантика

Заметка

Предложение

Фонетика

Орфоэпия

Тонема

Падеж

Звук

Супин

Лексика

Имя

Троп

Рема

Буква

Фонема

Графема

Предикация

Семантика

Заметка

Предложение

Фонетика

Орфоэпия

Тонема

Падеж

Звук

Супин

Лексика

Имя

Предикация

Семантика

Заметка

Предложение

Фонетика

Орфоэпия

Тонема

Падеж

Звук

Супин

Лексика

Имя

Троп

Рема

Буква

Фонема

Графема

Предикация

Семантика

Заметка

Предложение

Фонетика

Орфоэпия

Тонема

Падеж

Звук

Супин

Лексика

Имя

Предикация

Семантика

Заметка

Предложение

Фонетика

Орфоэпия

Тонема

Падеж

Звук

Супин

Лексика

Имя

Троп

Рема

Буква

Фонема

Графема

Предикация

Семантика

Заметка

Предложение

Фонетика

Орфоэпия

Тонема

Падеж

Звук

Супин

Лексика

Имя

Предикация

Семантика

Заметка

Предложение

Фонетика

Орфоэпия

Тонема

Падеж

Звук

Супин

Лексика

Имя

Троп

Рема

Буква

Фонема

Графема

Предикация

Семантика

Заметка

Предложение

Фонетика

Орфоэпия

Тонема

Падеж

Звук

Супин

Лексика

Имя